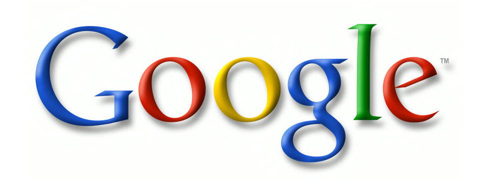
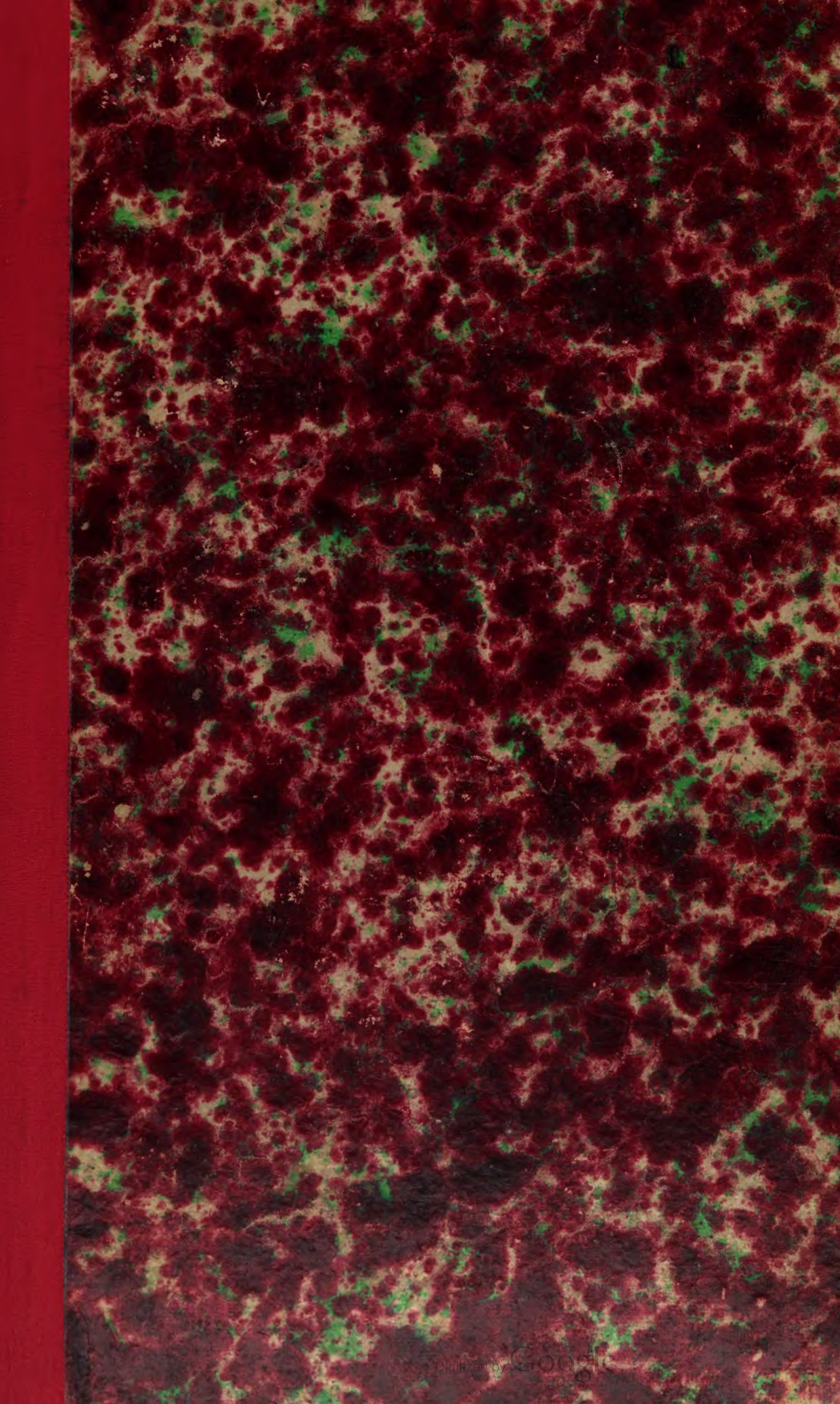
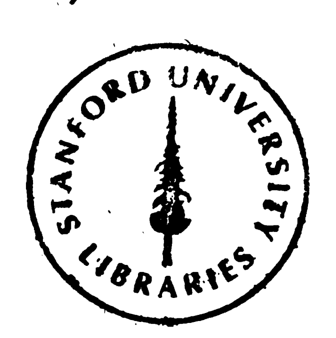
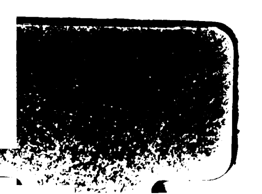

СОБРАНІЕ

МѢСТНЫХЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЙ

РОССІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

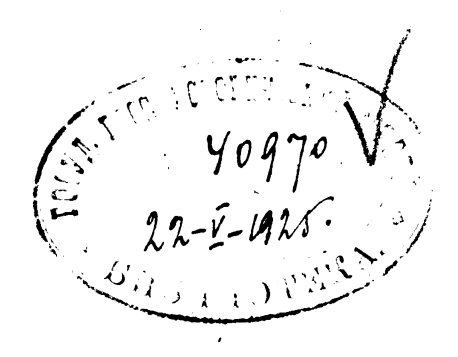
Выпускъ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 3 апрѣля 1853 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*
Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Отпечатанный нынѣ первый выпускъ *Собранія мѣстныхъ этнографическихъ описаній Россіи*, есть начало обширнаго изданія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ задуманнаго и предпринятаго ИМПЕРАТОРСКИМЪ Русскимъ Географическимъ Обществомъ.

Съ самаго своего основанія, Общество стало получать отъ частныхъ лицъ сборники пѣсенъ, сказки, записанные простонародные обряды, праздники, повѣрья и тому подобные этнографическіе матеріалы. Достоинства этихъ сборниковъ доказывали сочувствіе людей просвѣщенныхъ къ занятіямъ Общества и готовность ихъ содѣйствовать его трудамъ. Но въ тоже время, недостатки такихъ сборниковъ, именно неполнота и отсутствіе общаго плана, указывали на необходимость дать направленіе и единство собиранію этнографическихъ матеріаловъ въ Россіи, раздвинуть шире кругъ этой дѣятельности Обще-

ства и частныхъ лицъ, привести ее въ систему и обозначить главнѣйшіе предметы, на которые надлежало при такихъ работахъ обращать особенное вниманіе.

Съ этою цѣлью, въ 1847 году, была издана ИМПЕРАТОРСКИМЪ Русскимъ Географическимъ Обществомъ печатная программа, которою всѣ желающіе трудиться на пользу Этнографіи приглашались доставлять мѣстныя описанія по извѣстному плану. Планъ этотъ, изложенный довольно подробно, обнималъ слѣдующіе предметы: наружность жителей; отличительныя особенности ихъ нарѣчія; домашній бытъ (жилища, домашнюю утварь, одежду, пищу, обычаи и обряды, сопровождающіе разныя эпохи и случаи жизни, народную медицину, любимыя занятія, народное увеселеніе: какъ-то: пѣсни, пляски, музыку; расчетъ денежныхъ средствъ жителей); юридическіе обычаи; умственныя и нравственныя способности и образованіе; наконецъ — мѣстныя народныя преданія и памятники. Болѣе *семи тысячь* экземпляровъ этой программы были разосланы во всѣ Губерніи, чрезъ разныя вѣдомства, въ видѣ инструкціи для желающихъ доставлять въ Общество этнографическіе матеріалы.

Изданіе и разсылка этнографической программы имѣли самыя утѣшительныя послѣдствія, даже превзошли ожиданія. Мѣстныя описанія и этнографическіе сборники начали поступать въ Общество

изъ всѣхъ краевъ Россіи въ большомъ числѣ, и очевидно, несомнѣнно доказывали, что число желающихъ принять дѣятельное участіе въ трудахъ Общества значительно, что важность предложенной этнографической задачи понята и оцѣнена въ полной мѣрѣ. Очень многія изъ доставленныхъ мѣстныхъ описаній отвѣчали на всѣ или на большую часть вопросовъ программы; прочія же только на нѣкоторые. Но между тѣми и другими находятся статьи, составленныя весьма тщательно, съ большимъ знаніемъ дѣла и заключающія въ себѣ богатые и разнообразные этнографическіе матеріалы, словомъ—статьи во всѣхъ отношеніяхъ превосходныя.

Присылка мѣстныхъ описаній въ Географическое Общество до-сихъ-поръ продолжается весьма дѣятельно. Нынѣ ихъ имѣется уже до двухъ тысячь номеровъ. Должно прибавить, что весьма многіе номера состоятъ изъ этнографическихъ описаній нѣсколькихъ мѣстностей. Уже по одному этому можно судить, какое огромное количество этнографическихъ матеріаловъ поступило въ Общество въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ, со времени обнародованія программы.

Чтобъ сдѣлать эти матеріалы доступными для любителей и ученыхъ, ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество, въ 1850 году, опредѣлило издавать ихъ. Для этого предположено:

1. Отдѣлить этнографическія описанія *инородцевъ*, въ Россіи обитающихъ, и напечатать ихъ особливо.

2. Изъ прочихъ этнографическихъ описаній, относящихся собственно къ *Русскому* племени, издать вполнѣ только тѣ, которыя подробно и основательно отвѣчаютъ на всѣ или по-крайней-мѣрѣ на большую часть пунктовъ программы; изъ остальныхъ же составить систематическіе своды или сборники. Къ послѣднему разряду отнесены какъ частныя этнографическія описанія, выполняющія нѣсколько или даже одинъ только пунктъ программы (напримѣръ: описанія примѣтъ, свадебныхъ и другихъ обрядовъ, сборники пословицъ, пѣсенъ, загадокъ и т. п.), такъ и мѣстныя описанія, которыя хотя и составлены въ точности по программѣ, но за исключеніемъ нѣсколькихъ данныхъ, вообще не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго и потому къ напечатанію вполнѣ не назначаются.

Издаваемый нынѣ первый выпускъ *Собранія мѣстныхъ этнографическихъ описаній Россіи* содержитъ въ себѣ одиннадцать статей перваго разряда, т. е. такихъ, которыя Общество опредѣлило напечатать вполнѣ. При выборѣ ихъ имѣлось въ виду представить образцы этнографическихъ матеріаловъ, поступившихъ въ Общество въ большомъ числѣ изъ различныхъ мѣстностей и относящихся къ тремъ главнымъ отраслямъ Русскаго племени —

Великорусской, Бѣлорусской и Малороссійской, съ ихъ подраздѣленіями и оттѣнками. Составленныя лицами, живущими или по-крайней-мѣрѣ жившими въ описываемой мѣстности, слѣдовательно очевидцами, эти описанія представляютъ, какъ могутъ удостовѣриться сами читатели, богатые и вполнѣ достовѣрные данные для изученія Россіи.

Всѣ заключающіяся въ этомъ выпускѣ статьи напечатаны съ дипломатическою точностію, на сколько это было возможно. Того требовало историческое и научное значеніе памятниковъ Русской народной жизни, содержащихся въ этнографическихъ описаніяхъ. Поправленъ только мѣстами слогъ статей, и то въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ авторы говорятъ отъ себя; кромѣ того, исправлены нѣкоторыя очевидныя, не подлежащія сомнѣнію ошибки; пѣсни же, сказки, поговорки, названія—все это передано изъ буквы въ букву, безъ малѣйшихъ измѣненій.

Чтобъ обнародованіе этнографическихъ матеріаловъ шло непрерываясь, ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество опредѣлило печатать ихъ впредь особымъ отдѣломъ въ Вѣстникѣ Общества, и всѣ помѣщенныя въономъ въ теченіе года этнографическія статьи издавать особымъ выпускомъ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько лѣтъ, сдѣлаются доступными для всѣхъ знатоковъ и любителей сокровища, которыми теперь не многіе могутъ пользоваться при ученыхъ своихъ занятіяхъ.

Въ заключеніе, ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество вмѣняетъ себѣ въ особенно-пріятный долгъ выразить искреннѣйшую признательность всѣмъ составителямъ этнографическихъ описаній, просвѣщенные и добросовѣстные труды коихъ дали возможность предпринять это изданіе. Въ изъявленіе своей благодарности, Общество опредѣлило разсылать каждому изъ нихъ, по мѣрѣ напечатанія ихъ статей, одинъ экземпляръ того выпуска этого изданія, въ которомъ помѣщены ихъ описанія и, сверхъ того, по сту экземляровъ особыхъ оттисковъ доставленныхъ ими статей.

Редакціею первыхъ четырехъ этнографическихъ описаній, заключающихся въ этомъ выпускѣ, завѣдывалъ Дѣйствительный Членъ Н. И. Надеждинъ, а редакціею послѣднихъ семи — Дѣйствительный Членъ К. Д. Кавелинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

Стр.

СЕЛЬЦО ВАСИЛЬЕВСКОЕ.

НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ
НИЖЕГОРОДСКАГО УѢЗДА.

(Помѣщика В. Бабарыкина.)

СВѢДѢНІЯ ТОПОГРАФИЧЕСКІЯ.

ПОЛОЖЕНІЕ И ОБЪЕМЪ СЕЛЕНІЯ.

Сельцо *Васильевское*, *Новые-Ключищи* тожъ, находится въ полуденной части Нижегородскаго уѣзда, на правомъ, гористомъ берегу Волги. Отстоитъ отъ Нижняго-Новгорода, большою Арзамазскою дорогою, на 25 верстъ; а проселкомъ, черезъ болота и рѣку Кудьму, на 18 верстъ. Арзамазская дорога, и на ней почтовая станція Бугры, лежитъ отъ него въ 3 верстахъ; приходское село Семеть — въ 5 верстахъ. Кромѣ-того, оно окружено: къ востоку — деревнею Чеглавой въ 1½ верстахъ, къ сѣверо-востоку — деревнѣю Мокрой въ 5 верстахъ, къ западу — селомъ Вязовкой въ 5 же верстахъ и деревнею Елховкой въ 1½ верстахъ, къ югу и юго-западу — деревнями Кременкою и Новою-Пунерью въ 3 верстахъ разстоянія. Сельцо выстроено въ одинъ порядокъ, лицемъ на западъ;

въ немъ: дворовъ 26, ревижскихъ душъ 84, тяголъ 50; земли пахатной 500 дес., луговой и подъ лѣсомъ 201 дес., всего 701 казенныхъ десятинъ. *

ОБЩІЙ ВИДЪ МѢСТНОСТИ.

Мѣстность, занимаемая сельцомъ Васильевскимъ, очень живописна. Оно расположено на примыкающей къ рѣкѣ *Кудьмѣ* возвышенности, состоящей въ связи съ возвышенностями, непрерывно продолжающимися почти отъ самаго Арзамаса до Нижняго-Новгорода, и извѣстными подъ общимъ именемъ *Горъ*. Принадлежащія къ сельцу зѐмли, извѣстныя подъ названіемъ *Семетскихъ-Пустошей*, пересѣчены отъ юга на сѣверъ оврагомъ, поросшимъ лѣсомъ. Другой оврагъ составляетъ живой рубежъ съ деревнею Чеглавою, и идетъ съ востока на сѣверъ; онъ также поросъ лѣсомъ. Кромѣ-того, луга и болота по берегамъ

* Чтобы дать общее понятіе объ околодкѣ, въ которомъ находится сельцо Васильевское, представимъ здѣсь имѣющіяся у насъ подъ рукой свѣдѣнія о гидрографической области рѣки *Кудьмы*, или — какъ сказалъ-бы Русскій, если-бъ ему пришлось говорить объ этомъ, не зная научной терминологіи - о *Покудемьѣ*. *Кудьма* выходитъ изъ сѣверо-западнаго угла Арзамаскаго уѣзда Нижегородской губерніи, и оттуда входитъ въ Горбатовскій уѣздъ, который потомъ на довольно значительномъ разстояніи дѣлитъ отъ Нижегородскаго, а затѣмъ входитъ въ сей послѣдній, гдѣ и впадаетъ наконецъ въ *Волгу*, близъ села *Кадницъ*. Въ теченіи своемъ, направляющемся къ сѣверо-востоку, она весьма близко подходитъ сначала къ *Окѣ*, а потомъ къ *Волгѣ*, сопровождая ту и другую почти параллельно. Длина ея полагается, и, судя по картамъ, должна быть не менѣе 100 верстъ. Изъ впадающихъ въ нее рѣкъ, на «Картѣ Шуберта» поименованы: слѣва—*Алесма* (въ Горбатовскомъ уѣздѣ); справа (въ уѣздѣ Нижегородскомъ) — *Ункоръ*, *Каменка* и *Озерна* или *Озерка*. Послѣдняя больше всѣхъ прочихъ притоковъ Кудьмы и соединяется съ ней недалеко отъ ея устья; сельцо-же Васильковское, котораго на помянутой картѣ нѣтъ, должно находиться между впаденіями въ Кудьму рѣкъ Ункори и Каменки, къ послѣдней ближе. Всѣхъ этѣхъ наименованій, равно-какъ и имени самой Кудьмы, нѣтъ въ «Словарѣ Щекатова»; да и въ «Гидрографіи Штукенберга» есть нѣсколько лишь строчекъ о Кудьмѣ, выписанныхъ изъ достопочтеннаго старца *Георги* (Reisen II, 831, у г. Штукенберга V, 498), гдѣ, между-прочимъ, сказано, что «по этой рѣкѣ лежатъ разсѣянныя Мордовскія деревни (Mordwinendörfer)». Это послѣднее замѣчаніе, сдѣланное ученымъ путешественникомъ послѣдней половины прошедшаго столѣтія, весьма важно для современныхъ этнографическихъ наблюденій мѣстнаго населенія, которое, какъ видно, теперь стало уже чисто-Русское. *Прим. Ред.*

рѣки Кудьмы пересѣчены рощами средняго дровянаго лѣса и кустарникомъ.

Рѣка *Кудьма* протекаетъ, въ дачахъ Васильевскаго, съ запада на сѣверъ, разстояніемъ отъ сельца въ 1½ верстахъ, на протяженіи 1¼ версты. Берега ея очень низки и болотисты: вслѣдствіе-того она образуетъ вокругъ себя нѣсколько небольшихъ, но никогда не пересыхающихъ озеръ, въ которыхъ держится рыба; да и болота, образуемыя ею, пересыхаютъ только во время сухаго лѣта. Рѣка разливается весной въ каждую сторону на версту и болѣе, глубиной отъ ½ до 1½ вершковъ, смотря по подтопу мельницъ; заливаемые луга и рощи остаются подъ водой отъ 10 до 20 дней. Зимою рѣка становится и расходится прежде Волги; ледъ бываетъ на ней не толстъ, по причинѣ глубоко покрывающаго ее снѣгу.

Кромѣ рѣки Кудьмы, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ сельца, вытекаютъ изъ небольшаго, поросшаго широколиственными деревьями дола, нѣсколько ключей самой чистой свѣжей воды, удерживающей холодную температуру даже во время сильнѣйшихъ жаровъ: воды этихъ ключей, протекая по слоямъ глинисто-известковаго мергеля, заключаютъ въ себѣ много угольной кислоты и чрезвычайно здоровы; ключи соединяются въ небольшую рѣчку, впадающую въ рѣку Кудьму. Сверхъ-того, въ западной части дачи, на склонѣ возвышенности, занимаемой сельцомъ, есть нѣсколько неразработанныхъ ключей, вытекающихъ изъ песчаныхъ слоевъ.

ЦАРСТВО РАСТИТЕЛЬНОЕ.

На низкихъ мѣстахъ, по рѣкѣ Кудьмѣ, растетъ: ельникъ, береза, въ-особенности осина, елоха, и всякаго рода тальникъ. Огромные, совершенно черные дубы, попадающіеся на днѣ рѣки, и кое-гдѣ дубовый кустарникъ, свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда росъ и дубъ, который теперь встрѣчается только на возвышенныхъ, преимущественно глинистыхъ мѣстахъ, въ небольшихъ сохранившихся рощахъ, перемѣшанныхъ съ другимъ лѣсомъ: тутъ онъ бываетъ до 16 вершковъ въ отрубѣ и болѣе, но не въ значительномъ количествѣ. Липу нынѣ вовсе перевели; а между-тѣмъ, всюду, въ-особенности по берегамъ

*

Кудьмы, встрѣчающіеся липовые кустарники остаются памятниками, что здѣсь было много и липы. Засимъ, на возвышенныхъ и песчаныхъ мѣстахъ, весьма скоро выростаютъ: береза, осина и всякаго рода тальникъ; попадаются: вязъ, кленъ, ясень и рябина. Какъ на высокихъ, такъ и на низкихъ мѣстахъ, весьма хорошо растетъ ветла, достигающая высоты и толщины дуба; попадается и осокорь. Изъ кустовъ, болѣе всего можжевельника и шиповника — по лугамъ и болотамъ, на возвышенныхъ-же мѣстахъ — шиповника, орѣшника, жимолости, черной смородины, малины; притомъ, по низменностямъ вкругъ Кудьмы, береза далеко не достигаетъ того роста, какъ на возвышенныхъ мѣстахъ, а потому и ее, какъ кустарникъ, можно-бъ было употреблять для живыхъ изгородъ. Изъ ягодъ, очень много земляники, и попадается ежевика; много грибовъ подберезниковъ и другихъ, кромѣ бѣлыхъ, которые очень рѣдки, однакожъ попадаются какъ въ ельникахъ, такъ и въ березникахъ.

Пахатныя земли лежатъ на возвышенности, и по качеству рѣзко раздѣляются оврагомъ, идущимъ съ юга на сѣверъ. Зѐмли, лежащія къ востоку и югу отъ оврага, преимущественно состоятъ изъ суглинка, далѣе — мѣстами, хотя и не много — изъ красной мергелистой глины съ достаточнымъ количествомъ перегноя; подпочва состоитъ или изъ глины, или изъ опоки, или изъ мергеля, лежащаго нетолстыми слоями въ ¼ аршина, которые безпрестанно измѣняются въ цвѣтѣ и составныхъ частяхъ. Что касается до земель, лежащихъ по-ту-сторону оврага къ западу и сѣверу, то онѣ исключительно состоятъ изъ довольно плодороднаго супеска, съ песчаною подпочвою. На поляхъ повсюду выпахивается нерѣдко мелкій голышъ; тамъ и сямъ попадаются глыбы гранита или гнейса, величиною отъ 5 до 15 кубическихъ футовъ. Зѐмли, по свойству своему, довольно плодородны; но, по недостатку въ удобреніи и недовольно рачительной обработкѣ, урожай озимаго бываетъ кругомъ самъ 3 и самъ 4, овса — самъ 2½, яровой мелкой пшеницы — самъ 4, гороха — самъ 4, льна — почти тоже. Кромѣ поименованныхъ видовъ хлѣба, сѣютъ въ самомъ небольшомъ количествѣ ячмень, хотя зѐмли, по свойству своему, совершенно ячменныя; сѣется также нѣсколько гречихи и проса. Озимое высѣваютъ между Третьимъ-Спасомъ и Фроловымъ-Днемъ; жнутъ иногда съ Лѣтной-Казанской, больше-же

съ Ильина-Дня. Изъ яроваго, пшеницу высѣваютъ послѣ Николина-Дня, овесъ нѣсколько позже: послѣдній косятъ въ такомъ лишь случаѣ, когда онъ очень плохъ, и если притомъ наступитъ дурная погода, въ противномъ-же случаѣ жнутъ весьма низко; косьба пшеницы вводится. Самый поздній сѣвъ льна около Онуфріева-Дня; сѣмена свои; волокно очень бѣло и крѣпко. Конопли сѣютъ очень мало. Весь вообще хлѣбъ молотится конями; ими-же мнутъ и оставшуюся солому. Сушатъ хлѣбъ, снопами, въ дурно устроенныхъ овинахъ, на которые идетъ много строеваго матеріалу и много топлива: лѣсу и соломы. Вообще по здѣшнему хозяйству весьма было-бы полезно введеніе ручныхъ или одноконныхъ подвижныхъ мукомольныхъ мельницъ.

Въ огородахъ отлично хорошо родятся: свекловица, свекла, брюква, морковь и другіе подобные овощи; но капуста и лукъ родятся не совсѣмъ хорошо, по причинѣ палящихъ полуденныхъ вѣтровъ. Два года тому назадъ весьма мало сажали картофеля, теперь-же каждый дворъ высаживаетъ не менѣе 4 четвериковъ: господскій картофель сажаютъ въ полѣ, и употребляютъ на выдѣлку крахмала и въ кормъ скоту. Картофель родится: въ полѣ — самъ 5 и самъ 7, на усадокъ — самъ 10 и болѣе.

По недостатку въ тучно-удобренныхъ земляхъ, и притомъ по новости поселенія на здѣшнемъ мѣстѣ, жители Васильевскаго имѣютъ еще очень мало плодовыхъ садовъ; впрочемъ, въ тѣни, которая уже есть, начинаютъ разводить яблонь, и въ-особенности красную смородину. Жители окрестныхъ деревень, особенно деревни Мокрой, имѣютъ очень значительные яблонные сады, въ которыхъ разводятъ сливы, вишни и англійскую-малину.

ЦАРСТВО ЖИВОТНОЕ.

Скота держатъ здѣсь немного, но зато содержатъ порядочно. Лошади породы русской, смѣшанной съ персидской и вятской; онѣ очень крѣпки и очень часто служатъ до двадцати-пяти лѣтъ. Рогатый скотъ не очень мелокъ; въ немъ есть холмогорская, а въ новѣйшее время и тирольская примѣсь; коровы часто

приносятъ до 20 и болѣе телятъ. Овцы очень хороши; шерсть на нихъ густа, пушиста, кудрява. Скотъ обыкновенно выгоняется на подножный кормъ около Егорьева-Дня, преимущественно въ самый Егорьевъ-День; на зимній-же кормъ становится обыкновенно вскорѣ послѣ Покрова, но въ 1848 году поставленъ съ 1 ноября.

Изъ звѣрей, въ лѣсахъ и камышахъ на рѣкѣ Кудьмѣ появляется волкъ, забѣгающій иногда и въ деревню; рѣдко — лисица; есть бѣлка, русакъ, бѣлякъ, и ласочки, истребляющія домашнюю птицу.

Изъ птицъ, болѣе всего прилетаетъ ласточекъ, жаворонковъ и скворцовъ; для послѣднихъ, на каждомъ крестьянскомъ домѣ выстроена будочка. Довольно также прилетаетъ соловьевъ, кукушекъ, горлицъ; мало дроздовъ, перепелокъ; журавли и дикіе гуси опускаются очень рѣдко; дикія утки и болотная дичь выводятъ дѣтей. Изъ ночныхъ птицъ держится, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, сова (la chouette); крикъ ея походитъ на крикъ младенца: народъ, въ-слѣдствіе-того, называетъ ее попугаемъ, вѣря притомъ, будто она кричитъ обыкновенно тогда, когда въ деревнѣ совершается какое-либо преступленіе; на самомъ же дѣлѣ она кричитъ всегда передъ наступленіемъ южныхъ вѣтровъ, въ-особенности передъ весенними оттепелями. Въ большомъ количествѣ водятся круглый годъ: воробьи, галки, пестрыя ворòны и много черныхъ вòроновъ. Изъ домашнихъ птицъ, почти исключительно разводятъ однѣхъ куръ, рѣдко — индѣекъ, утокъ и гусей.

Пчелы разводятся съ большимъ успѣхомъ, и берутъ обильную дань съ осины, тальника и растущаго всюду во множествѣ краснаго и бѣлаго дятловника. Ясеневыя деревья ежегодно бываютъ покрыты большимъ количествомъ шпанскихъ мухъ. Въ лѣсахъ много муравьевъ и червей, поѣдающихъ яблони и березовый листъ.

КЛИМАТЪ.

Въ 1847 году, зима была почти безъ снѣгу; въ-продолженіе ея свирѣпствовали, какъ и всегда, полуденные вѣтры; особенно въ началѣ зимы, была одна сильная полуденная буря.

Весна открылась очень рано, за недѣлю передъ Пасхой, что составляетъ около двадцати дней ранѣе обыкновеннаго; въ-продолженіе ея было весьма мало теплыхъ дождей. Лѣтомъ, дожди хотя и перепадали, но недостатокъ тепла послѣ нихъ, и вообще недостатокъ тепла въ - продолженіе всего лѣта, чрезвычайно вредилъ растительности. Вообще замѣчено, что около 25 — 28 мая бываетъ здѣсь ежегодно буря съ полудня, съ снѣгомъ, покрывающимъ землю вершка на три; въ-слѣдствіе-того, огородовъ здѣсь прежде начала іюня не засѣваютъ.

СВѢДѢНІЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СЕЛЕНІЯ.

Жители сельца Васильевскаго выселены на нынѣшнее свое мѣстопребываніе не больше какъ лѣтъ двадцать - пять назадъ, изъ села Большихъ-Ключищъ, которое находится отсюда въ 15 верстахъ разстоянія, къ востоку.

НАРУЖНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ.

Отличительная черта здѣшняго народа вообще есть особенная выразительность лица, свидѣтельствующая объ остроуміи, проницательности и самоувѣренности. Впрочемъ, между жителями сельца Васильевскаго, и окружающихъ его деревень, можно довольно - ясно различать два поличья. Къ первому принадлежатъ люди съ черными волосами, черными быстрыми глазами, ростомъ до 2 арш. 6 — 8 верш.: члены у нихъ всѣ чрезвычайно пропорціональны, темпераментъ сангвиническій; этого поличья люди весьма сходны съ Нижегородскими мѣщанами: они преимущественно занимаются промыслами и торговлей. Къ другому поличью принадлежатъ люди большаго роста, до 2 арш. 8 — 10 верш. и болѣе: у нихъ волосы на головѣ и бородѣ красноpыжіе, глаза сѣро-голубые; этого поличья мнѣ нигдѣ не случалось встрѣчать въ такомъ количествѣ, какъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ: тутъ изъ пяти человѣкъ вѣрно одинъ росту 2 арш. 10 верш.; впрочемъ члены ихъ также пропорціональны, кромѣ необыкновеннаго развитія плечныхъ мышцъ, отчего многіе изъ нихъ пе-

реносятъ на себѣ кули соли въ 12 пудъ; темперамента они флегматическаго; занимаются преимущественно пилкой досокъ и т. п., но нерѣдко попадаются межъ ними люди съ замѣчательными механическими способностями, а потому много изъ нихъ мельниковъ и маслобойщиковъ; женщины бываютъ также весьма высокаго роста, и очень стройны до глубокой старости. Въ каждой деревнѣ есть болѣе-или-менѣе людей того и другаго поличья; но въ нѣкоторыхъ деревняхъ замѣтно, что одно есть господствующее: такъ, на-примѣръ, въ сельцѣ Васильевскомъ — господствуетъ поличье черноволосыхъ - сангвиниковъ (пришельцевъ — какъ я думаю, можетъ - быть переселенцевъ изъ Новагорода), и съ - тѣмъ - вмѣстѣ господствуетъ духъ торговой промышленности; въ деревняхъ-же Чеглавѣ и Мокрой — встрѣчаешь почти исключительно рыжихъ и великорослыхъ флегматиковъ, и между ними много ремесленниковъ, фабрикантовъ и вообще способныхъ къ механикѣ.

БОЛѢЗНИ.

Господствующія мѣстныя болѣзни суть: одышка, золотуха, цынготныя раны, и грыжи отъ худаго присмотра за дѣтьми. Вообще смертность дѣтей чрезвычайно велика; главнѣйше, кажется, оттого, что женщины, въ-особенности съ нѣкотораго времени, перестали кормить дѣтей грудью, а даютъ имъ, съ самаго рожденія, рожокъ или соску изъ пряника. Во время болѣзней охотно ищутъ врачебныхъ средствъ, и не имѣютъ почти никакихъ народныхъ лекарствъ: любятъ вообще средства сильныя, чѣмъ пользуются нѣкоторые знахари, давая острую водку, купоросъ и т. п. Женщины, въ-слѣдствіе частыхъ родовъ и лежащихъ на нихъ усиленныхъ работъ по домашнему быту, подвержены многимъ болѣзнямъ.

ЯЗЫКЪ.

Обороты здѣшней рѣчи очень сходны съ оборотами рѣчей въ церковно-славянскихъ книгахъ; и, надо сознаться, эта рѣчь имѣетъ особую силу и выразительность. Впрочемъ, въ нынѣшнее время, частыя отлучки жителей по промысламъ, а иногда и глупая подражательность, много измѣняютъ эту ти-

пическую рѣчь: въ чистотѣ услышишь ее только тогда, когда задѣнешь крестьянина за живое, то-есть похвалишь его сторону. Жители вообще любятъ поговорить, даже болтливы. Многіе обороты рѣчи показываютъ господствующее въ нихъ религіозное направленіе; такъ они благодарятъ словами: «*Богъ спасетъ!*»; прощаясь, говорятъ: «*прости Христа ради!*», на что отвѣтствуется: «*Богъ проститъ!*»; въ напутствіе говорятъ: «*дай Господи добрый часъ!*». Вообще имя *Господа Іисуса Христа*, большей-частью безъ всякаго другаго прилагательнаго, повторяется очень часто, особенно женщинами въ домашнемъ быту. Надобно еще замѣтить выраженіе: «*доброе дѣло!*», употребляемое, когда находятъ, что собесѣдникъ сказалъ правду, дѣло; умные крестьяне употребляютъ это слово съ большою разборчивостію; иногда радъ-бы услышать одобрительное: «*доброе дѣло!*», но тщетно. Говорятъ: *Руській*, а не *Русской*; *по-маненьку*, вм. *по-маленьку*. Орга́нъ голоса у женщинъ очарователенъ.

ЖИЛИЩА.

Домы строятся по однообразной, стародавней архитектурѣ, съ чрезвычайно крутыми крышами, тремя и рѣдко двумя окошками на улицу, и съ рѣзьбой около оконъ и карнизовъ. Крестьянинъ ничего не жалѣетъ для украшенія своего дома, въ-особенности стараясь сдѣлать его какъ можно выше, въ чемъ полагаетъ главное свое тщеславіе. Если внизу не сдѣлано жилья, то почти всегда есть закута, въ которой содержатъ скотъ на время большихъ холодовъ: отъ этого избы сгниваютъ двадцатью годами прежде времени. Дороговизна лѣса и упрощеніе вкуса стали перемѣнять архитектуру; избы дѣлаются теперь ниже и безъ рѣзьбы, а въ дворахъ нарочно ставятъ теплыя конюшни. Къ избѣ примыкаютъ сѣни, соединяющія ее съ заднею, почти всегда холодною горницею, служащею для сохраненія лишняго платья и скарба: у богатыхъ хранятся тамъ лучшія иконы и книги; подъ горницей подклеть или кладовая. Внутри избы большая печь, всегда съ трубой; возлѣ печи, шкапчики для глиняной и деревянной посуды, которой весьма много. Образа́ стоятъ въ одномъ углу, или въ двухъ, что̀ бываетъ или вслѣдствіе раздѣленія въ религіозныхъ мнѣніяхъ, или потому

что старуха-стряпуха, рѣдко оставляющая свою печь, даже во время годовыхъ праздниковъ, имѣетъ исключительно свои образа̀. Подъ образа̀ми нерѣдко увидишь ручную кадильницу, псалтырь, и возлѣ ставца, на стѣнѣ, лубочныя картины, съ изображеніями религіозныхъ произшествій; на потолкѣ, вблизи образо̀въ, почти всегда есть изображеніе парящаго голубя, сдѣланное изъ картонной бумаги. Изба содержится очень чисто, хотя, по недостатку въ теплыхъ конюшняхъ, бѣдные пускаютъ въ избы овецъ и коровъ для корму; чему, конечно, легко-бы помочь, вырывая теплые хлѣва въ землѣ, какъ это и дѣлается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Передъ праздникомъ Пасхи ежегодно моютъ и скоблятъ стѣны избы. Дворы устроены довольно аккуратно, но часто съ тою невыгодою, что половодье и дожди вымываютъ изъ нихъ всю навозную жижу на улицу; это происходитъ отъ расположенія деревень на косогорахъ, по берегамъ овраговъ, близъ воды, и легко могло-бы быть исправлено углубленіемъ дворовъ въ землю. Анбары стоятъ всегда отдѣльно, въ сторонѣ.

ОДЕЖДА.

Крестьяне одѣваются опрятно и красиво. Мущины носятъ рубашки синія и красныя, изъ обыкновеннаго холста и ситца; верхнее платье составляетъ кафтанъ и красивое полукафтанье со сборками: волжскіе лоцмана носятъ кафтаны изъ желтаго верблюжьяго сукна, бо̀льшая-же часть крестьянъ — изъ доможтаннаго чернаго, весьма плотнаго. Женщины, сверхъ сарафана, носятъ точно такія-же полукафтанья, какъ и мущины: лѣтнія — изъ цвѣтной, обыкновенно свѣтло-зеленой нанки, или окрашеннаго въ синій цвѣтъ домашняго холста. Этѣ полукафтанья щеголи и щеголихи шьютъ черныя плисовыя, обшивая воротникъ и поясъ тесьмой; нерѣдко покрываютъ и полушубки плисомъ, нанкой, а чаще крашенымъ холстомъ; стали также входить въ большое употребленіе дубленые тулупы. Всѣ женщины носятъ иногда очень широкіе и богатые пояса, переходящіе изъ рода въ родъ. Прежде, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, дѣвушки повязывали голову повязкою или широкою лентою, и заплетали ленты въ косу; нынѣ покрываютъ голову плат-

комъ, также какъ и женщины, съ тою только разницею, что послѣднія носятъ подъ платкомъ повойникъ, въ который собираютъ волосы, заплетенные въ двѣ косы; повойники эти бываютъ дорогіе шитые. Платки носятъ разныхъ цвѣтовъ, но преимущественно красные и бѣлые; женщины украшаютъ и покрываютъ голову платкомъ съ большимъ вкусомъ: безъ платка ни одна изъ нихъ не выйдетъ на улицу.

ПИЩА.

Главную пищу составляетъ ситный хлѣбъ; рѣшетный, и то далеко не такой черный и кислый, какъ въ степныхъ губерніяхъ, ѣдятъ только со щами. Рѣдкая хозяйка не печетъ ежедневно ситныхъ и прѣсныхъ пшеничныхъ лепешекъ, называемыхъ кокурками; кокурки этѣ пекутся въ золѣ и мѣсятся на молокѣ, сметанѣ, скоромномъ и постномъ маслѣ; нигдѣ не умѣютъ ихъ такъ приготовлять и нигдѣ такъ не любятъ, какъ у насъ: это напоминаетъ что-то азіатское. Кромѣ-того, въ каждомъ домѣ раза два въ недѣлю, а у зажиточныхъ ежедневно, пекутъ пшеничные пироги и ватрушки. Говядины ѣдятъ мало; но много ситнаго хлѣба, кокурокъ, каши съ масломъ и яичницъ. Въ праздники, ко всему сказанному, присоединяютъ: жареную говядину, баранину, рыбу, медовые и паточные пряники, маковую избойну и моченую грушу, которую ребятишки и женщины вымѣниваютъ у промышленниковъ на тряпье и желѣзный ломъ; постомъ ѣдятъ: постныя кокурки, гороховый кисель. Со введенія въ употребленіе картофеля, женщины стали приготовлять изъ него разныя вкусныя кушанья, потому-что здѣсь вообще не столько любятъ ѣсть много, сколько вкусно и лакомо. Съ-тѣмъ-вмѣстѣ рѣдко встрѣтишь у насъ и пьяницу: во время годовыхъ праздниковъ больше пьютъ пиво простое, и много винограднаго вина. Можно думать, что употребленіе въ большомъ количествѣ молочной и прѣсной пищи имѣетъ немалое вліяніе на воздержаніе отъ пьянства. Съ-другой-стороны, избытокъ прѣсной пищи, вѣроятно, служитъ причиной часто встрѣчающихся здѣсь болѣзней худосочія, какъ-то: золотухи и ранъ цынготнаго свойства; лучшимъ тому противудѣйствіемъ было-бы большое употребленіе овощей, до которыхъ жители большіе охотники; но по безпечности они не сберегаютъ ихъ въ зиму.

ДОМОВОДСТВО.

По значительному количеству и изрядному качеству пахатной земли, а также и по близкому разстоянію отъ города, гдѣ такъ выгоденъ сбытъ земледѣльческихъ произведеній, жители сельца Васильевскаго и окрестныхъ деревень должны-бъ быть земледѣльцами по-преимуществу; на дѣлѣ выходитъ не такъ. Земля обработывается изрядно; но земледѣлецъ, прельщаясь примѣромъ нѣсколькихъ счастливыхъ промышленниковъ, все-таки болѣе желаетъ разбогатѣть на-сторонѣ, чѣмъ честнымъ и усидчивымъ трудомъ возвысить производительность своей земли и изъ ней добыть себѣ и средства пропитанія и деньги для уплаты денежныхъ повинностей. Слѣдствіе этого ложнаго направленія есть упадокъ земледѣлія, а съ-тѣмъ-вмѣстѣ и уменьшеніе народнаго богатства и доброй нравственности. Земледѣльческіе труды лежатъ всѣ обыкновенно на старикахъ, женщинахъ и дѣтяхъ; настоящій-же крестьянинъ предпочитаетъ трудъ посторонній, даже самый тяжкій — на-примѣръ, волжскій промыселъ или бурлачество, какъ потому что получаетъ тутъ деньги вдругъ, такъ и по охотѣ и привычкѣ къ разгулу. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что молодые люди хорошихъ домовъ и одинокіе отцы семействъ гнушаются бурлацкимъ промысломъ; если-бъ не нужда, не привычка, да была-бы возможность передышать хоть одинъ годъ дома и получше распорядиться вокругъ себя хозяйствомъ (причемъ, разумѣется, всего-бы нужнѣе былъ добрый примѣръ), то конечно ни одинъ изъ нихъ не пошелъ-бы на Волгу.

Между-тѣмъ, пока продолжается нынѣшній порядокъ вещей, рѣдкій изъ крестьянъ владѣетъ топоромъ даже настолько, чтобы изготовить и построить нужное около двора; предпочитая заработывать деньги на-сторонѣ, иногда очень невѣрно, онъ оставляетъ всю обузу хозяйства на плечахъ жены, и потомъ платитъ мордвину или вообще наемному плотнику деньги за постройку даже анбара или двора, не говоря ужъ объ избѣ. Ктому-же дробное дѣленіе пахатныхъ земель много препятствуетъ порядочному земледѣлію: каждая десятина, гдѣ земли нарѣзаны на десятины, дѣлится на десять полосокъ, и такъ-какъ обыкновенно десять тяголъ составляютъ пай, то при надѣленіи землями сперва бросаютъ

жеребьи о десятинахъ между паями, а потомъ о полоскахъ между пайщиками; въ-слѣдствіе-чего тягловому приходится иногда имѣть свою землю въ пятидесяти и болѣе мѣстахъ. Тутъ, кромѣ растраты времени и сѣмянъ, а также весьма частыхъ предлоговъ къ ссорамъ, является и то важное неудобство, что крестьянинъ не можетъ получить привязанности къ своему участку земли; а это конечно не послѣднее въ земледѣліи, и вообще въ земледѣльческомъ быту. По пріѣздѣ моемъ сюда, года два тому назадъ, я нѣсколько уменьшилъ это неудобство, надѣливъ каждаго тягловаго, въ каждомъ полѣ, ближнею, среднею и дальнею десятинами, и имѣлъ уже утѣшеніе видѣть хорошіе плоды такого распорядка, при которомъ можно подумать объ улучшенномъ хозяйствѣ. Впрочемъ, довольно хорошее состояніе скотоводства и исправность земледѣльческихъ орудій показываютъ наклонность къ земледѣлію, которое искони здѣсь процвѣтало и опять будетъ процвѣтать, какъ-скоро крестьянинъ будетъ постоянно владѣть однимъ и тѣмъже участкомъ земли. Прежде, по избытку въ лугахъ и большому количеству лѣсовъ, хлѣбъ родился лучше, а потому и крестьянинъ имѣлъ меньше надобности добывать на-сторонѣ; въ-слѣдствіе-этого, и поколѣнія были рослѣе, здоровѣе.

Женщины любятъ огородничество; впрочемъ нѣкоторые хозяева предпочитаютъ покупать запасъ капусты на-сторонѣ. Разсаду и всякія сѣмена рѣдко кто разводитъ дома, а обыкновенно покупаютъ. Морковь и рѣпа истребляется еще лѣтомъ; кажется есть повѣрье, что морковь только лѣтомъ и годится въ пищу. Охотно покупаютъ и высѣваютъ особенно-вкусные виды овощей; нѣкоторые разводятъ, или по-крайней-мѣрѣ не истребляютъ посаженные въ огородахъ цвѣты, кусты сирени и т. п. До садоводства есть много охотниковъ; но и тутъ наклонность къ стороннимъ промысламъ и бродяжничеству много мѣшаетъ успѣху.

ПРОМЫСЛЫ.

Существующіе здѣсь виды промысловъ можно привести къ четыремъ главнымъ родамъ; именно: а) волжскій промыселъ, или бурлачество, къ которому, по сходству, присоединимъ извозы, б) наемъ въ работники, в) промыселъ торговцевъ, и г) промыселъ ремесленниковъ и заводчиковъ.

Хорошій крестьянинъ всячески старается избѣгать бурлачества, гдѣ рискуетъ потерять здоровье и подвергается непріятности слушать сквернословіе, котораго онъ дома никогда не слышитъ; но приманка задатка, безпечной жизни, сытной говяжей пищи и вина, тянетъ на Волгу. Большая-часть лоцмановъ, выходящихъ изъ здѣшней губерніи, принадлежатъ къ Нижегородскому уѣзду. Лоцманъ, смотря по тому, сколько знаетъ воды, получаетъ въ лѣто — отъ 500 до 1,200 р. (счетъ денегъ здѣсь, какъ и послѣ, ведется на ассигнаціи); завозильные якорей — отъ 300 до 500 р.; водоливъ и вмѣстѣ плотникъ — отъ 200 до 350 р.; бурлакъ получитъ въ двѣ весенніл путины — отъ 50 до 70 р., но часто гораздо менѣе, или и — вовсе, ничего. Что касается вообще до извозничества, то, кромѣ обыкновенныхъ зимнихъ извозовъ, многіе крестьяне отправляются на Нижегородскую-Ярманку перевозить товары. Въ настоящее время такъ много охотниковъ къ этому промыслу, что рѣдкому доведется получить порядочный барышъ, а если онъ и есть, то поступаетъ больше въ харчевни и тому подобныя заведенія, а между-тѣмъ страдная обуза жнитва лежитъ на женщинѣ; тѣмъ-не-менѣе, многіе крестьяне остаются извозничать въ городѣ на круглый годъ.

Такъ-какъ многіе хозяева отправляются съ весны на Волгу и въ другіе промыслы, то необходимость велитъ нанимать работниковъ, или по здѣшнему — «батраковъ». Пятнадцатилѣтнему мальчику платятъ — съ весны до Лѣтней-Казанской — отъ 20 до 30 р.; работнику — на все лѣто — отъ 70 до 80 р.; жнеѣ — на все жнитно — отъ 22 до 28 р., а за десятину — отъ 5 до 7 р., смотря по году. Весьма многіе крестьяне, особливо зажиточные, отдаютъ поля свои жать, несмотря на достатокъ домашнихъ рукъ. Въ жнеи, а частью и въ работники, преимущественно нанимаются бобыли и бобыльки, которыхъ въ нашихъ мѣстахъ много: занимаемыя ими, а также безсрочными и отставными солдатами, такъ-называемыя «кельи», составляютъ шестую-часть всѣхъ дворовъ въ деревняхъ. Кромѣ сельскихъ работъ, крестьяне очень охотно нанимаются въ дворники и работники къ купцамъ и къ деревенскимъ торговцамъ.

Главный мѣстный торговый промыселъ есть торговля тряпьемъ. Какъ въ Васильевскомъ, такъ и въ селѣ Большихъ-

Ключищахъ, откуда Васильевцы выселены, пятая-часть жителей занимается набираньемъ тряпья, или для себя, или для хозяевъ изъ своихъ-же крестьянъ. За это работнику платятъ въ годъ отъ 300 до 500 р., и товаръ отправляютъ преимущественно на заводы Пермской и Оренбургской губерній, также въ Казанскую губернію къ Чувашамъ и Русскимъ. Продаваемый приэтомъ дурной товаръ, въ-особенности иглы, дѣлаемыя на московскихъ фабрикахъ и извѣстныя подъ названіемъ англійскихъ, поддерживаютъ, и въ торговцахъ и въ покупщицахъ, страсть къ взаимному обману другъ-друга. Лучшее тряпье берется въ здѣшнемъ уѣздѣ; выручки бываетъ и рубль на рубль, и болѣе, и ничего. Тряпичники набираютъ также и ломъ желѣза; впрочемъ нѣкоторые крестьяне особо занимаются перевозкою ломанаго желѣза изъ города на заводы: въ Павлово, Ворсму, Погостъ; причемъ сами его сортируютъ и потомъ уже продаютъ.

Зажиточные крестьяне, лоцмана и другіе, любятъ торговать хлѣбомъ и рыбой, за которой ѣздятъ зимой въ Астрахань. Впрочемъ, хлѣбною торговлею занимаются и небогатые крестьяне, иногда цѣлыми деревнями; такъ, на-примѣръ, жители села Семети. Хлѣбъ покупаютъ въ селахъ Лысковѣ и Константиновѣ, мелютъ его преимущественно на своихъ мельницахъ, и вывозятъ на базары въ Нижній. Приэтомъ, по слухамъ, не обходится безъ подмѣсей въ муку, ради барыша, который иначе получить трудно, по обыкновенной дешевизнѣ хлѣба.

Многіе крестьяне, особливо въ деревняхъ Чеглавѣ и Мокрой, имѣютъ свои маслобойни, на которыхъ перебиваютъ приносное, но больше свое и покупное сѣмя. Съ нѣкотораго времени повсемѣстно стали входить въ употребленіе винтовые прессы, вмѣсто прежнихъ неуклюжихъ приборовъ. Если, по дешевизнѣ масла, и не всегда есть доходъ отъ этого промысла, то въ-замѣнъ остается всегда въ барышахъ прокормленіе скота. Промысломъ этимъ занимаются самые честные и расторопные крестьяне. Для земледѣлія очень жаль, что огромные запасы льнянаго сѣмени идутъ изъ Лыскова въ Англію въ видѣ зерна, а не въ видѣ масла, которое хорошо могло-бы быть перевозимо въ боченкахъ, сдѣланныхъ изъ своего дуба и своими ловкими руками.

Мясничествомъ занимаются зажиточные крестьяне, а иногда и жители цѣлыхъ деревень; на-примѣръ, деревни Кременокъ. Говядину возятъ въ Нижній и солятъ. Впрочемъ, этотъ промыселъ не приноситъ существенной пользы народному богатству, въ-особенности по тому, что случается много злоупотребленій при покупкѣ скота у крестьянъ, на ярманкахъ, равно-какъ во время самаго боя и обдиранья.

Выше сказано, что жители очень способны къ механикѣ, и это поддерживается большимъ количествомъ у нихъ мельницъ и маслобоенъ. Впрочемъ, самыхъ простыхъ мастеровъ, на-примѣръ обыкновенныхъ плотниковъ — мало: которые есть, тѣ ходятъ на постройку барокъ; другіе приготовляютъ ящики для винъ. Вообще можно сказать о здѣшнихъ крестьянахъ, что они рукомеслъ не любятъ. Видно также и тутъ предпочтеніе бродячаго промысла усидчивому труду: нѣкоторые крестьяне деревни Елховки гнутъ ободья, дѣлаютъ колеса и валяютъ валенки, но не дома, а за Волгой, въ заводахъ. Примѣчательнѣйшіе изъ промышленныхъ заведеній суть синильни и красильни, которыя выручаютъ отъ 300 до 700 р. въ лѣто; въ деревнѣ Мокрой есть солодовни и уксусные заводы. Женщины прядутъ безъ самопрялокъ, и ткутъ узкія полотна на станкахъ, дѣлаемыхъ въ окрестностяхъ.

ПРИМѢРНЫЙ РАСЧЕТЪ ЖИЗНЕННЫХЪ СРЕДСТВЪ И РАСХОДОВЪ СЕЛЬСКАГО СЕМЕЙСТВА.

Крестьянинъ сельца Васильевскаго имѣетъ на тягло въ каждомъ полѣ по 3 казенныхъ десятины земли, изъ которыхъ, на всѣ 50 тяголъ, отдѣлено въ каждомъ полѣ по 3 десятины мірской запашки; съ этой земли онъ получитъ хлѣба и выручитъ отъ домашняго скота и птицы:

				руб.	коп.
ржи	12	четв., по 10 р.	на	120	.
яровой пшеницы	3	четв., по 13 р.	—	39	.
овса	9	четв., по 6 р.	—	54	.
льну	2	четв., по 1 р. 75 к.	—	3	50
гороху	3	четв., по 1 р. 60 к.	—	4	80
гречневыхъ крупъ	3	четв., по 1 р. 60 к.	—	4	80
съ усаду ячменя	1¼	четв., по 7 р.	—	8	75

		руб.	коп.
картофелю . . . . . 5 четв., по 3 р. 50 к.	на	17	50
прочихъ овощей	—	5	.
сѣна . . . . 160 пуд. по 30 к.	—	48	.
двѣ овцы. . . . . . каждая по 6 р.	—	12	.
теленокъ	—	5	.
отъ куръ	—	15	.
	итого	337 р.	35 к.

Сверхъ-того, заработаетъ промыслами:

		руб.	коп.
ранней путиной на Волгу	на	45	.
перевозкой желѣза и другими лѣтними промыслами	—	15	.
перевозкой товаровъ на Нижегородской - Ярмаикѣ	—	38	.
въ зимнее время, извозомъ, шитьемъ тулуповъ, или работой въ кузницахъ.	—	50	.
	итого	148 р.	. к.

Между-тѣмъ, жена его вытчетъ:

		руб.	коп.
холста . . . 120 арш. по 17 к.	на	20	40
сукна и овучь	—	12	.
	итого	32 р.	40 к.
	а всего	517 р.	75 к.

Здѣсь взятъ въ разсмотрѣніе одинокой крестьянинъ, который если и не всегда можетъ получить отъ промысловъ 150 р., то все-же общая сумма его валоваго дохода можетъ быть оцѣнена въ 500 р.

Для удобнѣйшаго учета содержанія крестьянской семьи со всѣмъ домашнимъ обиходомъ, всего лучше привести все нужное для того въ стоимость ржи по денежной ея цѣнѣ. Крестьянину, съ женой, старикомъ и тремя малолѣтними дѣтьми, нужно въ мѣсяцъ на харчи 10½ пудовъ ржи, полагая на каждаго взрослаго по 2 п., а на малолѣтняго по 1½ п.; молоко и масло приэтомъ не считаются, но они не положены и въ общій счетъ прихода: вѣрность - же хлѣбнаго расчета основана на личномъ опытѣ содержанія, въ продолженіе двухъ лѣтъ, пятнадцати человѣкъ дворовыхъ людей, изъ которыхъ взрослые употреблялись на всѣ работы. Скотъ въ здѣшнихъ мѣстахъ содержится большею-частью на мѣшанинѣ, такъ-что небольшая часть сѣна

еще продается; въ-слѣдствіе-того, у исправнаго тягольнаго крестьянина (каковы бо́льшая-часть здѣшнихъ), на домашній обзаводъ скотомъ, состоящій изъ одной лошади, одного жеребенка, одной коровы, одного теленка, четырехъ овецъ и пяти куръ, выйдетъ, въ продолженіе года, третья-часть того количества муки, которое идетъ на само семейство. Итакъ годовой обиходъ полнаго крестьянскаго хозяйства будетъ:

	руб.	коп.
на собственное содержаніе крестьянской семьи 126 пудъ муки, по 1 р. 25 к.	157	50
на мѣсиво скоту 42 пуда.	52	50
сѣна стравить скотомъ 120 пудъ	36	.
на холстъ и шерсть для одежды, съ прибавкою 10 р. за спиньку нитокъ, за сапоги, и портному	42	40
картофель и овощи	22	50
соли пудъ на 2 р. и дегтю на 2 р. 50 к.	4	50
станъ колесъ стоитъ 8 р., становится на 2 года, слѣдовательно въ годъ	4	.
ремонтъ сбруи и земледѣльческихъ орудій	3	50
подушныхъ съ души около 5 р. 50 к., съ тягла-же за двѣ съ половиною души	12	25
пастушныхъ дневныхъ и ночныхъ съ тягла	2	.
оспопрививателю съ души 12½ к., и столько-же сотскому съ тягла	.	62
этапныхъ, отправляемыхъ деньгами, съ души 1 р. 60 к., а съ тягла	4	.
рекрутскихъ, полагая кругомъ по 50 к. съ тягла . . .	14	50
итого .	356 р.	27 к.
священно-церковно-служителямъ, хлѣбомъ и деньгами	2 —	50 —
барскаго оброка	70 —	. —
всего .	428 р.	77 к.

Выходитъ, что у крестьянина должно оставаться до 90 р. асс., которые поступаютъ на ремонтъ лошади, до́ма, на базары.

Впрочемъ, рѣдко одинокой крестьянинъ выручитъ 150 р. промыслами; можно, поэтому, выбросить 30 р. выручки на ярманкѣ и 10 или 15 р. съ волжскихъ и зимнихъ промысловъ. Да и вышепоказанный урожай хлѣба я не могу выдавать за средній-нормальный, потому-что нахожусь здѣсь не болѣе двухъ съ половиною лѣтъ. Зато надобно сказать, что торговцы-рукомеслен-

ники и заводчики выручаютъ, пожалуй, и болѣе. Вообще рѣдкій крестьянинъ здѣсь не имѣетъ денежки про черный день; а еще болѣе рѣдкій не имѣетъ кредиту.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Въ сельцѣ Васильевскомъ, кромѣ общественной запашки, заведена запашка на господина по ⅓ дес. въ полѣ на тягло: заботы по этой запашкѣ производятся всѣ міромъ, по собственному распоряженію міра и старосты; отъ господина назначается только время и количество работъ. За работу запашки, по ⅓ дес. на тягло въ полѣ, общество получаетъ отъ господина издѣльной платы по 10 р. на тягло и зерномъ за молотьбу; за остальную-же землю, по 3 дес. на тягло въ полѣ, каждое тягло платитъ 70 р. оброка. Другія натуральныя повинности, подводную и особенно рекрутскую, крестьяне всячески стараются замѣнять платежемъ денегъ. Изстари рекрутъ цѣнится въ 1,500 р.: сумма эта со всей справедливостью раскладывается по семьямъ и числу взрослыхъ душъ, такъ-что на каждую такую душу налагается по 500 р., и никто, даже и одинокіе, не избавлены отъ этой домашней раскладки; приэтомъ три тягла составляютъ полнаго рекрута, и если нельзя замѣнить человѣка деньгами, то счетъ или рекрутскій долгъ не забывается даже до третьяго поколѣнія. Въ замѣнъ своихъ рекрутъ, крестьяне получаютъ иногда рекрутъ отъ помѣщиковъ, изъ дворовыхъ людей, приписанныхъ къ имѣнію, и тогда остаются по-прежнему крестьянами, взнося помѣщику сказанную сумму; а иногда и сами прикупаютъ для этой цѣли въ имѣнье цѣлыя семьи дворовыхъ или крестьянъ, и, по отдачѣ годныхъ въ рекруты, хозяева, или тѣ, за которыхъ рекрутъ пошелъ, содержатъ семейство его на свой счетъ, выстроиваютъ ему келью и все прочее, и постоянно награждаютъ самаго рекрута, который дѣлается какъ-бы членомъ семейства во все время своей службы, и даже по выходѣ въ отставку. Обычай этотъ чрезвычайно полезенъ здѣсь потому, что иначе оставалось-бы много необработанной земли, такъ-какъ здѣшнее народонаселеніе, естественнымъ путемъ рожденій, въ слѣдствіе частаго отсутствія мущинъ по промысламъ, очень туго разрастается.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОКЪ.

Въ общественномъ быту здѣшнихъ крестьянъ свято сохраняется порядокъ старинный, христіанскій. Всякая власть уважается, какъ данная отъ Бога: Государя Императора называютъ Великимъ Государемъ, вспоминая имя Его съ глубокимъ благоговѣніемъ. Собственнаго своего Господина старики именуютъ тоже Государемъ: слово его уважается свято и передается изъ-рода-въ-родъ, въ новѣйшее же время любятъ имѣть отъ него и слово письменное; чтутъ также особу и слово Священника, котораго въ разговорахъ нерѣдко именуютъ Настоятелемъ. Засимъ, главное основаніе общественнаго устройства есть уваженіе къ старикамъ и ихъ общему приговору. Если въ вотчинѣ нѣтъ уполномоченнаго Бурмистра, то выбирается на три или на одинъ годъ деревенской Староста; также назначаютъ Выборнаго, то-есть счетчика, сборщика и казначея; потомъ, на каждыя 50—80 тяголъ, ежегодно опредѣляется Десятникъ, то-есть парядчикъ для исполненія требованій Земской Полиціи и распоряженій Старосты, для домашняго надзора и внутренней сельской расправы; сверхъ-того, съ каждыхъ пяти тяголъ, поочередно, у Становаго находятся Сотскіе, нанимаемые міромъ съ воли, за 100 и 120 р. въ годъ. Староста, самъ-собой, не рѣшится ни на что важное, касающееся всего Общества, безъ стариковъ; мірскія-же сходки собираются лишь для денежныхъ раскладокъ, и на нихъ рѣдко крестьянинъ моложе сорока лѣтъ возвышаетъ голосъ: взаимная довѣренность къ избираемому начальству и сонму стариковъ такъ велика, что молодежь считаетъ предосудительнымъ что-либо говорить на сходкѣ. Слово держитъ все; слово-же, то-есть мірское неодобреніе, болѣе всего наказываетъ. Тѣлесныя наказанія употребляются для непослушныхъ и невоздержныхъ. Денежнаго штрафа очень боятся, но еще болѣе общественнаго неодобренія, бросающаго порокъ на весь домъ. Въ назначеніи наказаній, міръ бываетъ очень снисходителенъ: «Богъ проститъ!» говорятъ большею-частію старики. Нынѣ, со времени частаго раздѣленія семей, меньше стали обращать вниманія на непочтительность дѣтей къ родителямъ.

БЫТЪ УМСТВЕННЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ.

Народъ здѣшній вообще убѣжденъ въ нравственномъ превосходствѣ своемъ передъ жителями всѣхъ другихъ частей Россіи; и это убѣжденіе отчасти основано на дѣйствительномъ превосходствѣ здѣшнихъ жителей передъ другими въ образованности, способностяхъ ума, болѣе развитой гражданственности и общественномъ бытѣ.

Превосходство умственныхъ способностей достаточно обнаруживается въ искательности, необыкновенномъ соображеніи и смѣтливости въ торговыхъ оборотахъ, разсчетливости и бережливости въ домашнемъ быту, и наконецъ въ довѣріи къ необходимости общественнаго распорядка и всякой власти: въ этомъ послѣднемъ качествѣ выражается особенно чувство осѣдлаго, зажиточнаго гражданина, который понимаетъ всю важность и пользу распредѣленія должностей или круга дѣйствій каждаго, и разумно сознаетъ, что въ цѣломъ одинъ-другимъ поддерживается; а потому власть ближайшую и болѣе всего оберегающую его гражданскій бытъ, то-есть господина своего, здѣшній крестьянинъ чтитъ глубоко. Что касается до превосходства образованности, то оно выказывается въ вѣжливомъ обращеніи между-собою и съ посторонними, особливо на чужой сторонѣ; также въ болѣе сознательной вѣрѣ, и въ-особенности въ строгомъ соблюденіи христіанскихъ обычаевъ, какъ-то явной и тайной подачѣ милостыни и вспомоществованіи ближнему, хотя-бы и изъ посторонней деревни. Это послѣднее охотно дѣлается какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлымъ мірскимъ обществомъ; въ-слѣдствіе-чего, въ нашъ уголъ идутъ и ѣдутъ за милостынею за сто и болѣе верстъ, и крестьянинъ всегда подастъ что-нибудь «Христа-ради». Сознательность же вѣры выражается всегдашнимъ чувствованіемъ Промысла Божія, какъ надъ цѣлымъ обществомъ, такъ и надъ каждымъ лицомъ, во всѣхъ мелочахъ жизни: это видно, между-прочимъ, и изъ того, что, при всякомъ недоумѣніи, крестьянинъ съ молитвой полагается на жеребей; тоже свидѣтельствуется выше замѣченнымъ частымъ употребленіемъ словъ: *прости Христа-ради!* и *Богъ проститъ! Богъ спасетъ!*; произнесеніемъ имени *Гос-*

пода Іисуса Христа при всякомъ дѣлѣ, особенно въ случаѣ грозящей бѣды; особливымъ значеніемъ словъ: «*доброе дѣло!*»; и т. п. Сюда также должно отнести и дѣтское уваженіе къ старшему въ семействѣ, къ Старостѣ, къ Священнику, къ Господину: безъ благословенія котораго-нибудь изъ этихъ лицъ, ни одинъ крестьянинъ не отправится въ путь, не примется ни за что важное; «*батюшка, благослови!*» говоритъ онъ, и благословляющій отвѣчаетъ: «*дай, Господи, доброй, святой часъ!*» Дѣятельность и живость ума не допускаютъ притомъ крайностей: крайности ежели есть, то больше происходятъ отъ глубокаго уваженія къ старинѣ и стариннымъ повѣрьямъ, которыхъ не находятъ полезнымъ замѣнять новизнами, и — правду сказать — не безъ причины.

Все это въ совокупности внушаетъ здѣшнимъ жителямъ уваженіе къ себѣ, не чуждое нѣкоторой гордости и даже нетерпимости: такъ, при водвореніи крестьянъ изъ другихъ мѣстъ, здѣшніе крестьяне до-тѣхъ-поръ не примутъ новопереселеннаго въ свое братство, пока не поддержатъ его кредитомъ; не дадутъ, безъ особаго понужденія, невѣсты въ домъ, пока домъ этотъ не приметъ всѣхъ здѣшнихъ обычаевъ. Посему, первымъ отличительнымъ нравственнымъ качествомъ здѣшняго народа должно счесть уваженіе его къ своей общественности, проникнутой христіанскими понятіями. Этою-то, пережившею вѣка, народною чертою, можно объяснить себѣ патріотизмъ Нижегородцевъ въ знаменитомъ 1612 году; эта черта есть основаніе нравственной связи, любви и сыновняго страха, сохранившихся донынѣ въ чувствахъ здѣшняго оброчнаго крестьянина къ его господину-помѣщику и приходскому-священнику; эта-же самая черта хранитъ, наконецъ, цѣлость народнаго быта и въ сельцѣ Васильевскомъ.

Другія отличительныя качества народа суть: твердость въ словѣ, смѣтливость и предпріимчивость, знаніе цѣны времени и деньгамъ. Съ темной стороны, замѣтна недостаточная твердость семейныхъ узъ между мужемъ и женою; что должно приписать отчасти сосѣдству Магометанъ, а всего болѣе многолѣтнимъ отлучкамъ мужей изъ домовъ по промысламъ. Есть также въ нравахъ нѣкоторая суровость; отчего сами здѣшніе жители называютъ себя «злымъ, лютымъ народомъ».

ОБЫЧАИ.

Молодые, по совершеніи брака, приводятся изъ церкви домой въ вѣнцахъ; свадебный пиръ, на-другой-день, называется «княжимъ столомъ». Дѣти родятся въ баняхъ, гдѣ родильницы остаются нѣсколько дней: туда имъ, по случаю родовъ, приносятъ всякой-всячины. Мальчишки, съ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ, начинаютъ уже пахать; дѣвушки и молодыя женщины въ зимніе вечера собираются другъ-къ-другу на «посидѣлки», а иногда гостятъ у родныхъ по нѣскольку недѣль. Во время посидѣлокъ, посторонніе мущины рѣдко приходятъ; дѣвушки поютъ пѣсни, а больше говорятъ. Привычка ѣздить другъ-къ-другу въ гости, даже за нѣсколько десятковъ верстъ, очень распространена, особливо между женщинами. Послѣ похоронъ, никакихъ поминокъ не бываетъ; вмѣсто-того, подаютъ въ кельи тайную милостыню.

Во время пожаровъ, выносятъ изъ домовъ святыя иконы; во время моровыхъ язвъ и т. п., служатъ молебны съ водоосвященіемъ, принося въ деревню иконы особенно чтимыя. По окончаніи посѣва, передъ возкой удобренія, всегда бываетъ мірское молебствіе съ поднятіемъ иконъ; приэтомъ служатъ три молебна: первый — въ полѣ, причемъ обходятъ поля; второй — на ключѣ, съ водоосвященіемъ; третій — въ деревнѣ, и тутъ обносятъ иконы около деревни; послѣ обѣда, изготовленнаго міромъ у кого-либо изъ крестьянъ для священника и клира, крестьяне собираютъ къ околицѣ скотъ, служатъ молебенъ св. Флору и Лавру съ водоосвященіемъ, и прогоняютъ скотъ мимо священника, который кропитъ его святой водой.

Замѣчательно, что всѣ здѣшніе мущины, безъ-исключенія, брѣютъ у себя макушку головы. Обычай этотъ долженъ быть тѣсно связанъ съ религіозными воспоминаніями, потому-что бритье макушки обыкновенно возобновляется передъ большими праздниками, или какими-либо важными случаями, на-примѣръ: передъ тѣмъ какъ идти на судъ къ господину, и т. п. Старики выбриваютъ голову почти также, какъ католическіе капуцины; есть какія-то неясныя преданія, что макушка брѣется такъ въ воспоминаніе терноваго вѣнца Спасителя. Въ дѣлѣ свойственной Нижегородцамъ исключительности, о которой упомянуто было

выше, бритая макушка играетъ большую роль: кто считаетъ себя наиболѣе вправѣ гордиться собою, тотъ больше выбриваетъ себѣ макушку.

ИГРЫ И ЗАБАВЫ.

По воскресеньямъ и во время праздниковъ, молодежь собирается въ хороводы и поетъ пѣсни, что старики не очень любятъ. Хороводы продолжаются цѣлые дни; кромѣ пѣсень, взрослые почти не имѣютъ другихъ забавъ. Народный музыкальный инструментъ есть такъ-называемая «желѣйка», съ пятью дырочками; съ одного конца ея — камышенка, съ другаго — свернутая береста; звуки выходятъ какъ-бы двойные: искусные молодцы наигрываютъ на такихъ инструментахъ цѣлыя пѣсни. Въ послѣднее время появились-было ручные органчики; но старики разломали ихъ объ голову молодежи-охотниковъ. Старыхъ пѣсень, любимыхъ и стариками, нынѣ совсѣмъ почти не поютъ, замѣняя ихъ вновь сочиненными.

НАРОДНЫЯ ПОВѢРЬЯ.

Народныя преданія, кажется, всѣ исключительно сосредоточены въ повтореніи церковныхъ преданій, иногда съ нѣкоторыми искаженіями и присказками.

СЕЛО УЛЬЯНОВКА.

НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ
ЛУКОЯНОВСКАГО УѢЗДА.

(Священника М. Доброзракова.)

ПОЛОЖЕНІЕ СЕЛЕНІЯ.

Тамъ, гдѣ Лукояновскій уѣздъ Нижегородской губерніи примыкаетъ къ границамъ губерній Симбирской и Пензенской, расположено, въ правильномъ квадратѣ, небольшое, разнопомѣстное селеніе *Ульяновка*. Съ сѣверо-восточной стороны оно отдѣляется отъ Симбирской и Пензенской границъ довольно-большою рѣкою *Инсарою*; южная его сторона орошается небольшимъ истокомъ, который называется *Рѣчкой*; а съ сѣверо-запада отрѣзывается, отъ обширныхъ дачь сосѣдняго села Оброчнаго, небольшой рѣчкой *Ламовкой*, впадающей въ главную рѣку *Инсару*. *

* Чтобы яснѣе представить географическое мѣстоположеніе села *Ульяновки* (на «Картѣ Шуберта» означеннаго подъ именемъ *Ильинскаго-Ульянина*), присовокупляемъ, что оно находится въ весьма близкомъ разстояніи отъ впаденія рѣки *Инсары* въ рѣку *Алатырь*, которая въ свою очередь впадаетъ въ *Суру*, а эта наконецъ уже въ *Волгу*. Рѣка *Инсара*, которая названа здѣсь «довольно-большою» и дѣй-

ОБЩІЙ ВИДЪ МѢСТНОСТИ.

Село находится на обширной, ровной, прекрасной долинѣ, на берегу озерка, называемаго Платнымъ, въ полуверстѣ отъ низменнаго берега рѣки Инсары. Сѣверо-восточная сторона окрестностей его, до рѣки Инсары, называется вообще луговою, а противоположная — степною.

Сторона луговая изобилуетъ тучной, питательной травой, и наполнена неодинаковой величины озерами, коихъ считается до пяти. Изъ нихъ: *Платное* или *Поддворное*, при которомъ

ствительно такой представляется на картахъ, въ «Словарѣ Щекатова» означена имѣющею теченія до 100 верстъ, а у г. Штукенберга — отъ 120 до 130 верстъ (причемъ у послѣдняго названа она, по очевидной ошибкѣ, *Юссара — Jussara*, V. 517). Больше ничего объ этой «довольно-большой» рѣкѣ не обращается въ общемъ свѣдѣніи; а между-тѣмъ есть признаки, что она должна быть не безъ нѣкотораго значенія, именно — въ смыслѣ этнографическомъ. Замѣчательно уже и то, что самое названіе ея повторяется въ названіи другой сосѣдней рѣки *Инсарки*, при которой стоитъ нынѣшній уѣздный Пензенской губерніи городъ *Инсара*, и которая принадлежитъ уже къ водоему не *Суры*, а *Оки*, чрезъ *Мокшу* и *Иссу*, съ которой послѣдней сливается подъ самымъ городомъ *Инсарою;* какъ бы ни произошло такое распространеніе одного и тогоже имени на двѣ раздѣльныя рѣки, произошло оно вѣрно не даромъ! Но гораздо важнѣе другія, болѣе вещественныя указанія. На рѣкѣ *Инсарѣ*, о которой идетъ здѣсь рѣчь, выше села *Ульянина*, находится и теперь Пензенской губерніи уѣздный городъ *Саранскъ*; а по бокамъ его, почти на одной съ нимъ линіи — два старинные города: къ востоку — *Атемаръ* (нынѣ пригородъ), къ западу — *Шешкѣевъ* (нынѣ слобода). Всѣ эти три пункта въ старину были связаны между-собою валомъ, слѣды котораго, говорятъ, примѣтны донынѣ, и который, въ свое время, служилъ къ оборонѣ отъ вторженій Кубанскихъ Татаръ; стало-быть, тутъ долженъ былъ лежать одинъ изъ обычныхъ путей, которыми внутренность нынѣшней Европейской-Россіи, зарощенная дремучими лѣсами, сообщалась съ своей южной степно-полевой Украйной. Поэтому, нельзя не предполагать здѣсь издревле столкновенія разныхъ народностей, между которыми Русская принадлежитъ къ числу самыхъ позднѣйшихъ. Нынѣшняя топографическая номенклатура края свидѣтельствуетъ, что еще не въ давнія времена совмѣстно существовали здѣсь по-крайней-мѣрѣ три совершенно раздѣльныя народности; въ окрестностяхъ рѣки *Инсары* есть селенія, которыя понынѣ называются: *Татарская*-Пишля, *Мордовская*-Пишля, *Русскій*-Шебдасъ, и т. п. Съ тѣмъ вмѣстѣ, по тѣмъже признакамъ, видно, что старѣйшинство межь этими народностями принадлежало Мордвѣ: цѣлая рѣка, впадающая въ *Инсару* съ правой стороны, почти на половинѣ разстоянія между городомъ Саранскомъ и селомъ *Ульяновкой*, называется и теперь *Мордвою*. *Прим. Ред.*

лежитъ селеніе, эллиптической фигуры, безъ всякихъ излучинъ и изгибовъ, имѣетъ въ поперечномъ діаметрѣ 32 сажени, а въ длинномъ болѣе 100 саженъ; затѣмъ другое, называемое *Мещерское*, узкое, длинное, излучистое, въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣетъ 25 саженъ, а въ длинномъ около 200 саженъ; между тремя остальными, одно продолговатаго вида называется *Пузинскимъ*, прочія два — безъимянныя. Вся эта сторона, особенно по берегамъ озеръ, заросла мелкимъ кустарникомъ, который жители употребляютъ для огородныхъ плетней и дворныхъ сараевъ; къ югу — кустарникъ оканчивается небольшей ольховой рощей.

Юго-западная сторона называется степною потому, что на юго-западъ отъ села, верстъ на пятдесятъ и болѣе, нигдѣ нѣтъ лѣсовъ, кромѣ небольшихъ рощь и мелкихъ кустарниковъ, такъ-что жители, за недостаткомъ дровъ, топятъ печи соломой. Сторона эта въ трехъ верстахъ отъ селенія начинаетъ постепенно возвышаться, и на двѣнадцатой верстѣ оканчивается высокою горою, называемою *Орловой*.

Грунтъ земли, на степной сторонѣ, чѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ плодороднѣе; нижній глинистый слой его одѣтъ богатымъ слоемъ чернозема въ аршинъ и болѣе толщиною, и даетъ обильныя жатвы ржи (американки и русской), овса, полбы, гречи (сибирки и русской), гороху и т. п. Только поближе къ селенію почва земли измѣняется; начинаются болота, трясины, ручейки и небольшіе овраги; черноземный грунтъ измѣняется въ иловатую почву, впрочемъ не менѣе плодородную, на которой обильно родятся ячмень, просо, ленъ и т. д. На луговой-же сторонѣ, грунтъ земли вездѣ иловатый.

КЛИМАТЪ.

Климатъ можно назвать среднимъ. Лѣтомъ атмосфера бываетъ удушливая и нѣсколько вредная, потому-что сторона низменна, наполнена озерами, болотами и топями; туманы тогда густы и продолжительны; температура въ жары доходитъ до 30° по Р. Въ зимніе мѣсяцы и холодъ восходитъ выше 31°; земля промерзаетъ на 1½ аршина и болѣе, снѣгу-же на поверхности ея бываетъ не менѣе 5, а иногда до 6 и до 7 четвертей.

Съ началомъ сентября тепло ощутительно уменьшается. Утренники бываютъ холодны, и бѣлый иней покрываетъ уже увядающую зелень; погода часто бываетъ пасмурная; солнце мало свѣтитъ, и лучи его, скользя по поверхности земли, уже не нагрѣваютъ ее; зелень блекнетъ, растѣнія увядаютъ, пожелтѣвшій древесный листъ, шумя, опадаетъ. Въ концѣ сентября и въ началѣ октября, всѣ растѣнія посыхаютъ, дѣлаются безжизненны; между-тѣмъ, прилетныя птицы, еще въ концѣ августа или въ началѣ сентября, улетаютъ на теплый югъ, въ слѣдъ за удаляющимся солнцемъ.

Октябрь скученъ. Вся природа въ какомъ-то уныніи, въ ожиданіи чего-то печальнаго, грустнаго; только и слышны страшный вой вѣтра, да отвратительное карканье воронъ; только и видишь постоянные мелкіе дожди, грязь, сырость. Снѣгъ выпадаетъ иногда даже въ сентябрѣ, часто въ октябрѣ, но опять сходитъ; морозы иногда доходятъ до 15° по Р., такъ-что нерѣдко края рѣкъ замерзаютъ и земляная работа въ поляхъ прекращается.

Съ каждымъ днемъ ноября, холодъ все больше и больше увеличивается; бури воютъ, дожди льются, и очень часто перемѣшанные съ снѣгомъ. Со второй половины ноября, а иногда и ранѣе, дожди превращаются въ пушистый, бѣлый снѣгъ, и вода, смѣшанная съ грязью, замерзаетъ; тогда начинаются вьюги и мятели, устанавливается зимній путь, и по льду рѣки Инсары уже безопасно ѣздятъ на лошадяхъ: морозы въ это время доходятъ иногда до 20° по Р.

Декабрь, январь и февраль, однообразны, то-есть одинаково холодны, съ тою лишь разницею, что въ декабрѣ и февралѣ болѣе бываетъ пасмурныхъ дней, а слѣдовательно и больше падаетъ снѣгу, нежели въ январѣ. Январскіе дни вообще ясны: поверхность снѣга ослѣпительно бѣла; воздухъ сжатъ, проницателенъ, и наполненъ иглообразными, кристаллизованными снѣжинками; солнце въ кругу, и тускло блеститъ сквозь сверкающія пылинки инея. Холодъ бываетъ жестокій; особенно, когда подуетъ тонкій сѣверный вѣтерокъ и морозъ дойдетъ до — 32°, а иной-разъ и болѣе, то невольно вспомнишь про жаркое лѣто. Впрочемъ, сильные морозы непродолжительны, и состояніе температуры въ эти три мѣ-

сяца очень непостоянно: часто случается, что, въ продолженіе нѣсколькихъ дней сряду, термометръ отъ 20° холода поднимается до точки замерзанія; съ перемѣною сѣвернаго вѣтра на южный перемѣняется и температура, и ртуть, смотря по вѣтру, то быстро падаетъ, то возвышается.

Начало марта все еще холодно. Утренники морозны; но когда солнце станетъ прямо надъ землей, то холодъ ощутительно смягчается, и снѣгъ дѣлается плотнѣе: случается, что въ полдень термометръ показываетъ 5° или 6° тепла, а ночью до 15° холода. Въ серединѣ марта, любимый гость весны, жаворонокъ, уже весело вьется надъ проталинками горъ, и пѣснью своей возвѣщаетъ скорое появленіе красной весны. И точно: къ концу мѣсяца, снѣга̀ быстро исчезаютъ; вода съ шумомъ льется съ горной высоты и рѣки расторгаютъ свои ледяныя оковы; дикіе гуси и утки вереницами тянутся съ юга на сѣверъ. Но иногда весь мартъ бываетъ довольно холоденъ, и тогда разливъ рѣкъ бываетъ въ апрѣлѣ.

Съ каждымъ днемъ апрѣля тепло увеличивается: воздухъ бываетъ благорастворенный; дожди мелки, но часты. Въ этомъ мѣсяцѣ прилетаютъ многіе роды птицъ изъ южныхъ странъ; зелень повсюду является, и земледѣлецъ весело бороздитъ свой участокъ земли. Впрочемъ, въ 1848 году, посѣвъ яроваго хлѣба, особенно бѣлотурки, по причинѣ безснѣжной зимы и скорой оттепели, начался еще со второй половины марта, а въ первыхъ числахъ апрѣля посѣянный яровый хлѣбъ уже пышно зеленѣлъ. Въ половинѣ апрѣля, скотъ выгоняется на пастбище, и овца можетъ уже наѣдаться; но крупный скотъ въ состояніи прокармливаться не прежде исхода мѣсяца.

Но вотъ наступаетъ май, царь весны, краса природы! Какъ тогда все оживаетъ; какая повсюду жизнь, во всемъ какая дѣятельность! Воздухъ тепелъ, благорастворенъ; солнце ярко свѣтитъ; земля покрывается пышною зеленью и убирается разновидными цвѣтами, какъ невѣста въ день брака; журчатъ источники; птицы весело порхаютъ, и соловей восхищаетъ всѣхъ своими неподражаемыми пѣснями; благовонный ароматъ разливается повсюду. Въ это время, намъ, скромнымъ жителямъ села Ульяновки, не кому и не въ чемъ завидовать; остается только безмолвно благоговѣть предъ щедрою десни-

цею Всевышняго, такъ пышно расточившею дары свои на нашъ мирный уголокъ! Тепло доходитъ до 20°, и болѣе.

Іюнь, іюль и августъ составляютъ лѣто. Жары въ это время доходятъ иногда до 30° по Р.; ночи душны, дни томительны, и притомъ воздухъ наполняется вредными испареніями озеръ и болотъ: оттого жители часто подвергаются различнымъ болѣзнямъ, какъ-то горячкамъ и лихорадкамъ, и многіе младенцы помираютъ отъ поноса. Обыкновенно жары эти смягчаются обильными дождями, особенно въ исходѣ іюня и въ продолженіе всего іюля, во время уборки сѣна и хлѣба; но 1847 и 1848 годы были замѣчательны по необыкновенной засухѣ: въ эти два года, жары, въ продолженіе лѣта, доходили до 31° по Р.; въ полдень, въ тѣни, состояніе воздуха было удушливое, вѣтры жестокіе, солнце багровое, видима была какая-то мгла и чувствовался сильный запахъ гарью. Вообще-же, въ лѣтніе мѣсяцы, по утрамъ, бываютъ густые туманы, иногда очень вредные для цвѣта хлѣбныхъ растѣній, огородныхъ овощей и плодовитыхъ деревъ; иногда они оставляютъ по себѣ ржавчину на соломѣ и травѣ, вредную для скота. Со всѣмъ тѣмъ, въ іюнѣ и іюлѣ, разные огородные овощи, садовые плоды, полевыя ягоды и хлѣбъ, какъ яровой, такъ и озимой, колосятся, цвѣтутъ и созрѣваютъ; въ августѣ же все убирается, поля покрываются скирдами, копнами и кладями, и къ концу мѣсяца весь хлѣбъ съ полей свозится. Такъ оканчивается лѣто.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ.

Страна здѣсь вообще благословенная, щедро надѣленная Богомъ. Земля плодородна безъ всякаго удобренія; хлѣбъ родится самъ 6, самъ 7 и даже самъ 8 (исключая повсемѣстно неурожайныхъ годовъ, каковъ на-примѣръ былъ 1848 годъ); сѣна получается до 25 возовъ съ хозяйственной десятины. Въ отношеніи скотоводства, немаловажную выгоду представляютъ хорошіе водопои, которыми здѣшнія мѣста изобилуютъ. Рѣка Инсара богата прекрасной рыбой; въ ней водятся: сомы, сазаны, жерехи, лещи, подлещики, щуки, окуни, ерши, головли и другіе роды рыбъ. И озера изобильны не менѣе рѣки; въ нихъ водятся: караси, щуки, окуни, ерши, налимы, лини и нѣкоторыя другія. При такомъ обиліи, одинъ только здѣсь

недостатокъ, и недостатокъ важный — въ лѣсѣ. Выше уже замѣчено, что къ юго-западу отъ Ульяновки, верстъ на пятьдесятъ и болѣе, лѣса всѣ истреблены; остаются кое-гдѣ небольшія рощицы, и то въ половину посохшія: въ-слѣдствіе-того, жители села покупаютъ дрова, бревна, тесъ, мочало, лыки и т. п., въ огромныхъ лѣсныхъ дачахъ, принадлежащихъ разнымъ помѣщикамъ Симбирской губерніи; но и тамъ лѣса съ каждымъ годомъ быстро исчезаютъ. Въ настоящее время, за возъ дубовыхъ дровъ платятъ здѣсь — до 25 к. сер., березовыхъ — 60 к., сосновыхъ-же и еловыхъ вовсе нѣтъ; бревно дубовое, 5 верш. въ отрубѣ и 7—8 арш. длиннику, стоитъ — 40 и 50 к., сосновое такойже величины — 70 и 80 к.; сотня девятиаршиннаго теса — 10, а иногда и 12 р. сер. Впрочемъ, немногіе изъ жителей Ульяновки покупаютъ дрова; большая-часть не только топятъ домашнія печи, но и хлѣбъ сушатъ, въ ригахъ и овинахъ, ржаной соломой, наготовивъ ее для того напередъ жгутами, или короткими веревками; этимъ хорошо нагрѣваются домà, и всякой хлѣбъ высушивается удовлетворительно.

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ.

По осьмой народной переписи, бывшей въ 1834 году марта 30 дня, въ селѣ Ульяновкѣ исчислено жителей:

	м. п.	ж. п.	о. п.
духовныхъ . . .	7	7	14
дворянъ . . .	2	7	9
военныхъ . . .	2	8	10
крестьянъ . . .	225	251	476
итого	236	273	509

Въ 1848 году оказалось, что, въ теченіе четырнадцати лѣтъ, число жителей увеличилось только на одну десятую долю: приращеніе незначительное! Чтобы яснѣе было видно это приращеніе, предлагается здѣсь таблица, изъ которой можно усмотрѣть, на сколько въ которомъ году народонаселеніе увеличивалось чрезъ рожденія:

	обоего пола. родилось.	умерло.
въ 1834 году	15	10
— 1835 —	14	24
— 1836 —	27	11
— 1837 —	16	12
— 1838 —	24	17
— 1839 —	23	19
— 1840 —	13	20
— 1841 —	27	30
— 1842 —	18	16
— 1843 —	23	17
— 1844 —	13	14
— 1845 —	23	21
— 1846 —	23	15
— 1847 —	20	14
итого	279	240

Выходитъ, что самое меньшее число рожденныхъ было въ 1840 и 1844 годахъ — по 13 человѣкъ обоего пола; самое-же большее въ 1836 и 1841 годахъ — по 27 человѣкъ. Разность — 14 человѣкъ — значительна: она, кажется, произошла въ слѣдствіе меньшаго числа браковъ въ продолженіе 1839 и 1843 годовъ.

Въ добавокъ къ показанному увеличенію населенія черезъ рожденія, должно еще присоединить, что въ 1846 году, по распоряженію помѣщиковъ, переведено сюда 47 душъ обоего-пола, жившихъ прежде Симбирской губерніи въ селѣ Озименкахъ. Такимъ образомъ, въ 1848 году, всѣхъ на-лицо жителей находилось здѣсь 593 души обоего пола. Изъ нихъ большая часть принадлежитъ г-жѣ Приклонской, а меньшая — г-жамъ Шишмаревымъ.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.

Всей принадлежащей къ селу Ульяновкѣ земли, удобной и неудобной, считается, по генеральному межеванію, 1,303 десятины съ саженями. Изъ нихъ:

подъ озерами и болотами	40	дес.
— кустарникомъ	10	—
— ольховою рощею	$3\frac{1}{2}$	—
— лугами	35	—

подъ селеніемъ и огородами		45	дес.
— общественнымъ выгономъ		20	—
церковной земли		33	—
пашенной сельской		1,116½	—

Крестьяне всѣ находятся на барщинѣ, и для хозяйственнаго порядка раздѣлены на тягла (мужъ съ женою), полутягла (одинъ мущина) и безтяглыхъ (старикъ шестидесяти-лѣтъ). Въ обѣихъ барщинахъ тяголъ находится 89, полутяголъ 4, безтяглыхъ 12. Каждое тягло получаетъ отъ владѣльцевъ по 1¼ дес. пашенной земли въ полѣ, или 3¾ дес. въ трехъ поляхъ, да сверхъ-того часть луговъ для сѣнокоса, выгонъ для пастбища скота, огороды и коноплянники: все это въ сложности составитъ болѣе 4½ дес. Полутягло получаетъ земли вполовину меньше тягла; а безтягольные получаютъ только одну пашенную землю, по ¼ дес. въ каждомъ изъ трехъ полей.

Имѣя въ непосредственномъ своемъ пользованіи по 4½ хоз. дес. на тягло, крестьяне обязываются работать на помѣщика половину рабочихъ дней въ году; что̀ невсегда достаточно вознаграждаетъ владѣльцевъ. Если изъ 365 дней года исключить всѣ праздники, воскресные, царскіе и нѣкоторые другіе гулевые дни, то рабочихъ дней на весь годъ останется не болѣе 140; приэтомъ, если кто-нибудь изъ тягольныхъ занеможетъ, или умретъ, особенно во время уборки хлѣба, то помѣщикъ вдвойнѣ несетъ убытокъ: лишаясь работника въ самое нужное время, онъ долженъ еще заботиться и объ уборкѣ принадлежавшаго ему хлѣба. Кромѣ-того, помѣщику много предстоитъ и другихъ невыгодъ: въ случаѣ неурожая хлѣба, пожара, скотскаго падежа и т. п., онъ долженъ поддерживать благосостояніе крестьянъ, на которомъ основывается собственное его благосостояніе; не будь у крестьянина хлѣба или лошадей, и откажи ему помѣщикъ въ пособіи, крестьянинъ не въ состояніи будетъ обработывать господскую землю.

НАРУЖНЫЯ СВОЙСТВА ЖИТЕЛЕЙ.

Жители села Ульяновки довольно статны: изъ нихъ немного высокихъ, но большая-часть средняго роста; грудь имѣютъ высокую; широкоплечи; лица довольно правильны, чисты, бѣлы; глаза сѣрые, у немногихъ голубые; голова, носъ, руки,

ноги, пропорціональны всему тѣлу; волосы большею-частію свѣтлорусые, у немногихъ темнорусы, черныхъ-же никто не имѣетъ, кромѣ нѣкоторыхъ изъ недавнихъ переселенцевъ Симбирской губерніи села Озименокъ. Эти послѣдніе вообще многимъ отличаются отъ коренныхъ жителей села Ульяновки: они росту средняго, и худощавы; грудь у нихъ впалая, цвѣтъ лица смуглый, волосы черные, лица длинныя со впалыми щеками, глаза каріе. Очертаніе лицъ у женщинъ нѣсколько продолговатое и довольно пріятное; онѣ худощавѣе мущинъ, но зато стройнѣе, и расположеніе всего тѣла вообще у нихъ болѣе правильно и красиво.

Болѣзни, коимъ наиболѣе подвергаются здѣшніе жители, особенно въ продолженіе весны, лѣта и осени, суть перемежающіяся лихорадки, что должно главнѣйше приписать вреднымъ испареніямъ изъ озеръ и болотъ; впрочемъ немногіе оттого умираютъ: только болѣзнь продолжается долго, и затѣмъ, по прошествіи лихорадочнаго состоянія, появляются мигрени, ломота въ ногахъ и поясницѣ. Во время жнитва, многіе часто страдаютъ болью живота и поносомъ, что должно отнести къ чрезмѣрному употребленію холодной воды во время разгорячения посреди тяжкихъ работъ страды: и отъ этого возрастные помираютъ рѣдко; но зато мретъ множество младенцевъ, чему безъ-сомнѣнія способствуетъ и то, что матери, уходя въ поле, оставляютъ ихъ на цѣлый день въ домахъ, подъ плохой присмотръ малолѣтнихъ дѣвочекъ, или дряхлыхъ старухъ, которыя, вмѣсто молока, часто поятъ младенцевъ сырою водою, а мать, пришедши потомъ съ поля, кормитъ дитя грудью, въ которой молоко, въ продолженіе дня, совершенно перегорѣло.

Многіе младенцы дѣлаются жертвою натуральной оспы, не предупрежденной прививаніемъ. Этому предлогомъ служитъ неумѣстная чувствительность матерей, которыя никакъ не соглашаются отдавать дѣтей въ руки оспопрививателя, боясь видѣть страданія младенца. Впрочемъ, тутъ скрывается другая, гораздо сильнѣйшая причина — глупый предразсудокъ здѣшнихъ жителей: причинить кому-либо болѣзнь съ намѣреніемъ — грѣхъ; а какъ боль, происходящая отъ привитія оспы, есть слѣдствіе согласія матери, то она считаетъ это грѣхомъ важнымъ, непростительнымъ! Но не важнѣе-ли грѣхъ

родителей, когда дѣти, по небреженію ихъ, умираютъ натуральною оспою? Въ этомъ, къ сожалѣнію, они не хотятъ сознаться, а возлагаютъ всю вину на какой-то безусловный, слѣпой рокъ: «такъ случилось, такъ рокъ судилъ, такъ угодно было «Богу!» обыкновенно говорятъ они; «чему положено быть, тому «не миновать; а мы дѣтямъ своимъ худа не желали!».

Кромѣ-того, между младенцами, по-временамъ, появляются и дѣйствуютъ повально: скарлатина, коклюшъ и корь; причемъ, въ слѣдствіе неосторожнаго содержанія и небереженія дѣтей отъ простуды, много умираетъ ихъ въ скарлатинѣ, а послѣ кори появляются упорныя грудныя болѣзни.

Чахоточныхъ вовсе нѣтъ; зато много одержимыхъ золотухою и удушьемъ. Замѣчаются признаки любострастной болѣзни; впрочемъ, безъ смертоносныхъ послѣдствій. Въ 1848 году, холера, свирѣпствовавшая въ селѣ Ульяновкѣ съ 17 іюля по 1 сентября, похитила до 40 человѣкъ обоего пола, болѣе слабыхъ и старыхъ, нежели молодыхъ и здоровыхъ, и притомъ болѣе женщинъ, нежели мущинъ; слабость тѣлосложенія и робость женскаго пола, по-видимому, усиливали предрасположеніе къ принятію заразы.

Хотя изъясненныя обстоятельства имѣютъ не совсѣмъ благопріятное вліяніе на здоровье здѣшнихъ крестьянъ и располагаютъ ихъ ко многимъ болѣзнямъ, есть однако между ними много съ крѣпкимъ сложеніемъ тѣла и съ большою силою. Свободно переносятъ они на себѣ большія тяжести, и неутомимо дѣйствуютъ ежедневно, въ полѣ и дома. О ловкости и проворствѣ ихъ многаго сказать нельзя; впрочемъ, если крестьянинъ захочетъ похвастаться, то можетъ кончить самую трудную работу очень проворно и ловко. Это называется у нихъ молодечествомъ, удальствомъ, которое иногда ведетъ за собой гибельныя послѣдствія: случаются примѣры, что иной, поднимая на себѣ тяжести, несоразмѣрныя съ силами, изнуряетъ себя такъ, что, во весь остатокъ своей жизни, не въ состояніи привести силы свои въ нормальное положеніе.

ЯЗЫКЪ.

Языкъ жителей села Ульяновки болѣе правиленъ и пріятенъ для слуха, нежели въ другихъ сосѣднихъ селеніяхъ: это

должно-быть оттого, что въ селѣ Ульяновкѣ издавна живетъ много помѣщиковъ и при нихъ очень много дворовыхъ людей, которые, научаясь болѣе правильному языку отъ своихъ господъ, въ свою очередь передаютъ его крестьянамъ. При всемъ томъ, все-таки много здѣсь уклоненій отъ общепринятаго образованнымъ классомъ языка; много мѣстныхъ оттѣнковъ, не подходящихъ подъ общія грамматическія правила. Вотъ замѣчательнѣйшія изъ этихъ уклоненій:

а. Особенности произношенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гласную букву *а* любятъ превращать въ *е*; на-примѣръ: я видѣлъ Церя и Церицу, вм. Ц*а*ря и Ц*а*рицу; чесы, вм. ч*а*сы; чесовня, вм. ч*а*совня; причещеніе, вм. прич*а*щеніе; шейтанъ-бы тебя побралъ (извѣстная между крестьянами брань), вм. ш*а*йтанъ-бы тебя побралъ; шешня, вм. ш*а*шня; счесливый, вм. сч*а*стливый. Съ другой стороны, *е* превращаютъ въ *а* и въ *и*; на-примѣръ: ч*а*ловѣкъ, чаво тебѣ хочатся, или ж*а*лается? вм. человѣкъ, чего тебѣ хочется, или желается? ц*а*лавать, вм. ц*ѣ*ловать; ж*а*вать, вм. же*в*ать; з*и*мля, вмѣсто земля; с*и*дло, вм. с*ѣ*дло, и т. п. Очень любятъ *о* превращать въ *а*; на-примѣръ: х*а*р*а*шо, вм. хорошо; б*а*гатый, вм. богатый; *а*г*а*родъ, вм. огородъ; *а*динъ, вм. одинъ, и т. п. Также въ нѣкоторыхъ случаяхъ гласную *я* превращаютъ въ гласную *е*; на-примѣръ: былъ въ редахъ, вм. въ р*я*дахъ; ѣздилъ въ городъ Резань, вм. Р*я*зань; ѣли ребину, вм. р*я*бину; ребой, вм. р*я*бой, и т. п. Иногда *я* превращаютъ въ *и*; на-примѣръ: гр*и*да, вм. гр*я*да; онъ на меня гл*и*дитъ, вм. гл*я*дитъ; дь*и*чекъ, вм. дь*я*чекъ. Иногда согласную *ж* перемѣняютъ въ соотвѣтствующую *з*; на-примѣръ: *з*мчугъ, вм. *ж*емчугъ; *з*илѣзо, вм *ж*елѣзо. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ случаяхъ, двѣ согласныя буквы перемѣшиваютъ между собою, ставя одну на мѣсто другой; на-примѣръ: у него дурной *р*навъ, вм. нравъ; онъ мнѣ не*рн*авится, вм. не*нр*авится; онъ дѣлаетъ всѣмъ *рна*учснія, вм. *нраво*ученія. Переселенцы изъ Симбирской губерніи прилагаютъ совершенно лишнюю гласную букву *а* предъ *г* въ началѣ слова: *ага*рохъ, вм. *го*рохъ. Также измѣняютъ окончанія нѣкоторыхъ существительныхъ именъ; на-примѣръ: церк*вя*, вм. цер*ковь*; план*тъ*, вм. пла*нъ*; Анг*иль*, Арханг*иль*, вм. Анг*елъ*, Арханг*елъ*; Херу*вой*, вм. Херу*вимъ*; Сава*ой*, вм. Сава*оѳъ*, и т. п.

б. Особенности въ словообразованіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, окончаніе родительнаго падежа множественнаго числа измѣняютъ такъ, что говорятъ: вм. огн*ей* — огне*въ*; вм. глаз*ъ* — глаз*овъ*; вм. волос*ъ* — волос*овъ*; вм. гал*окъ* — галк*овъ*; вм. па*локъ* — палк*овъ*, и т. п. Наконецъ

в. Особенныя мѣстныя слова: *Алырить*, тоже *шанберитъ* — быть безъ дѣла. *Баю* — говорю. *Бажаю* — желаю, хочу. *Гоже* — хорошо, пріятно, вкусно. *Ижно* — такъ-что. *Кандейка* — маленькая чашечка. *Кесь* — кажется. *Кобелъ* — пенекъ. *Коврига* — коровай хлѣба. *Крома*, *цоцуля* — большой кусокъ хлѣба. *Лихоманка*, *трясучка* — лихорадка. *Нампднись* — недавно, на этихъ дняхъ. *Нешто* — да. *Подлегъ* — мягкій снѣгъ. *Покалякать* — поговорить. *Поружена* — поношена. *Сакма* — слѣдъ. *Сховать* — спрятать. *Толды* — тогда, *когды* — когда. *Харчь* — говядина (въ обширномъ-же смыслѣ — и всякая пища, не только *для* человѣка, но и *для* лошадей). *Шаберъ* — сосѣдъ.

ВНУТРЕННЕЕ И ВНѢШНЕЕ УСТРОЙСТВО ДОМОВЪ.

Жилища крестьянъ, по недостатку лѣса, вообще неуклюжи и неудобны: ветхи, сыры, дымны, темны, тѣсны. Впрочемъ, нѣкоторые изъ зажиточныхъ крестьянъ начинаютъ заботиться объ улучшеніи какъ собственно домовъ или избъ своихъ, такъ и прочихъ надворныхъ принадлежностей; въ селѣ найдется дома два покрытыхъ тесомъ, и домовъ пять оштукатуренныхъ глиною. Вообще-же, вотъ внѣшнее и внутреннее устройство здѣшнихъ жилищъ, одинаковое у всѣхъ крестьянъ, отъ перваго богача до послѣдняго бѣдняка:

Деревянная изба, не болѣе какъ въ 3 сажени по лицу и въ $1\frac{1}{2}$ сажени вышины, покрыта соломой въ аршинъ, а иногда и болѣе толщиною. Три красныхъ окна въ избѣ считается пышностью и роскошью; бережливый хозяинъ никакъ не позволитъ у себя прорубить ихъ столько: онъ прорубаетъ только одно въ срединѣ фаса избы, а по сторонамъ два маленькихъ, называемыхъ волковыми; болѣе-же экономный дѣлаетъ два волковыхъ, и только. Съ лѣвой стороны дома обыкновенно ставятся тяжелыя, скрипучія ворота, подъ большимъ соломеннымъ навѣсомъ; подлѣ ихъ, или конюшня,

или погребъ, или же плетневый сарай, куда на зиму ставятъ лѣтнюю упряжъ, а на лѣто — зимнюю. Взойдя на дворъ, на правой сторонѣ увидишь сѣни, кое-какъ прилѣпленныя къ задней стѣнѣ избы, за которыми обыкновенно строится другая изба въ два этажа, внизу которой иногда дѣлается погребъ, но чаще анбаръ, а вверху такъ-называемая клѣть. Послѣдняя бываетъ всегда холодная и темная, съ однимъ волковымъ окномъ; тутъ обыкновенно хранится все имущество хозяевъ, какъ-то: праздничное мужское и женское платье и сундуки (иначе — коробьи) съ холстами, бѣльемъ и прочей домашней рухлядью; здѣсь также хранятся и деньги, если есть. Входъ въ клѣть бываетъ всегда изъ сѣней вверхъ по плохой лѣсницѣ, а въ погребъ, или въ анбаръ — со двора. Засимъ плетневый сарай, которымъ замыкается все надворное строеніе.

Войдя въ избу, въ заднемъ углу, съ правой или лѣвой стороны двери — смотря по тому, съ какой стороны дома стоятъ ворота: если съ правой, то въ лѣвомъ углу дома, и на-оборотъ — находится огромная печь, занимающая четвертую часть избы, глиняная, и безъ трубы. Съ другой стороны двери придѣлывается коникъ, или широкая лавка, отличающаяся отъ обыкновенныхъ лавокъ тѣмъ, что подъ ней всегда дѣлаются дверцы, куда кладутъ лапти, колодки, кочедыки, донцы, гребни и проч., а обыкновенныя лавки такихъ дверецъ не имѣютъ. Отъ коника, вокругъ всѣхъ стѣнъ, идетъ также широкая лавка, которая у печи оканчивается высокой скамейкой, называемой залавкомъ; эта послѣдняя своимъ устройствомъ походитъ на коникъ, и также имѣетъ дверцы, куда кладется вся домашняя посуда, какъ-то: блюда, чашки, ложки и проч.; но она гораздо выше коника и обыкновенныхъ лавокъ. Въ нѣкоторыхъ избахъ, отъ двернаго косяка во всю длину печи, придѣлывается деревянная лежанка, по просторѣчію называемая казенкою, которая дѣлается такъ: отъ двери, вдоль всей печи, идетъ дощатая стѣнка, сверхъ ея настилается потолокъ, а внизу устроиваются двери, куда въ зимнее время на ночь загоняютъ телятъ и ягнятъ, а лѣтомъ куры высиживаютъ тамъ цыплятъ; самая-же казенка дѣлается съ той цѣлью, чтобъ можно было на ней спать, когда печь еще горяча. Кромѣ-того, у нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ, отъ наружнаго угла печи до перед-

ней стѣны избы, дѣлается деревянная перегородка, доски которой украшаются разными рѣзными фигурами: эта загородка называется чуланомъ, и есть женская половина дома. Весь передній уголъ занимаетъ божница, предъ которой ставится большой, неуклюжій столъ. Отъ средины избы къ задней стѣнѣ, подъ самымъ потолкомъ, устроиваются палати, или подмостки, гдѣ, во время зимы, все семейство укрывается отъ холода.

ОДЕЖДА.

Обыкновенное мужское платье зимою: овчинный полушубокъ, и чернаго домашняго сукна чапанъ, или кафтанъ, сшитый по покрою халата; на головѣ — четвероугольная, высокая шапка, съ овчиннымъ или какимъ другимъ околышемъ, и плисовымъ или суконнымъ верхомъ; на рукахъ — кожаныя рукавицы; на ногахъ — лапти, съ шерстяными, бѣлыми онучами, а по праздникамъ — длинные, широкіе сапоги. Лѣтомъ почти тоже, что и зимой: полушубокъ безсмѣнно носится во всѣ времена года, зимою — въ морозы, и лѣтомъ — въ жары; впрочемъ, по праздникамъ, носятъ короткія, суконныя полукафтанья, или нанковые халаты, а вмѣсто шапки — поярковыя шляпы, кои часто украшаются лентами, различными оловянными и мѣдными пряжками и павлиными перьями, что считается вѣрхомъ щегольства. Нижнее платье мущинъ состоитъ изъ бѣлой, или пестрядиной рубахи, и такихъже портъ; по праздникамъ, на будничную рубаху надѣваютъ другую праздничную, непремѣнно красную, и красные-же порты.

Женское обыкновенное платье зимою такоеже точно, какъ у мужчинъ, кромѣ головнаго убора; праздничное-же отличается, и бываетъ довольно опрятно: задубленая, а иногда покрытая нанкою (преимущественно желтою и зеленою) — шуба, вокругъ опушенная хорькомъ и обложенная на вершокъ плисомъ или лентою; на ногахъ — коты, часто вышитые канителью и фигурно украшенные сукномъ. Головной праздничный уборъ, который женщины носятъ круглый-годъ, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, тоже недуренъ: небольшой волосничекъ, нѣсколько наклоненный впередъ, вынизанный бисеромъ, или вышитый разноцвѣтною шерстью, или-же парчевый, сверху покрытый длинною бѣлою кисеею, или фатою, въ родѣ вуаля. Дѣвицы и

вязывають голову платкомъ, безъ волосничковъ, и изъ-подъ платка выпускаютъ наружу длинную косу, въ которую вплетаютъ мѣдную пряжку съ большимъ пучкомъ различныхъ ситцевыхъ лоскутковъ и привѣшиваютъ небольшой четвероугольный косникъ, который виситъ гораздо ниже пояса. Въ праздничные весенніе и лѣтніе дни, молодыя женщины и дѣвицы наряжаются въ красные сарафаны, называемые кумачниками, а если нѣтъ такихъ, то въ синіе китайчатые; подолъ, промцы и передъ сарафановъ бываютъ обшиты, въ два ряда, у богатыхъ — позументомъ, у бѣдныхъ — лентами или ситцемъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, опоясываются длиннымъ, широкимъ поясомъ. Рукава у рубахъ бываютъ изъ краснаго ситца, со вшитымъ на плечахъ лоскуткомъ другаго ситца; на шею вѣшаютъ бусы, янтари, и съ недавняго времени начали употреблять толстый, чернаго шолка снуръ, которымъ дѣлаютъ около шеи оборотовъ пять или шесть, такъ-что послѣдніе обороты низко спускаются на грудь.

ПИЩА.

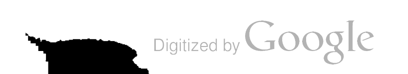
Обыкновенная пища поселянъ скудна преимущественно — во время постовъ, а въ мясоѣдъ — по середамъ и пятницамъ: тутъ у нихъ только щи изъ черной капусты, безъ всякой приправы, и затѣмъ хлѣбъ да вода. Гречневая каша бываетъ не всегда и не у всѣхъ: бо̀льшая-часть ѣдятъ ее только по воскреснымъ днямъ и по другимъ великимъ праздникамъ; мясо еще рѣже употребляется. Зажиточные ѣдятъ иногда горохъ, картофель, огурцы и рѣдьку; но это считается столомъ роскошнымъ. Удивительно, что не всѣ хозяева сѣютъ здѣсь горохъ и картофель, а если и сѣютъ, то весьма мало: картофель и горохъ могли-бы замѣнять для нихъ и кашу и самый хлѣбъ, особенно въ неурожайные годы, и вообще служить лакомымъ блюдомъ. Праздничная пища мало отличается отъ обыкновенной: тѣже пустые щи, тотъже хлѣбъ и вода. Квасъ въ рѣдкомъ домѣ можно найти, и то не квасъ, а окисленную воду. Впрочемъ, въ великіе праздники, какъ-то: на Рождество-Христово, Крещенье, въ Свѣтлую-Недѣлю и въ сельскій Храмовый-Праздникъ, столъ бываетъ лучше: тогда много поѣдается говядины, баранины, куръ, поросятъ, гусей; дѣлаются различныя похлебки, пироги, каша; подаются молоко и яйца. Притомъ, въ Свят-

ки, въ Сырную и Свѣтлую Недѣли, и особенно въ Храмовый-Праздникъ, кушанья приготовляются въ большомъ количествѣ для угощенія родныхъ, друзей и знакомыхъ, званыхъ и незваныхъ; въ эти дни много выпивается пива и вина. Также, во время сѣнокоса употребляется лучшая пища.

МѢСТНЫЯ ЗАНЯТІЯ.

Крестьяне, естественнымъ порядкомъ вещей, пріохочены къ трудамъ, свойственнымъ ихъ быту, и ими поочередно занятъ у нихъ весь годъ. Три дня въ недѣлѣ, какъ мущины, такъ и женщины, занимаются господской работой, а всѣ прочіе дни — своей собственной. Зимой, молотятъ хлѣбъ, мнутъ конопли, посконь и ленъ: помолоченный хлѣбъ, мущины, на своихъ лошадяхъ, отправляютъ въ Нижній-Новгородъ, въ Муромъ, въ село Лысково и другія хлѣбныя пристани. Въ длинные осенніе и зимніе вечера, женщины прядутъ ленъ, посконь и шерсть, какъ для господскаго обихода, такъ и для своего; мущины плетутъ тогда лапти, чинятъ конскую сбрую, и т. п. Съ началомъ весны, мущины пашутъ подъ яровый хлѣбъ землю и сѣютъ, а въ свободное отъ работъ время исправляютъ упряжь, вновь дѣлаютъ и переправляютъ сохи, бороны, телѣги, роспуски, и занимаются надворнымъ строеніемъ; женщины ткутъ холсты и сукна. Затѣмъ начинается полотье яроваго хлѣба, потомъ — съ половины іюня — сѣнокосъ, а тамъ — пашня подъ озимой хлѣбъ. Не успѣетъ все это кончиться, какъ уже и рожь созрѣла, и въ слѣдъ за нею яровой хлѣбъ; тутъ-то начинаются тяжкіе труды для каждаго, какъ для возрастнаго, такъ и для малолѣтняго: всѣ, безъ изъятія, занимаются жнитвомъ, косьбой, вязаньемъ споповъ, возкой съ полей пожатаго хлѣба, молотьбою на сѣмена ржи, и т. д. Эта трудная работа продолжается до глубокой осени, и во все время ея женщины едва успѣваютъ заняться домашними дѣлами, присмотрѣть за малолѣтними дѣтьми, прибрать птицу и скотъ: онѣ очень мало спятъ, поздно ночью ложатся въ постель, и рано утромъ пробуждаются отъ сна. Осенью, если хорошая погода, то молотятъ хлѣбъ; если же ненастная, то заботятся о господскихъ и своихъ дворахъ, переправляютъ ихъ, покрываютъ вновь соломой, и защищаютъ на зиму.

Людей ремесленныхъ всякаго-рода здѣсь очень довольно; есть хорошіе сапожники, башмачники, портные, столяры, кузнецы, плотники, штукатуры. Всѣ они прекрасно знаютъ свое ремесло, но мало получаютъ выгодъ; потому-что города губернскіе и уѣздные далеко отстоятъ отъ села, вблизи-же нѣтъ и такихъ помѣщичьихъ имѣній, гдѣ-бы жили сами владѣльцы, а оттого и работать не на кого. Посему, главное, наиболѣе любимое и наиболѣе выгодное занятіе здѣшнихъ поселянъ есть собственно сельское хозяйство.

Земледѣліе предпочитается всѣмъ прочимъ частямъ сельскаго хозяйства и вообще промышленности. Здѣшнему поселянину, хотя-бы онъ былъ и ремесленникъ, земледѣліе необходимо къ пропитанію себя и своего семейства; и при хорошемъ ремеслѣ, но безъ хлѣбопашества, онъ былъ-бы послѣдній бѣднякъ, и нашелся-бы принужденнымъ питаться милостынею: между-тѣмъ, такъ-какъ тягловый крестьянинъ получаетъ отъ владѣльцевъ болѣе четырехъ десятинъ земли, то ему, и при посредственномъ урожаѣ, легко можно пропитать посѣяннымъ хлѣбомъ семью въ шесть человѣкъ, уплатить всѣ подати и повинности, и быть хорошимъ хозяиномъ; а другимъ ремесломъ, если будетъ работа, можетъ онъ заниматься въ остальное, свободное отъ земляныхъ работъ, время. По принятому издавна обычаю, хлѣбопашество производится здѣсь въ такомъ порядкѣ, что земля, принадлежащая къ селу, вся раздѣлена на три участка или поля, изъ которыхъ первое обыкновенно засѣвается озимымъ хлѣбомъ, второе — яровымъ, а третье остается въ пару круглый годъ. По этой системѣ трехпольнаго хозяйства, рожь всегда приходится сѣять на томъже мѣстѣ черезъ два года на третій; и такой круговой сѣвооборотъ колосоваго хлѣба сильно истощаетъ землю, такъ-что здѣшняя земля, сама-по-себѣ весьма плодородная, видимо слабѣетъ. Старожилы увѣряютъ, что, лѣтъ двадцать или тридцать назадъ, никто изъ поселянъ не имѣлъ нужды удобрять землю, и земля щедро вознаграждала земледѣльца за легкіе труды; нынѣ-же, напротивъ, годъ-отъ-году все больше и больше уменьшается растительная сила, и земледѣлецъ за гораздо большіе труды несравненно меньше вознаграждается. Это каждый поселянинъ видитъ своими глазами; а между-тѣмъ, къ об-

щему удивленію, никто не хочетъ заняться удобреніемъ земли, и навозъ все еще по-старому выбрасывается со дворовъ на улицы и въ овраги, безъ всякой пользы. Главный корень такой небрежности есть конечно черезполосность владѣній: никому не хочется удобрять свой участокъ потому только, что, при размежеваніи, удобренная земля можетъ перейти въ другія руки и положенные на нее труды пропадутъ напрасно.

Огородничество находится еще на низкой степени. Въ огородахъ садятъ лукъ, рѣдьку, морковь, бобы, свеклу, капусту и огурцы. Картофель, какъ уже было замѣчено, бо́льшая-часть жителей совершенно не садитъ; да и прочіе овощи сѣются на одной, много на двухъ грядахъ, такъ-что не успѣетъ наступить зима, а ужъ всѣ они и поѣдены.

Лошадей, равно какъ и прочаго домашняго скота, при изобиліи покосовъ, очень мало. Всѣ хозяева вообще держатъ скотъ только для домашняго употребленія; никто—для продажи. Лошади—малорослы, безсильны, безобразны; коровы — тоже дурной породы; на овцахъ—шерсть крупная, короткая. Въ рѣдкомъ домѣ можно найти двѣ коровы и десятокъ овецъ, и то никуда негодныхъ, тогда-какъ очень удобно-бъ было развести хорошія породы и коровъ, и овецъ, и лошадей. У помѣщиковъ находятся здѣсь два прекрасныхъ конскихъ завода: одинъ въ самой Ульяновкѣ—г-жи Приклонской, другой въ селѣ Оброчномъ—г. Потемкина (А. Я.): оба завода чистой орловской породы. Кромѣ-того, у владѣльцевъ же, есть два завода рогатаго скота, и заводъ черкаскихъ тонкошерстныхъ овецъ. Но крестьянинъ въ скотоводствѣ не видитъ выгодъ; онъ считаетъ лучшимъ остающееся у него сѣно продать за бездѣльную цѣну.

Было уже сказано, что рыбныя ловли здѣсь прекрасны; жители однако мало занимаются и этой отраслью промышленности: они ловятъ рыбу только для домашняго употребленія.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ.

Разныхъ обычаевъ и обрядовъ, при разныхъ житейскихъ случаяхъ, у здѣшнихъ крестьянъ очень много; но всѣ они, полагаю, болѣе или менѣе общи простому народу всего обширнаго Русскаго Царства: въ нихъ нѣтъ ничего собственно Ульяновскаго. Вотъ, однако, замѣчательнѣйшіе изъ нихъ:

А. ОБРЯДЫ СВАДЕБНЫЕ.

При сговорахъ и свадьбахъ крестьянъ, въ особенности, есть много занимательнаго и любопытнаго, отражающаго на себѣ характеръ древней Руси.

Выборъ невѣсты зависитъ собственно отъ отца и матери жениха, и женихъ никогда не противорѣчитъ волѣ родителей. Какъ родители, такъ и женихъ, мало обращаютъ вниманія на наружную красоту дѣвицы; выборъ основывается болѣе на хорошей нравственности, кротости, трудолюбіи, смышленности, доброй славѣ семьи, и т. п. Если дѣвица не имѣетъ этихъ достоинствъ, то хотябы слыла первою въ околодкѣ красавицею и ходила весьма нарядно, ею всѣ пренебрегаютъ, и даже бѣднякъ не захочетъ ее за себя посватать. «Что намъ въ ней?» говорятъ обыкновенно старики: «что въ этой красавицѣ проку? Она не умѣетъ ни шить, «ни прясть ни ткать, а только умѣетъ щеголять; а вѣдь мужу не въ стѣнку врѣзать смазливую жену, да глядѣть на нее: «жениннымъ-же богатствомъ вѣкъ не проживешь. А вотъ эта «дѣвица, хоть и не такъ красива и богата, такъ зато работяща, умна, скромна, невѣтреница, изъ хорошей семьи, а «вѣдь хорошая яблонь и сладкіе яблоки родитъ; она и мужа «будетъ любить, обувать и одѣвать, да и насъ не забудетъ на «старости лѣтъ, а это вѣдь не шутка!» Нельзя, конечно, сказать, чтобы приэтомъ совершенно презираемы были богатство и красота наружная; но, во всякомъ случаѣ, это уже достоинства второстепенныя.

Выбравъ, такимъ образомъ, достойную дѣвицу, родители жениха и близкіе по родству совѣщаются, кого откомандировать для сватанья; обыкновенно выборъ падаетъ на расторопную, говорливую и опытную въ такихъ дѣлахъ женщину, хотябы и не родственницу, причемъ обѣщаютъ ей напередъ хорошій подарокъ, если она успѣетъ въ дѣлѣ. Сваха идетъ въ домъ невѣсты, начинаетъ издалека заводить разговоръ о женихѣ, вычисляетъ всѣ его внутреннія и внѣшнія качества, по-секрету открываетъ матери невѣсты цѣль своего прихода, и проситъ на другой день передать свое согласіе или несогласіе. По уходѣ свахи, мать и отецъ невѣсты крѣпко задумываются, судятъ,

обсуживаютъ жениха и всю семью его, и наконецъ рѣшаютъ дѣло такъ: «Дѣвка не должна брезговать парнемъ, да и чѣмъ онъ «не мужъ нашей дочери? Уменъ, работящъ, тягло свое тянетъ «исправно, податей за собой не держитъ; парень бравый, здо«ровый, ровно кровь съ молокомъ, да и семью нечѣмъ похулить! «Чтоже намъ забиваться вдаль? Знать уже суждено нашей доче«ри быть за нимъ замужемъ, а вѣдь суженаго и конемъ не объ«ѣдешь!» Узнавъ о такомъ рѣшеніи, сваха, съ веселымъ лицемъ и съ разными гримасами, поговорками и пословицами, идетъ въ домъ жениха рапортовать объ успѣхѣ. И вотъ, подробно отобравши отъ ней всѣ свѣдѣнія, отецъ жениха, съ нѣкоторыми изъ родпыхъ своихъ, идетъ самъ въ домъ невѣсты, взявъ съ собой вина и коровай хлѣба. Поздоровавшись съ хозяиномъ дома, гости говорятъ ему: «У тебя есть продажный «товаръ, а у насъ купецъ; мы пришли покупать: продаешь-ли?» Отецъ невѣсты, понимая смыслъ словъ, отвѣчаетъ: «Я радъ, «если вы не побрезгуете товаромъ.» И нареченные сватовья дѣлаютъ между собою условія: какимъ образомъ долженъ быть совершенъ бракъ, какое за невѣстою будетъ приданое, и сколько невѣста должна получить отъ жениха «вкладу», то-есть денегъ и верхняго платья. Условившись такимъ образомъ, нареченные сватовья начинаютъ угощать другъ-друга: прежде отецъ жениха, принесенною съ собою водкой и хлѣбомъ, угощаетъ отца невѣсты; потомъ отецъ невѣсты угощаетъ пришедшихъ гостей: это называется «запоемъ». По окончаніи пирушки, отецъ жениха проситъ отъ невѣсты даръ въ родѣ задатка, и невѣста вручаетъ своему будущему свекру красные или синіе порты, которые онъ долженъ передать жениху. Тѣмъ оканчивается сватовство.

Въ послѣдній вечеръ передъ бракомъ, въ домѣ невѣсты бываетъ пиръ, или вечеринка. На эту вечеринку отецъ невѣсты созываетъ всѣхъ своихъ и женниныхъ родныхъ, друзей и знакомыхъ; приглашаетъ также дѣвицъ раздѣлить послѣдній вечеръ съ своею подружкою, попѣть пѣсенъ, и тѣмъ утѣшить безутѣшную невѣсту. Сюда приходитъ и женихъ, съ отцемъ и прочей своей родней. Хозяинъ дома встрѣчаетъ новую родню на порогѣ съ радушнымъ привѣтствіемъ: «добро пожаловать, гости дорогіе!»; проситъ садиться, и начи-

нается пированье. Веселый хозяинъ нѣсколько разъ обноситъ чару крѣпкаго вина по всѣмъ пирующимъ, ласково привѣтствуя каждаго: «милости прошу, гость дорогой! милости прошу откушать моего зелена вина и отвѣдать хлѣба съ солью!» За виномъ слѣдуетъ пиво или брага, тоже довольно крѣпкій напитокъ, и гости, часъ-отъ-часу, дѣлаются веселѣе, бесѣда шумнѣе, разговоръ живѣе. Всѣ толкуютъ, кто о чемъ знаетъ; одинъ другаго перебиваетъ, одинъ другаго не слушаетъ, а каждый силится, чтобы его голосъ заставилъ всѣхъ обратить на него одного особое вниманіе; начинается крикъ, споръ, шумъ, смѣхъ; дѣвицы поютъ свадебныя пѣсни, молодые парни имъ вторятъ; невѣста горько плачетъ; пиво и вино льется рѣкой, и пиръ длится иногда долго за полночь.

Въ этотъже вечеръ, въ домѣ жениха, дѣлается важный совѣтъ между близкими его родными, какъ-бы увеличить пышность «поѣзда». Въ совѣтѣ этомъ избираются посаженые отцы и матери со стороны жениха и невѣсты, также дружка, полдружье, сваха, дворяне и поѣзжане. Каждый, изъ сихъ выбранныхъ совѣтомъ лицъ, долженъ хорошо знать свою обязанность; особенно дружка, который долженъ быть непремѣнно женатый, расторопный, говорунъ, веселаго характера, опытный въ своемъ дѣлѣ, потому-что на немъ лежитъ важная обязанность научить новобрачную чету всѣмъ тайнамъ брака, и своею веселостью занимать во время ликованья всѣхъ пирующихъ. Затѣмъ: полдружье есть помощникъ дружки; посаженые отцы и матери должны благословлять жениха и невѣсту; сваха должна стоять подлѣ новобрачныхъ во время вѣнчанія; поѣзжане управляютъ поѣздомъ, а дворяне увеличиваютъ пышность свадьбы.

Кончивъ совѣщаніе, гости расходятся по домамъ, и стараются сладкимъ сномъ подкрѣпить силы свои на предлежащіе подвиги; но избранному дружкѣ и ночь длинна. Вставши рано утромъ, онъ старается набрать хорошихъ лошадей, потому-что и это лежитъ на его же отвѣтственности. Набравъ тройки три или четыре лихихъ коней, навѣшиваетъ подъ каждую дугу по одному или по два колокольчика, а къ ушамъ лошадей по погремушкѣ, и, по восходѣ солнечномъ, весь поѣздъ собираетъ на дворъ жениха. Тутъ сходятся всѣ должностныя

лица, избранныя въ вечернемъ засѣданіи, и начинается приготовленіе къ браку.

Одѣвши жениха въ самое лучшее платье, дружка ведетъ его изъ клѣти въ переднюю избу, для полученія благословенія отъ родителей. Родной отецъ беретъ икону и становится съ ней противъ сына, а родная мать держитъ коровай хлѣба съ солью; сынъ сначала кладетъ три земныхъ поклона предъ иконой, которою отецъ въ это время благословляетъ его троекратно; потомъ, благоговѣйно приложась къ иконѣ, цѣлуетъ отца съ матерью, и наконецъ хлѣбъ съ солью. Такимъже точно образомъ благословляетъ родная мать; потомъ отецъ крестный или посаженой, и посаженая или крестная мать. Во время благословенія, растроганный отецъ, дрожащимъ голосомъ, говоритъ сыну: «Богъ тебя благословитъ, сынъ мой, и я благословляю те«бя: будь также намъ послушенъ; люби насъ, какъ любилъ «прежде; не оставь насъ на старости лѣтъ, и Богъ тебя не «оставитъ!» Женихъ плачетъ, мать рыдаетъ; у всѣхъ присутствующихъ на глазахъ навертываются слезы: минута торжественная, картина восхитительная!

По окончаніи этого религіознаго обряда, сажаютъ жениха въ передній уголъ за столъ; садятся и всѣ гости, кромѣ дружки, который начинаетъ подчивать всѣхъ присутствующихъ, кромѣ жениха, передъ которымъ поэтому кладутъ на столѣ ложку, оборотивъ ручкой назадъ. Когда гости выпьютъ и закусятъ, дружка кричитъ громогласно: «Время!» Всѣ съ шумомъ встаютъ съ мѣстъ, и выходятъ на средину избы; но тотчасъ опять садятся, и на нѣсколько минутъ воцаряется глубокая тишина, прерываемая развѣ только рыданіями матери. Дружка кричитъ опять: «Время въ добрый путь!» Тутъ снова всѣ встаютъ, молятся Богу, и, крестясь, безмолвно идутъ изъ избы на дворъ, ступая черезъ порогъ правою ногою. Дружка ведетъ подъ руку жениха, а крестный отецъ идетъ впереди съ иконой въ рукахъ. На дворѣ, женихъ, приложась къ иконѣ и простясь съ отцемъ и матерью, садится на приготовленную для него телѣгу или сани, вмѣстѣ со свахой. Всѣ съ шумомъ занимаютъ свои мѣста. Дружка, взявши у посаженаго отца икону, троекратно обходитъ съ нею весь поѣздъ, творя какія-то молитвы, изъ опасенія чтобы злой человѣкъ не сглазилъ жениха; потомъ отдаетъ икону обратно поса-

женому отцу, и самъ садится. Поѣздъ двигается въ домъ невѣсты, а впереди человѣкъ пять молодыхъ парней, заломивъ шапки на бекрень, скачутъ верхами, съ ружьями назади, перекрестивъ грудь большими красными платками.

Тоже самое бываетъ и въ домѣ невѣсты. Также наряжаютъ ее въ лучшее платье; также благословляютъ ее отецъ съ матерью; также дружка распоряжается всѣмъ, какъ и въ домѣ жениха. По пріѣздѣ, онъ соединяетъ жениха съ невѣстою рука-съ-рукой и сажаетъ за столъ. Гости всѣ опять пьютъ и закусываютъ, кромѣ жениха и невѣсты, которые благоговѣйно приготовляются къ великому, священному таинству. Дружка кричитъ: «Пора!» Всѣ встаютъ. Потомъ дружка начинаетъ говорить: «Ну, православные! «по-русски присядемъ, да помолимся Богу, и поблагодаримъ хо«зяевъ за хлѣбъ за соль! Время и въ добрый путь!» Всѣ снова садятся и молчатъ: это минута благоговѣйнаго безмолвія, это священный обрядъ отъѣзжающихъ. Новый крикъ дружки: «Пора!» пробуждаетъ отъ молчанія; опять всѣ встаютъ, и молятся Богу. Послѣ молитвы, прощальныя слова отца и матери сливаются съ поцѣлуями увозимой невѣсты. У всѣхъ на глазахъ навертываются слезы: невѣста безъ чувствъ падаетъ въ объятія матери, впивается въ нее жадными устами, и вздохи замираютъ въ ея сладкихъ поцѣлуяхъ; она желала-бы какъ можно долѣе оставаться въ такомъ положеніи, но голосъ и сильныя руки дружки невольно увлекаютъ ее изъ родимаго крова, и Богъ-знаетъ куда. И вотъ, усадивши жениха и невѣсту на особыя телѣги, дружка громко кричитъ къ собравшемуся изъ любопытства народу: «Народъ крещеный! Благословите нашихъ бояръ къ кре«сту и вѣнцу!» Всѣ отвѣчаютъ: «Богъ васъ благословитъ! И мы «не отротчики!».

Поѣздъ съѣзжаетъ со двора. Отецъ съ матерью выходятъ за вороты, и долго, долго, провожаютъ любезную дочь прощальными знаками. Весь поѣздъ быстро двигается впередъ. Но, чрезъ нѣсколько минутъ, дружка возвращается на своей тройкѣ къ дому невѣсты, слѣзаетъ съ телѣги, и подходитъ къ воротамъ. Ворота заперты. Онъ стучитъ сильно рукой, и кричитъ: «Отоприте!»—На крикъ его отвѣчаютъ со двора: «Не отопремъ, давай выкупъ!»—«Что вамъ надо?»— «Рѣшето вина и вязанку денегъ!»— Дружка подаетъ въ подворотню стаканъ вина и мѣдный грошъ;

ему отпираютъ ворота; онъ входитъ въ избу, и спрашиваетъ хозяина: «Отчего ты такъ печаленъ; не болитъ-ли голова! — Тотъ «отвѣчаетъ: «Нѣтъ!» — Такъ не пропало-ли что?» — «Пропало.» — «А что?» — «Моя дочь.» — »Такъ я тебѣ скажу, говоритъ дружка, «гдѣ твоя дочь; она не пропала, а на руки напала; она больно «приглянулась нашему молодцу (такому-то — по имени и по отче«ству), да и онъ-то ей знать по сердцу пришелся; сговорились, да «и уѣхали вѣнчаться!» — Отецъ невѣсты, нѣсколько разъ перекрестясь, подноситъ стаканъ вина дружкѣ, и дружка, выпивъ вино, бѣжитъ въ клѣть къ дѣвицамъ выкупать постель. Кончивъ это, онъ возвращается къ поѣзду, который и затѣмъ еще нѣсколько разъ до церкви останавливается: поѣзжане пьютъ пиво и вино; также подчиваютъ и встрѣчныхъ, изъ опасенія чтобы злой человѣкъ не испортилъ молодыхъ.

По окончаніи таинства брака, на церковной паперти, головной уборъ невѣсты перемѣняется; вмѣсто платка, надѣваютъ ей на голову волосникъ. Затѣмъ отправляются въ домъ жениха; по дорогѣ мимоходящихъ угощаютъ пивомъ и виномъ, и на каждомъ перекресткѣ, или поворотѣ, поѣздъ останавливается, и дружка приглашаетъ знакомыхъ и незнакомыхъ въ гости къ новобрачнымъ: «Милости просимъ, людъ честной, къ нашимъ мо«лодымъ, на сыръ-коровай!» Тѣ благодарно кланяются.

Пріѣхали. Высаживаютъ молодыхъ, и дружка, соединивъ ихъ рука-съ-рукою, ведетъ въ растворенныя ворота. У входа въ сѣни, отецъ жениха ожидаетъ молодыхъ съ иконою въ рукахъ, а мать съ короваемъ хлѣба и съ солоницею. Молодые, приложась къ иконѣ, цѣлуютъ отца съ матерью, потомъ хлѣбъ съ солью, и идутъ въ избу; вдругъ кто-нибудь изъ родныхъ нечаянно обсыпаетъ новобрачную чету хмѣлемъ смѣшеннымъ съ мякиною: это, говорятъ, для того, чтобы новобрачные во всю жизнь были веселы. По приходѣ въ избу, сажаютъ молодыхъ въ передній уголъ; садятся и всѣ поѣзжане. Тутъ какая-либо родственница подаетъ молодой супругѣ младенца: та нѣсколько времени держитъ его на своихъ рукахъ, и передаетъ молодому мужу, а онъ отдаетъ обратно родственницѣ. Дружка потомъ начинаетъ подносить гостямъ вино, и каждый, взявъ рюмку, поздравляетъ новобрачную чету съ законнымъ бракомъ; молодые встаютъ, благодарятъ, и стоятъ пока гость выпьетъ всю рюм-

ку и отдасть подносщику: туть-то происходить такъ-называемое «ломанье надъ молодыми»; гость, отвѣдывая понемногу вина, кричить: «Горько!», и молодые должны приэтомъ цѣловаться. Наконець, дружка, который тѣшить, между-тѣмъ, гостей шутками и прибаутками, кричить: «Пора!», и всѣ встають. Молодыхъ выводять изъ-за стола тѣмъже порядкомъ, какъ они вошли за столъ, то-есть — чтобы столъ не обходить вокругъ: иначе, говорить суевѣріе, молодая не будеть родить. Затѣмъ дружка и сваха ведуть ихъ на брачную постель, которая заранѣе приготовляется въ задней избѣ, или въ клѣти. Тамъ вмѣстѣ готовъ и столъ съ разными кушаньями, которыми дружка угощаеть молодыхъ, а потомъ укладываеть спать. Дверь снаружи запирается замкомъ. Дружка, между-тѣмъ, время отъ времени подбѣгаеть къ запертой двери, прислушивается, и, когда замѣтить, что молодые проснулись и встали, кличеть сваху и вмѣстѣ съ ней опрометью бѣжить отпирать дверь. Молодыхъ одѣвають, вводять назадъ къ пирующимъ гостямъ, и туть открывается завѣтная тайна брака: или радостная, или печальная для родныхъ; впрочемъ, что бы ни случилось, радость или печаль, пирующіе все это скоро забывають.

По приходѣ новаго свата съ своей родней, молодые начинають раздавать подарки. Дружка ставить на подносъ рюмку съ виномъ, или стаканъ съ пивомъ, а сваха на другой подносъ кладеть подарокъ. Оба подходять къ тому, кого слѣдуеть дарить, и кланяются ему, а дружка приговариваеть:

Во пиру веселомъ,
Во теремѣ высокомъ,
Четыре ноги подходять,
Четыре руки подносять,
На золотомъ блюдѣ,
Чару зелена вина.
Изволь чару выкушать,
Изволь впередъ выступить,
Изволь посмотрѣть,
Какъ нашъ князь съ княгиней
Бьютъ тебѣ челомъ.
Прими челобитье,
А самъ положи
Золотую гривну.
Они люди на-новѣ:
Имъ нужны деньги:
На шильце, на мыльце,
На тонки полотенца,
На кривыя веретенца,
На бѣлилы, на румяны,
На синіе сарафаны;
Надо имъ коня купить,
Надо имъ его кормить,
На немъ воду возить:
Вода-то хоть и близко,
Да ходить-то склизко.

Вызванный такимъ-образомъ гость встаетъ съ своего мѣста, беретъ рюмку съ виномъ, или стаканъ съ пивомъ, начинаетъ понемногу прихлебывать съ разстановкою, а въ это время молодые лежатъ у его ногъ; по временамъ и тутъ кричитъ онъ: «Горько!», и молодые встаютъ, цѣлуются, и опять падаютъ къ нему въ ноги. Наконецъ, выпивши напитокъ, беретъ онъ съ подноса подарокъ, состоящій обыкновенно изъ платка, полотенца, или просто нѣсколькихъ аршинъ холста, утирается имъ, и, поцѣловавъ молодыхъ, кладетъ на подносъ нѣсколько денегъ: это называется «отдарьемъ». Обнесши такимъ порядкомъ всѣхъ присутствующихъ, молодые садятся за столъ, и тутъ-то начинается пированье. Пьютъ, ѣдятъ; дѣвицы поютъ пѣсни, молодые парни играютъ на дудкахъ, балалайкахъ, гармоніяхъ и скрипкахъ; пляска, шумъ, крикъ, говоръ, смѣхъ; и все это оживляется неподдѣльною веселостію дружки и радушіемъ хозяевъ. Пиръ длится иногда до разсвѣта, и называется «горнымъ столомъ».

На другой день дѣлается такаяже пирушка въ домѣ отца молодой, и иногда цѣлую недѣлю длится перегулка между новыми сватовьями. Такъ оканчиваются брачные обряды.

б. Обряды при другихъ житейскихъ случаяхъ.

Похороны и поминки умершихъ вообще не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ только что всякой присутствующій родственникъ или знакомый, хотябы вовсе не былъ расположенъ плакать по умершемъ, долженъ непремѣнно вопить сколько достанетъ у него силъ, исчисляя всѣ качества и хозяйственныя занятія покойнаго, не то сочтутъ его безчувственнымъ. Общій обычай велитъ класть въ руку всякому похороняемому покойнику платокъ. Нѣкоторые особые обряды бываютъ при похоронахъ во время смертоносныхъ повальныхъ болѣзней: тутъ, какъ въ церковь для отпѣванья, такъ и на кладбище, умершаго несутъ впередъ головой, и притомъ какая-нибудь женщина, въ самой околицѣ, или на перекресткѣ, взявъ въ руки косырь, нѣсколько разъ ударяетъ имъ по дорогѣ: это, по суевѣрному предразсудку, значитъ пересѣчь путь мертвецу и тѣмъ прекратить навсегда смертоносную язву.

Когда угрожаетъ селенію какая-либо повальная болѣзнь (на-примѣръ — въ послѣднее время холера), то, ночью, сбираются нѣсколько старыхъ и незамужнихъ дѣвицъ, извѣстныхъ своей христіанскою жизнью, и, съ иконой и зажженными свѣчами въ рукахъ, идутъ вокругъ селенія съ церковнымъ пѣснопѣніемъ, а позади ихъ нѣсколько дѣвицъ тащатъ на себѣ соху, которою бороздятъ землю, въ твердой увѣренности, что за эту черту никакая язва перейти не можетъ. Въ самую-же полночь, одна изъ дѣвицъ тайкомъ подходитъ къ колокольнѣ и начинаетъ бить въ колоколъ тревогу; жители въ испугѣ выбѣгаютъ изъ домовъ, смотрятъ во всѣ стороны, нѣтъ-ли гдѣ пожара, и, не видя ничего, бѣгутъ къ церкви, а дѣвица, между-тѣмъ, никѣмъ не узнанная, скрывается: это, говорятъ, для того, чтобы вѣдьму, которая умерщвляетъ людей смертоносной язвой, запугать такъ, чтобъ она не смѣла и подходить къ селенію.

Вообще, при болѣзняхъ, здѣшній поселянинъ слишкомъ недовѣрчивъ къ врачамъ, особенно иностранцамъ; но до ослѣпленія склоненъ искать помощи у своихъ знахарей и ворожей.

Всѣ истерическія болѣзни, по вѣрованію ихъ, происходятъ отъ дѣйствія злаго духа въ человѣкѣ, а потому такому больному даютъ и лекарства духовныя. Отыскиваютъ старика или старуху, грамотѣевъ, честнаго поведенія и строгой христіанской жизни, и просятъ почитать что̀-нибудь изъ Священнаго-Писанія надъ бѣснуемымъ; призванный, или призванная, идетъ въ домъ больнаго, становится предъ божницей, очерчиваетъ вокругъ себя троекратно углемъ, въ твердой увѣренности, что за эту черту бѣснуемый не можетъ перейти и причинить какой-либо вредъ, и протяжно читаетъ разныя молитвы, иногда произвольно выдуманныя.

Какъ истерическія болѣзни приписываютъ дѣйствію злаго духа, такъ геморoидальныя — порчѣ злыхъ людей, или нехорошему глазу; а потому ищутъ ворожею, который-бы могъ, чрезъ наговоры и другія средства, принести облегченіе. Для этого, находятъ старуху-знахарку, или знахаря-старика, которые, явясь, начинаютъ обыкновенно увѣрять больнаго, что его точно испортилъ нечистый глазъ: «я, дескать, вѣрно «это знаю; мнѣ не въ-первой вылечивать съ глазу!» Больной проситъ помощи, и, разумѣется, обѣщаетъ хорошій подарокъ.

Тогда знахарь беретъ ковшъ воды, кладетъ туда горячихъ углей и щепоть соли, и въ тихомолку начинаетъ шептать какія-то слова, вѣроятно какія въ то время попадутся на языкъ; тутъ вдругъ съ нимъ начинаются корчи, судороги и зѣвота, которыя служатъ къ убѣжденію зрителей, что больной точно испорченъ, и эту порчу знахарь теперь принялъ на себя. Послѣдній, по прошествіи судорожнаго состоянія, беретъ въ ротъ изъ ковша воды и нечаянно спрыскиваетъ больнаго, который оттого вздрагиваетъ, и тотъ поздравляетъ его съ выздоровленіемъ, приказывая остальную воду выпить въ три или четыре пріема.

Бываютъ и другіе особые пріемы ворожейнаго шарлатанства. Въ-случаѣ боли въ поясницѣ, кладутъ больнаго на порогъ, головою въ сѣни, и знахарь косыремъ потихоньку ударяетъ его въ спину. При зубныхъ болѣзняхъ, знахарь беретъ рябиновый сучекъ, надкалываетъ его начетверо, шепчетъ надъ нимъ, и даетъ больному нѣсколько минутъ подержать на больныхъ зубахъ, причемъ строго приказываетъ нѣсколько годовъ сряду не ѣсть рябины. Чтобы остановить кровь изъ свѣжей раны, знахарь что-то шепчетъ надъ раной и перевязываетъ ее бинтомъ. Отъ такихъ, по-видимому пустыхъ и ничего незначущихъ, средствъ, многіе, какъ увѣряютъ очевидцы, получаютъ облегченіе; что̀, конечно, происходитъ отъ твердой, какъ со-стороны больнаго, такъ и со-стороны знахаря, вѣры въ непремѣнную дѣйствительность даваемыхъ средствъ.

А вотъ народныя домашнія лекарства. Въ простудныхъ болѣзняхъ, крестьяне обыкновенно прибѣгаютъ къ единственному средству—банѣ; здѣсь, въ пару, намазываютъ тѣло виномъ, рѣдечнымъ сокомъ, свинымъ и медвѣжьимъ саломъ, дегтемъ и т. п. Въ лихорадкахъ, кладутъ подъ подушку больнаго лошадиную голову, поятъ дегтемъ съ молокомъ, полынным отваромъ и виномъ съ солью. Къ застарѣлымъ ранамъ и язвамъ прикладываютъ траву придорожникъ, паутинникъ и коровье масло; къ нарывамъ, печеный лукъ и хлѣбъ съ солью. Въ случаѣ почесушекъ, намазываютъ тѣло горючей сѣрой, смѣшенной съ кислой сметаной. Въ глазныхъ болѣзняхъ, двѣнадцать зорь умываются росою; въ летучихъ сыпяхъ, надъ болячками высѣкаютъ изъ кремня огонь; отъ кашля, ѣдятъ печеный лукъ; слабительнымъ служитъ огуречный разсолъ съ медомъ. Въ

случаѣ упорныхъ головныхъ болѣзней, кладутъ въ горшокъ горящихъ углей и на нихъ сыплютъ киноварь, потомъ больнаго сажаютъ надъ этимъ горшкомъ съ разинутымъ ртомъ, закутавъ какъ возможно теплѣе. Въ болѣзняхъ любострастныхъ, пьютъ крѣпкую водку съ виномъ или съ отварною водою; также пьютъ настой «дорогой-травы».

Во время скотскаго падежа, существуетъ обычай, отслужа въ полѣ общественный молебенъ, прогонять весь скотъ сквозь глубокій, нарочно приготовленный ровъ, при входѣ въ который раскладывается огонь, вытертый изъ дерева.

При продажѣ и покупкѣ, никто изъ здѣшнихъ жителей не согласится купить лошадь безъ узды, или корову безъ дойника, хотябы они продавались за полцѣны. Также никакая вещь не продается и не покупается безъ вина, хотябъ то была вещь самая малоцѣнная; покупатель и продавецъ должны непремѣнно угостить другъ-друга. Сверхъ-того, поладивъ въ цѣнѣ, покупатель и продавецъ, перекрестясь, подаютъ другъ-другу въ руки правую полу своего кафтана, или полушубка: это служитъ вмѣсто клятвы, и иной скорѣе нарушитъ присягу, нежели согласится солгать, совершивъ этотъ обрядъ.

в. НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Отличительная, характеристическая черта здѣшнихъ жителей есть веселость. Они такъ любятъ игры, забавы, пѣсни и пляски, что ничто не можетъ ихъ удержать отъ нихъ: ни домашнія заботы, ни постоянные тяжелые труды, ни даже самая бѣдность. Радуетъ-ли что крестьянина — онъ радость свою выражаетъ въ веселыхъ пѣсняхъ; случится-ли что непріятное въ жизни — онъ изливаетъ свои горестныя чувства въ пѣсняхъ протяжныхъ, заунывныхъ; сытъ-ли, голоденъ-ли — онъ все поетъ, все не унываетъ. Въ лѣтнее рабочее время, пробывши цѣлый день въ полѣ, въ тяжкихъ трудахъ, онъ возвращается домой, поздо вечеромъ, непремѣнно съ пѣснями, и такъ веселъ, такъ доволенъ, какъ будто возвращается съ пирушки.

Зимою, въ длинные вечера, дѣвицы и молодыя женщины сходятся въ одну избу, съ донцами и гребнями, прясть ленъ или посконь: это называется «посидѣлки»; сюда также сходятся

и молодые парни: дѣвицы прядутъ и поютъ пѣсни, парни играютъ въ дудки, балалайки и гармоніи, причемъ веселыя пѣсни часто заставляютъ дѣвицъ покидать гребень и приниматься за пляску. Въ Святки, молодежь гурьбами ходитъ изъ дома въ домъ, съ пѣснями и пляскою; въ полночь ходятъ по банямъ, овинамъ, и, по лаянію собакъ и пѣнію пѣтуховъ, отгадываютъ свою будущую судьбу. Во время Масляницы, всѣ наряжаются какъ-можно лучше, ходятъ хороводами по улицамъ, поютъ пѣсни, и катаются на лошадяхъ; а вечеромъ отправляются на скользкую гору, гдѣ въ разныхъ забавахъ проводятъ всю ночь.

Но вотъ наступаетъ весна, и съ ней рядъ особенныхъ веселій для поселянъ. Въ Свѣтлую-Недѣлю, женщины, дѣвицы и молодые парни, нарядясь въ лучшее платье, выходятъ изъ домовъ; улицы наполняются народомъ, веселымъ, здоровымъ и красивымъ: всѣ рады красной веснѣ и теплому солнышку, всѣ рѣзвятся, какъ рой мотыльковъ, по зеленой, мягкой муравѣ. Съ Перваго-Воскресенья послѣ Пасхи, народъ, отслушавъ обѣдню, выбѣгаетъ на улицы, и начинаютъ играть кто во что гораздъ; составляется нѣсколько хороводовъ, и вдругъ вся окрестность оглашается звуками веселыхъ пѣсенъ. Затѣмъ, до Петрова-Поста, или, по просторѣчію, до Русалкина-Заговѣнья, каждый вечеръ, особенно въ праздничные дни, молодежь вся собирается на открытую площадь противъ господскаго дома и веселится: составляется нѣсколько большихъ круговъ, сходятся пѣсенники и пѣсенницы, являются музыканты съ рожками, кленовыми и тростниковыми дудками, гармоніями, балалайками и скрипками; пѣвчіе поютъ веселыя пѣсни, а музыканты играютъ на своихъ инструментахъ; въ средину одного круга попарно выходятъ дѣвица или женщина съ молодымъ парнемъ, и подъ пѣсни начинается пляска; въ другомъ кругу, играютъ въ жгуты; въ третьемъ, въ горѣлки; тутъ рѣзвятся дѣти, а тамъ старики посматриваютъ на забавы молодыхъ людей, вспоминаютъ времена своей юности, и дивятся, какъ рѣзвая, кипучая кровь незамѣтно въ нихъ охладѣла. Въ Троицынъ-День, послѣ обѣда, всѣ собираются на площадь, и составляется одинъ огромный хороводъ, который, съ веселыми пѣснями и музыкой, отправляется въ близь-лежащую рощу; тамъ, послѣ различныхъ игръ, каждый изъ

гуляющихъ вьетъ себѣ изъ зеленыхъ вѣтвей и весеннихъ цвѣтовъ вѣнокъ, и надѣваетъ на голову; потомъ, въ этомъ убранствѣ, идутъ къ широкому озеру, и начинаютъ бросать вѣнки въ воду, а вечеромъ возвращаются на площадь и играютъ до разсвѣта. Въ Русалкино-Заговѣнье, молодежь также вся собирается на площадь: тутъ кого-нибудь наряжаютъ лошадью, подвѣшиваютъ подъ шею колокольчикъ, сажаютъ верхомъ мальчика, и двое мущинъ ведутъ подъ-уздцы въ поле, а позади весь хороводъ, съ громкими прощальными пѣснями, провожаетъ, и придя въ поле разоряетъ наряженную лошадь съ разными играми: это значитъ — «проводить весну».

УМСТВЕННЫЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА.

Многіе изъ нашихъ поселянъ надѣлены отъ природы прекрасными умственными способностями, имѣютъ острую память, удачно судятъ о разныхъ серьозныхъ предметахъ и переимчивы во многихъ отношеніяхъ. Случалось встрѣчать стариковъ, которые твердо помнятъ самыя маловажныя вещи, видѣнныя ими еще въ дѣтствѣ; разскажутъ вамъ, годовъ за двадцать или болѣе, какія были зимы — холодныя или теплыя, лѣто — сухое или дождливое, какой былъ урожай хлѣба, и т. п. Есть опытные старцы, которые, по извѣстнымъ имъ однимъ примѣтамъ, предугадываютъ, какой лучше хлѣбъ родится на будущій годъ, какая будетъ весна, лѣто, осень и зима; и все это иногда такъ удачно, что невольнымъ образомъ почтешь ихъ за прорицателей. Но у большинства, надо сознаться, умственныя способности находятся еще въ совершенномъ младенчествѣ, не развиты, подавлены различными заблужденіями, суевѣріями и предразсудками. Большая-часть судятъ о вещахъ по своимъ закоренѣлымъ привычкамъ, или слѣпо послѣдуя невѣжественному водительству другихъ. Многіе поступаютъ глупо и дурно единственно по тому, что не хотятъ нѣсколько времени подумать о дѣлѣ, поломать надъ нимъ голову, поработать умомъ: дѣлаютъ какъ попало, а оттого и дѣла ихъ идутъ безуспѣшно и къ раззоренію собственнаго ихъ благосостоянія.

По нравственнымъ качествамъ, здѣшній поселянинъ вообще простодушенъ, довѣрчивъ, ласковъ, уважаетъ всѣ общественныя

власти, богобоязливъ, и свято исполняетъ свои обязанности. Рѣдки примѣры, чтобъ братья несогласно жили между-собою и принуждены были дѣлиться. Вездѣ еще оказывается уваженіе къ старикамъ и дѣти непочтительные презираются. Отецъ или мать, дѣлая нравоученіе своимъ дѣтямъ, всегда приводятъ въ примѣръ другихъ чьихъ-нибудь дѣтей, какъ дурныхъ, такъ и почтительныхъ: «небудь, говорятъ, и ты, какъ такой-то «сынъ или такая-то дочь, а живи, какъ живетъ такой-то или «такая-то!» Это прекрасная черта въ характерѣ здѣшняго народа; и дай Богъ, чтобы она никогда не измѣнялась!

При этихъ прекрасныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, зачѣмъ умалчивать и о порокахъ, наиболѣе замѣтныхъ? Многіе преданы гибельной страсти пьянства, также игрѣ въ карты и въ орлянку, чѣмъ подрываютъ собственное домашнее благосостояніе, и другимъ, слабымъ и неопытнымъ, даютъ дурной примѣръ; нѣкоторые такъ сильно заражены этими страстями, что ни совѣты благонамѣренныхъ людей, ни слезы семейныхъ, ни угрозы и наказанія начальниковъ, не могутъ ихъ остановить. Кромѣ-того, есть еще отличительный господствующій недостатокъ, которому здѣшніе жители преданы почти всѣ безъ исключенія: это нищенство. Здѣшній крестьянинъ не считаетъ за стыдъ кормиться милостынею; иной безбѣдно могъ-бы прокормить свое семейство, имѣя у себя въ сусѣкахъ хлѣбъ и въ сундукѣ деньги, даже могъ-бы удѣлять по-возможности и другимъ нуждающимся въ дневномъ пропитаніи; но онъ не ставитъ себѣ въ грѣхъ и не стыдится посылать дѣтей своихъ ходить подъ окнами чужихъ домовъ и просить куска хлѣба.

Того, что̀ называется образованіемъ, здѣсь можно-сказать вовсе не существуетъ. Изъ всѣхъ жителей села, исключая помѣщиковъ и духовныхъ, только шесть человѣкъ обоего пола грамотныхъ, да и тѣ едва могутъ разбирать печатныя книги по складамъ и кое-какъ подписывать свое имя. Причина неграмотности та, что здѣшній житель слишкомъ преданъ старинѣ и ненавидитъ нововведенія: одно только старое, дѣдовское, въ глазахъ его хорошо, хотябы то было совершенная нелѣпость и безсмыслица; новое-же, будь самое прекрасное, никуда негодно, и пренебрегается. Такъ думаетъ, такъ и дѣйствуетъ здѣшній поселянинъ; поэтому, если кто здѣсь и учится, такъ только од-

ному чтенію, и притомъ у невѣждъ, которые сами едва знаютъ грамоту. Отъ такого жалкаго состоянія просвѣщенія происходитъ, что здѣшніе жители преданы весьма грубымъ и нелѣпымъ суевѣріямъ и предразсудкамъ; въ подтвержденіе чему, приведемъ здѣсь нѣсколько образчиковъ.

Всѣ здѣшніе жители отъ души вѣрятъ домовымъ, лѣшимъ, русалкамъ, вѣдьмамъ, колдунамъ, оборотнямъ, ягамъ-бабамъ, и т. п. Да и немудрено: они, отъ самыхъ дѣтскихъ пеленъ, непрестанно слышатъ объ нихъ, то отъ няньки, то отъ бабушки, то отъ отца и матери. Здѣшній житель вскормленъ, можно-сказать, этими разсказами, и потому такъ любитъ ихъ, что ни за какія блага не захочетъ съ ними разстаться. Каждый, если послушать его, то самъ, хоть разъ въ жизни, а непремѣнно видѣлъ кого-нибудь изъ этихъ демоновъ; иной разскажетъ, пожалуй, со всею подробностью, какъ однажды, ни зачто, ни прочто, домовой чуть-было не удушилъ его ночью. Вотъ одинъ довольно странный изъ здѣшнихъ обычаевъ, относящійся собственно къ домовому. Всякой хозяинъ, если вздумаетъ изъ стараго дома переходить въ новый, поставляетъ себѣ въ непремѣнную обязанность просить домоваго переселиться съ нимъ вмѣстѣ. Посему, не перенося еще въ новопостроенную хату ничего изъ пожитковъ, глава дома беретъ въ одну руку икону, а въ другую кусокъ хлѣба съ солью, и, перекрестясь, начинаетъ приглашать въ новый домъ домоваго: «Дѣдушка домовой! Прошу твою милость перейти съ нами «на ново житье: прими нашу хлѣбъ-соль! Мы будемъ тебѣ «рады: только мы пойдемъ дорогой, а ты стороной!» Придя потомъ въ новый домъ, ставитъ онъ икону на божницу, и, помолясь предъ ней Богу, хлѣбъ съ солью кладетъ въ подпечекъ, который считается обиталищемъ домоваго, и, послѣ того, вполнѣ увѣренъ, что домовой никакъ не забудетъ его хлѣба-соли. И точно: заржетъ-ли лошадь въ конюшнѣ — хозяинъ отъ души вѣритъ, что домовой несетъ или мѣситъ ей овесъ; спутается-ли у ней грива — приписываетъ это особенной любви къ ней домоваго; похудѣетъ-ли она — увѣряетъ себя и другихъ, что это произошло отъ нерасположенности домоваго къ лошади, или, какъ выражаются крестьяне, лошадь похудѣла оттого, что домовому пришлась не по нраву. Вообще, если ночью что-нибудь нечаян-

но скрыпнетъ, стукнетъ, мяукнетъ, или застонетъ, хозяинъ видитъ тутъ счастливое или несчастное предсказаніе домоваго объ его семействѣ; нѣтъ иподного пустаго случая, который-бы не былъ относимъ къ домовому: онъ считается хранителемъ домашняго скота, вѣрнымъ сторожемъ двора, спутникомъ жизни, предвѣстникомъ будущаго, коротко - сказать — домашнимъ патрономъ. Какъ домоваго считаютъ хозяиномъ дома, такъ лѣшаго — хозяиномъ лѣса, русалку—водъ, а ягу-бабу—полей.

Суевѣріе дотого ослѣпляетъ здѣшній народъ, что онъ и самыя казни Божіи приписываетъ какимъ-то волшебнымъ дѣйствіямъ вѣдьмъ и колдуновъ. Такъ, въ 1847 году, падежъ рогатаго скота приписываемъ былъ злому дѣйствію собакъ и свиней, почитаемыхъ за какихъ-то оборотней; поэтому, въ продолженіе падежа, истреблено было нѣсколько собакъ и убита одна свинья. Во время холеры, сколько было разсказовъ о вѣдьмахъ, оборотняхъ и колдунахъ, которые, по мнѣнію жителей, умерщвляютъ людей! Не дальше какъ въ августѣ мѣсяцѣ 1848 года, числа не припомню, въ день воскресный, народъ отъ бездѣлья кружками сидѣлъ подъ окнами домовъ и толковалъ про общее бѣдствіе: вдругъ, въ одномъ концѣ селенія, сдѣлался необычайный шумъ, крикъ, суматоха; народъ со всѣхъ пунктовъ сбѣгался къ мѣсту тревоги; явилось человѣкъ двадцать конниковъ съ большими дубинами, и вся масса быстро двинулась въ поле, мимо двухъ вѣтреныхъ господскихъ мельницъ. У многихъ бѣгущихъ я старался узнать причину тревоги, но никто не зналъ и самъ, зачѣмъ и куда бѣжитъ; только и было видно, какъ народъ мелькалъ по полю, и всадники во весь карьеръ мчались за кѣмъ-то въ догонку, то быстро сдвигаясь въ одинъ тѣсный кружокъ, то стремглавъ разсыпаясь по всѣмъ сторонамъ, а потомъ, чрезъ нѣсколько минутъ, и вовсе исчезли изъ глазъ изумленной толпы, стоявшей изъ любопытства на краю селенія. Часа черезъ два, всѣ, конные и пѣшіе, возвратились опять въ селеніе, усталые, измученные, въ поту, въ пыли, лошади въ мылѣ; тутъ-то, наконецъ, я узналъ настоящую причину тревоги. Какая-то женщина, сидѣвши подъ окномъ своего дома, увидѣла подлѣ мельницъ большую пеструю собаку, которая, оборотясь головой къ селенію, стала выть непріятнымъ образомъ; испуганная этимъ воемъ, она

побѣжала къ сосѣдямъ, и какъ въ это время воображенiе всѣхъ было сильно настроено къ чему-то чудесному, небывалому, сверхъестественному, то сосѣди немедленно выбѣжали на улицу и начали сзывать праздный народъ воплями и криками: «Вѣдьма! Вѣдьма! Ребята бѣгите! Здѣсь вѣдьма, пришла морить «насъ! Это колдунъ! Оборотень! Сюда! Скорѣе! Скорѣе!» Народъ шумными толпами бѣжалъ на крикъ, и самъ въ свою очередь кричалъ, что̀ попало въ голову, чтобы только увеличить суматоху и разгорячить воображенiе. Несчастная собака сдѣлалась-бы непремѣнно жертвою этого разъяренiя, еслибы не успѣла прибѣжать къ своему хозяину, который едва могъ разувѣрить преслѣдователей, выставя въ свидѣтели цѣлую деревню, что эта собака его собственная, взятая имъ еще щенкомъ у такого-то крестьянина: тогда только, обезоруженная очевидными доводами толпа, измученная и пристыженная, возвратилась назадъ въ селенiе. Да, и до-сихъ-поръ, не всѣ еще здѣшнiе жители соглашаются, что холера была кара Божiя, за грѣхи людей посланная; бо̀льшая-часть продолжаютъ упорно вѣрить, что это было дѣйствiе злыхъ вѣдьмъ и колдуновъ.

Вотъ еще нѣсколько здѣшнихъ повѣрiй и заблужденiй. Солнечное и лунное затмѣнiе происходитъ отъ скрадыванiя луннаго свѣта злыми духами, чтобы въ темнотѣ удобнѣе имъ было уловлять въ свои сѣти Христiанъ. Громъ и молнiю производятъ отъ быстраго движенiя колесъ огненной колесницы Пророка Илiи. Падающiя звѣзды почитаютъ за огненныхъ змѣй или демоновъ, которые, будто-бы, летаютъ къ людямъ и вселяются въ нихъ, отчего такъ много бываетъ бѣснуемыхъ или кликушъ. Табакъ считается за проклятую траву, выросшую изъ трупа какой-то блудницы. Кофе, тоже говорятъ, проклятъ; да и о чаѣ мнѣнiе нашихъ мудрецовъ не лучше. Самый картофель считался прежде за проклятое растенiе, которое производили какъ-то отъ табачнаго-же корня; но теперь, когда узнали его пользу и вкусъ, начали безбоязненно сѣять и охотно употребляютъ въ пищу.

—

ВОЛОСТЬ
ПОКРОВСКО-СИЦКАЯ.

ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ
МОЛОЖСКАГО УѢЗДА.

(Священника А. Преображенскаго.)

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

ОБЩІЙ ВИДЪ МѢСТНОСТИ. РѢКА СИТЬ. ПОДРОБНОСТИ МѢСТОПОЛОЖЕНІЯ. ПОЧВА. ЕСТЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. НАСЕЛЕНІЕ.

Ярославской губерніи Моложскаго уѣзда, вѣдомства Государственныхъ Имуществъ, преждебывшая *Покровско-Сицкая* Волость нынѣ составляетъ два Сельскія (неотдѣльныя) Общества: *Покровско-Ситское* и *Байловское*, причисленныя для управленія къ *Дубровской* (прежде *Веретейской*) Волости, такъ названной отъ деревни *Дубровы*, гдѣ помѣщено Волостное Правленіе. Она расположена по обѣимъ сторонамъ рѣки *Сити*, въ разстояніи отъ истока ея около 60 верстъ и около 15 верстъ отъ впаденія. По правую сторону рѣки волостныя земли разстилаются въ видѣ полукружія, а на лѣвой сторонѣ, казенный лѣсъ, къ волости-же принадлежащій, окружаетъ ее въ видѣ подковы; такимъ образомъ, волость, въ своемъ общемъ объемѣ, имѣетъ видъ немного продолговатаго круга. Длина волости вдоль рѣки Сити,

отъ деревни *Панкратовой* включительно до деревни *Торонковой*, составляетъ около 12 верстъ, а поперечникъ, отъ деревни *Базыковъ* до деревни *Семеновки*, около 17 верстъ.

Рѣка *Сить*, давшая названіе волости, раздѣляетъ ее на двѣ не равныя половины. Она выходитъ Тверской губерніи въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, изъ огромной топи; протекаетъ затѣмъ Кашинскимъ и частію Мышкинскимъ уѣздомъ, а потомъ уже Моложскимъ, отъ юго-зпада къ сѣверо-востоку, въ одномъ направленіи съ рѣкой *Волгой* почти вездѣ въ одинаковомъ отъ ней разстояніи; впадаетъ, наконецъ, въ рѣку *Мологу*, въ 40 верстахъ до впаденія сей-послѣдней въ *Волгу*. Все теченіе ея составляетъ отъ 80 до 90 верстъ. Въ Бѣжецкомъ и Кашинскомъ уѣздахъ, она не болѣе какъ ручеекъ, текущій по низкому и ровному пространству, наровнѣ съ берегами; но въ Моложскомъ, принимая въ себя рѣчку *Болотею*, становится значительнѣе. Сначала, въ продолженіе около 50 верстъ, берега ея ровны и низки; потомъ становятся выше, гористѣе, и въ предѣлахъ волости дѣлаются очень круты, часто представляютъ голые утесы, которые горизонтально стоятъ надъ водой и осыпаются каждую весну; но дальше, за волостью, опять понижаются мало-по-малу, и верстахъ въ 5 отъ впаденія сравниваются съ водою. Нынѣ, вдоль всего теченія рѣки, стоятъ на ней десять довольно значительныхъ мукомольныхъ мельницъ и одна пошевная: первая — поперечная мукомольная мельница — въ 50 верстахъ отъ истока, послѣдняя — крупчатный заводъ — около 100 саженъ отъ впаденія. Вотъ ихъ послѣдовательный съ верху порядокъ: 1) мельница *Колегаевская*, съ 5 поперечными жерновами, маслобойней и толчеей; 2) *Щербицинская*; 3) *Правдинская*; 4) *Добрецовская*; 5) *Бабигорская*, менѣе значительная; 6) *Этауловская*, пошевная о 2 поставахъ; 7) *Панкратовская*, имѣющая 5 жерновов, толчею о 32 пестахъ и маслобойню (здѣсь начинается волостная земля, и ниже плотины строеніе барокъ отъ волости); 8) *Мерзлеевскій* пильный заводъ, и при немъ 5 мельничныхъ жернововъ и маслобойня (здѣсь волостная земля на правомъ берегу рѣки кончается прудиною, а также кончается и строеніе отъ волости барокъ); 9) *Тимонинская* мукомольная поперечная мельница, о 5 жерновахъ, съ маслобойней; 10) *Средній* крупчатный заводъ; наконецъ 11) *Нижній* крупчатный заводъ. До первой мель-

ницы теченіе рѣки тихо; далѣе-же, по мѣрѣ какъ берега становятся круче, и теченіе дѣлается быстрѣе до самаго впаденія. Вода въ рѣкѣ вообще красноватая. Дно, около волости, неимовѣрно каменисто, и въ иныхъ мѣстахъ представляетъ сплошную каменную гряду. Рыба водится обыкновенная рѣчная; только въ верховьѣ, внѣ волости, ловится карась, а при самомъ истокѣ рѣки вьюнъ. Берега—начиная отъ истока — болотны, а въ предѣлахъ волости — и болотны, и завалены каменьями; примѣтно, что нѣкоторые изъ сихъ-послѣднихъ нанесены при разливахъ, а иные скатились съ крутизны горъ. Покосовъ хорошихъ по берегамъ вовсе почти нѣтъ, а вообще они или кочковаты, или болотны, или по-крайней-мѣрѣ потны; изъ 500 возовъ сѣна, которые снимаетъ волость съ береговъ, нѣтъ и 50 хорошаго, поемнаго и безъ подзолу: только за 5 верстъ отъ впаденія Сити въ Мологу, гдѣ берега ровны и низки, а почва земли супесокъ, начинаются отличные сѣнокосные луга, не принадлежащіе впрочемъ волости.

Мѣстоположеніе, открытое съ В. и Ю.-В., вообще можно назвать гористымъ. Лѣвый лѣсной берегъ рѣки весь изрытъ рѣчками, ручейками, рытвинами, поросшими или мелкимъ кустарникомъ, или тощею травою. Правый берегъ также изрытъ и гористъ, но немного пониже лѣваго. На лѣвомъ берегу, въ разстояніи отъ рѣки на 2 и на 3 версты, мѣстоположеніе хотя возвышенное, но ровное; на правомъ, въ томъже разстояніи, волнистое. По лѣвому берегу, мхи и болота малы и рѣдки; по правому, ихъ болѣе и они обширнѣе. Примѣтно, что мѣстность отъ С.-С.-З. къ Ю.-Ю.-В. понижается.

Верхній слой земли есть сѣроватая глина съ пескомъ: въ нѣкоторыхъ пахатныхъ мѣстахъ, толща его простирается отъ 2 четвертей до аршина; въ мѣстахъ-же выпаханныхъ, брошенныхъ подъ выгоны и поросшихъ кустарникомъ, слой этотъ иногда не составляетъ болѣе вершка. На берегахъ, покрытыхъ кочками, покоится жирный черноземъ: осыпи ихъ, по самой рѣкѣ Сити и по впадающимъ въ нее рѣчкамъ, представляютъ красную глину съ мелкимъ бѣлымъ хрящомъ и другихъ породъ булыжникомъ. Подпочва состоитъ вообще изъ жирной и плотной глины, блѣдноватаго цвѣта: при кладкѣ печей въ моемъ домѣ, хорошій моложскій мастеръ употреблялъ на три телѣги

этой глины двѣ телѣги песку. Что касается до песку, то его въ горахъ встрѣчается мало, и притомъ на значительной только глубинѣ. Да и красная глина съ бѣлымъ хрящомъ, которая по берегамъ лежитъ на верху, дальше отъ рѣки попадается только при рытьѣ колодцевъ, на глубинѣ 4 и болѣе саженъ, и притомъ на лѣвомъ лишь берегу. Вода на берегахъ рѣки встрѣчается при рытьѣ колодцевъ не ближе 8 саженъ глубины, а иногда за 10 и болѣе саженъ не встрѣчаютъ ни капли; но чѣмъ далѣе отъ береговъ, тѣмъ она ближе попадается.

Вотъ наши естественныя произведенія. По царству животному: домашній скотъ—мелкой породы; изъ домашнихъ птицъ—одна курица; въ поляхъ и болотахъ—довольно дичи; въ рѣкѣ—рыба и раки (послѣдніе въ пищу здѣсь не употребляются); изъ пресмыкающихся—около лѣсовъ довольно змѣй, но черной змѣи вовсе нѣтъ. По царству прозябаемому: изъ воздѣлываемыхъ на поляхъ растеній—рожь озимая, ячмень и пшеница яровыя, овесъ (арабскій видѣлъ я у одного только крестьянина), ленъ, конопля, горохъ (мелкой), рѣпа; изъ огородныхъ овощей—картофель, рѣдька, брюква, капуста, лукъ, и еще кое-что; изъ лѣсу—сосна въ маломъ количествѣ, ель, береза, осина, ольха, ива, дуба вовсе нѣтъ, липа мелка, клену мало и мелокъ, изрѣдка попадается вязъ и ясень, рябины множество, попадается хотя весьма рѣдко и мелкая яблонь; изъ кустарниковъ — калина, черная и красная смородина, орѣшникъ, можжевельникъ, жимолость; изъ ягодъ—земляники, клубники, морошки, поленики водится мало, черницы, малины, брусники, клюквы годами бываетъ множество, гонобоблю почти вовсе нѣтъ; грибовъ—нѣсколько сортовъ. Изъ царства ископаемаго, нѣтъ ничего употребляемаго въ домашнемъ быту, кромѣ сказанной красной глины, изъ которой крестьяне бьютъ печи, и глины блѣдноватой, изъ которой дѣлается кирпичь-сырецъ; сторонніе крестьяне пробовали дѣлать изъ послѣдней и горшки, но или глина негодна, или мастера плохи, только промыселъ этотъ не удался. Можетъ-быть въ лѣсахъ и поляхъ есть еще особые роды пѣвчихъ и хищныхъ птицъ, а на горахъ какія-нибудь особенныя травы; можетъ-быть и въ горахъ и оврагахъ есть еще кое-что кромѣ глины: по недостатку свѣдѣній въ естественной исторіи, не замѣчалъ и не знаю.

Число ревижскихъ душъ въ волости къ 1848 году было около 2,150 обоего пола. Всѣ они живутъ въ 3 селахъ и 42 деревняхъ, изъ коихъ 13 деревень и 2 села (*Байловское* и *Семеновское*) находятся на правомъ берегу Сити, а остальное село (*Покровское-на-Сити*) и 29 деревень на лѣвомъ. Самое большое селеніе заключаетъ въ себѣ отъ 25 до 30 домовъ, самое меньшее состоитъ изъ 2 домовъ; отъ 25 до 30 домовъ имѣютъ не болѣе пяти селеній; отъ 10 до 20 — около тридцати; остальныя — менѣе 10 домовъ. Старики помнятъ, что лѣтъ пятдесятъ тому назадъ, населеніе было здѣсь только по берегамъ рѣки Сити: кромѣ деревни *Никитинской*, которая издревле существовала во глубинѣ лѣса, все прочее было лѣсъ; помнятъ даже, какъ нынѣшнія деревни выстраивались и какъ въ нихъ переѣзжали жить: около двадцати деревень выстроилось, выѣхавъ въ лѣсъ не больше двадцати лѣтъ назадъ; да и вдоль берега, самыя отдаленныя отъ села, двѣ большія деревни: *Давыдовское* и *Михалево*, существуютъ не болѣе пятидесяти лѣтъ. Все это народонаселеніе издревле подлежало одному управленію, кромѣ деревни *Панкратовой*, которая причислена къ волости въ послѣднюю ревизію, послѣ смерти своего господина. Старики говорятъ, что, на ихъ памятяхъ, вся волость состояла не болѣе какъ изъ 500 душъ; населеніе быстро умножилось въ послѣдніе пятдесятъ лѣтъ. Достойно замѣчанія, что, изъ нѣсколькихъ тысячь народа, живущаго по рѣкѣ Сити во всю длину ея, населеніе *Покровско-Сицкой* Волости предпочтительно извѣстно въ околоткѣ подъ именемъ *Сицкарей*, то-есть «жителей *Сити*».

НАРУЖНЫЯ СВОЙСТВА ЖИТЕЛЕЙ.

РОСТЪ. ВОЛОСА И БОРОДА. ПРОЧІЯ НАРУЖНЫЯ ОСОБЕННОСТИ. ЗДОРОВЬЕ И СИЛА. НЕЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ КЪ ПЕРЕМѢНАМЪ ВОЗДУХА. БОЛѢЗНИ И ЛЕКАРСТВА. НАБЛЮДЕНІЯ ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ.

Ростъ здѣшнихъ жителей вообще средній. Кажется безошибочно можно положить, что изъ всего мужескаго населенія одна-осьмая часть выше 2 аршинъ и 8 вершковъ, пять-осьмыхъ — отъ 8 до 6, а остальныя двѣ-осьмыхъ — ниже 6 вершковъ.

Волосъ, на головѣ и бородѣ, обыкновенно русый, иногда черно-русый, или съ малой прорыжью; совершенно-же черный или рыжій волосъ, большая рѣдкость: изъ 700 или 800 человѣкъ возрастныхъ, кои бываютъ въ праздникъ у обѣдни, не увидишь семи или осьми рыжихъ, и трехъ или четырехъ черныхъ. Борода обыкновенно малая, окомелкомъ, и очень рѣдко срастается съ волосами у ушей; иногда видишь ее одну безъ усовъ, клочкомъ только на подбородкѣ; съ довольно большей бородой не болѣе одного на 100.

Части тѣла вообще соразмѣрны съ ростомъ. Въ поличьѣ замѣчательна нѣкоторая выпуклость щекъ и одутловатость лица, брюхо также нѣсколько отвисло, а лядвеи немного повысунулись назадъ, отчего, когда смотришь сзади на идущаго человѣка, видно, что онъ, идучи, примѣтно переваливается. Другихъ наружныхъ особенностей нѣтъ; но — одежда, пріемы, обороты рѣчи — все это, вмѣстѣ взятое, такъ отличительно отъ прочихъ, что, за сорокъ и пятдесятъ верстъ отъ мѣста жительства, тотчасъ узнаютъ Сицкаря.

Народъ силенъ и здоровъ. Впрочемъ нынѣшнюю молодежь старики называютъ «нѣженками», и «сопляками», говоря, что сами они въ такія лѣта были несравненно здоровѣе и сильнѣе; и этому можно повѣрить. Многіе изъ нихъ сохранили за восемдесятъ лѣтъ силу и бодрость; часто семидесяти-пяти-лѣтній дѣдъ работаетъ съ двадцати-пяти-лѣтнимъ внукомъ рядомъ, и весело поетъ пѣсню; иной изъ нихъ и не помнитъ, когда бывалъ нездоровъ; у другихъ, за восемдесятъ лѣтъ, зубы сохранились какъ у двадцати-лѣтняго юноши. Разсказы о прежней ихъ могутѣ почти невѣроятны; но если представить, что старики отъ родителей своихъ не получали никакихъ наслѣдственныхъ болѣзней, поздно принимались за работу, работали въ ватагѣ, не торопясь, исподоволь, иные во всю жизнь не бывали дальше своего лѣсу и церкви, а потому и не знакомились ни съ какими излишествами, то это не покажется удивительнымъ. И настоящее поколѣніе здорово еще и сильно, но нѣтъ силачей подобныхъ старымъ, о которыхъ разсказываютъ: причины могутъ быть тѣ, что нынѣ слишкомъ рано принимаются за работу, рано также начинаютъ ходить на сторону, жить по чужимъ селеніямъ и особенно городамъ, гдѣ зна-

комятся со всякими излишествами, а иногда и съ распутствомъ, всего-же хуже — рано навыкають употреблять вино.

Смотря на рабочаго Сицкаря, невольно удивляешься, какъ онъ выноситъ безвредно перемѣны воздуха. Лѣто онъ всегда или въ полевой работѣ, или въ лѣсу, или въ Рыбинскѣ на баркахъ; осень, зиму и весну, также либо на баркахъ, либо въ лѣсу. Самой поздней осенью, проработавъ цѣлый день въ лѣсу въ одной рубашкѣ, весь потный, приходитъ онъ въ зимницу, и тотчасъ, безъ всякихъ предосторожностей, отводитъ душу холодною водою; поужинавъ, потный-же, спитъ на нарахъ, изъ-подъ которыхъ, сквозь рѣдкія немшеныя стѣны, сквозитъ холодный вѣтеръ, а часто пробивается и дождь. На баркахъ въ Рыбинскѣ, онъ также весь день подвергается стужѣ, дождю, слякоти, и пьетъ холодную, прямо изъ Волги, воду; приходитъ потомъ на квартиру мокрый, и не имѣетъ ни времени, ни мѣста обсушиться; поужинавъ, садится еще «до-пѣуновъ» (то-есть — до-пѣтуховъ) тесать гвозди, и напослѣдокъ ложится спать, мокрый, на сырыхъ щепахъ и подъ сырымъ кафтаномъ.

Впрочемъ, такой образъ жизни, раньше или позже, отзывается на здоровьѣ Сицкарей. Изъ наружныхъ болѣзней, наиболѣе обыкновенны у нихъ: жаба и рожа — слѣдствія простуды, также ногтоѣдка (которую въ просторѣчіи называютъ «волосатикомъ») — слѣдствіе неминуемой неопрятности при ломовыхъ работахъ. Жабу обыкновенно вылечиваютъ теплымъ питьемъ изъ осолодка, или малины, или мяты, или звѣробоя съ медомъ; рожа вылечивается мѣломъ, натертымъ на сукно; а къ ногтоѣдкѣ прикладывается бѣлая тряпка, натертая сѣрымъ мыломъ, сверху припарка изъ теплаго печенаго луку, а если выросло дикое мясо, то и оно по-временамъ присыпается жжеными квасцами: не было примѣра, чтобы этимъ послѣднимъ средствомъ ногтоѣдка не вылечивалась, хотя-бы отгнилъ составъ; только, до излеченія не надобно мочить больное мѣсто, даже нельзя, завязавъ рану, ходить въ баню. Въ порѣзахъ и порубахъ употребляется сатурнъ (по выраженію крестьянъ — «сахаръ-сатуръ»), распущенный въ винѣ, который обыкновенно берутъ у красильщиковъ; впрочемъ, это не есть собственно крестьянское лекарство, равно-какъ летучая мазь и оподельдокъ, которыми иногда пользуются отъ ушибовъ. Ударъ въ поясницѣ отъ тяжелыхъ п

емовъ (что у крестьянъ называется — «поясница отнялась») лечатъ отдыхомъ и баней: къ этому средству прибѣгаютъ потому, что во всей волости нѣтъ фельдшера; работающіе-же въ городахъ, въ такомъ случаѣ, обыкновенно пускаютъ кровь, что впрочемъ для крестьянской натуры не совсѣмъ полезно: къ счастію, больные, за неспособностію работать, тотчасъ возвращаются домой, и тутъ родныя поля, воздухъ, теплая изба и печь возстановляютъ вполнѣ ихъ здоровье. Боли въ животѣ отъ тяжелыхъ работъ и подъемовъ, также помогаетъ отдыхъ и баня. Засимъ, болѣе тяжкія внутреннія болѣзни, происходящія отъ простудъ, на-примѣръ горячка, у насъ рѣдки, и если бываютъ, то не опасны; теплое питье и теплая изба вылечиваютъ и ихъ, слава Богу, безъ лекарствъ. Въ послѣдніе два года свирѣпствовали очень лихорадки, и какъ крестьяне не соблюдаютъ никакихъ діэтетическихъ правилъ, то онѣ были весьма упорны, продолжаясь отъ 6 до 18 мѣсяцевъ; впрочемъ, изъ больныхъ умерло не болѣе одного на 30: старики говорятъ, что лихорадки бываютъ здѣсь частенько, вѣроятно оттого, что крестьяне большей-частью работаютъ у воды и слишкомъ уже не берегутся простуды.

Обыкновеннѣйшія изъ дѣтскихъ болѣзней: оспа, корь и желваки за ушами. При всѣхъ попеченіяхъ благодѣтельнаго Правительства, оспа прививается мало; впрочемъ, изъ метрики видно, что когда оспа и сильно свирѣпствуетъ, смертность младенцевъ бываетъ не велика. Корь тоже проходитъ сама-собой, когда младенца держатъ въ умѣренномъ теплѣ. Желваки скоро и легко вылечиваются медовою лепешкою. Прочія болѣзни, какъ-то золотуха, поносъ (по-здѣшнему — «черевуха») и т. д., конечно есть; но я не слыхалъ, чтобъ на нихъ слишкомъ жаловались.

Чуждаясь вообще медицинской помощи, наши Сицкари хранятъ однако про себя разные домашніе секреты на разные случаи болѣзней, которые, сколько мнѣ случалось объ нихъ слышать, такъ нелѣпы, что вѣрно ни одинъ мало-мальски умный крестьянинъ въ дѣйствительности ихъ не употребляетъ. Такъ, напримѣръ: есть у нихъ мастера заговаривать кровь при порубкѣ; зубную боль также заговариваютъ; высыпало на губахъ — надо присѣчь огня; отъ золотухи — надо покормить золотомъ (?); въ ломотахъ и другихъ застарѣлыхъ болѣзняхъ — пить какую-то траву, которая укладываетъ недуги; въ горячкѣ — повѣсить рубаш-

ку въ лѣсу на кустъ; въ лихорадкѣ—надобно сходить на рѣку въ полночь, такъ-чтобъ никто изъ домашнихъ не слыхалъ, выкупаться, и оставить тамъ исподнее платье, то-есть рубашку и прочее. Повторяю, что эти лекарства всего вѣроятнѣе существуютъ только въ разсказахъ старухъ-бабушекъ и стариковъ-хвастуновъ, а не на дѣлѣ; разъ только разсказывалъ мнѣ одинъ молодецъ, что онъ точно купался въ полночь, и послѣ того выздоровѣлъ: вотъ торжество для шарлатановъ!

Говоря о здоровьѣ, нельзя похвалить дурной привычки здѣшнихъ крестьянъ лечить почти всѣ безъ исключенія болѣзни парной баней, которая притомъ берется у нихъ большей-частью внутри домашней печи. У ребенка на ногѣ вышла рожа: надо попарить, размылить ногу, не ушибъ-ли, не вывихнулъ-ли ее ребенокъ, и дней пять таскаютъ его въ печь, моютъ, трутъ, вертятъ, парятъ. Появилась чесотка, шолуди, золотуха и т. п.: это отъ нечистоты, надо и тутъ промыть, пропарить ребенка. Простудился мужикъ, и уже почти въ горячкѣ, мечется и бредитъ: гдѣ и чѣмъ лечить, кромѣ печи? Крестьянинъ въ лихорадкѣ, его знобитъ, ломаетъ: опять въ печь, пусть согрѣется! Опытъ, однако, доказываетъ, что это всеобщее лекарство во многихъ случаяхъ бываетъ явно во вредъ: у дѣтей, на-примѣръ, рожа, вереда и т. п. жестѣютъ и дѣлаются провалы, а золотуха разливается по всему тѣлу; взрослые, въ простудахъ и лихорадкахъ, жестоко послѣ бани пухнутъ.

Считаю не неумѣстнымъ присовокупить здѣсь нѣсколько личныхъ моихъ наблюденій надъ бывшей у насъ въ послѣднее время холерой. Въ моемъ Покровско-Ситскомъ приходѣ числится теперь въ-наличности около 3.200 душъ обоего пола; въ томъ числѣ казенныхъ около 2,900 душъ, а прочіе Графа Мусина-Пушкина. Изъ нихъ, во время холеры, умерло и погребено при церкви 32 человѣка (сверхъ-того, двое, не дошедши до дому изъ Рыбинска, померли въ Моложской больницѣ); въ сказанномъ числѣ, изъ крестьянъ Графа Пушкина умерло только двое, оба въ одной деревнѣ. Всѣ умершіе были уже въ возрастѣ: самый младшій—16, а самый старшій—70 лѣтъ. До появленія холеры, они всѣ находились въ крѣпости силъ и въ добромъ здоровьѣ. Между ними былъ одинъ молодой холостой парень, дѣвицъ ниодной, вдова одна, и одна беременная женщина. Холера появи-

лась 9 іюня, внезапно: занемогъ ею первый старикъ 67 лѣтъ, который и умеръ, страдавъ 25 часовъ. Тутъ еще на холеру и думали, и нѣтъ; но 13 іюня привезенъ былъ съ Мологи больной отъ роду 31 года, который, послѣ напутствія, умеръ черезъ 3 часа; затѣмъ 17 іюня скончался еще крестьянинъ 52 лѣтъ, страдавъ не болѣе 24 часовъ, а на другой день померла жена умершаго въ 13 число, пространдавъ трои сутки. Всего потомъ умерло отъ холеры: въ іюнѣ — мущинъ 8, женщинъ 2, обоего-пола 10 душъ; въ іюлѣ — мущинъ 5, женщинъ 5, обоего-пола тоже 10 душъ; въ августѣ — мущинъ 7, женщинъ 5, обоего-пола 12 душъ. Послѣдній смертный случай былъ 22 августа. Самое меньшее страданіе умершихъ больныхъ продолжалось 12 часовъ, самое большее—трои сутки, а одинъ страдалъ—четверо сутокъ. Припадки болѣзни не у всѣхъ были одинаковы: у молодыхъ отъ 16 до 35 лѣтъ, круженіе головы и рвота начинались и сопровождались горячкой и остановкой обоихъ испражненій; у больныхъ за 40 лѣтъ и далѣе, холера начиналась болѣе судорогами безъ рвоты. Тѣ изъ больныхъ, которые получали одинъ изъ этихъ припадковъ, круженіе, или рвоту, или даже рвоту и судороги вмѣстѣ, но не въ самой сильной степени, выздоровѣли; ихъ число можно положить выше 100 человѣкъ. Лекарства, употребляемыя приэтомъ крестьянами, были: треніе крапивою, деревяннымъ масломъ, чистымъ дегтемъ, спиртомъ; иные пили вино съ перцемъ, другіе парное молоко; но никоторое изъ этихъ средствъ не доставляло видимаго облегченія. Замѣчено, что когда заболѣвшій холерою выпивалъ рюмку или полрюмки вина, да закусывалъ хлѣбомъ съ солью, и принятая пища удерживалась въ желудкѣ, а больной притомъ дѣлалъ движеніе, то онъ непремѣнно выздоравливалъ; былъ впрочемъ случай, что одна дѣвица 23 лѣтъ, у которой обнаружились всѣ три припадка, и которая трои сутокъ не могла принимать никакой пищи, даже воды, которую даже рвало при напоминаніи о хлѣбѣ, выздоровѣла. Мы увѣрены, что холера не прилипчива; однакожъ, двѣ женщины, ходившія за больными мужьями, сами заболѣли и умерли; двѣ другія, при тѣхъже обстоятельствахъ, были больны и выздоровѣли; а въ одномъ семействѣ, изъ 14 человѣкъ, семеро умерли въ четверо сутокъ, а трое болѣли и выздоровѣли.

ЯЗЫКЪ.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНІЯ. ОСОБЕННОСТИ ВЪ СЛОВООБРАЗОВАНІИ. МѢСТНЫЯ СЛОВА. ИСКАЖЕНІЕ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

Особенности произношенія у Сицкарей не одинаковы. Крестьяне вообще цвякаютъ, говоря: *цасъ* вм. *часъ*, *цаво* вм. *чего*; другіе произносятъ *ц* и *ч* какъ-бы совокупно, на-примѣръ: *цчово* вм. *чего*; иные (и ихъ менѣе) говорятъ: *черковь* вм. *церковь*, *овчи* вм. *овцы*. Прибавленія буквъ, какъ, на-примѣръ, въ словахъ: *хфилинъ* и *ндравъ*, слыхалъ я очень рѣдко.

Важнѣйшая особенность въ словообразованіи касается окончанія словъ при спряженіи глаголовъ въ настоящемъ и будущемъ временахъ; вопреки грамматикѣ, крестьяне наши говорятъ: *ицёшо*, *ицёто*, *ицёмо*, *идуто*, вм. *идешъ*, *идетъ*, *идемъ*, *идутъ*; *пойцёшо*, *пойцёто*, *пойцёмо*, *пойдуто*, вм. *пойдешъ*, *пойдетъ*, *пойдемъ*, *пойдутъ*. Вотъ образчики здѣшней рѣчи: *Цово ты баёшо? Ванька мой пойцёто въ Рыбну. Покативаёмо. Сцелаёшо? Не буцзёто толку. Небось сработаемо. Подряды-це даюто.*

Словъ мѣстныхъ довольно. Примѣры: *лазейка* (дверь въ сѣни), *закутать лазейку* (запереть дверь), *скакшивать навозъ* (сваливать навозъ), *хорошулъ* (круглой пирогъ), *нацирышъ* (пирогъ прѣсной на молокѣ или маслѣ), и множество другихъ.

Въ особенности любятъ коверкать ужаснымъ образомъ собственныя имена людей; на-примѣръ: Авксентій — *Оксёнъ*, Афиногенъ—*Финоедъ*, Автономъ—*Артамонъ*, Артемій—*Артема*, Артемонъ—*Артимъ*, и т. д. При кличкѣ или призывѣ одного лица другимъ, имя его сполна не договаривается; на-примѣръ: *Батюшь*—, *дядь*—, *Парах*—, *Катюх*—, *Окуль*—, и т. п. Да и вообще другъ-друга зовутъ всегда полуименемъ; на-примѣръ: *Васька*, *Оська*, и т. д.; смѣшно притомъ слышать, когда на-примѣръ старику, или о старикѣ, говорятъ: *дядя Ванька*!

Вообще должно замѣтить, что крестьяне, живущіе на правомъ берегу Сити, говорятъ лучше, чѣмъ на лѣвомъ; мущины, живущіе въ селахъ, рѣшительно не цвякаютъ; женщины говорятъ вообще хуже мущинъ.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

РАСПОЛОЖЕНІЕ ДЕРЕВЕНЬ. КРЕСТЬЯНСКІЕ ДОМЫ. ИХЪ РАСПОЛОЖЕНІЕ: ВНѢШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ. ОСОБОЕ УСТРОЙСТВО ПЕЧИ. ДВОРЪ И НАДВОРНОЕ СТРОЕНІЕ. ПЛАТЬЕ ОБОИХЪ ПОЛОВЪ: ОБЫКНОВЕННОЕ И НАРЯДНОЕ. ПИЩА: ЕЖЕДНЕВНАЯ И ПРАЗДНИЧНАЯ.

Старинныя деревни выстроены дурно; часто, по пословицѣ, у семи домовъ восемь улицъ: гдѣ кто вздумалъ, тамъ и выстроился, было-бы согласіе сосѣдей. Новыя деревни нѣсколько лучше; онѣ строятся по одному посаду, но тоже не по прямой линіи: одинъ домъ выдался на улицу угломъ, другой вдался; иной строится шеломомъ на улицу а иной вдоль улицы: все это представляетъ линію изломанную, исковерканную и непріятную для глазъ. Притомъ, какъ новыя, такъ и старыя деревни выстроены весьма тѣсно, и, въ случаѣ пожара, одинъ домъ грозитъ неминуемой опасностью другому.

Домы крестьянъ строятся больше изъ еловаго дерева, иногда изъ толстой осины; сосны мало, да и дорогà, почему употребляется только у зажиточныхъ на переборки, наличники и т. п. Прежде избы ставились прямо на землю, и обыкновенно нижній ихъ рядъ, а иногда и полтора ряда подваливались бревнами, толстыми и суковатыми; нынѣ, которыя получше, ставятся на деревянныхъ еловыхъ стульяхъ, но не обожженыхъ; дикій же камень, или кирпичъ, на бутъ никогда не употребляется. Кроютъ всегда соломой, которая пригнетается жердями; въ подвязку крыть рѣшительно не умѣютъ; у богатыхъ кроется иногда и тесомъ, на гвоздь рѣдко, болѣе въ жолобъ. Новую лѣтнюю избу обиваютъ тесомъ, стоймя. Волоковыхъ оконъ вовсе не бываетъ.

Двѣ, сѣнями раздѣленныя, избы (лѣтняя и зимняя: лѣтняя — бѣлая, зимняя — всегда черная, а иногда — и обѣ черныя), съ выдвинутымъ на улицу крыльцомъ: вотъ и весь домъ крестьянина. Иногда, черезъ сѣни, противъ лѣтней избы, ставится сельникъ, съ клевомъ для овецъ подъ низомъ, а зимняя изба ставится подъ дворомъ, то-есть на углу возлѣ воротъ; у зажиточныхъ бываетъ иногда двѣ избы — стаей, а третья — подъ дворомъ. Такъ-называемыхъ круглыхъ-домовъ съ карнизомъ, не

насчитается и двадцати во всей волости; впрочемъ, такой домъ тѣже двѣ избы съ сѣнями, отличаясь только тѣмъ, что сѣни забираются не въ столбы, поставленные къ угламъ избъ, а въ пазъ, выбранный на самыхъ углахъ.

Сѣни рѣдко крыты чѣмъ-нибудь; на дворъ нѣтъ забора; посреди срубленъ небольшой чуланъ, иногда и того нѣтъ: онъ поставленъ подъ дворомъ, вмѣсто самцовъ, лежа половиною на клевѣ, а другою на воротахъ; съ сѣней-же черезъ дворъ, для прохода къ нему, кинута толстая доска, или два тесаныхъ бревешка. Бѣлая изба есть обыкновенно лѣтняя: если лицевая сторона дома обращена на югъ, а входъ въ нее съ запада, то около наружной двери устроены вверху — полати, на правой сторонѣ за порогомъ — коникъ (короткая до угла лавка), далѣе — лавка во всю стѣну, широкая, осиновая; въ юго-восточномъ углу — полка, уставленная образами; на лѣво — печь съ голбцемъ и дверь туда; далѣе — дверь въ переборку, если такая есть. Въ зимней избѣ, направо отъ входа — лавка, а въ юго-западномъ углу — полка, или кіотка съ иконами; вдоль южной стѣны — также лавка, на восточной — суденка; въ сѣверо-восточномъ углу — черная печь, возлѣ къ сѣверу — голбецъ; далѣе до западной стѣны — палати, и подъ ними — осиновая колода для корма рогатаго скота, который тутъ, во всю зиму, кормится дважды въ сутки, поутру и ввечеру, мякиной или тертовкой (житной, иногда и пшеничной соломой, или крупнымъ ржанымъ колосомъ, измятымъ лошадьми намелко), и поится, чѣмъ кто умѣетъ и имѣетъ.

Печь здѣсь рѣшительно никогда, ни въ бѣлой, ни въ черной избѣ, не кладется изъ кирпича, а сбивается на мѣстѣ изъ глины. Прежде мяли для того глину въ самой глинищѣ, рѣзали ее потомъ косяками (четвероугольными, въ подъемъ человѣку, брусьями или кирпичами), возили на лошадяхъ домой, и складывали печку. Но такая печь не довольно прочна, жаръ пробивается въ спаи, и ее надобно часто мазать; оттого этотъ способъ брошенъ, и теперь печка сбивается на мѣстѣ. Для сего обыкновенно выбираютъ красную глину съ бѣлымъ хрящомъ, которой изобилуютъ наши горы; другая, по отзывамъ крестьянъ, не годится. Эта красная глина чѣмъ суше, тѣмъ печь прочнѣе; а если будетъ нѣсколько сыровата, то при топкѣ вода станетъ пробиваться сквозь верхніе слои, внутрь и внѣ, и

сносить верхнюю гладкую оболочку печи. Выбравъ такимъ образомъ глину, возятъ ее прямо въ избу, сыплютъ на приготовленный опечекъ помаленьку, тонкимъ слоемъ, и рубятъ деревянными заостренными молотками, подсыпая до-тѣхъ-поръ, пока подъ печи будетъ достаточно толстъ. Потомъ дѣлаютъ изъ досокъ четвероугольный ящикъ, ставятъ его на подъ, оставляя между нимъ и стѣнами избы пространство отъ 4 до 6 вершковъ для стѣнъ печи (извѣстно, что печь всегда почти кладется въ углу), а съ третьей стороны отъ голбца забираютъ досками въ столбъ, поставленный на углу печи, гдѣ должно быть устье, и утвержденный брусьями въ обѣ стѣны избы. Засимъ, на открытой сторонѣ, гдѣ должно быть устье, кладутъ подлѣ ящика другую доску, утвержденную однимъ концемъ въ брусъ, а другимъ въ стѣну, такъ-чтобы между ней и ящикомъ было извѣстное пространство для печной стѣнки; въ это пространство сыплютъ опять помаленьку глину, рубятъ ее стоя на поду, и возвышаютъ мало-по-малу стѣны печи, накладывая вверхъ досокъ и упирая ихъ одну-въ-другую. Когда придется потомъ сводить сводъ, то всю внутренность печи набиваютъ толстыми отрубками, складывая ихъ костромъ, такъ-чтобы въ печи было кругло; насыпаютъ опять глины, и бьютъ, доколѣ не засыплютъ послѣдній отрубокъ. Дѣло кончено, когда верхъ (по здѣшнему выраженію — «сковорода») сдѣлается довольно толстъ. Тогда остается на работѣ одинъ человѣкъ, который отбираетъ съ лицевой стороны изъ избы утвержденныя доски, вырѣзываетъ по мѣркѣ, какое надобно устье, и выбираетъ сквозь него отрубки; потомъ влезаетъ внутрь печи, выламываетъ доски, беретъ худую косу, сгибаетъ ее какъ скобель, и обдѣлываетъ ею печь внутри какъ ему угодно, обрѣзывая излишекъ глины, пробившійся сквозь промежутки досокъ или сквозь отрубки, забивая вдавленныя лѣсомъ мѣста и снова изсѣкая ихъ своимъ деревяннымъ молоткомъ; послѣ чего, положа одну дощечку по срединѣ печи на поду, а другую приложивъ къ своду, вколачиваетъ подставку, и вылезаетъ. Если печь черная, то она совсѣмъ готова, и немедленно затапливается; если-же бѣлая, то мнутъ еще глину на полу, рѣжутъ толстыми кирпичами, и выкладываютъ у трубы ноги: потомъ приходитъ печникъ и кладетъ, какъ водится, трубу, подъ крышей — сырцомъ, а сверхъ крыши —

жженымъ кирпичемъ. Такую печь, кромѣ трубы, обыкновенно сработываютъ восемь человѣкъ въ десять часовъ, считая тутъже рытье и возку глины на разстояніи полуверсты; вырѣзки-же, одному мастеру, часа на четыре. Все это обходится крестьянину очень дешево, особенно при черной печи, которая не требуетъ ниодного кирпича, а между-тѣмъ, просушенная хорошенько, вся становится какъ одинъ кирпичъ, и печетъ и варитъ преисправно; крестьянинъ цѣлую жизнь на ней спитъ и парится въ ней, не зная поправки пода и покупки кирпича. Еслиже притомъ подобная печь сбивается на срубѣ съ земли, то въ такомъ случаѣ когда и сама изба уже сгніетъ, хозяинъ ставитъ на мѣсто ея новую, а печь все остается старая: такимъ образомъ, еслибы срубъ подъ печью не опускался, то она вѣрно-бы пережила пять избъ; былъ примѣръ, что крестьянинъ, переѣхавъ жить на другое мѣсто, оставилъ такую печь на улицѣ, и она полтора года, подъ морозами и дождями, стояла невредима.

Дворъ обыкновенно ставится величиной соотвѣтственный числу скота, длиной равный дому, а иногда и нѣсколько выше дома шеломомъ, именно когда бываетъ шире избы; кроется соломою съ жердями. На задней стѣнѣ, подъ углами по клеву къ дому—ворота, а на большихъ дворахъ—и двое, для возки навозу, чтобы въ однѣ въѣзжать, а въ другія выѣзжать. Заборы рѣдко мшеные; надъ навозомъ повѣть, рѣдко глухая (то-есть во весь дворъ). Въ новыхъ деревняхъ, близкихъ къ лѣсу, у крестьянъ, болѣе зажиточныхъ, есть прекрасные теплые дворы съ глухими повѣтями, и даже со взъѣздами на повѣть; но такихъ не много. Есть и такіе дворы, на которыхъ, не понимаешь, какъ можетъ жить скотина.

Сараевъ большихъ мало; обыкновенные—отъ 3 до 4 саженъ длины, и 3 или $2\frac{1}{2}$ поперечины; между двумя, всегда простѣнокъ, иногда съ одной стороны открытый и безъ полу: все это покрыто соломой. Жаль, что крестьяне вообще не обращаютъ должнаго вниманія на поставку своихъ сараевъ, и, за недостаткомъ ихъ, часто сѣно и яровую солому мечутъ въ стоги въ гумнахъ; потеря корма тутъ видимая: между-тѣмъ, лѣсъ мелкой здѣсь очень дешевъ, и поставка почти ничего не стоитъ, потому-что каждый крестьянинъ самъ плотникъ: да дорого время, и каждый, кончивъ полевую работу, торопится зашибать

денежку на черный день. Ригъ тоже очень мало. Овиновъ съ потолоками есть-таки, но безъ печей; болѣе безъ потолоковъ; съ крытымъ гумномъ, или ладонью, не болѣе какъ на половину. Зимникъ обыкновенно осиновый; на лапахъ садила не ставятъ. Житница есть у каждаго крестьянина, разной величины, смотря по количеству семейства и хлѣба. Погребъ не у всякаго; за неимѣніемъ его, лѣтомъ хозяйка ставитъ молоко и т. п. во мшаникѣ, а хозяинъ — пиво и т. п. въ клевѣ, очиствивъ его отъ навозу, или въ пустой избѣ. Баня еще рѣже, и та черная; крестьяне, какъ уже было замѣчено обыкновенно парятся въ печахъ, а льны мнутъ съ овиновъ. У нѣкоторыхъ, близъ дома есть свѣсы, гдѣ ставитъ телѣгу, сани и т. п.; также щепники, куда валитъ щепу и обрубки, остающіеся при дѣланіи барокъ.

Въ платьѣ мужскомъ нѣтъ никакихъ особенностей противъ другихъ крестьянъ. Обыкновенное платье лѣтомъ: на головѣ невысокая шляпа, поярковая, съ короткими полями, у молодаго – съ ленточкой, или бархаткой, и съ пряжкой, а иногда — ермолка съ кисточкой; на шеѣ нѣтъ ничего; на плечахъ сѣрый кафтанъ по колѣно, иногда понитникъ, а въ сырую погоду «поволочень» (худой сѣрый кафтанъ, покрытый толстымъ бѣлымъ холстомъ), и бѣлой, нитяный, вязаный дома кушакъ; на ногахъ старыя плохенькія суконныя онучи, сверху портянки, и потомъ берестяные или липовые лапти: зимой: у старика — шапка, сшитая изъ своихъ домашнихъ овчинъ, иногда малахай, круглыхъ мало, а у молодаго — суконный картузъ, или круглая съ околышемъ шапка; на шеѣ иногда худенькой платчишко; подъ кафтаномъ худенькой полушубокъ, или телятникъ; короткіе сѣрые штаны, иногда сверхъ онучь; онучи бѣлыя, здоровыя, обернутыя на ногѣ сверху холщевкой, чтобы не терлись отъ лаптей; рукавицы бараньи большія; на ногахъ лапти или «шептуны» (лапти изъ отрепяныхъ прядокъ.) Нарядное платье лѣтомъ: у стариковъ — шляпа, сѣрый кафтанъ съ короткимъ откинутымъ воротникомъ изъ плиса, которымъ окладываются и полы до пояса; кушакъ шерстяной, красный, или полосатый; сапоги надѣтые по онучѣ; сверху армякъ, иногда черный суконный отъ 80 к. до 1 р. сер. за аршинъ, иногда решменскій съ плисовымъ воротникомъ, иногда просто сѣрый, только обложенный плисомъ; на ногахъ сапоги (у бѣд-

ныхъ — кимерскіе красные, или и просто — лапти); у молодыхъ-же, и особенно у жениховъ — на головѣ картузъ съ кисточкой; на шеѣ платокъ, иногда недорогой шелковой, обернутый кругомъ, чтобы концы упадали на грудь, или накинутый на-крестъ, чтобы заткнуть концы за поясъ; непремѣнно красная рубашка съ косымъ воротникомъ (манишекъ и нагрудокъ не знаютъ, но иногда носятъ жилетъ); сверху полукафтанье суконное синяго цвѣта, или нанковое, рѣдко «поддѣвка» (такъ-называемая потому-что на нее надѣвается армякъ); широкіе плисовые штаны; сапоги вытяжные съ широкими раструбами; наконецъ, сверху всего армякъ, непремѣнно суконный синій — у кого есть, а въ противномъ случаѣ — ничего: зимнее нарядное платье одно съ лѣтнимъ, съ тѣмъ только различіемъ, что подъ армякъ поддѣваютъ здоровый овчинный бѣлый полушубокъ, а на ноги валеные сѣрые сапоги; дубленокъ очень мало.

Платье женское также не имѣетъ ничего особеннаго противъ другихъ крестьянокъ. Въ будни: у всякой замужней женщины — на головѣ волосникъ, или неширокій и невысокій кокошникъ, съ мѣднымъ на лбу позументомъ; по лбу платокъ, сверхъ кокошника другой; сарафанъ крашеный безъ кружевъ; на ногахъ лапти съ онучами или портянками; сверху сѣрый кафтанъ; у дѣвицы — нѣтъ кокошника, и голова просто повязана платкомъ, иногда набойчатымъ; сарафанъ съ кружевомъ; прочее какъ у женщинъ. По праздникамъ, и вообще при нарядѣ: у женщинъ — кокошникъ съ серебрянымъ позументомъ; сарафанъ съ кружевомъ, или такъ-называемая «кумашница», или ситцевой, а у богатыхъ и шелковой, только безъ цвѣтовъ; рукава бѣлые полотняные, иногда ситцевые, иногда обшитые узенькою серебряною бахрамою; на шеѣ ничего; поясъ шелковый въ два ряда, съ длинными концами, на коихъ висятъ кисточки; на ногахъ шерстяные бѣлые чулки и босовики, иногда красные башмаки, черныхъ нѣтъ; чулковъ бѣлевыхъ очень мало; у дѣвушки: лѣтомъ — на головѣ платокъ («голстинка», или «галощинка!» — по здѣшнему), часто шелковый, въ видѣ повязки, такъ-чтобы маковка была открыта; коса выпущена, и въ ней непремѣнно длинная шелковая лента; остальное все какъ у женщины, смотря по достатку, только у каждой дѣвушки-невѣсты есть непремѣнно за чулкомъ маленькое зеркальцо; зимою — голова повязана, коса вы-

пущена; сверху поддѣвка, какъ у мущинъ, смотря по достатку; длинныхъ шубъ нѣтъ.

Сицкарь питаетъ себя и семейство свое, смотря по достатку; вообще, однако, любитъ поѣсть если не всегда хорошо, по-крайней-мѣрѣ плотно. Въ мясоѣдъ, осенью ѣстъ онъ овсяные блины, щи сѣрые съ овсяной крупой, и съ говядиной или бараниной — если есть, картофель жареный въ салѣ или маслѣ, кашу жидкую съ саломъ, молоко, и т. д.; весною, тѣже щи — если есть, а нѣтъ — такъ кашицу овсяную съ свининой и т. д. Кушанье постное: ржаной пирогъ, или ситникъ, или жидкая преснушка, или такъ-называемый «кулыбышъ»; рѣдька, рыжики или сѣрухи, грибы сушеные; щи съ лукомъ и масломъ въ накрошку, иногда со снятками; горохъ, каша пшенная или житная (гречневой не любятъ), картофель съ масломъ, и т. п. Праздничное кушанье: пряженцы (въ постъ и въ мясоѣдъ непремѣнно пшеничные, иначе нѣтъ и праздника); потомъ щи съ говядиною, свинина свѣжая или соленая; жаркаго приготовлять не знаютъ, зайца и дичи вовсе не ѣдятъ; сальникъ, лапша въ молокѣ (мясной не приготовляютъ), молоко и т. д. Въ постный праздничный день, чѣмъ Богъ послалъ, но ужъ во всякомъ случаѣ непремѣнно рыба, если есть — свѣжая, а нѣтъ — такъ и соленая; севрюга впрочемъ рѣдко, а изъ свѣжей щучина предпочтительно.

ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ.

ОБЩЕЕ ПРИМѢЧАНІЕ О ТРУДОЛЮБІИ НАРОДА. ХЛѢБОПАШЕСТВО, СѢНОКОСЪ, СКОТОВОДСТВО. ОГОРОДНИЧЕСТВО И САДОВОДСТВО. ЛѢСОВОДСТВО И ЛѢСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ: СТРОЕНІЕ БАРОКЪ, ГОНКА ДЕГТЯ, ЖЖЕНІЕ УГЛЯ. ЗВѢРИНАЯ ЛОВЛЯ, РЫБНАЯ ЛОВЛЯ, ПЧЕЛОВОДСТВО. ТОРГОВЛЯ И РУКОМЕСЛЕННОСТЬ. ПРИХОДЪ И РАСХОДЫ. ОТСУТСТВІЕ НИЩЕНСТВА.

Сицкій народъ вообще трудолюбивъ. Хотя нельзя сказать, чтобы въ немъ не было вовсе лѣнивцевъ, по справедливой пословицѣ: «въ семьѣ не безъ урода»; но совершенныхъ лѣнтяевъ очень не много. Во время лѣта, всякой лишній человѣкъ въ

семействѣ, то-есть тотъ безъ котораго семейство надѣется управить полевыя работы, всегда ходитъ «на сторонѣ», или живетъ «въ людяхъ», промышляя денежку работою. Когда-же народъ выберется съ полей, то дома для молотьбы остается одинъ только мущина изъ семейства, съ бабами и ребятишками; прочіе всѣ поголовно отправляются въ разныя работы: или — въ лѣсъ валить и тесать копани (клюши, кокоры), или — на сторону съ топоромъ и съ пилой, или наконецъ — въ Рыбинскъ, либо въ другое какое мѣсто, на барки: это продолжается, пока не начнется дома яровый посѣвъ, или и далѣе, пока барки не спихнутся съ берегу. Коротко-сказать, Сицкарь нашъ круглый годъ въ работѣ; и надо прибавить, что онъ къ работѣ прилеженъ (по здѣшнему выраженію—«наложенъ на работу»), въ работѣ ловокъ (или какъ здѣсь говорятъ — «складенъ»); если захочетъ, то и проворенъ; только дѣлаетъ дѣло не торопясь, по пословицѣ: «всего вдругъ не сдѣлаешь»!

Собственно по домашнему хозяйству, Сицкари хлѣбопашествомъ занимаются тщательно. Нѣтъ мѣста, способнаго къ пашнѣ, которое-бы не было распахано; горы и овраги, поросшіе лѣсомъ, гдѣ нѣтъ возможности проѣхать съ сохой или косулей, высѣкаются, выжигаются, цапаются желѣзнымъ крюкомъ, засѣваются ячменемъ и заборониваются граблями. Эта послѣдняя, крайне трудная работа, на первый разъ немного приноситъ выгоды; но, на слѣдующій годъ, земля заростаетъ хорошею травою, и, въ-послѣдствіи, когда пень, сгнивши, вываливается, вся гора, вмѣсто голой осыпи, покрывается травой, хотя не богатой, но очень полезной для скота, при здѣшнемъ недостаткѣ выгоновъ. Пашней занимаются вообще одни мущины; пахать женщинѣ, или дѣвкѣ, большая рѣдкость. Полеводство, обыкновенное, трехпольное. Другихъ земледѣльческихъ орудій нѣтъ, кромѣ одноконной косули для яроваго посѣва, сохи перекладной для паровой и озимой пашни, да деревянной бороны; въ новыхъ только деревняхъ, и то рѣдко, употребляется тупая прямая сошка для распашки новей, гдѣ нѣтъ возможности, по множеству пней, пахать другимъ орудіемъ; бываетъ, что когда надо выламывать слишкомъ толстые пни, то лошадь идетъ съ однимъ отрѣзомъ, а за нею другая въ косулѣ, съ отрѣзомъ и лемехомъ. Дерево сохи каждый крестьянинъ дѣ-

лаетъ самъ, а косули не каждый: соха. съ желѣзьемъ и полицею, покупается не выше рубля сер., косуля не выше 2 руб., а борона лучшая не выше 40 коп.: впрочемъ послѣднюю могутъ дѣлать сами крестьяне, и половина крестьянъ дѣлаетъ.

Пашня яровая никогда здѣсь не двоится, а засѣвается прямо на ломоть, который выскороживается подъ горохъ и пшеницу — не очень мелко, подъ ленъ—намелко, а подъ овесъ —по одной боронѣ по мѣсту. Въ 1848 году, пашня подъ яровый посѣвъ по берегамъ Сити началась 7 апрѣля—рѣдкость, какой не запомнятъ даже старики; въ плотную принялись около 17 апрѣля—и это слишкомъ рано: все это оттого, что истекшее лѣто было сухо, снѣга зимою очень малы, и съ горъ почти все сдуло въ рѣку. Обыкновенно-же яровый посѣвъ, или, лучше сказать, ранняя пашня начинается съ Егорьева-Дня (23 апрѣля), а поздняя съ Еремея (1 мая); старики помнятъ, что былъ разъ только случай, когда начали ее около 4 или 5 мая. Пашня продолжается обыкновенно около трехъ недѣль. Смотря по количеству хлѣба, высѣваемаго крестьянами, это время кажется велико, и пашня, значитъ, идетъ неторопливо: причина тому, во-первыхъ, та, что пашня по обыкновенію идетъ валомъ; во-вторыхъ, у большаго числа крестьянъ недостаетъ лошадей, а у иныхъ недостаетъ и рукъ, потому-что мало-мальски лишній человѣкъ идетъ, какъ сказано, «въ люди» — въ работники, или на барку, или плотничать. Посѣвъ обыкновенно начинается съ гороху; но, посѣявъ его, крестьянинъ не оставляетъ уже косули до-тѣхъ-поръ, пока не подыметъ послѣдняго ломтя пашни, что у иныхъ продолжается около двухъ недѣль. Для меня это сначала казалось страннымъ: земля, по мнѣнію моему, должна была высохнуть, вывѣтриться, а индѣ засохнуть комьями, такъ-что не будетъ возможности разборонить ее; но, къ удивленію моему, опытъ показываетъ противное: пашня, пролежавшая около двухъ недѣль, также хорошо выборонивается, какъ и паханная вчера, и, кажется, нисколько не обезсиливается въ плодородіи; впрочемъ это требуетъ еще дальнѣйшихъ наблюденій и опытовъ. Кончивъ пашню, крестьянинъ приступаетъ немедленно къ общему посѣву, и сѣетъ прежде овесъ, потомъ ленъ, далѣе ячмень, наконецъ пшеницу. Есть у крестьянъ примѣта, сѣять пшеницу въ то время, когда будетъ зацвѣтать черемуха, и какъ ее сѣютъ послѣ

всего, то оно действительно всегда почти такъ и приходится; говорятъ также, что горохъ не должно сѣять, когда дуетъ сѣверный вѣтеръ. Впрочемъ, то и другое, кажется, болѣе поговорки; и горохъ, и пшеницу, крестьянинъ сѣетъ немедленно, когда, по обыкновенному ходу посѣва, дойдутъ до нихъ руки. Не дѣлаютъ закона и поговорки взятыя изъ народнаго мѣсяцослова: «*Еремей — подыми сѣтиво*» (1 мая — день Пророка Іереміи), и «*Еремей — опусти сѣтиво*» (30 мая — день Апостоловъ Ермія и Ерма). Вообще крестьяне, соблюдая постепенность въ посѣвѣ, не выжидаютъ чиселъ; такимъ образомъ когда зажиточный крестьянинъ сѣетъ уже овесъ, маломощный сѣетъ только горохъ, когда первый сѣетъ ячмень, вторый сѣетъ еще овесъ, и т. д. Картофель и конопель сѣются лишь въ загородахъ (первый — около 15, а вторая — 25 мая); это оттого, что для конопли полевый слой земли тощъ, а картофель не поспѣваетъ въ полѣ: часто, на 15 августа, поля здѣсь уже совершенно очищаютъ. Количество земли хотя и равно на каждую ревижскую душу, но неравна мѣстность, а потому и посѣвъ: въ одномъ селеніи болѣе пашни, въ другомъ — сѣнокосу, въ третьемъ — зарослей кустарныхъ, въ четвертомъ — болотъ и мховъ, въ пятомъ — ручьевъ и овраговъ. Притомъ, одинъ сѣетъ рѣдко, другой чаще; глупая привычка крестьянъ, на лучшую землю сѣять гуще, есть и здѣсь: «эта, дескать, подыметъ!» Обыкновенно полагаютъ на ревижскую душу яроваго посѣва: гороху — отъ полмѣры до четверика, овса — отъ 2 до 4 четвертей, ячменю — отъ 1 до 3 четвериковъ, пшеницы — полчетверика, льну (смотря по величинѣ семейства, и особенно женскаго пола) — отъ половины до полутора четверика. Въ 1848 году, урожай гороху, высѣяннаго до Пасхи, былъ отъ 5 до 6 и болѣе на четверикъ; горохъ позднихъ посѣвовъ, отъ 23 апрѣля до 1 мая, не вызрѣлъ, и принесъ зеленчаку отъ 3 до 4. Въ тоже время, овесъ былъ хорошъ, и пришелъ вообще самъ-4: въ деревняхъ новыхъ, гдѣ почва земли еще не истощена, онъ былъ выше аршина и принесъ 4 съ половиною, а тамъ, гдѣ сѣянъ былъ въ ржаномъ полѣ, на полосахъ выѣденныхъ червемъ, до 5 и болѣе. Ячмень здѣсь никогда не сѣется въ яровомъ полѣ, конечно по причинѣ тощей почвы, а оставляется для него въ ржаномъ полѣ унавоженная полоса, большею-ча-

стію низкая, или почему-либо неспособная къ посѣву ржи; принесъ онъ въ сказанномъ году, отъ 7 до 8 на четверикъ. Пшеницы вообще сѣется мало, и родится она всегда почти съ головней, а приносить отъ 4 до 5; посему только треть крестьянъ ее сѣетъ. Вообще, относительно здѣшняго плодородія, должно сказать, что были годы, когда горохъ приносилъ 9, а пшеница 7; были и такіе, когда тотъ и другая едва приносили сѣмена. Зерно яровыхъ хлѣбовъ не крупно, но сухо, сжато, полно: четверикъ овса вѣситъ отъ 28 до 30 ф., ячменю — отъ 35 до 41 ф., пшеницы — отъ 40 до 47 ф. Весна 1848 года стояла довольно холодная; былъ снѣгъ и довольно сильные морозы около 1 мая, когда ростокъ ранняго гороха былъ уже въ вершокъ и болѣе; всѣ полагали, что ранніе посѣвы гороха пропадутъ, но оказалось противное: они и созрѣли, и принесли хорошій урожай. Посѣвъ яроваго былъ конченъ около 10 мая; но такому раннему посѣву думали, что овесъ поспѣетъ вмѣстѣ съ рожью, и опять ошиблись: послѣ холодной весны, лѣто было не жаркое, часто перепадали теплые дожди, и потому овесъ пронѣжился долго; его начали жать около 15 августа, а убрали съ полей по берегамъ Сити — въ послѣднихъ числахъ мѣсяца, дальше къ лѣсу — позднѣе, а въ самыхъ заднихъ деревняхъ — около 20 сентября. Цѣна овса была отъ 25 до 28 к. сер., ячменя — не выше 30 к. сер. за пудъ.

Паровая пашня обыкновенно начинается тотчасъ по вывозкѣ навозу; безнавозная земля прежде парится. Вывозка навозу начинается не вездѣ равно: въ деревняхъ, близкихъ къ лѣсу, или гдѣ есть хорошіе выгоны для скота — раньше, а гдѣ не куда дѣвать скота — разумѣется, позднѣе; обыкновенно-же — около 9 іюля. Крестьяне возятъ навозъ, каждый своимъ семействомъ; иногда, если семейство мало, сосѣди пособляютъ другъ-другу: за работника, съ лошадью и съ водокомъ, платится отъ 40 до 50 к. сер. въ день, кромѣ корму людямъ и лошади. Для наметыванія навозу употребляются деревянныя вилы съ желѣзными нарожниками, которыя очень тупы и въ плотный навозъ идутъ съ трудомъ: увидя у меня желѣзныя кованыя вилы, нѣкоторые крестьяне ихъ попробовали, полюбили, и сковали себѣ такіяже. Крестьянинъ не начинаетъ орать, пока не вывезетъ навозу начисто; а до того

времени, навозъ лежитъ на полѣ въ колышкахъ. Пашню производятъ сохою, къ одной межѣ, по одной бороздѣ, перекладывая полицу, и мелко, не глубже полутора вершка; у хорошей пашни ломоть ложится крестъ-на-крестъ и хорошо закрываетъ навозъ. Черезъ недѣлю, начинаютъ боронить, и заборанивають намелко. Въ 1848 году, пашня продолжалась до 1 іюля; крестьяне, напуганные червемъ предшествовавшаго года, не торопились паровою: сѣять рожъ, и думали, и нѣтъ.

Подъ озимовый посѣвъ земля орется тоюже сохою, только глубже, около 3 вершковъ и болѣе. Полицу перекладываютъ, и отваливаютъ отъ межей на средину; отчего небольшая подоранная полоса представляетъ невысокую гряду. Пашня до посѣва не скородится, а послѣ посѣва выборанивается не очень мелко: кто мелко заборонитъ, у того будетъ рожъ мелка, говорятъ крестьяне. Проганивать борозды послѣ посѣва, здѣсь и обыкновенія нѣтъ. Въ 1847 году, посѣвъ начался поздно, не ранѣе 12 августа, и кончился около 5 сентября: крестьяне были напуганы червемъ, который, въ предшествовавшемъ 1846 году, въ деревняхъ, лежащихъ по берегамъ рѣки Сити, выѣлъ озимь почти начисто, такъ-что кое-гдѣ уцѣлѣлъ лоскутокъ на полосѣ; нѣкоторые пересѣвали дважды, но послѣднимъ посѣвамъ червь не далъ показать и зелени. И на сей разъ, червь также появлялся, но уже ѣлъ не сплошь, начиная съ боку или съ конца, какъ прежде, а—вьюнами, разрѣжая посѣвъ по всей полосѣ, особливо отъ межей и бороздъ. Замѣчено притомъ, что онъ ѣлъ сильнѣе на полосахъ мягкихъ, рыхлыхъ, хорошо унавоженныхъ и выпаханныхъ; гораздо-же меньше вредилъ, или даже и совсѣмъ не показывался на полосахъ глинистыхъ, или первыхъ отъ дворовъ, гдѣ скотъ мнетъ землю, и она, какъ дорога, не разборонивается, а таскается крупнымъ комьемъ; также на поднятыхъ перелогахъ, на оборотяхъ, то-есть не совсѣмъ перепрѣвшемъ дернѣ. Поэтому, въ нѣкоторыхъ деревняхъ по берегамъ Сити (такихъ, впрочемъ, было не много), сѣяли ржи очень мало, опасаясь потерять и труды и сѣмена; а въ нѣкоторыхъ (этихъ было болѣе), сѣяли поздно, даже около 5 сентября. Не знаю кто по цѣнности хлѣба получилъ болѣе выгоды; знаю только, что кто сѣялъ ячмень весной на пареную унавоженную землю, тотъ получилъ бога-

тый урожай, а поздній посѣвъ ржи принесъ мелкую солому, мелкое зерно и скудный приплодъ. Осень 1847 года была продолжительная и теплая, такъ-что озимовые посѣвы, уцѣлѣвшіе отъ червя, поправились и укрѣпились; потомъ наступила зима безснѣжная, опасались что на горахъ посѣвы выдуетъ вѣтрами, но Богъ сохранилъ; ранняя, не очень теплая весна, тоже не сдѣлала вреда, потому-что земля была суха. Окончательно исправило все лѣто: рожь быстро поднялась отъ теплыхъ дождей; выцвѣла, не смотря на бывшіе во время цвѣту вѣтры и дожди, хорошо; налилась еще лучше, и принесла обильный урожай — отъ 7 до 8: жать начали ее съ 6, а убирать съ поля съ 15 августа. Замѣтить надобно, что здѣсь никогда не сѣется овесъ въ ржаномъ полѣ, а безнавозная земля обыкновенно нарится и засѣвается также рожью; поэтому приплодъ ржи, съ унавоженной и съ безнавозной земли, никогда не превышаетъ 5, ибо почти половина ея у каждаго крестьянина остается неунавоженною. Въ новыхъ деревняхъ, на земляхъ новыхъ, изъ-подъ лѣсу или кустарнику, рожь и овесъ иногда лѣтъ двадцать родятся порядочно, не зная навозу; зато, ленъ и ячмень, на грубомъ пластѣ, даже унавоженномъ, родятся плохо. Крестьянинъ, на ревижскую душу, высѣваетъ не болѣе одной четверти ржи, а сѣетъ ее часто. Рожь вообще родится мелковатая зерномъ, но сухая, бѣлая и полная; въ хлѣбѣ спора, и выпекается хорошо. Четверикъ подсѣянной ржи вѣситъ 45 фунтовъ; не знаю, будетъ-ли вѣсить столькоже выросшая на поляхъ и оборотяхъ. Въ 1848 году, озимовый посѣвъ начался тоже не рано, именно около 10 августа, а къ 20 былъ уже конченъ; губительный червякъ не показывался; озими шли хорошо; не смотря на то цѣна ржаной муки возвысилась: осенью она была ниже 40 к., а потомъ поднялась до 50 к. сер. за пудъ.

Земли сѣнокосныя, какъ уже было замѣчено, вообще здѣсь плохи. По берегамъ Сити онѣ большею-частію солотны, кочковаты, или по-крайней-мѣрѣ потны; исключеній очень мало. Само-собою разумѣется, что, въ слѣдствіе того, травы не съѣдобны для скота, и не питательны, хотя скотъ и ѣстъ ихъ по нуждѣ и привычкѣ. Поемныхъ луговъ почти вовсе нѣтъ. По берегамъ Сити, и впадающихъ въ нее рѣчекъ, есть травяныя мѣста, но онѣ большей-частью такъ завалены каменьями, что не понимаешь воз-

можности косить ихъ; по скатамъ горъ и овраговъ, трава такъ тоща, что тоже не стоитъ косьбы. Въ новыхъ деревняхъ, на низяхъ изъ-подъ лѣсу, травы высоки, метлисты, ломовиты, и также непитательны: рано скошенную траву скотина ѣстъ еще кое-какъ, а поздняя тоже что солома. Сѣнокосъ, въ новыхъ деревняхъ, начинается съ 1, а по берегамъ рѣки Сити около 8 іюля; продолжается у иныхъ до уборки полей. Количество сѣна, собираемаго на ревижскую душу, неравно; въ нѣкоторыхъ деревняхъ не болѣе трехъ возовъ, а въ другихъ селеніяхъ, изъ новыхъ, простирается до осьми. Вообще сѣнокосы недостаточны въ сравненіи съ количествомъ пашни, и крестьянинъ всегда бьется изъ корму. Зажиточные покупаютъ десятину и больше травы въ такъ-называемомъ «порѣчьѣ» (поемный лугъ за рѣкой Мологой, у Графа Мусина-Пушкина), р. на 100 и болѣе асс., въ разстояніи отъ мѣста жительства отъ 15 до 25 верстъ; скашиваютъ своею семьей, и мечутъ тамъже въ стогà до зимы: хорошая десятина платится до 30 р. сер., и приноситъ до 16 возовъ поемнаго сѣна; разумѣется, какъ количество, такъ и цѣна травъ измѣняется, смотря по обстоятельствамъ. Средній крестьянинъ наровитъ нанять гдѣ-нибудь въ околоткѣ подешевле, споритъ кормъ бережливостью, мѣскою мякины и т. п.; плохой-же крестьянинъ бьется кое-какъ.

При недостаткѣ сѣнокосовъ, разумѣется, не можетъ быть и хорошаго скотоводства. Только въ новыхъ деревняхъ, близкихъ къ лѣсу, оно идетъ порядочно; тутъ скотъ лѣтомъ не нуждается въ подножномъ корму, и зимой кормится по-крестьянски достаточно: лошадь и овца — сѣномъ, а крупный рогатый скотъ — соломой и мякиной, которыхъ достаетъ, потому-что хлѣбъ родится порядочно. Напротивъ, въ деревняхъ по берегу рѣки, лѣтомъ скотина мретъ сильно на тощихъ выгонахъ, весной и осенью взять ей также нечего, а зимой и того хуже; посему нисколько неудивительно, что скота здѣсь вообще держатъ мало, да и тотъ тощъ и мелокъ. Лучшій крестьянинъ, на ревижскую душу, держитъ одну лошадь, двѣ коровы, да овцу, болѣе нѣтъ возможности прокормить; есть крестьяне, имѣющіе, на четыре души, одну лошадь. Лучшую во всей волости лошадь можно купить не выше 50 р. сер., и такихъ очень не много; лучшая корова стоитъ 10 или 11 р. сер., ов-

ца — отъ 1 р. 50 к. до 2 р. сер. Обыкновенный вѣсъ убитой коровы — отъ 5 до 6 п., ягненка — отъ 25 до 30 ф. (выше — мало); пудъ говядины стоилъ, въ 1848 году, отъ 1 р. до 1 р. 30 к. сер., баранины — отъ 80 к. до 1 р. сер. Свиней держатъ крестьяне довольно, потому-что мясо ихъ предпочитаютъ всякому другому; кормятъ чѣмъ попало; вѣсу въ нихъ бываетъ отъ 5 до 8 п. Цѣна свиной туши: съ зубомъ — отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 60 к. сер., по лопатки — 2 р. 10 к. сер. за пудъ; ниже вѣсъ туши, ниже и цѣна. Сверхъ-того: щетины хребтовой фунтъ — около 1 р. 70 к. сер., боковой — не выше 20 к. сер. Не смотря на особенную любовь къ свининѣ, крестьяне, однако, ни свиней, ни борововъ, для разводу не держатъ, а покупаютъ ихъ маленькихъ, или пожалуй и взрослыхъ, и откармливаютъ на убой, рѣдко корма долѣе году; приэтомъ они не знаютъ какъ продѣвать свиньямъ проволоку, отчего эти прожорливыя животныя все, куда ни залѣзутъ — гумно, загороды, луга — взрываютъ какъ пашню.

Правительство оказало величайшее благодѣяніе Сицкарямъ, позволивъ имъ селиться на заднихъ своихъ полосахъ. Было уже замѣчено, что, лѣтъ пятдесятъ тому назадъ, все здѣшнее народонаселеніе сжато было въ кругу не болѣе семи верстъ поперечника, на самомъ берегу рѣки Сити, около трехъ главныхъ селъ. Земля, на прибывавшія ревижскія души, нарѣзывалась, позади полевой земли заднихъ деревень, къ казенному лѣсу; такимъ-образомъ, у каждаго селенія, не болѣе половины земли было въ полѣ, а другая часть за семь, восемь и болѣе верстъ. Можно судить, какая была оттого невыгода для земледѣлія: крестьяне рѣзали мелкими полосами полевую землю, а задняя пропадала почти даромъ; кое-гдѣ былъ палъ, засѣянный ячменемъ, или ручеекъ, расчищенный подъ покосъ — вотъ и все: гонять туда скотъ на пастбище, черезъ чужія поля, а иногда еще и изъ-за рѣки, не было возможности; ближайшія деревни не брали ничего въ кортому у дальнихъ, потому-что и своей земли дѣвать было не куда. При такой совершенной безполезности задней земли, дальній крестьянинъ, когда приходила нужда платить подать и кормить семейство, весь участокъ свой въ ней, на три ревижскія души, отдавалъ ближайшему — за одни березовые лапти! — Наконецъ крестьяне

одумались; бѣднѣйшіе изъ нихъ, при пособіи зажиточныхъ, стали выѣзжать съ позволенія Правительства; и, такимъ образомъ, изъ 20 селеній, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, сдѣлалось 45. Теперь эти выселившіеся крестьяне изъ бѣдняковъ стали зажиточными, и новыя деревни суть самыя лучшія, и скотомъ, и хлѣбомъ. Впрочемъ, народонаселеніе, по обоимъ берегамъ рѣки Сити, все еще слишкомъ тѣсно. На трехъ верстахъ часто живетъ до трехъ сотъ ревижскихъ душъ и болѣе, съ домами, сараями, житницами, гумнами, огородами, и т. д. Село, на-примѣръ, *Покровское*, и деревни: *Минюшино*, *Григорово*, *Рыге*, *Копань*, *Михяево*, *Ревятино*, *Игнатово*, *Глинникъ* (до 500 ревижскихъ душъ) — составляютъ кругъ не болѣе двухъ верстъ длины и поперечины! Гдѣ же земля для пашни? Она вся нарѣзана длинною полосою взадъ, протягиваясь отъ 5 до 7 верстъ. Плохо. Станетъ крестьянинъ возить навозъ, навозитъ не болѣе 4 или 5 телѣгъ въ день; съ сохою, бороною, сѣменами, ѣдетъ за 5 и болѣе верстъ; возъ сѣна, сноповъ, везетъ 7 верстъ: задняя земля дика, худа, выпахана, не унавожена; скоту плохой выгонъ, когда онъ долженъ идти около 10 верстъ и болѣе, взадъ и впередъ, на тощую траву. Нѣтъ сомнѣнія, что когда крестьяне подвинутся еще далѣе на заднія полосы, такъ-что земля будетъ у каждаго подъ руками, польза выдетъ для нихъ большая. Нѣсколько сотъ трудолюбивыхъ, здоровыхъ и привычныхъ рукъ, вмѣсто того чтобы въ плохіе годы шататься для насущнаго пропитанія по сторонамъ съ топоромъ и пилою, обратятся, для собственнаго своего блага, къ улучшенію земледѣлія и скотоводства, и такими существенными произведеніями, какъ скотъ и хлѣбъ, будутъ обезпечивать себя вполнѣ на неурожайные годы, какъ уже не разъ случалось съ новыми деревнями. Тогда можно будетъ ввести у нихъ со-временемъ и многопольное хозяйство, что при настоящемъ расположеніи селеній рѣшительно невозможно. Населенность отъ такого домосѣдства вѣрно ничего не потеряетъ; да и нравственность, конечно, не останется въ накладѣ; крестьяне будутъ приносить менѣе, и пороковъ, и болѣзней, въ свои семейства.

Изъ прочихъ домашнихъ хозяйственныхъ промысловъ, огородничество маловажно, и едва-едва удовлетворяетъ небольшимъ потребностямъ крестьянина. Рѣдька, морковь, свекла,

садятся въ маломъ количествѣ; бобы и горохъ очень рѣдко. Лукъ мелкой рѣпчатой: иногда его остается у крестьянина нѣсколько четвериковъ въ продажу, а продается онъ до 30 к. сер. за четверикъ; чесноку вовсе нѣтъ. Картофеля тоже иногда остается нѣсколько на продажу: цѣна 10 к. сер. за четверикъ, рѣдко выше. Рѣпа есть, и брюквы довольно. Капусты мало; иногда ее покупаютъ въ городѣ Мологѣ, а иногда, за недостаткомъ кислицы, хлебаютъ овсяную кашицу. Вотъ и все. Можно прибавить сюдажъ конопляники, разводимые, какъ сказано выше, въ огородахъ; но они не велики, и не у каждаго, менѣе чѣмъ у половины домохозяевъ. У иныхъ есть порядочные хмѣльники; впрочемъ сбору съ нихъ не выше пуда въ хорошій годъ.

Садоводство также ничтожно. Нѣсколько яблоней, рябина, черемуха, кустъ малины, кое-гдѣ смородина черная; и все.

Засимъ, особыхъ сельско-промышленыхъ заведеній, кромѣ самыхъ необходимыхъ въ простомъ хозяйствѣ, нѣтъ. Есть съ полсотни вѣтреныхъ толчей, но ни одной шатровой мельницы. Въ 1848 году, завелась одна конная маслобойня.

Лѣсу при волости довольно, и весь онъ состоитъ въ одномъ мѣстѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Сити. Выгоны на этомъ лѣвомъ берегу заросли мелкимъ ельникомъ, а на правомъ — олешникомъ. Тотъ и другой крестьяне рубятъ на дрова, а ельникъ еще — на колье въ полевый огородъ и на переплетину къ загородѣ. Самый мелкій ельникъ идетъ на витвину или перевязь: для этого елка раздирается на-двое, и ею перевиваются колья въ огородахъ; такая перевязь очень прочна, и обыкновенно держитъ огородъ отъ 10 до 15 лѣтъ. Можно-бы думать, что крестьяне, рубя мелкій ельникъ, переводятъ тѣмъ лѣсъ, но опытъ показываетъ противное: березовая перевязь держитъ всего только годъ, ивовая не болѣе двухъ, а елка, сама не старѣе четырехъ лѣтъ, держитъ до 15 лѣтъ; пока одна держитъ, другая выростаетъ въ жердь; крестьянину менѣе работы, и лѣсу меньше ущербу. Напротивъ справедливость требуетъ сказать, что лапти слишкомъ дорого достаются лѣсамъ. Липнякъ, котораго очень было довольно, становится уже слишкомъ рѣдокъ и мелокъ; не найдете во всемъ лѣсу липы и въ оглоблю. А что терпитъ бѣдная береза? Дважды въ годъ, въ петровки и осенью, крестьянинъ, въ теплый день, отправляется въ лѣсъ съ топоромъ за поясомъ, и высматриваетъ

березу: гладка, такъ онъ тутъже срубаетъ ее и обдираетъ годныя мѣста; но часто случается, что береза оказывается негодною (ибо не всякая береста годна для лаптей, иная двоится и троится), тогда онъ бросаетъ ее и ищетъ другой: бываетъ, такимъ-образомъ, что, проходивъ цѣлый день и срубивъ десятокъ березъ, онъ возвращается домой по-вечеру съ запасомъ — на одни лапти! — Лѣсъ гибнетъ даромъ, и мужикъ не въ выгодѣ!

Вообще должно сказать о Сицкарѣ, что онъ, родясь и выросши въ лѣсу, свыкся съ топоромъ, какъ казакъ съ своимъ копьемъ: его любимое занятіе — возиться всячески съ лѣсомъ. Такимъ образомъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, крестьяне здѣшніе, не имѣя за собой надзора, сильно губили волостной свой лѣсъ: они рубили его на барки, на избы, на сараи, на крышечный тесъ; и чтожъ изъ того выходило? Двѣ копани, свезенныя въ село Лоцкое (около 25 верстъ), продавались не болѣе 20 к. сер.; стало-быть, крестьянинъ съ лошадью, на своемъ хлѣбѣ, выработывалъ въ день не болѣе 40 к. асс., ибо не менѣе 30 к. стоило свалить копань и вытесать. На мѣстѣ стѣновое бревно продавалось не выше 15 к. сер., сотня крышечнаго тесу доходила до 2 р. сер.: такимъ образомъ лѣсъ гибъ понапрасну, скорѣе разоряя, чѣмъ обогащая крестьянъ; немного десятинъ уцѣлѣло отъ топора, а множество костровъ сгнило въ лѣсу, за недостаткомъ сбыта. Къ счастію, такое безразсудное злоупотребленіе лѣсныхъ богатствъ нынѣ прекращено попечительными распоряженіями Правительства; и это послужило къ явной выгодѣ самихъ крестьянъ. Теперь сами они, по собственному расчету, не пользуются даже и дровяникомъ казеннымъ; условія, на коихъ отводится имъ лѣсъ для отопленія, превышаютъ выгоду получать его безденежно: лошадь съ мальчикомъ подъ кладь стоитъ отъ 25 до 50 к. сер. въ день, крестьянинъ съ однимъ топоромъ — отъ 20 до 30 к. сер.; дороги придутъ дрова, когда надобно еще очистить сукъ и щепу въ порубкѣ. Оттого, въ настоящее время, крестьяне, покупая у окольныхъ помѣщиковъ лѣсъ для строенія барокъ десятинами, вершины отъ копаней и вальковъ, также иву, березу, осину, ольху и прочее негодное для барочнаго промысла, употребляютъ на отопку; присемъ, такъ-называемый здѣсь «обработокъ», то-есть десятина, изъ которой годный для барокъ лѣсъ вывезенъ, продается отъ 5 до 8 р. сер. и

даетъ дровянику до 300 возовъ. Такимъ образомъ, казенный лѣсъ при волости значительно поправляется, и есть уже порядочный строевой; можно надѣяться, что, при продолженіи подобной бережливости, лѣтъ черезъ сорокъ достигнетъ онъ и совершенной полноты, что на случай очень важно.

Нынѣ, главный и почти единственный прибыточный для крестьянъ лѣсный промыселъ есть строеніе барокъ; потому-что каждый въ немъ находитъ себѣ работу, а слѣдовательно и средство добывать деньги. Конечно, по перемѣнчивости обстоятельствъ, промыселъ этотъ не всегда надеженъ; но вотъ уже около десяти годовъ, какъ идетъ порядочно, въ слѣдствіе чего и цѣны на все поднялись, на копани, на днища, за работу, и т. д.; прежде, на-примѣръ: барка продавалась отъ 250 р. до 300 р. асс., нынѣ — отъ 450 до 515 р. Крестьянинъ обыкновенно рядится съ какимъ-либо купцемъ, заключаетъ контрактъ, или просто, по одной запискѣ, получаетъ половину денегъ въ задатокъ, и начинаетъ строить. На волю вообще строятъ мало, опасаясь упадка цѣнъ: только нѣкоторые работаютъ по баркѣ или много по двѣ. Впрочемъ, и по подряду, зажиточный и семейный крестьянинъ работаетъ не болѣе какъ до пяти барокъ, среднiй — двѣ или три; много работать нѣтъ выгоды. Въ 1817 году, если лѣсъ былъ весь покупной, барка обыкновенно приходилась въ 450 р. асс. (именно: за мѣсто — отъ 5 до 6 р.; днище съ пыжами и порубнями — отъ 115 р. до 125 р.; лѣсъ на бока — 10 р.; сосна — 10 р.; пилка боковъ — до 18 р.; стойки — 6 р. за сотню; копани — отъ 125 р. до 140 р. за сотню; сдѣлать барку — отъ 90 до 100 р.; пакля, скобы, гвоздь — 25 р.; сгонщику до Рыбинска — 20 р.). Затѣмъ продажная цѣна для нѣкоторыхъ выпадала до 515 р. за барку, а въ казну ставили не выше 450 р. ассигн.: барышь пустой! — Но дѣло въ томъ, что крестьянинъ, покупая лѣсъ десятиною, копань валитъ и тешетъ самъ, еловое дерево для днища тоже самъ валитъ и тешетъ, возитъ его самъ, работаетъ барку самъ, стойка своя, лѣсъ для боковъ также весь свой, кромѣ сосны, да и гонитъ въ Рыбинскъ барку самъ-же. Платить — да и то не каждому — приходится только за вывозку сотни копаней изъ лѣсу на берегъ—до 25 р., за пилку на барку—отъ 45 до 55 р. съ барки, да работнику, если собствен-

ное семейство мало — отъ 50 до 60 р. асс. Покрывъ эти расходы, и заплативъ за десятину лѣсу (въ 1847 году — отъ 40 до 70 р. асс.)—крестьянинъ остальное считаетъ барышемъ!—Бываютъ, впрочемъ, особенные случаи, увеличивающіе цѣнность расходовъ, а потому уменьшающіе барышъ. Въ 1847 году, Сицкарями сработано было до 250 барокъ, но по мелководію нѣкоторыя не были спихнуты съ берегу. Крестьяне не помнятъ такой мелкой воды, даже старики; водяныя вѣтряныя мельницы, до Панкратовской, стояли всю зиму даромъ, за недостаткомъ воды; Панкратовская молола только въ два жернова, а иногда и въ одинъ; затѣмъ, весною, всѣ, кромѣ Панкратовской, не выбирали даже вѣхъ и начали прямо молоть; спущенная нижними заводами вода, не болѣе какъ въ трои сутки, стекла вся въ рѣку Мологу, а потому въ иныхъ мѣстахъ глубина Сити не превышала четверти аршина. Гнать барокъ не было возможности по множеству каменьевъ; посему иные крестьяне не спихивали ихъ, а оставили на берегу до слѣдующаго года, и такихъ осталось до 40. Между-тѣмъ, для тѣхъ, которыя были спихнуты, крестьяне должны были, собираясь, разбирать каменья воротами: работа трудная, и по холодной и дождливой веснѣ опасная для здоровья, ибо въ дождь и хизъ надо было непрестанно быть въ водѣ. Наконецъ, согласясь, купили они воду у верхнихъ заводчиковъ, заплативъ, какъ я слышалъ, около 2,000 р. ассигн., и кое-какъ вышли въ самомъ началѣ Петрова-Поста. Плачено было неравно, съ верхнихъ барокъ—болѣе, съ нижнихъ—менѣе: средняя платила отъ 13 до 15 к. асс.; всего-жъ расходу пало, такимъ образомъ, кромѣ своихъ трудовъ, около 25 р. асс. на барку!—Знатоки вообще хвалятъ Сицкую барку; она не такъ чиста, какъ работаютъ на Мологѣ и Волгѣ, но плотна и не водяниста, а потому легка на ходу и подъемиста: между-тѣмъ Сицкари говорятъ, что если-бы давали имъ до 150 р. сер. за барку (цѣна вполтора и вдвое дешевле той, за которую барки покупаются въ Рыбинскѣ), то волость, собственными работниками, ежегодно сработала-бы и доставила въ Рыбинскъ до 300 такихъ барокъ. Замѣчу, въ заключеніе, что строеніе барокъ важно для здѣшнихъ крестьянъ и по тому, что въ прочихъ работахъ крестьянинъ занятъ одинъ, а тутъ все его семейство, и даже

лошадь. Мальчикъ отъ 10 до 12 лѣтъ возитъ копани или вальки; старый и малый тешетъ и строгаетъ деревянный барочный гвоздь: между-тѣмъ цѣна подъ кладь на одну лошадь бываетъ отъ 15 до 25 к. сер.; тысяча гвоздей стесаныхъ изъ хозяйскаго лѣсу стоитъ 50 к. сер., а строганыхъ—до 70 к. сер. Такимъ образомъ, лица, при прочихъ работахъ безполезныя крестьянину, здѣсь, когда барочныя работы идутъ хорошо, добываютъ на свѣчку Богу, на соль, на табакъ, на деготь, на штофъ вина о праздникѣ, на моль вяленую и судачину объ масляницѣ, на онучи, рукавицы, вареги и другіе мелкіе домашніе расходы, а иногда по нуждѣ и на куль муки, даже и на часть оброка; а между-тѣмъ самъ крестьянинъ свободенъ, идетъ на работу въ лѣсъ, или на сторону, и часто въ зиму, одинъ, на чужомъ хлѣбѣ, заработываетъ отъ 20 до 30 р. сер. и болѣе.

Прочіе здѣшніе промыслы, въ сравненіи съ стройкой барокъ, почти ничтожны; въ томъ числѣ и тѣ, которые можно-бъ было извлекать изъ лѣсу.

Есть человѣкъ съ десятокъ, которые въ помѣщичьихъ лѣсахъ, съ позволенія владѣльцевъ, ломаютъ сосновый пень, возятъ его зимою домой, а весной и осенью гонятъ изъ него, съ прибавкой бересты, деготь. Впрочемъ этотъ деготь не болѣе, какъ простая коломазь; чистаго-же, для мазанья сапоговъ, не гонятъ. Приэтомъ не умѣютъ сами работать горшковъ для гонки дегтя, а ѣздятъ за ними ежегодно верстъ около полутораста, Вологодской губерніи въ Домшинскую волость, гдѣ платятъ на мѣстѣ отъ 10 до 15 к. сер. горшокъ; не умѣютъ также гнать деготь ямами. Все количество добываемаго такимъ образомъ дегтя не превышаетъ 500 пудовъ въ годъ. Цѣна ему отъ 70 до 80 к. сер. за пудъ.

Жженіемъ угля занимается также немного рукъ. Обыкновенно для этого покупается лѣсной обработокъ, гдѣ выкапывается угольная яма и производится жженіе дровяника. Приэтомъ вершинникъ отъ копаней продается на стройку и на стойки къ баркамъ; осинникъ годный идетъ на колоды, лопаты, лукошка, дупелки, въ стѣну сарая, въ ямникъ къ овину, и т. п., а негодный на дрова и овинники; береза употребляется на лучину и дрова; только ельникъ весь безъ остатка сожигается на уголь, иногда съ прибавкой здороваго осиноваго вершиннику. Куль

добытаго таким образом еловаго угля, с доставкой на дом от 10 до 15 верст, продается от 10 до 15 к. сер., смотря по разстоянію; на мѣстѣ-же можно купить его от 8 до 9 к. сер. за куль.

Звѣроловством постоянно занимаются немногіе, и в самых малых размѣрах. Ловятся зайцы (русак и бѣляк), немного куницы, бѣлка, нѣсколько хорьков, иногда волк; медвѣдей третій год уже вовсе нѣт, в 1848 году видѣли только слѣды их; лисицу убили одну, десять лѣт тому назад; прежде, говорят, охотники бивали около рѣки выдру и норку, а в лѣсах барсука, и раз как-то (впрочем очень уже давно) поймали тройку оленей. Из птиц, осенью бьют больше тетерева и рябчика; голубь и куропатка (послѣдней очень довольно) не стоят охоты, их никто не покупает; дикую утку, гуся, журавля, бьют рѣдко, и только послѣдних на перелетѣ, а взводов вовсе здѣсь нѣт; лебедь перелетает очень рѣдко; куликов больших и средних, бекаса, песчаника, сорогая, не бьют; кербника и луговку, не бьют и не ѣдят. Весь промысел не приносит болѣе 150 р. сер. в год.

Рыболовство еще ничтожнѣе. Не болѣе трех человѣк занимаются им постоянно, и ловят в Сити двойною сѣтью без рукава, длиною от 30 до 40 сажен, которая выбирается прямо в лодку, или на плот; ловить-же неводом, по чрезвычайному множеству камней, нѣт возможности. Впрочем, у каждаго крестьянина есть про себя плотный намет, которым он хватает рыбу, когда идет лед и в мутную (по здѣшнему—«в мульную») воду; есть также холщевая недотка, которой ловят, когда вода, при спускѣ мельниц, обмелѣет. Ловится: щука—до 30 ф., окунь—до 5 ф., ерш, пискарь, налим—до 10 ф.; из бѣлой-рыбы (по здѣшнему—«бѣли») леща не бывает выше 1 ф., сорок—до 3 ф., голавль и язь—до 6 ф., подъязок—до 3 ф., жерех—до 2 ф.; линя и карася вовсе нѣт. Зимою в язы идет довольно налима—от 1 до 5 ф., а весной—плотвы. Вообще, в верховьѣ рѣки рыбы болѣе, нежели при впаденіи. Все количество улавливаемой в год рыбы не доходит и до 100 пудов. Рыба продается от 3 до 4 к. сер. за фунт. Щука всякой другой рыбѣ предпочитается. Раков множество, но их не ѣдят и не ловят.

Не больше можно сказать и о пчелиномъ промыслѣ. Имъ почти вовсе не занимаются. По всей волости не насчитается болѣе полусотни порядочныхъ ульевъ.

Самое обыкновенное рукомесло здѣшнихъ крестьянъ есть плотничество. Нѣкоторые дѣлаютъ осиновыя лопаты и колоды: сотня лопатъ продается отъ 2 р. до 2 р. 50 к. сер.; а осиновая колода въ 3 четверти аршина глубины и въ 3 аршина длины — отъ 30 до 50 к. сер., смотря по прочности дерева и чистотѣ отдѣлки. Лукошекъ и дупелекъ осиновыхъ дѣлать не умѣютъ; дровней гнуть также. Столяровъ хорошихъ нѣтъ, но кровельщики есть порядочные; здѣшніе крестьяне сами ставили и обивали жестью деревянный крестъ, сшибенный вѣтромъ съ церковной главы. Стекольщиковъ только два. Каменьщикъ, онъже и штукатуръ, одинъ, и тотъ плохой. Выдѣлкой кирпича-сырцу занимаются больше ребята, и то не многіе, и выдѣлываютъ въ маломъ количествѣ; не было ни одного опыта обжигать кирпичь. Печниковъ также нѣтъ; трубы кладетъ всякой самъ для себя. Кузнецовъ не болѣе трехъ; сапожниковъ порядочныхъ также трое. Портныхъ, и то для сѣрой крестьянской одежды, не насчитаешь и десятка. Сапожныхъ катальщиковъ довольно, но они плохіе мастера своего дѣла: нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ только бить шерсть. Мастеровъ выдѣлывать овчины не болѣе трехъ, одинъ изъ нихъ учится и дубить: за квашенье овчины берется отъ 5 до 6 к. сер. за работу, за дубленье—10 к. сер.: овчинъ всѣ три мастера выдѣлываютъ отъ 3 до 4,000; выдранная изъ овчинъ кислая сѣрая шерсть стоитъ отъ 2 р. 50 к. до 3 р. сер. за пудъ, вычесываетс -же ея со 100 овчинъ не болѣе пуда, по сказу овчинниковъ; стружку, лапку и т. п., берутъ красильники за безцѣнокъ. Крашеньемъ холста и пряжи и набиваньемъ холста цвѣтками занимаются тоже трое: одинъ и краситъ и набиваетъ, двое только красятъ; кромѣ синей краски, другихъ не знаютъ; матеріалу въ годъ переводятъ почти на 1,500 р. сер.; фунтъ пряжи выкрасить стоитъ отъ 15 до 25 к. сер.: за набивку своей холстины крестьяне платятъ съ аршина по 3 к. сер.; узоровъ рѣзать не умѣютъ, а получаютъ ихъ съ ситцевыхъ фабрикъ изъ Костромской губерніи; на маслѣ не набиваютъ; сандалу идетъ мало. Женщины прядутъ и ткутъ домашній грубый холстъ и домашнее сѣрое сукно; шьютъ для себя и семейства рубашки:

не всякая однако можетъ сшить себѣ ситцевый сарафанъ. Вотъ, кажется, и всѣ здѣшнія ремесла.

Нѣкоторые изъ крестьянъ занимаются и торговлей, но она вообще маловажна; развѣ исключить торговлю рукавицами, варегами и онучами, которыхъ продается иногда на сумму до 3,000 р. сер. въ годъ? Хлѣбныхъ торговцевъ, по незначительности капиталовъ, нѣтъ ниодного; да и всѣхъ торгующихъ крестьянъ не болѣе двадцати. Въ Петербургѣ, на заработкахъ, живетъ не болѣе десяти человѣкъ изъ всей волости; весь прибытокъ отъ нихъ не доходитъ до 1,000 р. сер.

Трудно опредѣлить количество денегъ, добываемыхъ крестьяниномъ въ годъ; это зависитъ отъ его промысла болѣе или менѣе прибыльнаго, также отъ лѣности или прилежанія, ловкости или вялости, и т. д. Барочникъ, на-примѣръ, красильникъ, кузнецъ, торговецъ, выработываетъ болѣе нежели — пильщикъ, плотникъ, работникъ на баркѣ. Впрочемъ, и тутъ человѣкъ въ человѣка не приходитъ. Въ 1847 году, хорошій барочный работникъ въ зиму, отъ Николы до Николы, то-есть отъ 6 декабря до 9 мая, получалъ, на готовомъ хлѣбѣ, отъ 25 до 35 р. сер., ловкій пильщикъ заработывалъ столько-же; въ остальную половину года крестьянинъ стоилъ не менѣе, и получалъ не менѣе, если, имѣя дома лишняго человѣка, уходилъ въ работу: посему количество денегъ, выработанныхъ, въ этомъ году, хорошимъ и прилежнымъ крестьяниномъ, можно положить отъ 50 до 70 р. сер. Конечно, были которые не заработали и половины этой суммы; были зато и такіе, на-примѣръ овчинники, кузнецы, красильники, которые добыли около 100 р. сер., а можетъ-быть и болѣе.

Еще труднѣе опредѣлить количество крестьянскихъ расходовъ. Крестьянинъ, какъ говоритъ пословица, «по одежкѣ тянетъ ножки»: кто менѣе заработываетъ, тотъ менѣе и издерживаетъ. Съ ревижской души, съ прочими расходами, сходитъ съ него обыкновенно до 20 р. асс. въ годъ; столько-же должно положить на его житейскія необходимыя нужды, какъ-то: онучи, вареги, рукавицы, соль, деготь, табакъ, иногда кусокъ говядины для семейства, также на починки по дому, поправку сбруи, и т. п. Одинокій крестьянинъ, который имѣетъ земли на три ревижскія души, для содержанія семейства, состоящаго изъ жены и нѣсколькихъ малолѣтныхъ дѣтей, необходимо долженъ выработать

до 120 р. асс. въ годъ; около 10 р. сер. въ годъ надо прибавить къ тому на солодъ, хмѣль, вино и еще кое-что на праздничные расходы; сверхъ-того, такъ-какъ нѣтъ возможности ему одному съ малолѣтными дѣтьми сжать и смолотить хлѣбъ, то еще до 10 р. сер. нужно на работницу, молотильщиковъ и т. п.: такимъ образомъ весь расходъ его будетъ доходить до 200 р. асс.

Когда бываетъ хорошій урожай хлѣба, и крестьянину, за пропитаніемъ семейства, достается продать сколько-нибудь овса, или ячменя (ржи у него никогда не остается), да еще задокъ свининки, или овечку, или шерсти, или еще чего-нибудь, рублей хоть на полсотни; то остальное количество хорошій работникъ добудетъ работою, и такимъ образомъ живетъ годъ хоть не богато, но безбѣдно. Но выше было замѣчено, что въ нашей волости недостатокъ сѣнокосовъ бываетъ причиной недостатка скота, отъ недостатка скота происходитъ недостатокъ навоза, а отсюда недостатокъ и самаго хлѣба. Маломощному и одинокому крестьянину не на что купить сѣнокосу въ порѣчьѣ, и нѣтъ возможности обработать его тамъ по причинѣ отдаленности, а вблизи, и на малую сумму, нѣтъ его вовсе; поэтому онъ бьется со скотомъ кое-какъ, кормя его мякиной, тертовкой и т. п. Зажиточный крестьянинъ, имѣя въ семействѣ двухъ взрослыхъ сыновей, невѣстокъ, дочерей и т. д., покупаетъ ежегодно корму для скота, травой, на сумму отъ 5 до 10 р. сер. на ревижскую душу; этимъ содержитъ онъ довольно скота, а потому, въ сравненіи съ маломощнымъ, снимаетъ хлѣба болѣе и не нуждается въ немъ. Впрочемъ когда бываетъ неурожай сѣна и яровой соломы, то цѣна корму быстро возвышается: возъ поемнаго сѣна, отъ 10 до 15 п. вѣсомъ, доходитъ до 3 р. сер. на-мѣстѣ, за 15, 20 и болѣе верстъ разстоянія, откуда за доставку надо платить на лошадь отъ 25 до 50 к. сер., смотря по качеству дороги и количеству верстъ, да еще корму ей и хозяину на сутки; возъ яровой соломы, тогоже вѣсу, доходитъ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. сер.: а такихъ возовъ сѣна мало шести для прокормленія лошади въ зиму, соломы — четырехъ недостаточно для коровы безъ мякины! Бѣда, если къ этому присоединится еще и недостатокъ хлѣба: тогда крестьянинъ уменьшаетъ даже необходимые свои расходы, вовсе оставляетъ расходы на праздники и щегольство, и все-таки неминуемо

долженъ продать за безцѣнокъ нелишнюю для него скотину, чтобы не кормить ее и добыть денегъ на хлѣбъ семейству. Бывали годы, когда крестьянинъ, имѣя семейство въ 15 и 16 душъ, покупалъ хлѣба на сумму до 300 р. асс. въ годъ; когда, покупая травы р. на 100, прикупалъ еще хлѣба на 100 р. асс.: два-три такихъ года сряду, и половина крестьянъ совершенно нищаетъ. Въ 1846 году, по берегамъ Сити червь выѣлъ дачисто озимые посѣвы; въ 1847 году, поѣлъ онъ также довольно; но зато, въ 1848 году, ячмень и овесъ на паровыхъ пашняхъ уродились, по-здѣшнему, прекрасно; уцѣлѣвшая отъ червя рожь была умолотна: поэтому крестьяне спорили ржи овсяными блинами, ячменными прѣснушками, кулыбыщами, индѣ пекли пироги изъ ячменной муки и туже муку на-половину и болѣе клали въ хлѣбъ; такимъ образомъ, бѣда отъ червяка, по милости Божіей, обошлась еще благополучно.

Къ всегдашнимъ необходимымъ расходамъ крестьянина временно присоединяется равно-необходимый расходъ на стройку. Если это бываетъ въ слѣдствіе пожарнаго несчастія, то является на помощь благодѣтельное Правительство, которое даетъ нужный лѣсъ, и крестьянинъ вывозитъ его самъ, съ помощію добрыхъ людей. При добровольной постройкѣ, онъ старается заблаговременно, посредствомъ сбереженій отъ всегдашнихъ расходовъ, заготовить нужную на издержки сумму, и ведетъ дѣло очень расчетливо. Хорошая изба покупается дорого, не по цѣнѣ лѣсу, а по цѣнѣ, какую можно выручить употребивъ лѣсъ на барки; также по цѣнности времени и лошадей, необходимыхъ на свалку лѣса, вывозку его и самую срубку избы. Изба изъ комельнаго еловаго лѣсу, въ 3 сажня длины, 3 поперечины, и до 15 — 17 рядовъ вышины, съ переводами и потолкомъ, но безъ верху, цѣнится отъ 40 до 50 р. сер.; затѣмъ нужны еще: еловое стулье подъ избу, постанка или сборка избы, мохъ, самцы, солома или тесъ на крышу, тесъ на полъ и двери, косяки, желѣзо, печь, рамы и прочія мелочи; наконецъ работа, если самъ хозяинъ не станетъ работать, будетъ стоить отъ 30 до 40 р. сер. Поэтому, изъ комельнаго лѣсу, крестьянская изба рубится рѣдко; а если рубится, то хозяинъ покупаетъ лѣсъ десятиною, такъ-что сосновое дерево обойдется на корню не дороже 30 к. сер.: изъ лучшаго дерева идутъ два бревна въ стѣ-

ну, изъ худшаго — одно; лучшіе комли употребляются на косяки и нарядъ, вершинникъ — на потолки, заборы, чуланы, клевы, самцы и т. п.; прочій мелкій лѣсъ, который приходитъ даромъ, идетъ на верхи, отопку, лучину, и т. д. Такъ строятся зажиточные, и потому весьма немногіе. Обыкновеннѣе-же, и почти всегда, крестьянинъ за безцѣнокъ беретъ вершины отъ лодочныхъ копаней и нѣсколько комельковъ для наряду, вывозитъ ихъ, рубитъ срубы между-дѣломъ, сбираетъ и мшитъ или своей ватагой, или при помощи родныхъ и сосѣдей, потомъ кроетъ и бьетъ печку — все самъ. Только за чистенькую работу, за окно, полъ, дверь, наличникъ, переборку и т. п., платитъ онъ отъ 5 до 8 р. сер. въ глухую пору; а часто и это исправляетъ самъ-же, нанимая въ помощь работника, или понедѣльно, или на всю работу. Такимъ образомъ стройка самой избы стоитъ ему очень не дорого; а о сараѣ, овинѣ и т. п., и говорить нечего.

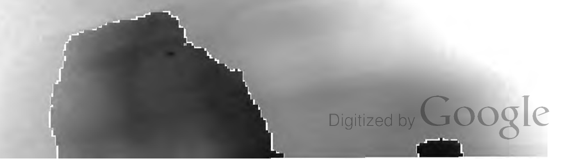
Есть еще одинъ очень важный временный расходъ, который, по здѣшнимъ обычаямъ, считается тоже необходимымъ: это при выходѣ изъ семьи рекрута. Какъ-скоро сынъ или братъ поступитъ отъ семьи на очередь (по нынѣшнему порядку, недѣль за десять еще до настоящей отдачи), то онъ совершенно перестаетъ работать, ходитъ и ѣздитъ въ гости къ себѣ подобнымъ, и зоветъ ихъ къ себѣ: во все это время, пиво и вино, въ семействѣ, не выходитъ; рекрутъ катается на лошади, одну замучилъ, давай другую; мыкаетъ и рветъ на себѣ хорошую одежу; пой, корми — и его, и лошадь, и гостей, береги ихъ, давай имъ проводника, сторожа, и т. д. Все это такъ уже заведено изстари, и перемѣнить нельзя, а семьѣ стоитъ очень дорого, и притомъ безъ всякой существенной пользы. Иное, вполнѣ похвальное дѣло, когда семейство посылаетъ деньги уже находящемуся въ полку, или угощаетъ прибывшаго на побывку: это дань родительской любви, или долгъ благодарности со стороны братьевъ, за которыхъ отданный служитъ (особенно если это еще по охотѣ, что здѣсь совсѣмъ не рѣдкость). И это дѣлается здѣсь тоже на широкую руку: въ хорошемъ домѣ солдатъ стоитъ въ годъ семейству отъ 15 до 25 р. сер.; издержки для него въ побывкѣ составляютъ отъ 20 до 40 р. сер.: родственники должны, каждый, ставить пиво и покупать вино, чтобъ было гдѣ гостю погостить и повеселиться.

Издержки на щегольство существуютъ только для молодежи, и притомъ весьма незначительны и для семейства неощутительны. Сынъ или братъ-женихъ, когда ему хочется прилично, по его понятію, одѣться, идетъ въ Рыбинскъ на барки, и тамъ, работою и бережливостью, самъ пріобрѣтаетъ себѣ красную рубашку, ермолку съ кисточкой, плисовые штаны, вытяжные сапоги, синюю поддѣвку и т. д., а иногда добываетъ денегъ и на самую свадьбу; тутъ у семейства въ потерѣ одно время. При недостаткѣ, довольствуются и меньшимъ; а изъ семейства, очень рѣдко, и то развѣ у весьма зажиточныхъ, шьютъ парню какой-бы то ни было нарядъ. Дѣвица одѣвается тоже сама, своимъ веретеномъ, при пособіи матери: отецъ и братья пособляютъ ей мало и рѣдко; притомъ лучшій нарядъ невѣсты не превышаетъ 30 р. сер., а часто бываетъ ниже 10 р. Что касается до стариковъ и отцевъ семействъ, то они вовсе и не знаютъ, что такое щегольство.

Расходы праздничные очень не велики, если исключить хлѣбъ, солодъ, хмѣль, говядину и прочее, что есть дома, некупленое. Даже въ богатомъ домѣ, гдѣ земли пашутъ на пять, на шесть и болѣе душъ, эти расходы не превышаютъ 30 р. сер. въ годъ, а у одинокого не доходятъ и до 10 р. сер. И тутъ, при каждой невзгодѣ, или другой неминуемой издержкѣ, богатый старается уменьшать ихъ, а бѣдный и вовсе уничтожаетъ.

Здѣсь не мѣшаетъ сказать, какіе у нашихъ крестьянъ наиболѣе чествуются праздники.

Храмовый-День есть праздникъ для всего прихода. Онъ бываетъ: въ селѣ *Покровскомъ-на-Сити* — 1 октября, въ день Покрова Пресв. Богородицы; въ селѣ *Семеновскомъ*, 8 ноября, въ день Св. Архистратига Михаила; въ селѣ *Байловскомъ* — 21 ноября, въ день Введенія во Храмъ Пресв. Богородицы. Празднованье обыкновенно начинается въ селахъ, по окончаніи службы, и оттуда гости постепенно переходятъ въ ближайшія деревни, доколѣ не дойдутъ до самыхъ отдаленныхъ: это вообще продолжается отъ трехъ до четырехъ сутокъ, а въ приходѣ Покровскомъ, по количеству и отдаленности деревень, отъ семи до осьми сутокъ. Крестьянинъ самой отдаленной деревни гоститъ поочереди у родственниковъ живущихъ въ селѣ и ближайшихъ деревняхъ, постепенно подвигаясь къ себѣ домой; между-тѣмъ,

хозяева ближайшихъ деревень, отправивъ у себя угощеніе, идутъ сами въ гости въ дальнія деревни. Обыкновенное крестьянское угощеніе изъ питей: простой полугаръ, и пива вдоволь; настойки, наливки, виноградное вино и водка, большая рѣдкость; самоваровъ также немного, особенно на лѣвомъ берегу Сити. Вина покупается отъ полу-до полутора-ведра, смотря по достатку хозяина и количеству гостей. Пиво варится котломъ; маломощные варятъ, двое и трое, въ одномъ котлѣ, и дѣлятъ свареннымъ уже пивомъ: за котелъ въ сутки платится 15 к. сер.; хорошій крестьянинъ варитъ солоду отъ 15 до 20 четвериковъ, иногда ячменнаго, иногда овсянаго, съ прибавкой ржанаго, который покупается въ городѣ Мологѣ кульками. Съѣдобныхъ припасовъ выходитъ также значительное количество: говядина, баранина, свинина, блины, пряженцы, пирогъ (изъ своей пшеницы, рѣдко—изъ бѣлой купленой), сальникъ; въ постный день—какая-нибудь рыба. Гостей собирается отъ 15 иногда до 30 человѣкъ въ домъ, и всѣ любятъ попить и поѣсть до свѣту. Молодые люди, между-тѣмъ, веселятся на улицѣ, поютъ пѣсни, ходятъ въ кругахъ, пляшутъ, играютъ на балалайкѣ, или въ гармонію; другихъ инструментовъ никакихъ нѣтъ.

Сверхъ общаго Храмоваго-Праздника, почти каждая деревня въ Покровско-Сицкомъ приходѣ имѣетъ лѣтомъ еще свой собственный праздничный день: какой-либо изъ Господскихъ, на-пр. Троицынъ-День, Преображенье; или изъ Богородичныхъ, на-пр. Владимірской, Казанской Божіей Матери; или Святыхъ Угодниковъ, на-пр. Николинъ-День, Петровъ-День, Ильинъ-День, и т. п. Угощеніе бываетъ и тутъ такоеже; но какъ праздники эти частные, а не общіе во всей волости, и гости сходятся въ одну лишь деревню, то празднованье не продолжается болѣе двухъ сутокъ.

Особо празднуется такъ-называемое «Крапивное-Заговѣнье» (послѣдній Воскресный-День передъ Петровымъ-Постомъ): въ этотъ день, послѣ обѣдни, не дома, а въ селѣ, сватъ угощаетъ свата, мужъ жену, теща зятя и т. д., покупая вина, иногда пива, а женщины приносятъ изъ дому пряженцовъ, яичницу, яицъ вареныхъ и т. п. Затѣмъ, въ день Святыхъ Космы и Даміана (попросту—«Кузьма-Демьянъ»), зять непремѣнно гоститъ у своего тестя, иногда и отецъ зятнинъ съ матерью тутъже; только больше

гостей не бываетъ, и оттого издержки малы, хотя праздникъ продолжается отъ однѣхъ до двухъ сутокъ. Равнымъ-образомъ, въ послѣдніе дни Масляницы, каждый зять непремѣнно долженъ побывать въ гостяхъ у тестя; тутъ корчаги двѣ-три пива, четверть вина, и всѣ издержки.

Вообще на Масляницѣ работы прекращаются въ четвергъ; въ пятницу работникъ уже нейдетъ на барку, пильщикъ вѣшаетъ свою пилу, работающій въ лѣсу приходитъ домой: не всякой однако крестьянинъ беретъ вино и ставитъ пиво; катанья также мало; только въ субботу и воскресенье, подъ вечеръ, съѣзжаются женихи въ одну какую-нибудь деревню, и тудаже сходятся дѣвицы и молодыя женщины повеселиться, себя показать и другихъ посмотрѣть. Въ прочіе нарочитые праздники, крестьяне не работаютъ, но и не гуляютъ; на самой Свѣтлой-Недѣлѣ, иногда съ середы, или съ четверга, рабочіе выходятъ уже на барку, особенно когда рѣка прошла и пора валить барки въ воду.

Въ заключеніе считаю долгомъ сказать къ похвалѣ Сицкарей, что какъ всякой изъ нихъ питается трудами своихъ рукъ и тунеядцевъ между ними очень мало, то нѣтъ между ними и нищихъ. Вообще тунеядство такъ здѣсь презрительно, что какъ-бы ни была велика нужда крестьянина, онъ не пошлетъ дѣтей своихъ по міру: ему стыдно будетъ тогда выйти на улицу, сойтись съ людьми. Были и бываютъ примѣры, что, при недостаткѣ и дороговизнѣ хлѣба, когда крестьянину не на что купить куля муки, половина семейства отправляется на всю зиму въ работу, чтобы не ѣсть своего хлѣба и заработками прокормить другую половину; но это не нищенство. Пять, шесть, или около десятка бобылокъ и старухъ, которыя временемъ собираютъ такъ-называемую здѣсь «лостину», или новь зернами по гумнамъ, или «петровщину», не стоятъ чтобъ по поводу ихъ сдѣлать исключеніе изъ общаго правила. Довольно, что изъ двухъ слишкомъ тысячъ душъ мужеска пола въ моемъ приходѣ, я знаю только двухъ просящихъ милостыню, и то оба слѣпые: одинъ изъ нихъ холостъ, а другой женатъ и имѣетъ одного маленькаго сына; люди эти, свыкшись съ подобными себѣ слѣпцами изъ другихъ мѣстъ, научились у нихъ питаться подаяніемъ.

УМСТВЕННЫЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА.

СМЫШЛЕНОСТЬ И ПОНЯТЛИВОСТЬ. НАБОЖНОСТЬ. КАЧЕСТВА ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЯ. ГОСПОДСТВУЮЩІЕ ПОРОКИ. БЫТЪ СЕМЕЙНЫЙ. ОБЫЧАИ ПРИ РАЗНЫХЪ СЛУЧАЯХЪ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ. ОБРАЗОВАНІЕ.

Въ окрестностяхъ есть привычка говорить о томъ, кто не ловокъ въ обращеніи, не развязенъ, не умѣетъ щегольно одѣться: «*экой ты Сицкарь!*» или просто: «*кокора Сицкарь!*» Эта поговорка конечно взята была съ дѣйствительности, когда Сицкари, лѣсные домосѣды, впервые начали ходить въ околотокъ съ топоромъ, и разумѣется были не ловки, не развязны и очень бѣдно одѣты. Впрочемъ, нынѣшній Ситскій крестьянинъ вовсе не глупъ, напротивъ очень смѣтливъ; это человѣкъ, «его-же не оплетеши». Онъ знаетъ свое дѣло или работу вѣрно, и если берется за нее, то вѣрно сдѣлаетъ, и найдетъ тутъ свои выгоды: этому способствуетъ много и то его свойство, что онъ ни на что не кидается вдругъ, опрометью, сколько бы дѣло съ перваго взгляда ни представляло выгодъ, но всегда обдумавши и тщательно сообразивши ходъ дѣла или работы. Притомъ онъ и понятливъ: поработавъ топоромъ годъ, становится порядочнымъ плотникомъ, а поработавъ года два на баркахъ, прилежный самъ дѣлается мастеромъ. Ковать, катать сапоги, дѣлать сырецъ, класть трубу и т. п., а часто и грамотѣ выучивается онъ самоучкой.

Говоря о нравственныхъ качествахъ Сицкарей. во-первыхъ должно сказать, что они набожны и къ храму Божію усердны. Въ воскресный или праздничный день, церковь всегда полна: есть старички, которые, въ эти дни, зимою и лѣтомъ, приходятъ за восемь и болѣе верстъ, всегда пѣшкомъ, до утренняго пѣнія, какова-бы ни была погода; есть которые рѣшительно не пропускаютъ ни одной воскресной и праздничной службы. Къ исповѣди и св. причастію каждый приходитъ ежегодно, а старички и старушки, два, три и болѣе разъ, въ годъ: опущеніе бываетъ рѣдко, и то развѣ за отлучкою, или по другой уважительной причинѣ. Въ 1848 году, когда появилась холера, они ходили въ церковь,

наряжали обѣдни, молебны, брали иконы въ домъ, говѣли и цѣлыми селеніями исповѣдывались и пріобщались св. таинъ, такъ-что иногда число причастниковъ въ одинъ день доходило до трехъ-сотъ. Когда храмъ Божій требовалъ пособій, то недостатки восполнялись ихъ усердіемъ, и часто тайною, но щедрою рукою. Раскола между ними вовсе нѣтъ, да и вообще раскольниковъ они не любятъ.

Въ быту общественномъ, Сицкарь покоренъ и послушенъ; никогда не увидишь въ немъ упорства, не услышишь нималѣйшаго ропота на распоряженія Начальства. Они хорошіе крестьяне, тихіе сосѣди. Воровство у нихъ рѣдкость: Сицкарь круглый годъ не запираетъ своихъ колесъ, сбруи, топора, возжей, саней и т. п.; конечно все это не богато, но гдѣ есть воры, тамъ не спускаютъ ничему. Нельзя не упомянуть еще объ ихъ чрезвычайной бережливости, которая простирается до самыхъ маловажныхъ вещей, на-примѣръ: лаптей, онучь и т. п. Не знаю, слѣдствіе-ли это ихъ природнаго расположенія, или потому они крайне бережны, что имъ каждая деньга достается тяжелою работою, или наконецъ прежнія тяжкія времена, когда работъ не было, хлѣбъ родился плохо, а расходы были необходимы для платы податей и прокормленія семействъ, научили ихъ беречь денежку на черный день: только чувство это развито въ нихъ такъ, что, на-примѣръ, сколько положено подати съ души, Сицкарь платитъ безъ всякаго спору и ропота, а пусть сборщикъ возметъ, къ пятидесяти рублямъ, лишнихъ двѣ копѣйки, спору и жалобъ не оберется. По тойже чрезвычайной бережливости, Сицкарь валокъ и на деньгу: дайте хорошую плату, и вы всегда найдете много работниковъ; ихъ пословица: «время денежку беретъ!»

Теперь слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что̀ не относится къ похвалѣ Сицкарей: это склонность ихъ къ пьянству, а въ пьянствѣ — и къ самоуправству. Сицкарь, и кромѣ праздника, не опуститъ случая выпить: порядился-ли онъ на барку, или пилить, надо непремѣнно выпить — какъ онъ говоритъ — «*литоцки*»; порядилъ-ли кого — опять *литоцки*; взялъ подряды — *литоцки*; купилъ днище, или копаней — *литоцки*, продалъ — *литоцки*, и т. д.: словомъ — безъ *литоцки* не бываетъ ничего. Поэтому, когда работы идутъ хорошо, въ воскресный день, послѣ обѣдни, народъ

пьетъ, что называется—«на пропалую»; и тутъ, во хмѣлю, одинъ толкнулъ другаго, сдача тотчасъ летитъ въ ухо. Сицкарь не любитъ искать суда и жаловаться; зато ни одна попойка не пройдетъ безъ драки. Впрочемъ, если и поколотятъ кого порядочно, онъ тоже не ищетъ: дѣло кончено—только обидчикъ не попадайся вскорѣ на глаза обиженному, и еще пьяному, а то сердце закипитъ. Иногда бываетъ, что соперники, послѣ размѣна нѣсколькихъ полновѣсныхъ оплеухъ, не понимая сами причины драки, спрашиваютъ кротко другъ-друга: — «Ты братъ за что дерешься?» — «А ты за что?» — и въ полуштофѣ общаго полугару топятъ вражду. Впрочемъ и то сказать: при склонности напиваться, совершенныхъ пьяницъ между Сицкарями мало, или даже и совсѣмъ нѣтъ: самый склонный къ вину—въ полночь, рѣдко—на утро, приходитъ домой, высыпается, охмѣляется квасомъ—и работаетъ прилежно до новаго воскресенья. О женщинѣ здѣшней надо замѣтить, что она сама ни за что не пойдетъ въ кабакъ, а дома, о праздникѣ, пожалуй, тоже не опуститъ случая подпить. Но это еще не все: пусть-бы крестьяне пили сами, а то и малолѣтнихъ дѣтей своихъ пріучаютъ къ вину. Нельзя безъ удивленія видѣть, когда младенецъ, не умѣющій ни ходить, ни говорить, видя вино, тянется къ нему, проситъ знаками, и, получивъ, съ удовольствіемъ пьетъ; четырехъ или пяти-лѣтній ребенокъ выпиваетъ уже порядочный стаканъ: чтожъ будетъ далѣе? Даже дѣвушка - невѣста не ставитъ себѣ въ стыдъ, при случаѣ, на-примѣръ на помочахъ, выпить добрый стаканъ вина и ставецъ пива.

Объ отношеніяхъ семейныхъ, должно сказать, что здѣсь замужняя женщина не госпожа дому, но и не раба, а такъ-сказать —середка о половинѣ; индѣ большуетъ хозяинъ, а индѣ и хозяйка, по пословицѣ: «ночная кокушка денную перекокуетъ». Дѣти къ родителямъ послушны и почтительны. При раздѣлѣ семейнаго имѣнія, они зависятъ совершенно отъ отца, если онъ живъ; тутъ воля его законъ. По смерти отца, два брата (это называется—«ровной-бой») берутъ, каждый свою половину или по жеребью, или по согласію, предоставляя матери, [illegible] она жива, братъ изъ общаго имѣнія на пропитаніе, [illegible] угодно. Братняя жена, оставшаяся послѣ мужа [illegible] дѣтей мужескаго пола, зависитъ отъ воли б[illegible]

четъ, живетъ съ нимъ, а нѣтъ, такъ возвращается къ своему отцу съ тѣмъ, что дастъ деверь; сынъ умершаго брата беретъ половину при раздѣлѣ съ дядей. Приданое дѣвицы зависитъ отъ воли отца, брата, или дяди, которые ее пристроиваютъ.

Особыхъ обычаевъ у Сицкарей, кромѣ тѣхъ, которые свойственны всѣмъ вообще Великороссійскимъ крестьянамъ, я не замѣтилъ. Вотъ порядокъ ихъ свадебъ: разсужденія жениха, дума родственниковъ; потомъ сватанье, отсрочка со стороны невѣсты, дума у ней, согласіе (запиванье); въ назначенный день рукобитье и богомолье (помолвка); дары отъ невѣсты жениху, угощеніе жениховой родней родныхъ невѣсты (пропиванье); наканунѣ свадьбы дѣвишникъ; въ назначенный день свадьба; послѣ свадьбы крученіе невѣсты (голову у ней повязываютъ какъ у женщины, то-есть надѣваютъ кокошникъ и заплетаютъ двѣ косы); свадебный пиръ, по достатку; и — конецъ! Одно бросилось мнѣ въ глаза, при здѣшнихъ обрядахъ, весьма забавное: когда поѣзжане передъ бракомъ пріѣдутъ за невѣстою, то отецъ невѣсты, сажая ихъ вдоль стола, дѣлаетъ имъ прежде обѣда угощеніе, поитъ виномъ большими стаканами, не подавая однако закуски, чтобы скорѣе напоить; расчетъ экономическій — пьяные дѣйствительно менѣе съѣдятъ, и притомъ менѣе видятъ недостатки, а потому меньше взыскиваютъ; но и поѣзжане, съ своей стороны, ловки — у нихъ у каждаго въ пазухѣ есть свой кусокъ пирога: равномѣрно, когда и невѣстина родня пріѣдетъ потомъ къ жениху на свадебный пиръ, ей отвѣчаютъ тѣмъже; то-есть коли у невѣсты поили и кормили — такъ пей и ѣшь, а коли поили да не кормили — такъ ищи закуски у себя въ пазухѣ. При поминкахъ бываетъ нѣчто подобное: послѣ панихиды по умершемъ — со-стороны хозяина дома, и нѣсколькихъ литій — со-стороны родственниковъ, когда всѣ собравшіеся усядутся по мѣстамъ, хозяинъ дома ставитъ вино и пиво на столъ, а повариха закуску, и начинаютъ подчивать гостей; но какъ? всю пропорцію вина, которую думаютъ выпоить гостямъ, ставятъ сразу на столъ, на-примѣръ штофа три и болѣе — сидите и пейте до обѣда, сколько угодно; зато ужъ во время обѣда — ни капли вина, одно пивцо. Поминки зажиточные дѣлаютъ въ сорочины и въ годины: у хорошихъ дѣтей, по отцѣ и по матери, исправляется по три годины, что впрочемъ бываетъ очень рѣдко.

Образованность Сицкарей вся пока ограничивается умѣньемъ читать, писать, рѣдко пѣть наслышкою (нотъ никто не знаетъ) и знаніемъ нѣкоторыхъ молитвъ и десятословія. Число умѣющихъ читать можно положить примѣрно 10 на 100, читать и писать—5 на 100, пѣть наслышкою и знающихъ десятословіе и еще кое-что—1 на 100. Женщинъ и дѣвицъ, знающихъ грамотѣ, почти нѣтъ вовсе. Мастеровъ, которые-бы учили читать и писать, также нѣтъ, потому-что эта должность невыгодна; Сицкарь дорого не дастъ. Обыкновенно мальчикъ учится у мальчика, иногда у какого-нибудь ближайшаго дьячка или пономаря, а иногда и вовсе самоучкой; точно также учится онъ и писать въ свободное время, и нѣкоторые пишутъ довольно порядочно. Научась писать получше, мальчикъ ходитъ въ церкви на крилосъ, читаетъ часы, шестопсалміе, канонъ и т. д., привыкаетъ пѣть наслышкой, вытверживаетъ молитвы и десятословіе по азбукѣ: вотъ и весь ходъ ученія. Азбука, часовникъ, псалтирь: вотъ всѣ учебныя книги. Читающіе получше берутъ иногда изъ церкви Четьи-Минеи и другія церковныя книги, изъ которыхъ, однако, Прологъ — на-примѣръ, понимаютъ плохо. Книгъ гражданской печати вовсе не читаютъ, потому-что и грамоту гражданскую худо знаютъ, да и вообще довѣрія къ ней не имѣютъ. Ариѳметики не знаетъ никто, но многіе хорошо кладутъ на счетахъ. Еслибы въ самой волости была школа, то крестьяне, я увѣренъ, не задумались-бы отдать въ нее своихъ дѣтей, потому-что грамоту они любятъ; училище-же, открытое недавно въ селѣ Верстеѣ, хотя не очень далеко, въ 20 или 25 верстахъ, но все не подъ руками.

ПАМЯТНИКИ И ПРЕДАНІЯ.

СЛѢДЫ СТАРЫХЪ СЕЛЬБИЩЪ. РАСКАЗЫ О КЛАДАХЪ. ПРЕДАНІЕ ОБЪ УСАХЪ. ПАМЯТЬ И ПРИЗНАКИ ДРЕВНЕЙ БИТВЫ НА СИТИ.

Дикіе, пустынные берегà рѣки Сити, до-сихъ-поръ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не обработанные, близость отъ селеній дремучихъ лѣсовъ (крестьяне помнятъ, что на прежнюю деревянную церковь села Покровскаго рубили лѣсъ въ нынѣшнемъ полѣ того села), сжатое положеніе нынѣшнихъ усадьбъ:

все это дастъ поводъ думать, что теперешняя населенность волости не очень древняя, или, по-крайней-мѣрѣ, прежде была очень не велика, какъ свидѣтельствуетъ и народная память. Въ околоткѣ нѣтъ признаковъ большихъ сельбищъ. Указываютъ только на одно—въ разстояніи отъ села Покровскаго не далѣе трехъ верстъ, въ дачахъ гг. Зиновьевыхъ — небольшое гладкое мѣсто при маленькой рѣчкѣ, которое называется понынѣ *Великое-Село*. Крестьяне говорятъ, что тутъ было то самое село *Великое*, которое нынѣ находится подъ Ярославлемъ; мнѣ кажется, что они говорятъ это только по тождественности названій. Осматривая мѣстоположеніе, можно видѣть точно признаки двухъ или трехъ жильевъ, борозды послѣ пашни, и нѣсколько свай по берегамъ рѣчки: но гдѣ-же признаки большаго селенія? Говорятъ даже, будто тутъ былъ бумажный заводъ: но рѣчка, отъ одного до двухъ аршинъ ширины и менѣе аршина глубины, не могла пустить въ ходъ бумажнаго завода; да и нѣтъ никакихъ признаковъ бассейна, или омута, который вода непремѣнно выбиваетъ ниже плотины. Вѣроятнѣе, тутъ была какая-нибудь обширная упашка: «*село*»—древнее славянское слово — значитъ именно «поле, упашку», а «ходить на *село*» — и теперь у крестьянъ — значитъ «ходить на барщину, или на барскую пашню». Видимыя здѣсь печины могутъ быть слѣдами скотныхъ дворовъ; а сваи—остатокъ плотины, устроенной, чтобы, въ зимнее время, при такой малой рѣкѣ, ни люди, ни скотъ не нуждались въ водопоѣ.

Расказовъ о кладахъ здѣсь множество. Всѣ они сопровождаются общимъ повѣрьемъ, что клады зарыты въ землю съ злымъ намѣреніемъ, злыми людьми, подъ вліяніемъ и охраненіемъ злой, нечистой силы. Вотъ одинъ изъ такихъ расказовъ, весьма у насъ извѣстный. Мужичокъ, пріѣхавши въ лѣсъ нарубить кольевъ, случайно увидѣлъ человѣка, зарывающаго кладъ; онъ притаился, глядитъ, слушаетъ. Зарывающій, положивъ въ глубокую яму деньги, заметываетъ ихъ землею и приговариваетъ: «На сто головъ!» — «Нѣтъ!» отвѣчаетъ притаившійся, тихо, но такъ что зарывающій слышалъ: «На сто коловъ!»—Этими словами оба они переговаривались долго; наконецъ зарывающій, не видя отвѣчающаго ему, подумалъ, что отвѣчаетъ тотъ, кому повѣряетъ онъ беречь свое сокровище, и слѣдовательно такова его воля.

согласился съ нимъ, и сказалъ: — «Ну, на сто коловъ!» — Мужичокъ замолчалъ; но когда зарывающій, кончивъ свою работу, ушелъ, то онъ тотчасъ срубилъ «сто коловъ» по условію, положилъ ихъ на кладъ, и потомъ совершенно безвредно и безнаказанно вырылъ и увезъ домой сокровище. Сицкари говорятъ, что, и въ нашемъ лѣсу, гдѣ-то (о мѣстѣ говорятъ не одинаково), есть большой кладъ, положенный на цѣну вдвое дороже вышесказанной, и при зарываніи его не было такого мужичка, который-бы цѣну эту переговорилъ на «колья»: старики говаривали, что были и удальцы, которые хотѣли вырыть кладъ этотъ даромъ, но такъ были испуганы на мѣстѣ, что едва живые прибрели домой. Сказки этѣ вѣроятно порождены дѣйствительнымъ обычаемъ зарывать въ землю деньги и другія драгоцѣнности при бывшихъ въ старину вражескихъ набѣгахъ.

Слыхалъ я еще расказъ о какихъ-то «Усахъ», которые будто жили когда-то въ нашихъ мѣстахъ. Что это были за Усы? — Шайка-ли удалыхъ разбойниковъ, имѣвшая пріютъ въ дремучихъ лѣсахъ Ситскихъ? — Но крестьяне не упоминаютъ о разбояхъ. Или не временное-ли стойбище Казаковъ, въ смутныя времена Самозванцевъ? — Не умѣю рѣшить.

Изъ исторіи извѣстно, что была кровопролитная битва у Русскихъ съ Татарами при рѣкѣ Сити; но въ какомъ именно мѣстѣ, ни исторія, ни преданіе, намъ этого не указали. Впрочемъ, съ достовѣрностью можно положить, что битва эта была здѣсь, хотя время все почти признаки стерло. Уцѣлѣло лишь нѣсколько невысокихъ насыпей, на разстояніи верстъ осьми расположенныхъ на лѣвомъ берегу Сити: это родъ невысокихъ круглыхъ кургановъ, не болѣе десяти саженъ въ окружности при подошвѣ, съ ямой въ срединѣ до двухъ аршинъ глубины. Замѣчательно, что всѣ эти курганы расположены не на высотахъ, а на склонахъ горъ, и именно тамъ, гдѣ правый противоположный берегъ представляетъ не крутизну, не оврагъ, а ровный скатъ къ рѣкѣ. Не знаю, для какого служили они въ то время употребленія; ужели все это могилы умершихъ, разрытыя въ послѣдствіи жадною рукою? Одна изъ такихъ насыпей находится въ нашемъ полѣ, саженяхъ въ 50 отъ рѣки Сити. Мнѣ самому случилось видѣть еще такуюже насыпь верстахъ въ 12 отъ села *Покровскаго*, а въ прямомъ на-

правленіи отъ рѣки Сити верстахъ въ 8, когда я пріѣзжалъ туда съ рабочими за сѣномъ; взойдя на нее и осмотрѣвъ, я увидѣлъ, что она точно такаяже, и фигурою, и величиною, какъ въ нашемъ полѣ. На мои распросы, крестьяне сказали, что такихъ насыпей здѣсь не одна, и что прежде, отъ насыпи до насыпи, примѣтна была небольшая канава, такъ-что насыпи съ канавой образовали продолговатый четвероугольникъ; впрочемъ какъ тогда была зима и земля покрыта снѣгомъ, то я не могъ повѣрить этого собственными глазами. Указывая также на одинъ земляной валъ, длиною болѣе пятнадцати саженъ, вышиною до трехъ и около семи саженъ въ подошвѣ, крестьяне говорятъ, что онъ полонъ человѣческихъ костей, такъ-что до него нельзя дотронуться: этотъ валъ находится также на лѣвомъ берегу рѣки Сити, верстахъ въ 2 отъ села *Покровскаго*, на самомъ берегу рѣки Сити, противъ церкви села *Семеновскаго*, стоящей на крутомъ берегу противоположной стороны; прибавляютъ еще, что кости тѣ осыпаны землею съ берега, отчего этотъ послѣдній понизился и сдѣлался поемнымъ. Нѣчто подобное есть опять и въ нашемъ полѣ; это небольшой валъ, или продолговатый курганъ, поросшій кустарникомъ на самомъ берегу небольшой рѣчки *Каменки*, подъ крутымъ берегомъ; возлѣ него есть небольшое болото, какъ будто земля взята изъ него и ссыпана въ валъ: игра-ли это природы, или дѣло рукъ человѣческихъ, признаюсь я не изслѣдовалъ. При тщательнѣйшемъ обзорѣ береговъ, можетъ-быть найдутся и еще подобные курганы. Крестьяне говорятъ еще, что возлѣ деревни *Игнатовой*, верстахъ въ 2 отъ села *Покровскаго*, на склонѣ горы, идущей къ упомянутому валу, была прежде церковь и кладбище; теперь тамъ не примѣтно слѣдовъ никакого фундамента (да его конечно и быть не можетъ, ибо въ старину церкви, даже въ городахъ, строились изъ дерева): лежитъ лишь нѣсколько дикихъ камней порядочной величины, но и на нихъ ни надписей, ни даже знаковъ никакихъ нѣтъ. Случалось мнѣ слыхать отъ стариковъ, будто *Сицкій Князь Егорій*, здѣсь убитый, былъ похороненъ въ церкви, бывшей возлѣ деревни *Игнатовой*; но кѣмъ и когда этотъ Князь убитъ, они не знаютъ. Если, подъ именемъ *Егорія Князя Сицкаго*, разумѣть *Георгія Великаго-Князя Владимірскаго*, пав-

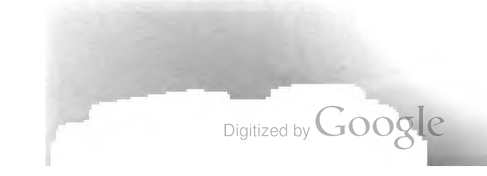
шаго на Сити въ битвѣ съ Батыемъ, то мощи его погребены не здѣсь. Не былъ-ли этотъ *Георгій* изъ несчастной фамиліи *Князей Сицкихъ*, во время истребленія ея (не помню — когда) убитый и погребенный здѣсь? Все это требуетъ разработки людьми болѣе меня опытными и просвѣщенными. Нынѣшнія три каменныя церкви въ волости построены въ началѣ настоящаго столѣтія, а прежде ихъ существовали на тѣхъже мѣстахъ деревянныя: это не подлежитъ сомнѣнію; но когда онѣ были первоначально построены, которая прежде, которая послѣ, и по какому случаю, существовала-ли какая изъ нихъ до несчастной битвы съ Татарами: объ этомъ нѣтъ ничего ни въ церковныхъ архивахъ, ни въ расказахъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ должно полагать, что, послѣ знаменитой битвы, благочестивые предки наши не могли оставить безъ храма Божія мѣста, гдѣ палъ Великій Князь, гдѣ пролили кровь свою много другихъ витязей, гдѣ тлѣли кости столькихъ мучениковъ за Вѣру и Отечество. Во времена болѣе къ намъ близкія, Покровско-Сицкая Волость принадлежала Московскому Новоспасскому Монастырю; крестьяне и теперь еще показываютъ, гдѣ было монастырское подворье, скотные дворы и т. п.; но съ которыхъ временъ и долго-ли это продолжалось, опять мнѣ неизвѣстно. Не осталось-ли чего обо всемъ этомъ въ монастырскомъ архивѣ? Монахи Московскіе безъ сомнѣнія были и любознательнѣе и просвѣщеннѣе, нежели Сицкіе деревенскіе священники.

— ОТЪ РЕДАКЦІИ —

Предложенный здѣсь очеркъ, своими послѣдними замѣтками, обращаетъ вниманіе на весьма любопытный географическо-историческій вопросъ: «о мѣстѣ злополучнаго побоища на рѣкѣ Сити, бывшаго при первомъ нашествіи Батыя на Русь, въ 1238 году». Вопросъ этотъ, до-сихъ-поръ, не только не рѣшенъ удовлетворительно, но и не былъ рѣшаемъ ученымъ образомъ; и это очевидно оттого, что у насъ историческая дѣятельность весьма мало, или почти и вовсе не прибѣгаетъ

къ помощи географіи, а эта послѣдняя, въ свою очередь, находится сама не въ такомъ еще положеніи, чтобы служить съ пользою исторіи.

Не далѣе какъ пять или шесть лѣтъ тому назадъ, первый изъ современныхъ дѣятелей по части отечественной исторіи, г. Профессоръ *Погодинъ*, изъѣздилъ весь восточный край Тверской губерніи, чтобы найти рѣку Сить въ натурѣ. Послѣ долгихъ поисковъ, спросовъ и распросовъ, ему удалось наконецъ въ городѣ Бѣжецкѣ узнать отъ одного тамошняго купца, гдѣ находится не только рѣка Сить, но и мѣсто бывшей на ней битвы Русскихъ съ Татарами, куда онъ тотчасъ и отправился самъ лично. Это вышло село *Божонки*, лежащее въ верховьѣ рѣки Сити — по расчисленію г. Погодина — верстахъ въ 50 отъ Бѣжецка, въ 60 отъ Кашина, въ 30 отъ Краснаго-Холма (заштатнаго города въ нынѣшнемъ Весьегонскомъ уѣздѣ Тверской губерніи). На «Картѣ Шуберта», село это значится точно въ такомъ положеніи, и это положеніе тѣмъ замѣчательно, что тутъ, въ настоящее время, сходятся границы пяти уѣздовъ двухъ губерній, а именно: Кашинскаго, Бѣжецкаго и Весьегонскаго — Тверской, и Мышкинскаго и Моложскаго — Ярославской; само-же село находится въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ, то-есть въ Кашинскомъ. Къ сожалѣнію, г. Погодинъ повѣстилъ объ этой своей находкѣ очень коротко и бѣгло, вотъ въ какихъ буквально выписываемыхъ здѣсь словахъ: «Земля» (въ окрестностяхъ Божонокъ) «усажена «буграми, какъ хлѣбами. Подъѣзжая къ селу, увидѣли на «берегу рѣки» (Сити) «нѣсколько кургановъ. . . У самой «церкви возвышается огромный курганъ саженъ въ пять вы«шиною. . . Мы тотчасъже вступили въ разговоръ съ Священ«никомъ. Точно, по всеобщему преданію, здѣсь было сраже«ніе. — Не знаете-ли мѣста, гдѣ погибъ Великій Князь? — «Какъже, у Сидоровскаго-Ручья. Онъ, видно, хотѣлъ спастись «по этой дорогѣ, самая узкая, но его настигли Татары и уби«ли. (А другой старикъ сказалъ, что у Калинина-Ручья). «Кругомъ насъ вездѣ болота, и дальше проѣхать никуда не«льзя. А ворота къ намъ одни; эта дорога, по которой вы «пріѣхали» (изъ Бѣжецка). . . «Слѣдовательно» — разсуждаетъ, продолжая расказъ свой, г. Погодинъ — «Георгій Всеволодовичъ

« попалъ сюда отъ Углича, а въ Угличь отъ Ростова; или такъ « Татары, а онъ прежде могъ отъ стороны Суздаля, Колязина « и Кашина. Лѣтописцы говорятъ глухо о ихъ пути. Село Бо« женки. .. гдѣ-то называется Божіимъ-Городкомъ. Не вдалекѣ, « также на берегу Сити, есть село *Могилицы* съ курганами... « Одинъ берегъ Сити повыше другаго, но она здѣсь еще очень « не широка, а весною разливается широко. Мы обошли ров« ное поле, простирающееся по другому берегу. Церковь бѣд« ная, деревянная, коей одинъ придѣлъ посвященъ Великому « Князю Георгію, впрочемъ не въ древности. Какой-то старикъ « являлся въ лѣсу ихъ одному крестьянину во время голода, и « упрекнулъ ему: зачѣмъ-де вы не молитесь вашему угоднику, « Князю Георгію, отъ того у васъ и хлѣба мало! Крестьянинъ « воротясь сказалъ своимъ товарищамъ, и они сообща посвя« тили одинъ придѣлъ, вмѣсто (кажется) Николая Чудотворца, « Князю Георгію, которому съ-тѣхъ-поръ празднуютъ и слу« жатъ молебны »... Засимъ слѣдуетъ нѣсколько отрывчатыхъ словъ о тамошнихъ находкахъ въ землѣ, которыхъ, впрочемъ, прибавляетъ изслѣдователь, «очень мало, кромѣ крестовъ»; и послѣ того, заключаетъ онъ, «я какъ будто легъ на лавры, и « не могъ удѣлять ничему вниманія.» (Москвит. 1848, № 12, стр. 114 — 116).

Между-тѣмъ, прежде-нежели г. Погодинъ обнародовалъ эти свѣдѣнія, одинъ изъ теперешнихъ нашихъ Сочленовъ, г. Подполковникъ Генеральнаго Штаба *Иванинъ*, въ статьѣ своей « О военномъ искуствѣ и завоеваніяхъ Монголовъ » (напечатанной въ « Военномъ Журналѣ », а потомъ вышедшей въ свѣтъ особой брошюркой, СПБ. 1846), коснувшись этого предмета, указалъ мѣсто знаменитому сраженію на Сити не въ *Боженкахъ*, а въ селѣ *Могилицахъ*: томъ самомъ, о которомъ и г. Погодинъ упоминаетъ мимоходомъ, и которое, по « Картѣ Шуберта », находится на Сити ниже Боженокъ верстахъ въ 10, на самомъ соприкосновеніи Кашинскаго уѣзда съ Мышкинскимъ и Моложскимъ. Притомъ г. Иванинъ не сказываетъ, почему онъ мѣсто это пріурочиваетъ именно къ Могилицамъ; но, зато, съ своей стратегической точки зрѣнія, онъ означаетъ и разъясняетъ движенія противныхъ войскъ, предшествовавшія сраженію, слѣдующимъ обра-

зомъ (стр. 38—42): «По взятіи Владиміра штурмомъ 7 февраля, «Батый разослалъ отряды для разоренія Владимірскаго Велико-«княженія, побралъ всѣ его города и посады, и между-тѣмъ «узнавъ, что Великій-Князь Георгій стоитъ съ войсками близъ «рѣки Сити, онъ 4 марта напалъ на него съ фланга такъ не-«ожиданно, что Георгій не успѣлъ даже попасть на путь отступ-«ленія къ Новгороду и былъ истребленъ почти со всѣми вой-«сками при селѣ Могилицахъ . . . Онъ» (Батый) «имѣлъ въ виду и «умѣлъ выполнить главное правило стратегіи: раздѣлять силы «непріятеля и разбивать ихъ по частямъ . . . Для отрѣзанія «Георгію прямаго пути на Новгородъ, онъ послалъ заблаговре-«менно отрядъ къ Торжку; взятіемъ этого города 5 марта, по-«слѣ двухнедѣльной осады, и разбитіемъ тамъ Новгородцевъ, а «4 марта Георгія на Сити, онъ достигъ своей цѣли. По разби-«тіи Георгія на рѣкѣ Сити, Монголы двинулись на Торжокъ «и оттуда . . . . на Новгородъ.» Тутъже прибавлено еще въ примѣчаніи (стр. 42), что «соображая лѣтописи, время и об-«стоятельства, надобно полагать, что противъ Георгія, на рѣкѣ «Сити, былъ отрядъ Монголовъ съ Бурундаемъ, полководцемъ «Батыя, а самый Батый вѣроятно шелъ прямымъ путемъ на «Тверь и Торжокъ.»

Вотъ все, что̀, доселѣ, есть у насъ мнѣній о мѣстѣ роковаго побоища на Сити; другихъ, по-крайней-мѣрѣ, мы не знаемъ. *Боженки*-ли, или *Могилицы*—только въ обоихъ случаяхъ выходитъ, что мѣсто это было не въ предѣлахъ Покровско-Сицкой волости, обозрѣваемой въ предложенномъ здѣсь очеркѣ, а верстъ по-крайней-мѣрѣ за пятьдесятъ, если не дальше, къ западу, или вѣрнѣе къ юго-западу. Что̀жъ значатъ тогда насыпи и валы, такъ добросовѣстно, хотя и неполно, описанные достопочтеннымъ наблюдателемъ въ предлежащемъ очеркѣ? Они тѣмъ болѣе примѣчательны въ настоящемъ вопросѣ, что и къ нимъ тоже, какъ видно, привязано мѣстное преданіе «о убитомъ тутъ *Князѣ Егоріи*».

Чтобы разъяснить это, надо дознать обстоятельно: какъ и зачѣмъ могъ попасть на *Сить* Великій-Князь Георгій въ столь злополучную для него и для всей тогдашней Руси годину? . . Правъ совершенно г. Погодинъ, говоря, что лѣтописцы обо всемъ этомъ говорятъ «глухо»: глухо точно, но

все однакожъ не такъ, чтобы, вслушиваясь внимательно въ ихъ разсказы, нельзя было ничего разслушать....

Лѣтописцы всѣ единогласно говорятъ, что Георгій оставилъ Владиміръ, прежде-нежели подступилъ къ нему Батый, который шелъ туда, изъ Рязани, чрезъ Коломну и Москву... Кудажъ онъ пошелъ изъ Владиміра? — Въ большей-части лѣтописей говорится общимъ выраженіемъ: «на Волгу»; но одна лѣтопись (Новг. I.) говоритъ прямо и опредѣлительно: «бѣжа на *Ярославль*». Это единственное опредѣлительное указаніе направленія, принятаго Великимъ-Княземъ при уклоненіи изъ своей столицы, должно принять за самое вѣрное; ибо оно совершенно согласно какъ съ историческимъ развитіемъ событій, такъ и съ географическими ихъ условіями.

Въ эпоху нашествія Татаръ, Великое-Княжество Суздальско-Владимірское прикасалось къ Волгѣ на довольно значительномъ пространствѣ ея теченія: въ нынѣшнихъ губерніяхъ Тверской, Ярославской, Костромской, и отчасти Нижегородской. Трудно съ точностью опредѣлить крайніе предѣлы тогдашняго протяженія его по этой рѣкѣ; особенно въ направленіи верховомъ, къ западу, гдѣ предѣлъ этотъ былъ весьма непостояненъ, передвигаемый съ мѣста на мѣсто случайностями безпрерывныхъ столкновеній, извѣстныхъ въ нашей исторіи подъ именемъ «удѣльныхъ междусобій». Видно однако изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ намековъ, что, не задолго передъ тѣмъ (въ 1216 году), Суздальское Поволожье, притязаніями Князей распространяемое до рѣки Вазузы, впадающей въ Волгу при существовавшемъ уже тогда городѣ Зубцовѣ нынѣшней Тверской губерніи, въ своихъ безспорныхъ границахъ простиралось не дальше рѣки Шоши, составляющей нынѣ границу Тверской губерніи съ Московской (И. Г. Р. III, пр. 164). Дальше вверхъ отсюда, по обѣимъ сторонамъ Волги, господствовалъ Новгородъ, уступавшій иногда въ подручное владѣніе Князьямъ Суздальскаго-Дома, но никогда не отчуждавшій отъ себя волостей Торжка и Волока-Ламскаго. Засимъ, внизъ по Волгѣ, нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы, со времени образованія Суздальскаго Великаго-Княжества, владѣнія Новгородскія переходили за Волгу, на правый ея берегъ; но, съ другой стороны, нѣтъ также признаковъ и тому, чтобы, въ періодѣ до-Татарскомъ, владѣнія Суздальскія переходили на лѣвый бе-

регъ Волги ближе, какъ развѣ по впаденіи въ нее рѣки Мологи (И. Г. Р. II, пр. 316). Въ этомъ промежуткѣ, между устьями Мологи и Шоши, Волга, кажется, составляла тогда живой граничный рубежъ Великаго-Княжества; почему и лежавшіе тутъ при ней города, коренные Суздальскіе, на-примѣръ Угличъ и Скнятинъ (нынѣ село въ Колязинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи), стояли всѣ по правую ея сторону, ни-одинъ — по лѣвую, Новгородскую. Но затѣмъ далѣе, внизъ послѣ устья Мологи, видно по всему, что Великое-Княжество не стѣснялось уже Волгою, а распространялось безпрепятственно и за нее, въ глубь Чудскаго Сѣверо-Востока, главнѣйше по рѣкамъ Шекснѣ и Костромѣ (ср. И. Г. Р. II, пр. 141. III, пр. 151). Выходитъ, что, въ движеніи своемъ изъ Владиміра «на Волгу», Великому-Князю Георгію не было приличнѣе направленія, какъ «на *Ярославль*», гдѣ онъ, властвуя по обоимъ берегамъ Волги, оставался дома, внутри земли своей, а не на порогѣ такого неблагонадежнаго сосѣда, какъ Новгородъ, отъ котораго, при тогдашнихъ отношеніяхъ, стольже мало могъ ожидать себѣ пріязни и помощи, сколь мало самъ онъ оказалъ ихъ передъ тѣмъ Рязани. *Ярославль* притомъ былъ и самый ближайшій пунктъ Волги отъ Владиміра, дорогой лежащей черезъ *Суздаль* и *Ростовъ*. Другой, ближайшій затѣмъ, пунктъ Волги находился у *Скнятина*, и путь туда изъ Владиміра шелъ на города *Юрьевъ* (*Польскій*) и *Переяславль* (*Залѣсскій*): но Георгій очевидно двигался первымъ путемъ. По единогласному свидѣтельству лѣтописей, выступивъ изъ Владиміра, онъ взялъ съ собою сыновцевъ своихъ Константиновичей, Князей *Ростовскихъ*, и не взялъ, а только ожидалъ къ себѣ дружины братьевъ своихъ Святослава и Ярослава, изъ которыхъ первый княжилъ удѣльно въ Юрьевѣ, а вторый въ Переяславлѣ; стало-быть, ни Юрьевъ, ни Переяславль, не были у него на дорогѣ. Да и трудно вообразить, чтобы Георгій, избѣгая Батыя, выбралъ путь отступленія своего на Волгу близь пути, которымъ самъ Батый двигался отъ Москвы къ Владиміру: на *Суздаль* было совсѣмъ въ противную сторону отъ враговъ, и потому безопаснѣе. Присовокупимъ здѣсь наконецъ и то единогласно въ лѣтописяхъ разсказываемое обстоятельство, что Батый, расположивъ станы свои у Владиміра, счелъ нужнымъ, прежде приступа къ городу, сдѣ-

дать особую вылазку на *Суздаль*, который и былъ тогдаже взятъ и разрушенъ: чѣмъ это лучше объяснить, какъ не погоней по свѣжимъ слѣдамъ за Великимъ-Княземъ? — Итакъ, все наклоняетъ къ полному убѣжденію, что Великій-Князь Георгій отправился изъ Владиміра « на Волгу » — не въ иное мѣсто, какъ — «на *Ярославль*»! —

Теперь, какъ же могъ онъ очутиться на рѣкѣ *Сити*, которая отъ Ярославля — гдѣ ни возьми — не ближе, какъ Ярославль отъ Владиміра? — На верхъ *Сити*, туда гдѣ находятся *Боженки* и *Могилицы*, прямой путь отъ Ярославля лежитъ на Угличь, противъ котораго впадаетъ въ Волгу рѣка Корожична, верховьемъ своимъ вяжущаяся съ верховьемъ Сити; тутъ дѣйствительно и было изстари одно изъ сообщеній Новгорода съ Ростовской половиной Суздальской Великокняжеской области, а потому и съ Ярославлемъ: сообщеніе чрезъ такъ-называвшійся *Бѣжецкій-Верхъ*, въ послѣдствіи давшій названіе одной изъ Пятинъ-Новогородскихъ (ср. Соф. Врем. подъ г. 1148). Но Георгію итти такимъ образомъ изъ Ярославля на Угличь, хотябы даже и для того чтобъ искать наконецъ прибѣжища во владѣніяхъ Новгородскихъ, значило вернуться назадъ; и — въ какихъ-же обстоятельствахъ? — По единогласному свидѣтельству лѣтописей, Татары, взявши Владиміръ, тотчасъ разсыпались по всему пространству Великаго-Княжества: « ови « идоша къ Ростову, а ини къ Ярославлю, а ини на Волгу « на Городецъ, и ти плѣниша все по Волзѣ, даже и до Гали« ча Мерьскаго ; а ини идоша на Переяславль, и тѣ взя« ша, и оттолѣ всю ту страну и грады многы плѣниша, « даже и до Торжку, и нѣсть мѣста, ни вси, ни селъ « тацѣхъ рѣдко, идѣже не воеваша на Суждальской земли; и « взяша городовъ 14, опрочь свободъ и погостовъ, въ одинъ мѣ« сяцъ февраль » (Лавр. Спис. въ П. С. Л. I. 198; ср. Соф. Врем. I. 242, Воскр. Лѣт. II. 195, Новг. IV. въ П. С. Л. IV. 32). Какъ тутъ было и думать Великому-Князю, принявшему съ самаго начала систему отступательную, взять путь прямо въ-лицо остервенѣлому непріятелю! — Съ другой стороны, однако, кудажъ было и дѣваться ему, когда Татары, по прямому свидѣтельству одной изъ лѣтописей, погнались — именно за нимъ — «къ *Ярославлю*» (Новг. I. въ П. С. Л. III. 51) — ? Продолжать отступленіе свое

внизъ по Волгѣ отъ Ярославля, значило-бы наткнуться на тѣ полчища Татаръ, которыя въ тоже время, по сказанію лѣтописей, устремясь въ нынѣшнюю Костромскую губернію, губили ее отъ Городца-на-Волгѣ до Галича. Оставался только одинъ еще путь, путь совершенно свободный и безопасный: это вверхъ отъ Ярославля по Волгѣ. Въ этомъ направленіи, глядя на карту, невольно отличаешь глубокій уголъ, дѣлаемый почти прямымъ устремленіемъ Волги на сѣверъ отъ Углича, а потомъ, при нынѣшнемъ городѣ Мологѣ, внезапнымъ почти отвѣснымъ изломомъ ея на югъ, съ постепеннымъ затѣмъ наклоненіемъ къ востоку. Въ вершинѣ этого угла, самой сѣверной точкѣ, до какой достигаетъ Волга въ своемъ теченіи, впадаетъ въ нее рѣка Молога; и тутъже возлѣ вливается въ нее протокъ Шексны, извѣстный подъ именемъ Тушмы или Пушмы, а потомъ и сама Шексна, нѣсколько пониже, при нынѣшнемъ Рыбинскѣ. Такимъ образомъ, по этимъ двумъ рѣкамъ, открывается тутъ двойное сообщеніе съ глубиной тогдашняго Русскаго Сѣвера, гдѣ находилась древняя область Бѣлозерская, въ то время зависимая отъ Великаго-Княжества. Лучше нельзя было выбрать убѣжища Георгію, который, слѣдуя этимъ путемъ, самымъ естественнымъ образомъ долженъ былъ попасть—на низъ *Сити*, при ея впаденіи въ *Мологу*, не вдалекѣ отъ впаденія самой Мологи въ Волгу! —

Утвердивъ это направленіе приходу Великаго-Князя на Сить, можно и послѣдующія событія разъяснить согласно съ указаніями лѣтописей. По свидѣтельству ихъ, Георгій, ставши «станомъ на *Сити*», послалъ какого-то находившагося при немъ Дорожа (въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ — Дороѳея Семеновича, должно-быть одного изъ своихъ воеводъ), съ тремя тысячами войска—«въ *Просоки*» (такъ это послѣднее слово пишется во всѣхъ лѣтописяхъ, въ которыхъ пишется). Чтò могли-бы значить эти *Просоки*, до-сихъ-поръ не только не объясненныя, но и не подвергавшіяся объясненію?—По этимологіи можно-бы разумѣть здѣсь такого-рода мѣстность, которая — какъ говорится въ простонародіи — «прос осана» водяными протоками; и въ этомъ смыслѣ такъ могла очень легко называться окрестность устья рѣки Мологи, гдѣ, какъ выше было замѣчено, проходитъ въ Волгу одинъ изъ «протоковъ» Шексны,

подобный которому, у тойже Шексны, несколько повыше, называется и понынѣ *Просса* (Штукенб. Hydrogr. V. 379). Дѣйствительно, тутъ былъ ключь въ ту сторону Заволжья, а потому занять пунктъ этотъ крѣпкою охранительною стражею было-бы весьма расчетливо: мѣстныя преданія говорятъ, что такъ и бывало въ старину, что находящіяся здѣсь при Мологѣ селенія *Боронишино* и *Станово* оттого будто и получили свои нынѣшнія названія, что въ первомъ изъ нихъ въ старыя времена «боронились» а во второмъ «отстаивались» отъ непріятелей. Но у Георгія, по всему видно, не то было въ мысляхъ: въ одной изъ лѣтописей говорится, что онъ послалъ Дорожа не стеречь, а «пытать Татаръ» (И. Г. Р. III, пр. 365); и затѣмъ всѣ лѣтописи говорятъ, что Дорожъ прибѣжалъ назадъ съ печальною вѣстью: «а уже, Княже, обошли суть насъ около Татарове!» То-есть: Татары появились, откуда ихъ вовсе не ожидали, гдѣ ихъ нисколько не стереглись, и Великій-Князь, совершенно нечаянно, увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непріятельскими силами.

Перенесемся теперь на рѣку *Сить*, и осмотримъ ея положеніе по нынѣшнимъ даннымъ. Рѣка *Сить*, какъ объяснено и въ настоящемъ очеркѣ, начинается въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи, не вдалекѣ отъ нынѣшняго города *Бѣжецка* (по увѣренію г. Погодина, бывшаго лично на-мѣстѣ, верстъ около 12, близь нынѣшняго села *Сабурова*, *Тараканово* тожъ). Длина теченія ея, тѣмъ не менѣе, остается до-сихъ-поръ проблематическою: въ настоящемъ очеркѣ она показана простирающеюся до 90 верстъ, съ чѣмъ согласно и показаніе «Словаря Щекатова» (IV. 317); но у г. Штукенберга она полагается, на основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній, во 160 верстъ, изъ которыхъ 100 судоходныхъ (Hydrogr. V. 353). Чтобы согласить эти противорѣчія, не остается ничего, какъ предположить, что въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ вычислена длина дѣйствительнаго теченія рѣки со всѣми извилинами, а мѣрой 90 верстъ, какъ видно господствующей въ народномъ мнѣніи, опредѣляется прямое сухопутное разстояніе отъ истока рѣки до устья, которое близко къ тому выходитъ и по картамъ. Между-тѣмъ, *Бѣжецкъ*, близь котораго начинается *Сить*, самъ находится при *Мологѣ*-же, въ верхней части ея теченія; выходитъ, что *Ситью* нарѣзывается

поперечное разстояніе, отъ *Мологи* до *Мологи*, небольше какъ верстъ во 100, тогда-какъ рѣка эта, своимъ дѣйствительнымъ теченіемъ, отъ *Бѣжецка* до устья *Сити*, дѣлаетъ дугу не менѣе какъ въ 400 верстъ. Зная условія стариннаго быта, когда дороги всѣ пролагались не иначе какъ по рѣкамъ, можно съ достовѣрностью полагать, что тутъ шелъ издревле кратчайшій путь съ низу *Мологи* на верхъ, которымъ Ярославскій предѣлъ Ростовской области соединялся съ Бѣжецкимъ краемъ Новгородскихъ владѣній. Но путь этотъ не былъ путь удобный: изъ современныхъ оффиціально собранныхъ мѣстныхъ свѣдѣній извѣстно, что, въ верхней части теченія *Сити*, тамъ гдѣ она нынѣ разграничиваетъ Кашинскій уѣздъ отъ Моложскаго, именно въ окрестностяхъ селъ *Боженокъ* и *Могилицъ*, находится, по обоимъ берегамъ рѣки, обширное непроходимое болото, покрытое мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, которое въ одномъ Кашинскомъ уѣздѣ занимаетъ до 30 кв. верстъ, и потомъ далеко продолжается въ уѣздъ Моложскій, по лѣвому берегу рѣки; такъ говорилъ и Священникъ Боженскій г. Погодину: «кругомъ насъ вездѣ болота, и дальше проѣхать никуда нельзя!» Въ этихъ-то мѣстахъ впадаетъ въ *Сить* съ лѣвой стороны, упоминаемая и въ настоящемъ очеркѣ, рѣка *Болотея*, которой самое имя слишкомъ краснорѣчиво изображаетъ ея топографическія свойства. Эта послѣдняя рѣка въ настоящемъ случаѣ заслуживаетъ примѣчаніе тѣмъ, что, во-первыхъ, ею и донынѣ разграничивается Весьегонскій уѣздъ отъ Моложскаго, а потомъ, между ней и *Ситью*, внутри Моложскаго уѣзда, находится до-сихъ-поръ совершенно пустое необитаемое пространство, которое разширяется еще болѣе къ сѣверу, по зачинающейся близъ верховьевъ *Болотеи* рѣкѣ *Себлѣ*, служащей также въ свою очередь границей между помянутыми уѣздами. Отсюда больше чѣмъ вѣроподобно можно заключить, что, и въ прежнія времена, здѣсь, по этимъ рѣкамъ, проходилъ если не оффиціально замежеванный рубежъ, то живой природный раздѣлъ владѣній Новгородскихъ и Ярославско-Ростовско-Суздальскихъ. Выходитъ, Георгій, расположась «станомъ на *Сити*», въ нижней части ея теченія, сталъ въ одномъ изъ крайнихъ захолустьевъ своей Велико-Княжеской области, въ то время конечно мало еще и заселенномъ. Онъ уклонился такимъ образомъ, хотя и на недальнее разстояніе,

отъ прямаго пути къ Бѣлу-Озеру по рѣкѣ Шекснѣ; уклонился даже нѣсколько и отъ обычнаго пути къ Новгороду по Мологѣ (черезъ Весьегонскъ и Устюжну): безъ-сомнѣнія, потому-что, по обоимъ этимъ путямъ, ожидалъ неминуемаго преслѣдованія за собой отъ Татаръ. Но у него былъ и тутъ, на случай крайности, вѣрный исходъ — вверхъ по *Сити*, къ *Бѣжецку!* Современныя оффиціальныя свѣдѣнія говорятъ, что и нынѣ болота, окружающія *Сить* при впаденіи въ нее рѣки *Болотеи*, непроходимыя лѣтомъ, зимою замерзаютъ, и тогда прокладываются черезъ нихъ дороги; а событія, о которыхъ идетъ теперь рѣчь, происходили именно зимой, въ теченіе февраля мѣсяца. Въ такихъ обстоятельствахъ, не естественнѣе-ли всего было Великому-Князю, при слухѣ, что Татары гонятся за нимъ «къ *Ярославлю*» — послать Дорожа, для развѣдокъ, по этому, единственно остававшемуся у него въ запасѣ, направленію? — Еслижъ такъ, то вблизи *Бѣжецка*, на рѣкѣ *Мологѣ*, верстахъ въ 10 выше нынѣшняго города, находится и теперь село *Просѣки* (такъ по «Картѣ Шуберта», а по другимъ показаніямъ — *Присѣки*). Село это имѣетъ положеніе въ весьма характерическомъ пунктѣ теченія *Мологи*: тамъ, гдѣ рѣка эта, сначала имѣя почти прямое направленіе къ востоку, вдругъ почти прямоугольнымъ изломомъ поворачиваетъ на сѣверъ. Между-тѣмъ, *Бѣжецкъ* — главное мѣсто края, прозывавшагося по его имени — въ старину былъ не тутъ, гдѣ нынѣ, а нѣсколько ниже по *Мологѣ*, гдѣ теперь село *Бѣжицы*; стало-быть, выходъ на *Мологу* въ Бѣжецкомъ-Краѣ, со стороны Великаго-Княжества, могъ быть тогда именно въ нынѣшнемъ селѣ *Просѣкахъ!* Это, между-прочимъ, подтверждается и тѣмъ, что, и въ настоящее время, тутъ сходятся всѣ пути внутренняго туземнаго сообщенія (дороги изъ Углича, Переяславля, Дмитрова, и изъ самой Твери), немного только уклоненные перенесеніемъ города *Бѣжецка* на нынѣшнее мѣсто. Итакъ, лѣтописные *Просоки* очень могутъ быть одно и тоже съ нынѣшнимъ селомъ *Просѣками*, куда Георгій послалъ передовой отрядъ разузнать и приготовить себѣ путь новаго, скрытнаго отступленія, передъ бѣдой, грозившей убѣжищу его со стороны *Ярославля*.

Но уже было поздо. Пока Великій-Князь стоялъ станомъ, Татары, какъ видно, не стояли. На верхъ *Сити*, въ окрестно-

сти *Бѣжецка*, они могли достигнуть, двигаясь отъ Владиміра на сѣверъ, *Переяславско-Скнятинской* дорогой, черезъ *Кашинъ*: это находитъ себѣ подтвержденіе и въ лѣтописяхъ, считающихъ между городами, опустошенными отъ Татаръ вслѣдъ за взятіемъ Владиміра, при общемъ погромѣ земли Суздальской: и *Переяславль*, и *Скнятинъ*, и *Кашинъ* (И. Г. Р. III, прим. 364). Тутъ конечно наткнулся на нихъ и Дорожъ; и—какъ видно по всему—наткнулся совершенно неожиданно. Въ бо̀льшей-части лѣтописей говорится, что Тата̀ры напали на Великаго-Князя «внезапу» (Новг. I, Соф. Врем., Воскр. Лѣт.); а одна говоритъ еще опредѣлительнѣе, что Георгій, за неимѣніемъ сторожей, былъ «изъѣханъ» (тоесть—застигнутъ въ расплохъ) «безаконьнымъ Бурундаемъ» (Ипат. Спис. въ П. С. Л. II. 176). Это послѣднее извѣстіе, принятое и г. Иванинымъ въ основаніе своихъ стратегическихъ соображеній, склоняетъ къ убѣжденію, что гибельный натискъ Татаръ на Великаго-Князя могъ быть сдѣланъ точно съ верховья *Сити*, полководцемъ отдѣльнаго отряда Батыева; только этотъ отрядъ едва-ли имѣлъ въ виду отыскивать тутъ Великаго-Князя, а просто шелъ опустошительной тучей по направленію къ *Бѣжецкому-Верху*, тогда-какъ главная туча, предводительствуемая самимъ Батыемъ, двигалась, черезъ Волокъ и Тверь, на Торжокъ, съ одной цѣлью пробраться съ разныхъ концевъ въ предѣлы Новгородскіе. Найдя здѣсь враговъ, которые, въ тоже время, другимъ отрядомъ, двигались къ устью *Сити* изъ *Ярославля*, Дорожъ имѣлъ полный поводъ сказать Великому-Князю роковыя слова, сохраненныя въ бо̀льшей-части лѣтописей: «а уже, Княже, обошли суть насъ около Татарове!» Приэтомъ, первая схватка Татаръ съ отрядомъ Дорожа могла точно произойти въ окрестностяхъ села *Боженокъ*, и всего вѣроятнѣе при нынѣшнихъ *Могилицахъ*, судя по имени урочища, которому всего естественнѣе прозваться такъ отъ изобилія «могилъ» павшихъ въ бою воиновъ. Но «станъ», которымъ Георгій «стоялъ на *Сити*», и гдѣ застигли его, въ расплохъ, безъ сторожей, Татары, гнавшіеся по пятамъ за разбитымъ Дорожемъ—по всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ—долженъ былъ находиться гораздо ниже, внутри нынѣшняго Моложскаго уѣзда; и если судить тоже по имени, то не его-ли память сохранилась въ на-

званіи нынѣшняго села *Станилова-на-Сити*, находящагося выше описываемой здѣсь *Покровско-Сицкой* волости, верстахъ въ десяти, не болѣе? — Вотъ и объясненіе, самое удовлетворительное, тѣхъ валовъ и насыпей, соединенныхъ между-собою канавами, о которыхъ говорится въ настоящемъ очеркѣ: это остатки Георгіева «стана», можетъ-быть отчасти перемѣшанные также и съ «могилами» погибшихъ въ бѣгствѣ послѣ сраженія. Самое подробное извѣстіе, какое осталось въ лѣтописяхъ о концѣ злополучнаго дѣла на Сити, есть слѣдующее: «И сступишася «обои полки, и бысть сѣча зла, и побѣгоша предъ иноплемен-«ники, и ту убьенъ бысть Великій-Князь Юрій Всеволодичь на «рѣцѣ на Сити, и вои его многи погибоша» (Троиц. Спис. въ П. С. Л. I. 224; ср. Соф. Врем. I. 243).

Гдѣ именно «на *Сити*» палъ самъ Великій-Князь, опредѣлительныхъ указаній въ лѣтописяхъ нѣтъ; одна изъ нихъ выражается даже объ этомъ такъ: «Богъ-же вѣсть како скончася, «много бо глаголютъ о немъ иніи» (Новг. I въ П. С. Л. III, 51—52). Во всякомъ случаѣ, это не могло быть очень далеко отъ сліянія *Сити* съ *Мологой*. По единогласному всѣхъ лѣтописей свидѣтельству, тѣло Великаго-Князя нашелъ Епископъ Ростовскій Кириллъ, возвращаясь обратно въ Ростовъ съ Бѣла-Озера, гдѣ онъ укрывался и благополучно укрылся отъ Татаръ. Но съ Бѣла-Озера къ Ростову естественная дорога лежитъ по Шекснѣ, которая къ мѣсту, гдѣ *Сить* впадаетъ въ *Мологу*, приближается въ теченіи своемъ верстъ на 20 или на 30, не болѣе: тутъ могъ онъ легко по-пути найти тѣло святаго страдальца за Вѣру и Отечество. Можно, пожалуй, предположить и такъ, что Кириллъ возвращался не здѣсь, а Верхне-Моложскимъ путемъ, чрезъ нынѣшніе Череповецъ, Весьегонскъ, Бѣжецкъ и Кашинъ, и тогда онъ могъ-бы проходить близъ верховья *Сити*, не подалеку отъ *Боженокъ* и *Могилицъ*: но путь этотъ во-первыхъ дальше, и шелъ не по области древней Ростовской Епископіи, а въ предѣлахъ Новгородскаго Владыки; потомъ, если-бы Кириллъ почему-нибудь и предпочелъ такой дальній обходъ для своего возвращенія, то, идучи здѣсь, онъ-бы непремѣнно нашелъ также и тѣло Василька Константиновича, племянника Георгіева, котораго Татары, взявъ въ плѣнъ живаго на *Сити*, довели съ собой до *Рыньскаго-Лѣса*, и тамъ злодѣйски

замучили. Объ этомъ лѣсѣ, до-сихъ-поръ, существуютъ у насъ тоже самыя неудовлетворительныя толкованія, запутываемыя въ особенности тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописей пишется онъ не *Рѣнскій*, а *Шерньскій*, или *Шереньскій*, или *Шернескій* (Лавр., Троиц., Новг. IV); въ слѣдствіе чего, и ищутъ его обыкновенно на рѣкѣ *Шерпѣ*, которая, протекая мимо города Александрова въ нынѣшней Владимірской губерніи, впадаетъ въ рѣку Клязьму въ Богородскомъ уѣздѣ губерніи Московской. Но это значило-бы заставлять Татаръ итти съ Василькомъ, назадъ къ Владиміру, по опустошеннымъ уже ими мѣстамъ: что несовмѣстно ни съ правилами военнаго благоразумія, котораго, какъ доказано г. Иванинымъ, никакъ нельзя у нихъ отрицать, ни съ топографическими условіями ихъ движеній, ни даже наконецъ съ историческими преданіями, которыя всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что туча нашествія ихъ, устремленная окончательно на Новгородъ, встрѣтивъ тамъ физическія себѣ препятствія, уклонилась и свалила въ Южно-Русскія степи, путемъ совершенно особымъ, черезъ Козельскъ въ нынѣшней Калужской губерніи. Всего естественнѣе лѣсъ *Рѣньскій* находился па рѣкѣ, которая, и донынѣ называясь *Рѣнею*, впадаетъ въ *Мологу* при *Весьегонскѣ*, на дорогѣ оттуда къ *Бѣжецку*; а если такъ, то проходя тутъ, Кириллъ непремѣнно узналъ-бы о мѣстѣ умерщвленія Василька, и какъ это былъ Удѣльный-Князь Ростова, гдѣ Кириллъ имѣлъ свою святительскую каѳедру, то благочестивый Пастырь приложилъ-бы сугубое рвеніе къ отысканію его тѣла, въ чемъ не трудно-бъ было ему и успѣть, такъ-какъ оно, по свидѣтельству лѣтописей, тотчасъ же было прибрано добрыми людьми изъ окрестностей. Между-тѣмъ, это все узнано было въ Ростовѣ уже по возвращеніи туда Епископа, и за мощами Князя посыланы были оттуда нарочные (П. С. Л. I. 199, 224; ср. Соф. Вр. I. 244, Воскр. Лѣт. II. 200). Выходитъ, и тутъ все побуждаетъ вѣрить, что *Князь Егорій*, объ убіеніи котораго хранится память въ предѣлахъ *Покровско - Сицкой* Волости, недалеко отъ устья *Сити*, былъ не иной кто, какъ *Великій-Князь Георгій*, тѣло котораго можетъ - быть временно, до прибытія Епископа, покоилось на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ народное преданіе указываетъ мѣсто его погребенія.

Что касается до *Князей Сицкихъ*, потомковъ владѣтельныхъ *Князей Ярославскихъ*, имѣвшихъ сначала удѣлъ, а потомъ вотчины свои на этой самой рѣкѣ *Сити*, отъ которой и пошло прозвище ихъ *Сицкими*; то, по печатной «Родословной Книгѣ» (СПБ. 1787. ч. I, стр. 169–171), значатся между ними трое съ именемъ *Юрія* (тоже что *Георгій*), и всѣ трое около того времени, какъ родъ ихъ находился въ страшной опалѣ у Царя Бориса Годунова, вмѣстѣ съ Романовыми, которымъ Сицкіе были въ сродствѣ. Но, во-первыхъ, тотъ изъ *Князей Сицкихъ*, о которомъ есть современное извѣстіе, что онъ въ это время былъ задушенъ въ заточеніи, назывался не *Юріемъ*, а *Иваномъ* (И. Г. Р. т. XI, гл. II); а затѣмъ, еслибы кого изъ погибшихъ тогда Сицкихъ и звали *Юріемъ*, то народная молва никакъ не переименовала-бы его въ *Егорія*, а развѣ въ *Егора*, всегожъ скорѣе запомнила-бы его подъ тѣмъже именемъ *Юрія*. У насъ, въ народной рѣчи, «*Егорій*» есть имя священное, придаваемое по-преимуществу чтимымъ Церковью угодникамъ Божіимъ, каковъ дѣйствительно и есть «Св. Благовѣрный Князь Георгій Всеволодовичь, убіенный отъ Татаръ на Сити», память котораго празднуется, по православному мѣсяцеслову, въ 4 день февраля мѣсяца.

—

ПРИХОДЪ СТАНИЛОВСКІЙ НА СИТИ.

ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ
МОЛОЖСКАГО УѢЗДА.

(Воспитанника Семинаріи А. Преображенскаго.)

— ОТЪ РЕДАКЦІИ —

Приступая къ предлагаемому здѣсь очерку, авторъ вкратцѣ замѣтилъ, что описываемый имъ приходъ составляетъ часть обширнаго околотка, который, по положенію своему на рѣкѣ *Сити*, весь вообще называется *Ситчиной*. По его вычисленію, въ этомъ околоткѣ заключаются села: *Покровское*, *Семеновское*, *Байловское*, *Красное*, *Станилово*, *Правдино*, *Колегаево* и *Новое*, съ принадлежащими къ приходамъ ихъ деревнями. Это значитъ: все теченіе рѣки *Сити*, въ предѣлахъ Моложскаго уѣзда Ярославской губерніи. Авторъ прибавляетъ къ тому, что жители этой *Ситчины* всѣ вообще называются *Сицкарями*; въ-частности-же прозываются они еще отъ своихъ селъ или приходовъ, на-примѣръ: прихожане села Покровскаго — *Покровщина*, Семеновскаго — *Семеновщина*, Байловскаго — *Байловщина*, Краснаго — *Красносельщина*, Станилова — *Станиловщина*, и т. д.

Окрестные жители обыкновенно говорятъ: «я былъ въ *Ситчинѣ*», и: «вонъ ѣдетъ *Станиловщина*»!

Замѣчаніе это свидѣтельствуетъ, что рѣка *Сить* и ея населеніе, въ предѣлахъ нынѣшняго Моложскаго уѣзда, до-сихъ-поръ считаются какимъ-то «особнякомъ». Основаніе этому безъ-сомнѣнія должно быть этнографическое, какъ можно заключить и по нѣкоторымъ слѣдамъ старинной исторіи края. Слѣды эти укажемъ мы здѣсь, сколько знаемъ, для руководства будущимъ мѣстнымъ наблюдателямъ.

То, что теперь называется *Ситчиной*, составляло нѣкогда часть особаго удѣла *Ярославскаго* Княжества, которое, въ началѣ XIII вѣка, выдѣлено было изъ области *Ростовской*, Великимъ-Княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ, въ пользу одного изъ сыновей своихъ, Всеволода Константиновича, который потомъ, вмѣстѣ съ дядей, Великимъ-Княземъ Георгіемъ, погибъ на роковомъ побоищѣ Ситскомъ. Неизвѣстно въ точности, какъ далеко простиралось тогда это Княжество: вообще оно оставалось въ тѣни при сынѣ и преемникѣ Всеволода, Князѣ Василіи, который умеръ въ молодости (р. ок. 1229, + 1249), оставя по себѣ одну малолѣтнюю дочь, во имя которой правила мать ея, вдовствующая Княгиня Ксенія; въ этотъ періодъ времени, оно могло быть очень стѣсняемо соудѣльными Князьями, въ особенности при господствовавшемъ стремленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ владычествовать вмѣстѣ въ Ростовѣ и на Бѣлѣ-Озерѣ. Лучшая эпоха для Ярославскаго Княжества началась съ супружества Княжны Маріи съ Княземъ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ-Чернымъ, по рожденію—Смоленскимъ, по родовому удѣлу—Можайскимъ: онъ стоялъ тѣмъ крѣпче за наслѣдіе жены своей, что, оно въ послѣдствіи, по изгнаніи его изъ родовой области (ок. 1281), сдѣлалось единственнымъ его достояніемъ. По смерти Ѳеодора (+ 1299), сынъ и преемникъ его, Князь Давидъ, былъ единовластителемъ Ярославскаго Княжества; но его сыновья, которыхъ было двое, раздѣлились, и изъ нихъ, старшій Василій, прозваніемъ Грозныя-Очи, остался «на большомъ княженіи на Ярославлѣ» (съ 1321), а младшій Михаилъ — «сѣлъ на удѣлѣ въ *Мологѣ*», и такимъ образомъ положилъ начало отдѣльному существованію особаго Удѣльнаго-Княжества *Моложскаго* (или — какъ писали

къ старину — *Молозскаго*). Объ этомъ Князѣ Михаилѣ упоминается въ лѣтописяхъ, что онъ, въ 1362 году, ѣздилъ въ Орду; а это въ тѣ времена было признакомъ нѣкоторой самостоятельности Князей относительно другъ-друга: въ слѣдствіе чего удѣлу *Моложскому* должно приписать нѣкоторую, по тогдашнимъ понятіямъ, степень особности въ общемъ родовомъ достояніи Князей Ярославскихъ.

Какъ велико было Княжество *Моложское*, можно видѣть изъ титуловъ, принятыхъ въ-послѣдствіи потомками Князя Михаила, очевидно по доставшимся имъ наслѣдственно владѣніямъ. У Князя Михаила было три сына: Князь Θедоръ, Князь Иванъ и Князь Левъ. О послѣднемъ изъ нихъ, то-есть Львѣ, родоначальникѣ Князей Дуловыхъ, сохранилось свѣдѣніе, что сынъ его, Князь Андрей Дуловъ, «отъѣхалъ во Тверь, потому и вотчины отсталъ», то-есть лишился доли въ родовомъ удѣлѣ Моложскомъ. Затѣмъ, второй сынъ Михаила, Князь Иванъ, является родоначальникомъ Князей *Шуморовскихъ*, названныхъ такъ очевидно по рѣчкѣ *Шуморѣ*, впадающей въ Волгу, въ предѣлахъ нынѣшняго Моложскаго уѣзда, нѣсколько повыше устья рѣки Мологи; тутъ и понынѣ находится при Волгѣ село *Шуморово* (по «Картѣ Шуберта» — *Шумарово*), очевидный памятникъ древней вотчины Князей Шуморовскихъ, которые потомъ частію извелись бездѣтно, а нѣкоторые потеряли свой вотчинный титулъ (значитъ и самую вотчину), прозвавшись одни — Ушатыми, другіе — Шамиными, третьи — Голыгиными (прозвища очевидно уже не вотчинныя, а личныя). Главная часть всего удѣла, какъ видно, досталась старшему сыну Михаила, Князю Θедору, который удержалъ за собой и титулъ *Молозскаго*. Этотъ Князь Моложскій, равно-какъ и прочіе современные Князья Ярославскіе, былъ уже — какъ говорилось тогда — «одинъ человѣкъ» съ Великимъ-Княземъ Московскимъ Димитріемъ-Донскимъ, которому дѣятельно помогалъ и въ борьбѣ съ Тверью (1375), и въ славной битвѣ Куликовской (1380). Послѣ него († 1408), удѣлъ Моложскій раздѣлился, по числу дѣтей его, на трое. Титулъ *Молозскаго* Князя перешелъ къ сыну Θедора, Димитрію-Перинѣ, вѣтвь котораго въ четвертомъ затѣмъ поколѣніи пресѣклась. Другой сынъ Θедора, Иванъ, является съ титуломъ Князя *Прозоровскаго*: долю его навѣрно долж-

но искать въ нынѣшнемъ селѣ *Прозоровѣ*, въ Моложскомъ уѣздѣ, въ сѣверо-западномъ его углу, на рѣкѣ *Редьмѣ*, впадающей въ рѣку *Мологу* верстъ 30 ниже впаденія Сити. Отъ этой вѣтви отдѣлялась-было еще новая отрасль Князей *Судцкихъ*, въ лицѣ внука перваго Князя Прозоровскаго, которая впрочемъ во второмъ поколѣніи изсякла. Гдѣ была вотчина этой отрасли, можно гадать на-двое: и возлѣ села Прозорова, въ предѣлахъ Моложскаго-же уѣзда, есть нынѣ село *Сутки*, лежащее при рѣкѣ *Себлѣ*, которая впадаетъ въ *Мологу* нѣсколько повыше *Редьмы*, составляя границу нынѣшняго Моложскаго уѣзда съ Весьегонскимъ; но есть еще рѣка *Сутка*, довольно значительная, въ томъже Моложскомъ уѣздѣ, только въ противоположной его сторонѣ, служащая нынѣ границей между нимъ и уѣздомъ Мышкинскимъ, гдѣ и впадаетъ она прямо въ Волгу, нѣсколько выше упомянутой прежде рѣки *Шуморы*. Тутъ-ли, или тамъ — ясно одно: что вотчинныя доли, выдѣляемыя очевидно младшимъ въ роду братьямъ, всѣ отводились по краямъ общаго родоваго удѣла. Между-тѣмъ, средина нынѣшняго Моложскаго уѣзда, и должно-быть сердцевина стариннаго удѣла Моложскаго, теперешняя *Ситчина*, досталась старшему изъ сыновей Князя Ѳедора Михайловича *Молозскаго*, Князю Семену, который такимъ образомъ и сдѣлался родоначальникомъ особой вѣтви Князей *Сицкихъ* (по старинному правописанію -- *Ситцкихъ*), всегда потомъ старѣйшинствовавшихъ надъ прочими отраслями Моложской линіи Ярославскаго Княжескаго Дома.

Князья Сицкіе, подобно всѣмъ своимъ сродичамъ, были вѣрными слугами Великихъ-Князей Московскихъ, въ то время уже дѣятельно сбиравшихъ подъ себя всю Русскую Землю. Сынъ перваго изъ нихъ, Князь Борисъ Семеновичь, погибъ въ несчастномъ бою съ Татарами при Суздалѣ, гдѣ былъ подъ знаменами Великаго-Князя Василья-Темнаго, который и самъ попался тогда въ полонъ Татарамъ (1445). Затѣмъ, сынъ брата Борисова Петра, Князь Ѳедоръ-Кривой, является однимъ изъ главныхъ Воеводъ Великаго-Князя Василья Ивановича въ битвахъ съ Татарами (1506) и съ Литвою (1508), заключивъ свое воинское поприще, должно-быть въ глубоко преклонныхъ уже лѣтахъ, тѣмъ, что взятъ былъ въ плѣнъ Литовцами при не-

счастной осадѣ Стародуба, въ началѣ царствованія Грознаго (1536). Знаменитость этой фамиліи, поддерживаемая личными заслугами ея членовъ, должна-была возвыситься еще болѣе, когда внукъ Криваго, Князь Василій Андреевичъ, породнился съ Царемъ Грознымъ, женясь на своячинѣ его, дочери Романа Юрьевича Захарьина, сестрѣ добродѣтельной Царицы Анастасіи. Но это высокое счастіе, въ послѣдствіи, обратилось на погибель всему роду Сицкихъ: при Царѣ Борисѣ Годуновѣ, за свойство ихъ съ Романовыми, они подверглись страшной опалѣ, были раскиданы по разнымъ мѣстамъ въ ссылку и въ заточеніе, гдѣ тогдашній глава рода, Бояринъ и Воевода Князь Иванъ Васильевичъ, былъ даже, по увѣренію современниковъ, задушенъ насильственно. Съ-тѣхъ-поръ, родъ этотъ, кажется, не возстановлялся уже въ прежнемъ блескѣ и могуществѣ, пока наконецъ угасъ безслѣдно.

Изъ всего изложеннаго здѣсь открывается, что *Ситчина*, въ старыя времена, имѣла свой періодъ «исторической особности»; а это если не было послѣдствіемъ, то непремѣнно должно было обусловить для ней и нѣкоторую «этнографическую особность». Вотъ почему съ особливымъ участіемъ помѣщаемъ мы здѣсь очеркъ принадлежащаго къ ней прихода *Станиловскаго*, который есть чисто этнографическій, тогда-какъ предшествовавшій очеркъ сосѣдней *Покровско-Сицкой* волости есть преимущественно топографическій и статистическій. Помѣщая рядомъ эти два очерка, взаимно дополняющіе другъ-друга, мы имѣемъ въ виду доставить полную картину края, занимательнаго, какъ видно, во многихъ отношеніяхъ для просвѣщенной любознательности.

Весьма желательно-бы имѣть подобныя свѣдѣнія и о верховьѣ рѣки *Сити*, внѣ предѣловъ нынѣшняго Моложскаго уѣзда Ярославской губерніи, куда оба предлагаемые теперь очерка не простираются; желательно, по-крайней-мѣрѣ, на столько, чтобы видѣть, какъ относится этнографически эта часть теченія рѣки къ Моложской *Ситчинѣ*. По «Картѣ Шуберта», *Сить*, передъ селомъ *Новымъ*, входитъ въ Моложскій уѣздъ изъ Мышкинскаго, гдѣ, впрочемъ, проходитъ самое небольшое пространство, а гораздо длиннѣе течетъ, передъ-тѣмъ, по границѣ обоихъ этихъ уѣздовъ, принадлежащихъ къ губерніи Ярославской. Тутъ, если идти съ низу въ верхъ, значатся при ней

села: *Сасыево* — въ уѣздѣ еще Моложскомъ, потомъ *Кузяево-Никольское* и *Воскресенское-Ваулово* — оба въ Мышкинскомъ; съ послѣдняго, по показанію г. Штукенберга, начинается по рѣкѣ судоходство (Hydrogr. V, 353). Затѣмъ, въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, слѣдуя томуже порядку снизу на верхъ, значатся на *Сити* селенія: *Могилицы* (на Картѣ — *Могилецъ*), *Боженки*, *Богоявленское* и *Прилуки-Введенье*; въ послѣднемъ, по имѣющемуся съ-мѣста описанію, живутъ нынѣ Корелы. Тутъже, въ Кашинскомъ уѣздѣ, проходитъ черезъ *Сить* большая дорога изъ Кашина въ Бѣжецкъ, при деревнѣ *Литвиновой*; по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, рѣка здѣсь, въ полую воду, разливается очень широко, впрочемъ не представляя тѣмъ большихъ затрудненій сообщенію. Наконецъ, въ уѣздѣ Бѣжецкомъ, гдѣ находится начало рѣки, видимъ мы при ней, на Картѣ, одно только село *Богородское*; и тутъ, возлѣ, значится деревня *Сабурова*, вѣроятно та самая, при которой г. Погодинъ, лично бывшій на мѣстѣ, нашелъ источникъ Сити, и «выпилъ изъ него воды въ память Великаго-Князя Георгія Всеволодовича и воевъ его, отъ Татаръ побіенныхъ» (Москв. 1848, № 12, стр. 113).

Въ заключеніе, чтобы покончить все, относящееся къ рѣкѣ *Сити*, намъ извѣстное, скажемъ, въ предотвращеніе смѣшеній, что есть у насъ еще другая рѣка *Сить*. Она находится хотя и въ томъже краю Сѣверной-Россіи, но на довольно значительномъ разстояніи отъ разсматриваемой здѣсь *Сити*, и притомъ принадлежитъ совсѣмъ къ другой гидрографической области, именно: къ *Сѣверно-Двинской*. Начинается эта другая *Сить* въ Вельскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, и потомъ входитъ въ Кадниковскій уѣздъ, гдѣ впадаетъ въ рѣку *Кубину*, поглощаемую извѣстнымъ *Кубенскимъ-Озеромъ*. Теченія этой *Сити*, по г. Штукенбергу, около 100 верстъ, и она, на нѣсколько верстъ разстоянія, передъ устьемъ, годна и употребляется для сплава (Hydrogr. II, 149). По «Картѣ Шуберта», въ *Сить* эту впадаютъ рѣки: *Вондашъ*, *Кезьма*, *Яхренга*, *Восма* (все — съ названіями очевидно не-Русскими). Замѣчаемъ это для того, что номенклатура эта можетъ служить къ соображеніямъ о первоначальномъ этнографическомъ значеніи и *Моложской-Сити*, на которой лежитъ описываемая теперь *Ситчина*.

НАРУЖНЫЯ СВОЙСТВА ЖИТЕЛЕЙ.

Станиловскіе прихожане лицемъ бѣлы; росту средняго; голову, руки и ноги имѣютъ соразмѣрной величины; волосомъ русы и темно-русы; господствующіе цвѣтà глазъ карій и сѣрый; тѣлосложеніемъ крѣпки; подвергаются болѣзнямъ, бòльшею-частію, лихорадкѣ, весенней и осенней, и горячкѣ, отъ усильной работы и простуды; сильны, но не такъ ловки и проворны; къ физическимъ трудамъ вообще очень прилежны.

ЯЗЫКЪ.

Нарѣчіе, употребляемое здѣсь крестьянами въ обыкновенныхъ разговорахъ, нельзя назвать чисто Русскимъ. Можно замѣтить въ немъ слѣдующія главныя отличія:

а. Выговоръ словъ вообще крайне протяжный, болѣе похожій на нотный напѣвъ, чѣмъ на обыкновенный разговоръ. Особенно бываетъ это, когда выражается превосходство одной вещи передъ другою: гдѣ, по общепринятому употребленію, слѣдовало-бы къ прилагательному имени, для выраженія его въ превосходной степени, прибавить нарѣчія *весьма* или *очень*, предлогъ *пре* или мѣстоименіе *самый*, слово это тянется дольше нотнаго такта; на-примѣръ: *хорó — шая*, *далё — ко*, *высó — ко*, и т. п. Да и вообще спросите здѣшняго мужичка о чемъ-нибудь, онъ вамъ не скоро отвѣтитъ; на-примѣръ: — Какъ тебя зовутъ? — *Ко — го?* — Тебя, я спрашиваю. — *Ме — ня — то?* — Тебя-то. — *Да — ме — ня — меня — то — зовутъ - Сце — па — номъ!* —

б. Букву *а* выговариваютъ какъ букву *я*, когда передъ ней стоитъ буква *к*; на-примѣръ: рѣдь*кя*, сай*кя*, скамей*кя*, линей*кя*, и т. п.

в. Букву *б* не выговариваютъ передъ буквами *я*, *ѣ* и другими; на-примѣръ: те*я́*, те*ѣ́* (теб*я*, теб*ѣ*), се*я́*, се*ѣ́* (себ*я*, себ*ѣ*).

г. Букву *г* выговариваютъ иногда какъ букву *к*; на-примѣръ: *лёкко*, мя*кко* (*легко*, мя*гко*), и т. п.

д. Къ буквѣ *д* прибавляютъ букву *з* передъ буквами: *е*, *и*, *ѣ*, *я*; на-примѣръ: *дзе*рéвня, *дзе*р*и́*, *дзé*ргать, по*дзи́*, и*дзи́*, *дзѣ*ти, *дзя́дзя*; иногда и совсѣмъ опускаютъ *д* въ выговорѣ передъ

буквою *и*; на-примѣръ: *ий*, *пой*, прав*ой* (*иди*, *поди*, прово*ди*); передъ *н* выговариваютъ какъ двойное *н*; на-примѣръ: *ланно*, сморо*ннякъ*, *нно*, *нн*емъ, сего*ння*, ви*нно* (*ладно*, смород*някъ*, *дно*, *дне*мъ, сего *дня*, вид*но*) и т. п.

е. Букву *е* перемѣняютъ на букву *и*, особенно въ словахъ сложенныхъ съ предлогами *предъ* и *пре*; на-примѣръ: приподобный, пр*и*красно, пр*и*дъ пр*и*столомъ, и т. д.

ж. Букву *к* иногда выговариваютъ какъ букву *г*; на-примѣръ: зер*г*ало (зеркало).

з. Букву *о* перемѣняютъ на *ё* или *јо*; какъ-то: *јо*нъ, *јо*на, *јо*но (онъ, она, оно), или: ма*линькёй*, син*инькёй* (маленькой, сиНень*кой*), и т. п.

и. Букву *т*, передъ буквами: *е*, *и*, *ь*, *ѣ*, *я*, *ю*, выговариваютъ какъ *ц*; на-примѣръ: *цесць* (тесть), *цё*ска (теска), *цёмно* (темно), *ицці* (итти), *дзѣлаць* (дѣлать), *зяць* (зять) и т. п.

і. Букву *х* перемѣняютъ на букву *ф*; на-примѣръ: въ прикра̀сн*ыефъ* долин*афъ*, въ приго̀жі*ефъ* равнин*афъ*, и т. д.

к. Букву *ц* выговариваютъ какъ букву *ч*; на-примѣръ: *чел*ковой, кури*ча*, коль*чо*, брате*чъ*, сестри*ча*, умни*ча*; а иногда и какъ букву *т*; на-примѣръ: *тв*ѣтъ (*цвѣ*тъ).

л. Букву *ч* всѣ, кромѣ грамотныхъ, выговариваютъ какъ букву *ц*; на-примѣръ: *цело* (*ч*ело), *цел*овѣкъ (*ч*еловѣкъ); иногда какъ букву *т*, на-примѣръ: *состытаць* (сосчитать).

м. Букву *щ* замѣняютъ двойнымъ *шш*; на-примѣръ: дура*цышшо* (дура*чи*ще), доми*шшо* (доми*щ*е), *шши* (*щи*), и т. п.

Вотъ краткій опытъ мѣстнаго словаря, изъ котораго отчасти можно узнать нарѣчіе Станиловщины:

Адіць — копить что-нибудь, неумѣренно употреблять что-нибудь; также завидовать чему-нибудь.
Ара̀за — толпа.
Бд̀вкаць — лаять.
Бажіло — неотступно просящій.
Балу̀цки — грибы отваренные.
Батра̀къ — работникъ.
Ба̀хирь — краснобай.
Бахва̀лиць — щеголять.
Баца̀гъ — яма вырытая водою въ ручьѣ.
Бара̀хтацца — бороться.
Баю̀нъ — краснобай.
Ба̀ця ста̀ринькјой — дѣдушка.
Ба̀яць — говорить. *Ба̀яць по-городскіё* — говорить хорошо.
Бзыря̀ць — поспѣшно бѣжать, скакать.
Бобы̀ль — вдовый, одинокій.
Бобы̀лка — вдова.
Богъ знамд — Богъ знаетъ.
Богъ далд — Богъ далъ.
Богода̀нной ба̀цюшко — тесть.

Брюжжаць — ворчать.
Будорраживщь — кружить, опьянять.
Бутусъ — надутый.
Бухаць — ударять шибко.
Бухнуцца — падать, удариться.
Бытто — будто.
Ваганъ — мужикъ.
Ваганка — мужичка, крестьянка.
Валкей — алчный, завистливый.
Валиса — необоротливый.
Ватага — семья.
Ватрухи — прѣсные пироги съ творогомъ.
Вахлуй — дуракъ.
Взбуцецениць — высѣчь, прибить.
Взямши — взялъ.
Возгріевъ — сопливъ.
Воздыряць — безъ отдыха хлебать.
Волочиць — тащить что-нибудь черезъ силу, везти что-нибудь.
Вреда — вредъ.
Въ та поры и *въ ту пора* — въ тѣ поры, въ то время.
Втрекацца — въѣсться, вбиться.
Вынай и *выняй* — вынимай.
Галавъсиць — калякать пустяки.
Галицца — дивиться.
Гадъ и *гадкей* — ловко угадывающій.
Гамѣць — кричать.
Глуманон — непонятно.
Глумицца — чудится.
Глыбоко — глубоко.
Гожо — ладно.
Гоношиць — готовить, суетливо дѣлать; также присвоивать.
Госцейка — гостья.
Дарома — порядочно, кое-что. *Дарома што* — несмотря на то что.
Дзень — день. *Дзенъ* — дней (род. пад. множ. числа).
Дзенегъ не ма — денегъ нѣтъ.
Добро — имѣніе.
Домскей — свой, собственный.
Дорожаць — держать.
Дотронсъ — дотронься.
Досягай — бери, кушай: такъ подчуютъ гостя за столомъ.
Дрылиць — надувать губы передъ плачемъ.
Дряблой — гнилой.
Дрязга — забіяка.
Дзверь — дверь.
Евотки — вотъ.
Елистратъ — Каллистратъ.
Ерепенищца — зазнаваться.
Еристаръ — Аристархъ.
Етта — дѣсь.
Жавляць — чавкать, жевать.
Жаровика — клюква
Жердзило — высокій ростомъ.
Жолуніца — самая малость.
Журавель — журавль.
Загомыздоватъ — затѣсенъ, замысловатъ.
Заграбаздниць — захватить насильно.
Задорожокъ — поверхность печи, находящаяся около гольца.
Закалдыга — повѣса.
Заутро — завтра.
Зацки — зачти.
Зло — очень, весьма.
Золъ къ работѣ — прилежный, трудолюбивый.
Зыпаць — кричать.
Издобницца — позаботиться, приготовиться.
Игрушецкя — пирогъ, колобочекъ прѣсной, лепешечка.
Иззобацца — поручаться, заботиться.
Имацца — обещаться.
Инной — иной.
Инно, инъ — когда такъ.
Ищи на попадзейкахъ — ищи что будетъ впереди или что попадется (собств. ищи на попадьяхъ).
Јобро — ребро.
Јонтарь — олтарь.
Кадыцыць — во всю мочь кричать.
Кажинной — каждый.
Каланда — богатство. *Каланду набить* — разбогатѣть.

Калйць — ударать шаромъ въ палку (при игрѣ).
Карáбкацца — лѣзть на что-нибудь.
Карапýзикъ — маленькій ростомъ.
Карáхцчръ — характеръ.
Кéя — Евдокея.
Кицóкъ — два столбика, на которыхъ утверждается голбецъ въ избахъ.
Кляшшиць — неумѣренно пить.
Кляпъшиокъ — пуговица.
Кляпіна — молодое дерево способное гнуться.
Колгýшка — небольшой ковшичекъ.
Кньіжицца — силиться.
Кожіліцца — черезъ силу поднимать что-нибудь.
Корéга — трудолюбивый земледѣлецъ.
Корéжиць - трудиться до поту лица въ земледѣльчествѣ.
Корéжиць дзерéвья — ломать, выдергивать деревья изъ корня.
Крóхотка — крошка.
Кстáцеъ -- кстати.
Ксціцца — креститься.
Кувырдáць — бросать палку такъ, чтобы она обоими концами скакала по землѣ (въ игрѣ).
Кýксицца — клохтать, стонать.
Кулáга — простокваша, или солодъ ржаной, смѣшанный съ ржаною мукою и сваренный въ печкѣ.
Кумкáць — мотать, пьянствовать, кутить.
Кýсъ — вкусъ.
Кýшаць — кушать.
Лáва — тучный, толстой.
Лагýнъ — бочка изъ-подъ дегтю.
Лéза — коварный человѣкъ, имѣющій способность выманивать у кого-нибудь что-нибудь.
Лéжень, *лéнь* — палимъ.
Обикóнный — опрятный;
Летучяя травкя — крылатый муравей.
Лóпать — неумѣренно пить и ѣсть.
Лопухá — оспа.
Латóчникъ — бѣдно одѣтый.
Лязгá — вздорный человѣкъ.
Лядó и *лядáшшое* — человѣкъ часто болящій.
Лядзѣць — чахнуть.
Лязжéць — вздорить, ссориться.
Мало мáльски, *мáленски* — лишь бы только.
Мáчкя стáрынькяя — бабушка.
Марéй - Марко.
Мéледкё — медленно.
Меледá — медленіе.
Меледзіць — медлить.
Мижýриць — прицѣливаться.
Мицурное — дорогое.
Мутылёкъ — бабочка.
Мýслиць — пить медленно.
Молсáть — сосать.
Мя́вляць — жевать жвачку.
Набуля́вливаць — переполнивать.
Нáзрѣхомъ — наугадъ, наизустъ.
Набійщикъ — ябѣдникъ.
Назóйный — неотступный.
Наґомъ — предъ сномъ.
Наведзи лобъ — наморщи лобъ.
Нарáхцицца — намѣреваться.
Нахýбосциць — наговорить, клеветать.
Нахáлъ, *нахáльнёй* — безстыдный, безсовѣстный.
Ндрáвъ — правъ.
Невидзимо — невидимо.
Нéкрутъ — рекрутъ.
Нéлюдзь — чуждающійся собраній.
Немýкаць — молчать.
Нетóлзъ — не только.
Нóть — ночь.
Ну, добрó! Ну инъ, колда инъ, спасибо! такъ благодарятъ за подарокъ.
Обильjó — всякаго рода сѣмена: рожь, овесъ, ячмень и т. п.
Облукъ — сани простыя.
Оверья́нъ — Аверкій.
Огорóшшиць — опозорить.
Одзёръ — дроги, на коихъ возятъ сно-пы съ полей въ лѣтнее время.

Озяцї — озябнуть.
Окýлываць — обманывать.
Осивóнница — раздражиться, разгнѣваться.
Осошѝцца — остановиться, притти въ смятенie.
Оспожѝнка — Успенскiй-Постъ.
Острáмокъ — небольшой возъ сѣна.
Острозъ — пространство земли, на которомъ растетъ строевой лѣсъ.
Оттóрицъ — вынѣжить, выхолить, откормить.
Охробóцье — плевелъ.
Пелёдзицъ — кормить хорошо.
Перебурáяцъ — переполнить.
Пѝгорной — маленькiй.
По глазьмѝ — по-глазамъ.
Подземéсценекъ — низкiй ростомъ.
Побирáй—бери, кушай: такъ подчують гостя за столомъ.
Попрошáй — нищiй.
Поотхробѣць — порастаять.
Поотхлянýцъ — сдѣлаться полегче.
Поурáвотки нѣту — право нѣтъ.
Поцéсь, поцкѝ — почти.
Прáскёй — настоящiй, подлинный.
Прахов'ѣць — истлѣвать, пропадать.
Прѝпоркё — пристально и притoрно.
Припяúцицъ — прiѣхать, притти.
Пришéшенщъ — пришпорить.
Протрáбицъ — издержать, истратить.
Простóй — глупый.
Прóшлый — ловкiй.
Пузы́рицъ—ругать, позорить, безчестить.
Пѣвýнъ — пѣтухъ.
Раскорябина — кривое дерево.
Распоясная трáвкя — земляной муравей.
Робя́ — товарищи.
Рóбятко — дитятко.
Рукá отсѣчь — руку отсѣчь.
Рýнѣпикё — черненькiй.
Саматóшшина — сволочь, толпа шалуновъ.
Свитáцъ — свѣтать.
Свѣтóкъ - цвѣтокъ.
Сдоблáцъ — приготовлять.
Сельнѝкъ — чуланъ.
Середѝ — часть избы, которая находится противъ печи.
Сквалы́га — скупецъ.
Скляно́ — полно. цѣло.
Скорóсъ — тороплив.
Слобóда—свобода. *Слобóдно*—свободно.
Смыслицъ обѣдъ — приготовить обѣдъ.
Совѣтáцца — совѣтоваться.
Солóшшой — жадный.
Сóпацъ — хватать съ порывомъ, торопливо что-нибудь дѣлать. *Сопо-вáтъ* — тороплив.
Суйма — сумма.
Сýнно - судно.
Сицуканéцъ — муравей.
Сызмала — съ малолѣтства.
Сóтни — сочни.
Сýцка — такъ называютъ скамеечку, на которой маленькiе ребята объ масляницѣ катаются.
Скýшно — вкусно.
Талалáницъ — твердить.
Тарáницъ — большую тяжесть нести.
Тарáшшицца — очень тихо, медленнѣ ѣхать и итти.
Таскáй—бери, кушай: такъ угощаютъ гостя за столомъ.
Торскáнъ — тараканъ.
Торохшицца — торопиться.
Торотóра — говорунъ.
Трунѣjо — худая одежда.
Тынъ — огородъ.
Ужесцъ — множество.
Удорáживацъ — разбивать.
Упѣтовацъ — обезсилить.
Усудóбицъ — дѣвать.
Ущинъ — предѣлъ, граница.
Уширáльникъ — полотенце.
Хáлда — невѣжда. *Халдовáтъ* - не очень учтивъ.

Хару́ли — хоругви.
Хе́нькаща — чваниться.
Хлопотнíкъ — поличка надъ домашними жерновами.
Хомыля́ць — хромать.
Церéзвой — трезвый.
Целепень — толстый.
Ѣцё — ѣште.
Ѣзда́ва — шалунья.
Яблоки — картофель.
Я́здица — обѣщаться.
Язжíць — вздорить.
Якшáцца — сообщаться, знаться, знакомиться.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

А. ЖИЛИЩА.

Каждый крестьянинъ имѣетъ двѣ избы, изъ коихъ одна черная, необходимая для его рукодѣлья, а другая бѣлая. У нѣкоторыхъ бываетъ одна черная изба, въ которой живутъ и лѣтомъ и зимою; другая-же изба служитъ вмѣсто чулана. Кромѣ-того, каждый крестьянинъ имѣетъ: житницу, анбаръ сѣнной, овинъ съ навѣсомъ и дворъ съ хлѣвами. Вся постройка покрывается ржаною соломою.

Убранство въ избѣ: кіота для иконъ; три или четыре окна, мѣрою не болѣе аршина, съ простыми косяками и рамами; столъ изъ досокъ; печь, въ черной избѣ — безъ трубы, а въ бѣлой — съ трубою; подлѣ устья печи, такъ-называемая суденка, необходимая для каждой стряпухи; въ переднемъ углу, противъ печи, домашніе жернова; подлѣ печи и двери, голбецъ; полати; лавки; полавочники надъ окнами; поличка надъ суденкою; грядка, или поличка, положенная на кичокъ и утвержденная въ переднюю стѣну.

Домашняя утварь: шайки, ушаты, лохани; рукомойникъ глиняный; деревянныя блюда, ложки, и солоница; ножи; горшки глиняные; кадки или квашни; свѣтецъ деревянный; чугуны; бочки для браги; чашки деревянныя, служащія вмѣсто блюдъ; ковши деревянные и жестяные; ставцы деревянные, служащіе вмѣсто ковшей; уполовники; плошки глиняныя; корчаги; кашнички; кринки; дойники; сковороды и сковородникъ; ступа; лотокъ; ночвы; сито; рѣшета; кубышка для постнаго масла; клюки деревянныя и желѣзныя; ухватъ; косарь; нѣсколько стеклянной посуды, какъ-то: штофы, полуштофы, бутылки, и т. п.

Б. ОДЕЖДА.

Платье мужское. Зимнее обыкновенное: шуба овчинная, шапка теплая съ кряковками, картузъ теплый, длинный армякъ изъ сѣраго самодѣльнаго сукна, штаны изъ тогоже сукна, тулупъ овчинный нагольный, лапти лыковые и льняные. Праздничное зимнее: картузъ, платокъ александрійскій на шеѣ, тулупъ овчинный нагольный или покрытый сукномъ, поддѣвка суконная на овечьемъ мѣху, на которую надѣваютъ суконный армякъ, сапоги валеные, шаровары широкіе плисовые, жилетъ. Лѣтнее обыкновенное: рубашка холщевая или пестрядинной ткани, кафтанъ изъ сѣраго самодѣльнаго сукна, лапти лыковые, картузъ. Лѣтнее нарядное: картузъ, рубашка бумажная и полубумажная краснаго цвѣта (у молодыхъ парней — александрійская), шаровары широкіе плисовые, сапоги кожаные съ длинными наморщенными голенищами, легкая суконная поддѣвка съ наборчиками, сверхъ которой надѣвается суконный армякъ.

Платье женское. Зимнее обыкновенное: сарафанъ крашенинный, шуба овчинная нагольная, лапти лыковые и льняные, шубочка набойчатая. Зимнее нарядное: молодыя женщины и дѣвицы надѣваютъ платокъ, ситцевое платье, ситцевую шубочку, шубу суконную на заячьемъ мѣху; пожилыя — сарафанъ китайчатый, кумачницу, поддѣвку суконную овчинную, сапоги валеные. Лѣтнее обыкновенное: платокъ набойчатый холщевый, повойникъ, сарафанъ крашенинный, шубочка набойчатая, кафтанъ изъ сѣраго самодѣльнаго сукна, лапти. Лѣтнее нарядное: косынка алаго цвѣта, платье ситцевое, шубочка штофная, поддѣвка суконная, башмаки, шубочка ситцевая, кумачница и сапоги кожаные.

В. ПИЩА.

Ежедневная скоромная: щи изъ сѣрой капусты, подбѣленные молокомъ, черный хлѣбъ, блины овсяные, прѣсные пироги съ творогомъ, «сметуха» или кислое молоко, картофель вареный. Ежедневная постная: щи изъ сѣрой капусты, капуста

бѣлая съ квасомъ, картофель вареный, иногда и жареный въ постномъ льняномъ маслѣ, кашица изъ овсяной крупы и блины овсяныс. Праздничная скоромная: щи съ мясомъ, пирогъ ржаной съ овсяной крупою, прѣсные пироги изъ ячной муки, называемые «житнухами», съ творогомъ и овсяною крупою, молоко прѣсное, картофель жареный въ салѣ, свиной жиръ съ овсянымъ блиномъ (это самый лакомый кусокъ), молочная овсяная каша, ячные оладьи. Праздничная постная: щи изъ бѣлой капусты, пирогъ ржаной съ овсяною крупою, блины овсяные, картофель жареный въ льняномъ маслѣ, соленая и вяленая рыба, больше судакъ и севрюжина, соковая каша.

Въ неурожайные годы, многіе, круглый годъ, питаются одними овсяными блинами.

ЗАНЯТІЯ.

Хлѣбопашество порядочно. Каждый однотягольный крестьянинъ высѣваетъ двѣ четверти съ половиною ржи, пять четвертей овса, двѣ четверти ячменю, мѣру гороху, полторы мѣры льнянаго сѣмени и немного пшеницы.

Огородничествомъ занимаются только для домашняго продовольствія; садятъ картофель, лукъ, капусту, свеклу, рѣдьку, брюкву, и немного огурцовъ, моркови и рѣпы.

Изъ скота однотягольный крестьянинъ держитъ: одну лошадь, двухъ коровъ, трехъ овецъ и одну свинью.

Нѣкоторая часть крестьянъ, особенно въ зимнее время, живутъ въ городахъ, гдѣ наживаютъ достаточное количество денегъ для уплаты оброка и податей и для домашнихъ потребностей. Но больше всего народъ здѣшній промышляетъ отъ своей рукодѣльности, а именно: отъ искусной отдѣлки деревянной посуды, которая развозится потомъ въ ближнія торговыя села и города. Иные промышляютъ отъ маслобойныхъ заводовъ, мельницъ и толчей. Изъ деревянной посуды дѣлаютъ преимущественно: чаны, шайки, ушаты, лохани, кадки, кубы, бочки и ведра. Есть которые дѣлаютъ рѣшета. Немногіе занимаются плотничествомъ, ковкою желѣза и столярною работою. Очень немногіе выдѣлываютъ обчины, красятъ холстъ и пряжу, шьютъ сапоги.

БЫТЪ ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

Приходъ Станиловскій состоитъ изъ трехъ вотчинъ, изъ которыхъ одна, состоящая изъ 406 душъ мужескаго пола, находится во владѣніи Князя А. Н. Волконскаго; другая, состоящая изъ 393 душъ мужескаго пола—во владѣніи Статскаго Совѣтника В. П. Зубкова; третья, состоящая изъ 73 душъ мужескаго пола—во владѣніи Генеральши А. И. Извѣковой. Крестьяне всѣ находятся на оброчномъ положеніи. Тягловыхъ изъ нихъ: въ первой вотчинѣ — 200, во второй — 210, въ третьей — 40; во всѣхъ же трехъ вотчинахъ—до 450 душъ. Съ оброкомъ, съ очисткою государственныхъ повинностей, годовой расходъ крестьянина, во всѣхъ трехъ вотчинахъ, можно положить отъ 145 до 155 р. асс.; въ томъ числѣ: на необходимыя прожитки (какъ-то: соль, деготь и т. п.) – 40 р., да на праздничное угощеніе (главнѣйше на водку) — около 20 р. асс. въ годъ.

Чины Сельскаго Управленія, по здѣшнему порядку, суть слѣдующіе: а) Бурмистръ: въ это званіе, съ дозволенія Господина, выбирается, всѣмъ міромъ, крестьянинъ честнаго поведенія, предпочтительно грамотный, смѣтливый, разсудительный, во всѣхъ отношеніяхъ ловкій; должность его, по довѣренности Господина, управлять вотчиною. б) Земскій: это вотчинный писарь. в) Выборный: вотчинный казначей, должность котораго состоитъ въ томъ, чтобы собирать денежныя повинности съ крестьянъ и представлять потомъ съ отчетомъ Бурмистру (онъ, только въ первой изъ сказанныхъ вотчинъ, выбирается). г) Старшины: выбираются въ каждой деревнѣ, всѣмъ міромъ, и начальствуютъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ живутъ; на сходкѣ имѣютъ предпочтительное право подавать голосъ. д) Десятскіе: выбираются тоже въ каждой деревнѣ; должность ихъ созывать крестьянъ, по приказу Бурмистра, на сходку; также отводить квартиры пріѣзжающимъ по должности Чиновникамъ. е) Городовой Десятскій или Пятидесятскій: избирается для того, чтобы, въ отсутствіи или за болѣзнью настоящаго Соцкаго, занимать его должность.

Для мірскихъ сходокъ, сдѣланы особенные домы, называемые Судными или Конторами. Сходка бываетъ очень рѣдко,

въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Когда необходимо нужно быть сходкѣ, Бурмистръ приказываетъ Десятскому созвать находящихся подъ вѣдомствомъ его крестьянъ той деревни, гдѣ онъ самъ живетъ, а Десятскимъ другихъ одновотчинныхъ деревень объявить приказъ, когда собираться на сходку и по какому случаю сходка назначена: такимъ образомъ всѣ крестьяне, согласно приказу Бурмистра, собираются безпрекословно въ надлежащее время. На сходкѣ, первое мѣсто занимаетъ Бурмистръ; подлѣ него садятся Выборный и Старшины по старшинству, а за ними прочіе почетные крестьяне. Разсужденіе бываетъ: о землѣ, сколько слѣдуетъ наложить для обработки на тѣхъ или другихъ крестьянъ, и сколько съ кого сложить; объ лѣсѣ, сколько кому слѣдуетъ внести денегъ за пользованіе лѣсомъ, и сколько дозволяется его срубить; о выборѣ крестьянъ въ должности по вотчинѣ; о денежныхъ сборахъ, оброкѣ и недоимкахъ по оброку; объ рекрутской очереди; о провинившихся въ чемъ-либо крестьянахъ; и т. п. Рѣшенія постановляются не иначе, какъ съ согласія всѣхъ присутствующихъ на сходкѣ, а потомъ препровождаются на разсмотрѣніе и утвержденіе Господина.

Выборъ крестьянъ въ должности по вотчинѣ бываетъ ежегодно. Если прежнія лица проходили свои должности хорошо, то ихъ оставляютъ еще на годъ; впрочемъ не иначе какъ съ ихъ на то согласія. Въ случаѣ же небрежнаго прохожденія должностей, состоявшіе въ нихъ отрѣшаются, и на мѣсто ихъ выбираются міромъ другіе благонадежные изъ крестьянъ. Выборъ или отрѣшеніе Бурмистра зависитъ предпочтительно отъ самихъ Господъ.

Земля и оброкъ распредѣляются такъ, что всякой молодой парень, пришедшій въ 16-лѣтній возрастъ, долженъ обработать земли на четверть тягла, и платитъ четверть оброка; 17-лѣтній получаетъ земли на полтягла, и обязывается платить половину оброка; 18-лѣтній вступаетъ въ полное тягло, и платитъ полный оброкъ.

Сборъ оброка бываетъ два раза въ годъ: одна половина уплачивается до 29 іюня, другая — до 1 января. За крестьянъ, недоплатившихъ оброкъ, вносятся общественныя деньги, которыя недоимщики обязываются въ послѣдствіи вре-

мени выплачивать исподоволь и посрочно въ Общество. Особенные денежные сборы бываютъ очень рѣдко, въ самыхъ только необходимыхъ нуждахъ по Обществу.

Рекрутская очередь ведется строго соблюдаемымъ порядкомъ. Семейство, изъ котораго уже кто-нибудь поступилъ въ военную службу, освобождается отъ рекрутства. Одинокіе, не имѣющіе сыновей или имѣющіе одного лишь сына, обязаны вносить денежный повытокъ за полрекрута.

По мірскому приговору присуждаются къ тѣлесному наказанію: за грубость и неповиновеніе Вотчинному Начальству, также за ссору и драку, пьянство, лѣность и другія подобныя вины. Въ вотчинѣ Князя Волконскаго положенъ за вины денежный штрафъ, простирающійся до 5 р. сер.: сумма, которая изъ того составляется, хранится въ Вотчинной Конторѣ для непредвидѣнныхъ надобностей.

МѢСТНЫЕ ОБЫЧАИ.

А. ПРИ БРАКАХЪ.

Приступая къ описанію обыкновеній, существующихъ между прихожанами села Станилова во время браковъ, прежде всего за нужное почитаю ознакомить съ тѣми «чиновными лицами», которыя на сей случай предварительно выбираются, со стороны жениха и невѣсты, изъ ближайшихъ ихъ родственниковъ, съ показаніемъ какая каждому изъ нихъ назначается должность при брачныхъ обрядахъ.

Со стороны жениха выбираются: а) Сватъ: онъ посылается жениховымъ отцемъ, не безъ согласія и самаго жениха, сватать выбранную по любви невѣсту. б) Тысяцкій: должность его состоитъ въ томъ, чтобы, предъ совершеніемъ брака, ввести жениха и невѣсту въ храмъ, поставить тамъ на извѣстное мѣсто и, во все продолженіе таинства, стоять по правую сторону жениха, а потомъ представить новобрачныхъ въ мѣсто брачнаго пиршества; тысяцкимъ называется онъ потому, что ему дается право управлять всѣмъ поѣздомъ. в) Дружка: онъ наканунѣ брака ѣздитъ отъ жениха къ невѣстѣ съ

подаркомъ, а по совершеніи таинства брака, при брачномъ пиршествѣ, бываетъ распорядителемъ всего, что̀ готовится для брачнаго стола. г) Полудружье: помощникъ дружки. д) Прибесѣдный и Прибесѣдная: это крестные отецъ и мать жениха; оба они въ поѣзду не бываютъ, а только, во время брачнаго пиршества, болѣе прочихъ гостей наслаждаются яствами и напитками, какія готовятся для стола. е) Бояре: одинъ изъ нихъ называется главнымъ или большимъ, а всѣ прочіе, хотя бы ихъ было до двадцати и болѣе, называются меньшими; число ихъ назначается отцемъ жениха, смотря по кошельку; обязаны: быть въ брачномъ поѣзду, а, послѣ брака, при столѣ брачномъ. ж) Сваха: во время вѣнца всегда стоитъ позади жениха, а послѣ, за столомъ брачнымъ, сидитъ возлѣ него. з) Подвезиха: это кучеръ жениховъ, который обязывается свезти его къ вѣнцу и послѣ представить обратно домой.

Съ невѣстиной стороны бываютъ: а) Такъ-называемые коробейщики: они обязываются, тотчасъ по совершеніи таинства брака, при начатіи брачнаго пиршества, представить всѣ дары, назначенные невѣстинымъ отцемъ жениху. б) Сваха: она, во время совершенія таинства брака, стоитъ позади невѣсты, а послѣ, во время пиршества, сидитъ подлѣ ней.

Теперь представлю подробно всѣ брачные обряды въ ихъ постепенности.

СВАТОВСТВО.

Выбранный отъ женихова семейства сватъ, какъ должностный и притомъ главный чиновный человѣкъ, сумеречками, тайкомъ, пробирается въ деревню, гдѣ давнымъ-давно запримѣчена дѣвушка-суженая, по-любви жениху. Не бѣжитъ, а летитъ онъ стрѣлой къ мѣсту своего назначенія; и чего не придумаетъ, идучи потаенною дорогою: какъ и чѣмъ начать разговоръ, какъ позавлекательнѣе поговорить? и т. д. Вотъ подходитъ онъ къ дому, гдѣ живетъ завѣтный предметъ его посольства; вступаетъ тихимъ шагомъ на крыльцо; сто разъ отряхнется, причешется, пригладится; наконецъ идетъ къ двери избы, робко берется за скобку, отворяетъ

дверь, манежно входитъ въ избу, молится Богу, и воздаетъ, направо и налѣво, низкіе поклоны. Затѣмъ начинается разговоръ, который передается здѣсь буквально на мѣстномъ нарѣчіи:

Сватъ. *Здорóво-цё мои роны́jо! Здорóво-цё золотыjо мои!* — (Обращаясь къ невѣстину отцу): *Здорóво, задушевный мой прія́целишшо!* —

Отецъ. *А зацѣмъ ваше прихожество къ нашему убожеству? Зацѣмъ къ намъ пожаловали твоя милосць?*

Сватъ. *Ишшу́, нѣтъ-ли гдзѣ полу́цие любо ярсцки, любо целу́шецки на свой дворъ. Нѣтъ ли у ця́, браця́ша, éвтакой для племени? - Я слышалъ онодысь, штò у ця́ èсци евтакая пригò—жая, росхорò—шая, да и продажная ешшò—дакъ я къ цéѣ по слухамъ-цё и загрёлъ. Слу́хомъ земля полнiцца, братечъ!...* (Тутъ отецъ невѣстинъ догадывается къ чему клонится дѣло, а сватъ продолжаетъ): *Ну штó, голубцыкъ мой, éсци штоли у ця́?*

Отецъ. *Есць, дружоцыкъ, есць. Да самому нужна мнѣкацца, не лишняя jона.*

Сватъ. *О родзи-мojo мojo! Ништо, вишь, цѣ нехóцца съ ней распунницца. Померекай кё хорошенькё, да и по рукамъ скорѣjo: дзенжóнсцки сейцасъ же на ру́цку! Нецово мѣшкаць, покудя не ушли годоцки у нejo; толда и радъ бы пробаць, да ужъ поздо будзётъ. Спу́сця лѣто по малину въ лѣсъ не ходзятъ николди: слыхалъ ли ты, мojo родзи-мojo, евту пословицу Рассейскую? Мерéкай-кё!...*

И, какъ мелкій бѣсъ, всячески увивается онъ вокругъ отца невѣсты, изливаетъ все свое краснорѣчіе, расхваливаетъ предлагаемаго жениха на чемъ свѣтъ стоитъ; а между-тѣмъ и самъ искусно навѣдывается, сколько отецъ думаетъ взять «вывода» за невѣсту. Надо сказать, что между прихожанами села Станилова издревле существуетъ обыкновеніе платить жениху за невѣсту такъ-называемый «выводъ», количество котораго назначаетъ отецъ невѣстинъ, смотря по достатку женихова отца; иные платятъ такимъ-образомъ 20, 30, 40 р. асс. и болѣе: эти деньги отецъ невѣстинъ получаетъ на другой день послѣ сватовства, и на нихъ до брака собираетъ пиръ для будущей своей родни.

Удостовѣрясь о женихѣ, что онъ человѣкъ очень порядочный, къ домашнимъ семейственнымъ занятіямъ способ-

ный и трудолюбивый, отецъ соглашается выдать дочь и тутъже назначаетъ количество вывода; а сватъ, если видитъ, что выводъ неотяготителенъ для женихова отца и для жениха, встаетъ съ лавки, даетъ руку невѣстину отцу въ знакъ согласія, прощается съ нимъ, и уходитъ, въ тотъже вечеръ въ домъ женихова отца, для увѣдомленія о благополучномъ успѣхѣ сватовства.

БОГОМОЛЬЕ.

На другой день послѣ сватовства, вечеркомъ, приходитъ въ домъ отца невѣсты тотъже сватъ, и съ нимъ жениховъ отецъ, съ виномъ и выводомъ за невѣсту. Тутъ происходитъ такъ-называемое «богомолье». Усердно помолясь Богу, будущая родня садится за столъ. Отецъ жениховъ угощаетъ принесеннымъ съ собою виномъ невѣстину семью, а также и всѣхъ ея сосѣдей и сосѣдокъ, приходящихъ въ это время нарочно въ домъ отца невѣстина; потомъ отдаетъ условленный выводъ, и, посидѣвъ довольное время, возвращается, вмѣстѣ съ сватомъ, домой.

По уходѣ ихъ изъ избы, невѣста, узнавъ, что ее помолвили выдать въ замужство, вбѣгаетъ съ горькими слезами въ избу, бросается опрометью въ объятія отца и матери, и начинаетъ причитать имъ на распѣвъ:

Осударь ты мой бацюшко!
Осударыня моя матушка!
Задавáли за своѣ руки бѣлыjо —
во цу—жи лю—дзи́:
Запору́цыли мою бѣ́йну голову,
За пору́ки-це взялися за крѣпкіjо —
вѣковѣ—шны — jо.
Знаць я все дзѣло-то придзѣлала,
Всю работушку-ту приработала!
Положили на миня гнѣвъ безъ милосци:
Безъ милосци — безъ жалѣньеца —
Безъ великова радзѣньеца.
Ужъ какова-то пора!
Ужъ каково-то вре́мё!
Забѣжитъ мнѣ безсца́сцё вели́кое,
Впередзи меня — во цужи людзи.
На ковò мнѣ будзетъ класць судзи́ Богà?
Ужъ на цея ли мой, кормилецъ бацюшко,

Ужъ-ли на цея ли, родзима матушка?
Ужъ на своjо-то ли безсцасцё великоjо?

Въ это время всѣ подруги невѣсты собираются въ домъ ея отца. Невѣста встрѣчаетъ ихъ слѣдующимъ причетомъ:

Голубушки милыjо, подруженьки мои!
Ужъ любезныjо мои, совѣтныjо!
Не повышшу́й-ко-цё на мнѣ горюшѣ горькею,
Што я васъ не повѣсци́ла и не встрѣцила.
Не по старому я живу, не по прежнему:
Подогнулиса у миня скоры̀ ногѝ,
Опусцилиса бѣлы̀ рук̀и,
Свалиласа съ плѣцъ головушка,
Подорвало мое рецивò сердцò.
Ужъ голубушки, милыjо подружиньки!
Отгуляла я съ вамъ, отпрохла́дзила,
По полями-це по цыстыемъ,
По лугами-це зеленыемъ,
По травами-це по шелко́выемъ;
Отпѣла я съ вамъ пѣсни веселыjо.
Што возми́тко-цё съ миня дзѣвью красоту,
Што возми́тко-цё се на бѣлы руки,
Ужъ возми́тко-цё ее бережпешенькё, да цесиехонькё,
Ужъ подзицё вы гулянь во зелены-це лугà!
Ста́вицё завивацъ золоты̀ вѣнки —
Вы завейко-цё за миня вѣнокъ,
Принеситкс-цё къ моему-то ба́цюшкю,
И къ моей-то родзимой матушкѣ:
Ужъ не завянетъ-ли мой зеле́ной вѣнокъ,
Ужъ не погибнетъ-ли моя-та повинна го́лова,
Во цужіефъ-це лю́дзяфъ жи́вуцы? —

Этотъ самый причетъ повторяетъ невѣста, и послѣ-того, каждый день вечеромъ; потому-что подруги, каждый день, вечеромъ, навѣщаютъ ее до самаго дѣвичника.

ДѢВИЧНИКЪ.

На дѣвичникъ, который всегда бываетъ вечеромъ на канунѣ свадьбы, сзываются всѣ подруги той деревни, въ которой невѣста имѣетъ жительство. Нарядясь, какъ можно лучше, онѣ собираются въ одно какое-нибудь мѣсто, и, составивъ хороводъ, идутъ тихими стопами къ дому, гдѣ живетъ ихъ сго-

воренная подруга, съ самымъ томнымъ пѣніемъ. Приэтомъ каждая изъ нихъ несетъ подъ мышкой изготовленный предварительно ржаной пирогъ въ подарокъ невѣстѣ; а впереди всѣхъ идетъ одна изъ дѣвушекъ съ искусно убранною, разукрашенною цвѣтами и лентами, елкою, которая называется «дзѣвьею красотою». Подойдя къ дому, онѣ становятся подлѣ крыльца, и дотѣхъ-поръ не входятъ въ избу, доколѣ отецъ или мать невѣсты не позоветъ ихъ; а между-тѣмъ продолжаютъ пѣть пѣсни. Вотъ, чрезъ нѣсколько минутъ, является на крыльцѣ отецъ или мать невѣсты, ласково привѣтствуетъ ихъ, и приглашаетъ навѣстить неутѣшно плачущую подругу. Лишь только дѣвицы переступятъ черезъ порогъ избы, какъ невѣста затягиваетъ, какъ говорится — благимъ матомъ, изложенный выше горемычный причетъ: подруги, слушая, плачутъ, и, наплакавшись до-сыта, каждая отдаетъ свой пирогъ сговоренкѣ. Послѣ того спрашиваютъ онѣ невѣсту:

Голубушка бѣлая, полюбовная!
Што ты рано вонъ выпархиваешь?

та отвѣчаетъ имъ:

Не сама я вонъ вылѣтываю,
Не сама я вонъ выпархиваю;
Отдаетъ миня бацюшко,
Соряжаетъ миня родзима матушка,
во цужіе-це людзи,
За цужово-то ли цужанина! —
Ужъ ты, свѣтъ, руса коса!
Ужъ ты, свѣтъ, моя буйная головушка!
Разобьютъ мою головушку нарозно,
на шесць прядзей;
Заплетутъ мою косынькю на двѣ косы;
Обовьютъ мою косынькю кругъ головы,
кругъ маковки;
Надзѣнутъ на мою головушкю бабью красу:
А бабья-то краса — шлыкъ волосникъ! —

Если невѣста не имѣетъ въ живыхъ матери, то она обращается потомъ къ отцу съ слѣдующимъ причетомъ:

Осударь ты мой бацюшко!
Погодзи-тко ты, помѣшкай-ко,

Хошь малой и едзиной цась,
Хошь малую-ту минутую . . .

и въ слѣдъ затѣмъ причитаетъ брату:

Осударь ты мой, милой братъ!
Послушай ты моего глупово разуму,
Глупово моево, неразумново,
Што я цеѣ скажу сирота горькяя:
Выйдзи-ко ты во цыстò полѐ,
Оглядзи-тко ты всю сторонушку,
отъ востоку до запада;
Поглядзи-тко ты въ востошную сторонушку:
Не красúтъ ли красиојо солнышкё,
Ужъ не йдзетъ ли наша родзима матушка?
Ужъ скажи-тко ты сироцѣ горькею:
И вышли-бы мы во цыстò полѐ,
Стали-бы мы при пуци при дороженькѣ,
Увидзѣли-бы мы свою родзиму матушку,
Взяли-бы мы ее подъ бѣлы́ руки́,
Ввели-бы мы ее въ домъ родзицельскёй,
Посадзили-бы за столы-це за дубовыјо,
за скацерци-це за браныјо,
Становили-бы мы явству сахарную,
пицья-то бы медзяцово,
пива-то бы пьяново;
Спросили бы мы сироты горькіјо
Про евто жицьјо про вѣшнојо,
безконешнојо;
Росказали бы мы про свое жицьјо,
про сироцкојо,
Про својо жицьјо сироцкојо,
горемышнёјо:
Встаемъ мы съ утра-то ранымъ-ранò,
Не умываемса мы свѣжòй водой,
Не уцираемса мы тонкіемъ полотномъ;
Умываемся мы горюцьми́ слезамъ,
Уцираемса мы горемъ великіемъ.
Вы́церпь-ли матушка твоему рециву сердцу́?
Не стоитъ у цея скоры́ поги́,
Не дзержицца твоя буйная головушка! —

Тутъ отецъ беретъ ее за руку, и сажаетъ на овчинку, разостланную на лавкѣ. Подруги, между-тѣмъ, ставятъ на столъ елку, утверждая ее въ горшкѣ, и на вершинкѣ ея

*

ставятъ подсвѣчникъ съ зажженною свѣчею. Послѣ того, всѣ садятся вокругъ стола, и поютъ разныя пѣсни всю ночь, почти до самаго разсвѣта. Невѣста отвѣчаетъ имъ:

Ужъ не пойко-цё вы пѣсни веселыјо!
Ужъ не круши-тко-цё миня горюху горькюю!
Што не знаю горюша горькяя,
Какъ разстацися съ дзѣвьей красотой
И съ своей-то волей вольною!
Што куды-то мнѣ дзѣвью красоту дзѣвацъ будзётъ:
Во луга ли отпусцицъ — дакъ загулѣецца;
Во лѣса-це отпусцицъ — дакъ заблудзицца;
Какъ въ рѣку-то бросицъ — дакъ затопицца?—
Ужъ возмицё вы голубушки съ миня дзѣвью красоту
И волюшкю-ту вольнюю!
Отлуцаютъ ужъ миня отъ стада-то лебедзинова,
Прилуцаютъ ужъ миня ко стаду-то гусиному. . .

Кромѣ подругъ, на дѣвичникъ приглашаются и всѣ родственники невѣсты. При входѣ въ избу, родственныя женщины спрашиваютъ невѣсту, причитая:

Голубушка наша родзимая!
Што же ты насъ не встрѣцила, не привѣцила?
Знацъ што не йдутъ у ця скоры ноги,
Не поднимаюцца у ця бѣлы руки,
Не глядятъ у ця оцы ясныјо.
Потупилися въ матушку сыру землю? . .
Спроси-тко ты насъ горькіефъ,
Какъ цѣ жицъ во цужіефъ людзяхъ.
У цужова-то отца съ матерью:
Сукрѣпи свое рециво сердцѐ,
Крѣпце камушка, крѣпце горюцова . . .
Ужъ такова пора, таково времё!
Неудаца твоя будзётъ великая.
Замужство твојо неудашнојо . . .
Выйдзи ты на цысто полѐ,
Падзи-тко ты своей грудзью бѣлою
На мацъ-ту ли на сыру землю;
Возмоцы-ткё ты сыру землю,
Своёмъ горюцьми слезми,
И раскажи про своjо жицьjо неудашнојо. . .

Невѣста отвѣчаетъ, протяжнымъ, унылымъ распѣвомъ:

Не раскàшница јона ужъ, не разговóрница,
Во добры людзи не пронóшница. . .
Суцéрпитъ јона на своемъ сердцѣ,
Процерпитъ јона на своей грудзи! . .
Не выцерпь рециву сердцу,
Выйдзи ца Дунай рѣку:
Ужъ плаваютъ тутъ гуси-лéбедзи,
Ужъ спрошу я горюша горькая,
Ужъ спрошу я гусей-лéбедзей:
Каковò вамъ гуси-лебедзи,
Каково вамъ плавацъ супроци воды?
Таково-то жицъ въ цужiефъ людзяхъ,
Таково-то у цужово у цужàнина,
У цужово-то отца съ мáцерью! . .
Ужъ цужóй-отъ отецъ съ мàцерью
Родзились безъ жалѣньця,
Безъ великiјо безъ милосци:
Супáтъ-крупáтъ, безъ вѣтру, безъ вихорю,
Пекутъ лицò безъ краснова сóлнышка,
Знобятъ сердцò безъ морозу лютово. . .

Гости имѣютъ обыкновенiе дарить подругъ деньгами. Приэтомъ невѣста причитаетъ отцу и матери:

Осударь ты мой родзимой бацюшко!
Осудáроня родзима матушка!
Не прошу у васъ злата-сéребра,
Што прошу у васъ благословлéнiя великова:
Благослои-тко-цё мипя—отъ цыстà сердцà —
у мѣста посѣдзѣци! —

ВЕЧЕРИНКА У ЖЕНИХА.

Когда, такимъ-образомъ, въ домѣ невѣсты происходитъ дѣвичникъ, въ домъ къ жениху, по приглашенiю отца его, собираются всѣ ближайшiе родственники на «вечеринку». Тутъ, на лавкѣ, гдѣ долженъ сидѣть женихъ, тоже разстилается овчина; отецъ и мать благословляютъ жениха иконою, и, помолясь усердно Богу, сажаютъ его троекратно на овчину. По совершенiи этой церемонiи, каждый изъ родственниковъ подходитъ къ жениху съ хлѣбомъ, на который кладутся соль и деньги, цѣлуется съ нимъ, и отдаетъ этотъ подарокъ. Затѣмъ, отецъ и мать жениховы угощаютъ родственниковъ.

ПЕРЕДАРЬЕ.

Между-тѣмъ, отъ жениха къ невѣстѣ отправляются дружка и полудружье, съ коробкой, наполненной подарками. Подъѣхавши къ двору невѣстину, дружка стучитъ кнутомъ въ окно, прося хозяевъ впустить дальнихъ заѣзжихъ людей на скотный дворъ. Спустя нѣсколько времени, отецъ и мать невѣсты выходятъ на дворъ, отворяютъ ворота, и впускаютъ гостей. Оставя лошадей на дворѣ, они входятъ въ избу, справляютъ низкіе поклоны невѣстинымъ отцу и матери отъ отца и матери жениховыхъ и самой невѣстѣ отъ жениха. Невѣста въ это время причитаетъ отцу и матери:

Осударь кормилецъ бацюшко!
Осудароня родзима матушка!
Стрѣцайцё госцей нежданыефъ,
Нежданыефъ и незваныефъ;
Сажай-ко-цё ифъ за столы за дубовыjо,
За скацерти за браныjо;
Становицё яству сахарную,
Подносицё вы пиво пьяноjо,
Подносицё вы вино зеленоjо,
Цужіемъ-це людзямъ-цужáнинамъ . . .

Дружка вручаетъ невѣстѣ подарокъ, присланный отъ жениха, обыкновенно состоящій изъ бѣлилъ, румянъ, серегъ и зеркала. Невѣста принимаетъ съ причетомъ:

Осударь ты мой любимой сватушко—
Незнаю я какъ цея назвáци,
По имени и отеству велицáци! —
Не госцинцы вы мнѣ подносицё,
Подносицё горюцы слезы:
Такъ у меня льюцца горюцы слезы
Изъ моефъ-це ли оцей ясныефъ;
Кацяцца горюцы слезы,
По моему-то лицу бѣлому,
На мои руки бѣлыjо,
На мое-то ли тѣтнó плацьjо,
На мое плацьjо на сироцкоjо . . .

Отецъ и мать невѣсты угощаютъ дружку и полудружье хлѣбомъ-солью, виномъ и домашнею брагою. Невѣста между-тѣмъ причитаетъ отцу и матери:

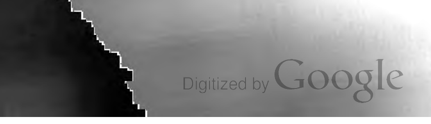
Осударь ты мой бацюшко!
Осудароня родзима матушка!
Пошшуй-ко-цё вы госцей нежданыефъ,
Нежданыефъ и незваныефъ;
Пойцё ифъ до пьянёшенька:
Јони бы у васъ позапшли,
А миня бы сироту позабыли
У цея ли, мой корминецъ-бацюшко,
Во своей-то ли волѣ вольнею,
И во своей-то ли дзѣвьей красоцѣ! —
Осударь ты мой корминецъ бацюшко!
Ужъ сидзѣла бы я у ця слишкомъ двадцець-пяць,
И непринесла бы я безсцесцья не малова:
Не пала бы своемъ лицомъ бѣлыемъ,
Не пала бы я о сыру землю,
Не покорила бы вашево роду племени . . .

Напослѣдокъ невѣста вручаетъ прибывшимъ посламъ отъ себя подарокъ, который проситъ передать жениху.

УТРО ВЪ ДЕНЬ БРАКА.

Въ день, когда слѣдуетъ быть браку, невѣста, какъ-скоро встанетъ поутру, причитаетъ отцу и матери:

Осударь ты мой родзимой бацюшко!
Осудароня родзима матушка!
Спаласа ли вамъ цёмная воть, лежаласа?
А мнѣ-то ли горюхѣ горькюю
Не спаласа и не лежаласа! . .
На зарѣ-то ли на утренней,
На восходѣ-то ли красново солнышка,
На закаци-то ли свѣтлова мѣсеца,
На малой цасъ ужъ я и призадумаласъ,
Приснился мнѣ сонъ не радошенъ:
Не въ лѣсафъ-це ли я цёмныефъ блудзиласа,
Не въ росахъ ли я замоцылаca;
Заблудзиласа я во цужіефъ людзяфъ,
Замоцыласа я въ горюцыфъ слезафъ . . .
Осударь ты мой корминецъ бацюшко,
Не унимайцё и не уговаривайцё! —
Осудароня родзима матушка,
Дайцё вы мнѣ наплакацца,
Моему-то ли сердцу нацѣшицца,
Оцамъ яснымъ надсадзицися! —

Ужъ нагромлю я вашу свѣтлицу:
Ужъ во снѣ-то бы я вамъ снилася,
Въ просоньѣ-то бы я вамъ видзѣласа,
Въ просоньѣ-то бы мой голосъ слышалса,
Ужъ вамъ ли, мой корминецъ бацюшко,
Ужъ вамъ ли, корминеца матушка! —

Слѣдуетъ затѣмъ причетъ братьямъ:

Осудари мои, милы брацья́:
Ужъ такова пора, таково времё,
Замужство мое неудашное!
Не насижуса-то ли я по концѣ стола,
Не наглядюса ли то я кусу поданово,
ожуреново?
Звѣйцёса вы ясныемъ со́коламъ,
милыjо брацья!
Прилеци́-тко-цё на цужу́ю-то ли
дальню сторону;
Са́дзькё-цё вы на сере́бленинькю
на пробо́инкю;
Проворкуйко-цё сы си́зыемъ го́лубамъ:
И узнала бы я васъ сирота горькяя...

Потомъ причетъ подругамъ:

Голубушки бѣлыjо, подруженьки,
Совѣ́тныjо, ластушки коса́тыjо!
Возмитко-цё мою дзѣ́вью кра́соту;
Носицё не спуска́юцы,
Гляи́цё не мигаюцы;
Берегицё ее отъ вѣтровъ и отъ ви́хорёвъ,
Отъ бы́йныефъ вѣтро́въ
И отъ цасты́ефъ дожжо́въ:
Такова пора, таково времё!..
Надоѣ́стъ вамъ, надоску́цаетъ:
Снеси́цё ее во цысто́ полё,
Положи́цё при пуци́ при доро́жинькѣ;
Ужъ пойду я съ цужijо дальнijо сторо́нушки,
Возьму я на бѣлы руки́
Свою-то ли дзѣ́вью кра́соту.
Прижму я ее къ рециву серцу́,
Оболью я ее горюцымъ слѐза́мъ:
Ужъ ты, свѣтъ, моя дзѣ́вья кра́сота!
Ужъ ты не надолго мнѣ доставалася,
Однѣмъ ца́сикомъ минова́лаcа! —

Принесу я ее ко своему корминецу бацюшку,
Положу я ее на косящното окошецко:
Ужъ не замеркнетъ ли јона, не завянетъ ли,
Не замеркнетъ-ли бѣло лицо,
Во пужифъ-це людзяфъ живуцы?..

Тутъ родная, или, если нѣтъ, то двоюродная сестра невѣсты, подходитъ къ ней и проситъ дать расплесть у ней косу. Невѣста соглашается, но въ тоже время причитаетъ съ угрозою:

Голубушка бѣлая, сестра,
Ластушка ты моя косатая!
Не подступайко-са ты ко мнѣ смелёшенькё,
Ко моей-то ли красѣ-косѣ;
Не расплетай-ко ты у миня русу косу:
Во моей-то ли русѣ косѣ,
Есть три ножицка булатныефъ;
Не подрѣжь-ко ты своѣ руки бѣлыјо...

а та, расплетши благополучно, отвѣчаетъ причетомъ:

Ужъ подступила я смѣлёшенькё,
Ужъ расплела я у ця русу косу,
Ужъ не видала я ножицковъ булатныефъ.
Ужъ не подрѣзала я своѣ руки бѣлыјо...

ПОѢЗДЪ ОТЪ ЖЕНИХА КЪ НЕВѢСТѢ.

Когда приходитъ время ѣхать поѣзду съ женихомъ за невѣстой, отецъ и мать благословляютъ жениха иконою; причемъ обыкновенно затворяютъ всѣ двери, сколько ихъ находится въ домѣ, и весьма строго наблюдаютъ, чтобы кто-нибудь, во время благословенія, не взошелъ въ избу. Потомъ женихъ, а за нимъ и всѣ поѣзжане, обходятъ кругомъ стола, присаживаются на лавки, встаютъ и усердно молятъ Бога о счастливомъ окончаніи начатаго дѣла. Наконецъ, отецъ и мать, съ горькими слезами, выводятъ жениха на дворъ; за ними выходятъ поѣзжане, и отправляются въ путь.

Подъѣхавъ къ деревнѣ, гдѣ живетъ невѣста, весь поѣздъ останавливается на какомъ-либо мѣстечкѣ, и объѣзжаетъ кругомъ подводу, на которой сидитъ женихъ. Послѣ того дружка и полудружье отправляются предварительно къ отцу невѣсты, а прочіе поѣзжане остаются за деревней, и стоятъ до-тѣхъ-поръ, доколѣ

поѣхавшіе не возвратятся. Тогда уже весь поѣздъ въѣзжаетъ въ деревню, прямо къ дому невѣстину.

Какъ только поѣздъ остановится у воротъ невѣстина дома, всѣ дѣвицы той деревни обступаютъ его кругомъ, и не впускаютъ поѣзжанъ въ избу до-тѣхъ-поръ, доколѣ они не одѣлятъ ихъ пряниками. По этой причинѣ поѣздъ весьма долго принужденъ бываетъ медлить на дворѣ, пока вполнѣ не удовлетворитъ всѣмъ причудливымъ требованіямъ дѣвицъ, которыя во все это время поютъ разныя принаровленныя ко времени пѣсни. Между-тѣмъ, невѣста, зная что поѣздъ уже пріѣхалъ, неутѣшно рыдаетъ причитая:

Ужъ не рой-отъ вокругъ двора увивается,
Не мушо̀лушки-це ли призашу́мѣли,
Призашумѣли цужѝ людзѝ...

Вотъ входитъ манежною поступью тысяцкой, и за нимъ всѣ поѣзжане съ женихомъ, молятся Богу, отправляютъ едва неземные поклоны отцу и матери невѣсты отъ отца и матери жениха, и, получивъ дозволеніе отца невѣстина, садятся на мѣста. Случилось-бы, что отецъ невѣстинъ не далъ этого дозволенія; тогда тысяцкій, взявъ просто невѣсту, отправляется со всѣмъ поѣздомъ къ вѣнцу, безъ всякихъ обрядовъ и угощеній. Но обыкновенный порядокъ таковъ, что поѣздъ усаживается: тогда невѣста запѣваетъ:

Приста́вько-цё ко дверямъ-то придве́рницка,
Къ костыла̀мъ-це присто́льницка:
Ужъ ко мнѣ-то ли горюцѣ горькёй
Приставцё вы сторожа́целя, сберега́целя,
Штобы сберегъ миня отъ цужіефъ людзей. . .

потомъ обращается къ своимъ братьямъ:

Ужъ поситко-цё вы пиво пьявојо и вино зеленојо,
Наливайко-цё вы стаканы-то полнѣјо;
Ужъ пойко-цё вы цужіефъ госцей,
Штобы цужіе-цё людзи поза́пили,
Миня-бы горю́шу поза́были,
Штобы оста́ласа я съ своей-то волей во́льною,
Въ своей-то бы дзѣвьей кра́социѣ. . .

Между-тѣмъ на столъ собираютъ все, что̀ требуется для обѣда; а невѣста продолжаетъ:

Ужъ сцели̇тко-цё вы ска́церци бра̀ныјо,
Поштуй-ко цё вы цужіефъ людзей,
Госцей запріѣзжіефъ..

ПРОДАЖА НЕВѢСТЫ.

Продажа эта производится братомъ невѣсты, роднымъ или-же и двоюроднымъ, до начатія обѣда. Продавщикъ подходитъ къ жениху и проситъ дать выкупъ за сестру: женихъ безпрекословно отдаетъ ему небольшое количество денегъ.

Во время этого дѣйствія, невѣста сначала проситъ брата, чтобы онъ ни за какія деньги не продавалъ ее:

Осударь ты мой, ясенъ со́колъ, милой братъ!
Ужъ не кида́й-ко-са ты на злато-се́ребро,
Ужъ не продава́й-ко ты миня во цужи людзи!

а когда женихъ станетъ отдавать брату невѣсты выкупъ, то укоряетъ брата, причитая:

Ужъ бросилса ты па злато-се́ребро,
Ужъ продалъ ты миня во цужи людзи!..

По окончаніи обряда продажи, отецъ беретъ невѣсту за руку, и отдаетъ жениху, крѣпко сжавши руки будущихъ супруговъ; потомъ сажаетъ обоихъ рядомъ на овчину, разостланную предварительно на лавкѣ. Тутъ начинается угощеніе поѣзжанъ различными яствами и напитками. Невѣста, между-тѣмъ, продолжаетъ причеты:

Осударь ты мой бацюшко!
Осударона родзима матушка!
Отошла отъ миня дзѣвья кра́сота,
Отошла воля вольпая;
Ужъ прошла јона, просциласа, и баяла:
Прощай-ко ты, кра́сна дзѣвица!
Благодарю я цея, кра́сна дзѣвица,
Што износила ты миня въ це́сци и ра̀досци!..

Когда кончится обѣдъ, отецъ благословляетъ невѣсту иконою, и всѣ присутствующіе возсылаютъ усердную молитву къ

Богу о благополучной жизни будущихъ супруговъ; невѣста, между-тѣмъ, не перестаетъ вопить и повторять тѣже причитанья, какъ и на дѣвичникѣ во время благословенія. Послѣтого, отецъ невѣстинъ обводитъ будущихъ супруговъ вокругъ стола; за ними слѣдуютъ и всѣ поѣзжане.

ОТЪѢЗДЪ КЪ ВѢНЦУ.

Остается ѣхать къ вѣнцу. Всѣ поѣзжане опять присаживаются на мѣста, и, нѣсколько времени помедля, встаютъ и снова молятся Богу. Невѣсту въ это время покрываютъ платкомъ, подъ которымъ она стоитъ и въ церкви, до начатія брачнаго таинства. Поѣзжане прощаются съ отцемъ и съ матерью невѣсты, прося ихъ, послѣ брака, пожаловать въ домъ будущаго зятя «попытать хлѣба-соли». Тысяцкой беретъ за руки жениха и невѣсту, и поѣздъ отправляется.

Невѣста, прощаясь навсегда съ роднымъ домомъ, съ отцемъ и съ матерью, съ сосѣдами и съ сосѣдками, съ задушевными подругами, въ кругу которыхъ она непрестанно находилась, словомъ—со всѣми любезными ей предметами, неутѣшно рыдаетъ, причитая:

Ужъ прошшáй-ко свѣтла свѣтлица,
Ужъ прошшáй-ко подворье широкоё,
Ужъ прошшáй-ко-цё вы сусѣдзи и сусѣдушки,
Ужъ прошшай-ко-цё вы милыjо подружиньки,
Ужъ прошшай-ко-цё вы поля цыстыjо…
у! у! у! у! ухъ!..

ВОЗВРАЩЕНІЕ ОТЪ ВѢНЦА.

По совершеніи брачнаго таинства, когда поѣздъ, возвращаясь изъ церкви, остановится подлѣ дому жениха, его отецъ и мать, а невѣстины свекоръ и свекровь, выходятъ на подворье, отворяютъ ворота, и встрѣчаютъ новобрачныхъ, держа въ рукахъ икону, хлѣбъ и соль, поздравляютъ ихъ съ законнымъ бракомъ, а они сначала цѣлуютъ икону, потомъ хлѣбъ, и, наконецъ, отца и мать. Послѣ-того, новобрачные вводятся тысяцкимъ въ избу, и — начинается пиръ, какъ говорится — на весь міръ.

ПРІѢЗДЪ КОРОБЕЙЩИКОВЪ.

Между-тѣмъ, почти вслѣдъ за тѣмъ какъ поѣздъ поѣдетъ въ церковь, отъ отца невѣстина отправляются коробейщики съ коробьями, наполненными дарами для жениховой родни. Они въѣзжаютъ прямо на дворъ женихова отца, и тутъ пивомъ, взятымъ у отца невѣстина, поятъ сосѣдей и сосѣдокъ жениховыхъ; въ это время, дѣвицы, усѣвшись на коробьяхъ, поютъ пѣсни, а коробейщики должны удовлетворять ихъ безчисленнымъ требованіямъ. Потомъ выходятъ на дворъ жениховы бояре, и, взявъ отъ коробейщиковъ коробьи, съ страннымъ, ужаснымъ крикомъ, вносятъ ихъ на сѣни; тутъ, сѣвши на коробьяхъ, и они затягиваютъ пѣсни, а отецъ жениховъ выходитъ изъ избы и подчуетъ ихъ виномъ и брагой; выпивъ по нѣскольку чаръ, слезаютъ они съ сундуковъ, и отдаютъ ихъ другимъ боярамъ, которые, опять съ ужаснымъ же крикомъ, вносятъ ихъ наконецъ въ чуланъ.

Послѣ этой потѣшной работы, коробейщики входятъ въ избу, молятся Богу, и одинъ изъ нихъ, главный коробейщикъ, обращается къ женихову отцу, съ слѣдующею привѣтственною рѣчью:

— «Лецятъ гуськи, дубовы носки; крицатъ гуськи, шепеты-лепеты: госци и госцейки, изъ куци, по лавкѣ, вдоль по скамейкѣ, приказали намъ кланяцца вамъ! И роблецишки, востриньки носки, цéрниньки уски, и цѣ приказали вамъ кланяцца. Ѣхали мы лѣсàмъ, стоитъ мужикъ съ мясáмъ; ѣхали мы мимо кỳста, стоитъ мужикъ съ сусломъ; и цѣ приказали вашей милосци кланяцца. Ѣхали мы нимо овина, стоятъ двѣ долгіё Орины; и цѣ приказали вамъ кланяцца. Ѣхали мы нимо омёта, стоятъ тутъ два Ѳедота; ѣхали мы нимо забора, стоятъ два Егора; и цѣ приказали вашей милосци кланяцца.» —

При каждомъ словѣ этой рѣчи, главный коробейщикъ, съ прочими коробейщиками, киваетъ головой; такимъже киваньемъ головы отвѣчаетъ имъ и отецъ жениховъ, со всѣми своими гостями. Потомъ отецъ жениховъ сажаетъ коробейщиковъ за столъ, и угощаетъ ихъ виномъ и пивомъ; а между тѣмъ дѣвицы припѣваютъ имъ всѣмъ, начиная съ главнаго коробейщика:

Ужъ послушай ты, коробейсцыкъ молодой!
Мы цѣ пѣсню поемъ,
Мы цѣ цѐсць воздаемъ:
Ты отъ умново бацюшка,
Отъ разумныё матушки;
Ты охо́цъ по пирамъ ѣздзиць,
Ты охо́цъ по бесѣдушкамъ,
Ты охо́цъ пѣсенъ слушаци,
Ты охо́цъ пѣвицъ дарици!
Ты дари не рублемъ, не полцыной,
Ты дари-тко золото́ю гривной:
А ты насъ станешь дариць,
А мы ця станемъ хвалиць,
И цея, и жену твою,
И твоихъ дзѣтушекъ. . .

Въ случаѣ-же если коробейщикъ холостой, то припѣвъ ему бываетъ слѣдующій:

NN хороше́некъ, пригоже́некъ:
Не бѣлилецкамъ набѣле́нъ,
Не румянамъ нарумяне́нъ;
Хорошо ця мацъ спородзила̀,
Умомъ-разумомъ надзѣлила̀,
И тала́ньецомъ благословила̀!
Ты охо̂цъ по бесѣдушкамъ ходзиць,
Ты охо́цъ пѣсенъ слушаци,
Ты охо́цъ пѣвицъ дариць:
Ты дари не рублемъ, не полциной, и т. д.

Пока поется припѣвъ, коробейщикъ, къ которому онъ относится, беретъ стаканъ съ пивомъ, опускаетъ въ него нѣсколько денегъ, вызываетъ одну изъ дѣвицъ по имени, и подаетъ ей стаканъ. Вызванная дѣвица выходитъ на средину избы, принимаетъ стаканъ и выпиваетъ пиво, а деньги высыпаетъ и беретъ, чтобы потомъ раздѣлить между всѣми подругами. Затѣмъ слѣдуетъ благодарность:

Спаси-бо цѣ, умной сынъ,
Спаси-бо, разумной сынъ,
На твоемъ на подароцкѣ —
На златѣ — на серебрѣ!..

КНЯЖЪ-ОБѢДЪ.

На другой день послѣ брака, когда слѣдуетъ быть «княжъ-обѣду», всѣ гости по-утру обливаются холодною водою; а потомъ обливаютъ ею и новобрачныхъ. Тутъ свекоръ и свекровь приказываютъ молодой невѣсткѣ выместь всю избу на-чисто; гости въ это время бросаютъ тихимъ образомъ на полъ нѣсколько денегъ, которыя невѣста подбираетъ себѣ. Послѣ-того, черезъ нѣсколько времени, коробейщики вносятъ въ избу дары; новобрачные выходятъ и становятся посреди избы, а за ними коробейщики. Вотъ главный коробейщикъ вызываетъ тысяцкаго, и проситъ, чтобы онъ принялъ подарокъ отъ невѣсты, имъ высватанной: тысяцкой беретъ стаканъ съ пивомъ и выпиваетъ за здоровье новобрачныхъ, которые въ это время падаютъ ницъ и лежатъ на полу до-тѣхъ-поръ, пока тысяцкой не выпьетъ пиво; выпивши-же, онъ проситъ новобрачныхъ встать, беретъ дары и цѣлуетъ, въ знакъ благодарности, какъ ихъ, такъ и коробейщиковъ. Такимъже точно порядкомъ главный коробейщикъ вызываетъ потомъ всѣхъ прочихъ, кому назначены подарки.

За «княжь-обѣдомъ» ставятъ непремѣнно на столъ свиную голову. Между-тѣмъ, предварительно выбирается человѣкъ, искусный визжать по-свиному, который забирается подъ столъ, и какъ только тысяцкой примется разрѣзывать эту голову, то спрятавшійся во всю глотку начинаетъ хрюкать и визжать, а тысяцкой, при разрѣзываніи, приговариваетъ: «*будзіотъ — поблудзила — всѣ огороды ты изрыла, всѣ луга ты* «*ископала — пора ця приколоць, коли благо ты попала —* «*пора ця и зубимъ патолоць*!»... Гости хохочутъ приэтомъ отъ всей души, надрывая, какъ говорится, животы.

Въ продолженіе пира, новобрачные выходятъ изъ-за стола, и, подходя къ каждому изъ гостей, хотя-бы ихъ было до ста человѣкъ, называютъ всѣхъ по имени и отечеству, прося кушать всего, что̀ поставлено на столѣ.

СПОЗНАТЬ.

Спустя недѣлю послѣ брака, новый зять, съ отцемъ и съ матерью, приходитъ къ тестю, запасшись разными сластями,

которыми одѣляетъ новую роднѣ, а также и всѣхъ бывшихъ сосѣдей и сосѣдокъ своей молодой жены. Это называется по-здѣшнему — «спознать».

ОПЫТКИ.

Есть, наконецъ, обычай, послѣ управки со всѣми сельскими работами, осенью, варить пиво изъ новаго рощенаго солода, на которое тестья сзываютъ къ себѣ въ гости зятьевъ. Эти угощенія называются — «опытками».

Б. ПРИ ПОГРЕБЕНІИ И ПОМИНКАХЪ.

Когда кто умираетъ, то, вслѣдъ за обмытіемъ тѣла умершаго, собираются къ нему въ домъ всѣ почти сосѣди той деревни. Входя въ избу, они жертвуютъ отъ себя небольшое количество денегъ на погребеніе покойника. Между-тѣмъ, бабы, сколько ихъ находится въ семействѣ, вопятъ по умершемъ разные заунывные причеты, въ родѣ, на-примѣръ, слѣдующаго:

Осударь ты нашъ, сердзешной другъ!
Съ кѣмъ ты евту думушку одумалъ:
Одумалъ съ матушкой сырой землей:
Сорядзилса ты на жицьjо вѣковѣшнёjо,
Оставляешь ты насъ сиротъ горькіефъ . . .
Ужъ на ково ты крѣпко споналзѣялся?
Обудзикоса ты надзёжа, сердзешной другъ,
Отъ жицья-то вѣковѣшнова:
Ужъ воскинь-кё восплесни рукамъ милыемъ,
Взгляни-кё ты оцамъ-це ясныемъ,
Роспецатай-кё своѣ уста сахарные,
Вымолви-кё съ нами ты слово гладкёjо!
Спросили бы мы цея, сироты-це горькіе,
Распросили бы цея про жицьjо-то вѣковѣшное;
Расказали бы мы про свое жицьjо,
Про свое жицьjо, про сироцкое
Про сироцкое, прогоремышное:
Што встаемъ мы сироты горькіjо —
Безъ цея, надзёжа крѣпкая —
Ужъ по-утру-то мы ранымъ-рано;
Ужъ умываемся мы не свѣжой водой,
Ужъ умываемся мы горюцыемъ слезамъ;
Ужъ утираемся мы не тонкіемъ полотнамъ,

А своемъ горемъ великіемъ.
Безъ цея-ли, нашъ надёжа-другъ,
Ужъ куды мы не пойдзёмъ, не поѣдзёмъ,
Ужъ намъ-то-ли вездзѣ горе кидаецца
На нашu-це-ли бѣлы грудзиньки,
Къ нашимъ-це-ли сердцамъ приклюцаецца
Со всѣфъ-то ли цотырефъ сторонушокъ! —

Тоже самое вопятъ и при выносѣ тѣла изъ дома въ церковь для погребенія.

Затѣмъ, въ продолженіе сорочинъ, то-есть сорока дней по кончинѣ умершаго, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ходятъ на его могилу, и, бросясь на нее, причитаютъ:

Ужъ ты, свѣтъ матушка сыра-земля,
Розступися ты на всѣ цотыре стороны;
Роскрой-ко-са гробова доска,
Роспахнийцёса вы тонки полатны;
Восплесни-кё ты своемъ рукамъ бѣлыемъ,
Воскинь-кё ты своемъ оцамъ ясныемъ,
О сударь ты нашъ, надзёжа другъ,
Пришли-то мы па твое жицьјо вѣковѣшнојо,
Ужъ побудзиць-то пришли отъ сна крѣпкова:
Промолви-кё ты съ намъ слово сладкејо;
Скажи-кё ты, колда намъ ждаць въ дороги госци?
Ужъ не стали-бы мы спаць сироты горькіјо,
Стали-бы сидзѣць всю ноцъ подъ окошкомъ косящіемъ,
Стали-бы глядзѣць мы въ окошко косящојо
И во пуць-то-ли дороженькю;
Ужъ гляѣли-бы цея, надзёжа другъ,
Ужъ стрѣцили-бы цѣя середзи поля,
Середзи-то дороги широкіјо,
Подхвацили-бы цея подъ бѣлы-руки,
Привели-бы мы къ сеѣ въ благодатной домъ,
Посадзили-бы за дубовой столъ,
Роскинули бы скацерци брацыјо,
Ужъ наставили-бы мы про цея яства сахарнова,
Сами-бы встали насупроцивъ цея,
Ужъ не могли-бы на цея наглявѣциса,
Ужъ не могли-бы мы съ тобой набаяцися...

в. ПРИ НѢКОТОРЫХЪ ОСОБЫХЪ ПРАЗДНИКАХЪ.

День Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (25 марта) здѣшніе простолюдины почитаютъ такъ, что ни за какую работу

не принимаются, вѣря, что и птичка въ тотъ день не завиваетъ себѣ гнѣзда. Съ этогоже дня перестаютъ засвѣчать вечеромъ огонь, а потому и ужинаютъ гораздо раньше.

Въ Егорьевъ-День (23 апрѣля), крестьяне выгоняютъ скотъ съ подворьевъ своихъ въ поля, и приэтомъ хлещутъ его вербою, освященною въ Вербное-Воскресенье, которую, нарочно для того, хранятъ въ своихъ домахъ. Вербу эту нѣкоторые бросаютъ потомъ, въ тотъже день, въ рѣку, а иные хранятъ во весь годъ и воду, настоянную почками ея, даютъ пить для здоровья родильницамъ и одержимымъ лихорадкою.

Въ день Вознесенія Христова, дѣти срубаютъ молодую березу, и принесши въ поле, гдѣ посѣяна рожь, утверждаютъ ее на полосѣ, а сами начинаютъ кататься по молодой озими, крича во всю мочь: «рожь къ овину, а метла (трава) къ лѣсу!» Накатавшись такимъ-образомъ и довольно намявши себѣ бока, бросаются опрометью на яичницу, которую непремѣнно приносятъ съ собой, и убираютъ ее, какъ говорится, за всѣ щеки. Въ этотъже самый день дѣвицы ходятъ въ лѣсъ завивать вѣнки, а въ Троицынъ-День ходятъ ихъ осматривать, и когда замѣтятъ вѣнокъ какой-либо подруги развитымъ, то заключаютъ, что или выдадутъ ее въ замужство, или она въ этотъ годъ помретъ.

Большую часть праздниковъ, даже и двунадесятыхъ (напримѣръ: Срѣтенье, Успенье, Введенье), крестьяне здѣшніе не празднуютъ; даже занимаются въ нихъ обыкновенною работою. Но когда празднуютъ, такъ ужъ празднуютъ. То селеніе, гдѣ празднуется праздникъ, наполняется толпами пожилаго люда и хороводами нарядныхъ парней и дѣвицъ сосѣднихъ селъ, оглушается шумнымъ говоромъ и громкими пѣснями. Всѣ посѣтители, старики и молодые, знакомые и незнакомые, гурьбами бродятъ изъ избы въ избу, гдѣ весьма радушно принимаются и угощаются отъ хозяевъ виномъ и домашнею брагою. Иной изъ нихъ часто цѣлый день бродитъ съ тощимъ желудкомъ, чтобы только попить вдоволь винца и бражки, позѣвать на веселые хороводы и самому повеселиться. Парни, въ это время, особенно стараются выказать свою ловкость и проворство: они борются, шутятъ другъ-надъ-другомъ разныя шутки, играютъ на ба-

лалайкахъ (а нынѣ — большей частью уже — на гармоніяхъ) и пляшутъ. Дѣвушки, въ хороводахъ, поютъ веселыя игровыя пѣсни. Прогулявши, такимъ-образомъ, цѣлый день въ одной деревнѣ, уходятъ въ другую, празднующую тотъже праздникъ. Такимъ порядкомъ празднованіе продолжается иногда по недѣлѣ, и болѣе; на-примѣръ: въ зимній Николинъ-День — съ 6 по 19 декабря. Ни одинъ крестьянинъ не пропуститъ ни одной ближней деревни, гдѣ-бы не побывалъ о праздникѣ; всѣ домашнія занятія броситъ, а ужъ въ праздникъ непремѣнно погуляетъ.

г. При болѣзняхъ.

Во время какихъ-бы то ни было заразительныхъ болѣзней, появившихся въ какой-либо деревнѣ, жители другихъ сосѣдственныхъ деревень, опасаясь, чтобы и самимъ не заразиться, не ходятъ въ ту деревню до-тѣхъ-поръ, доколѣ совсѣмъ не прекратится зараза. Сверхъ-того, деревню свою «оборываютъ» косулею, на томъ, по ихъ мнѣнію, основаніи, что за черту, обведенную косулей, никакая болѣзнь перейти не можетъ. Самое такъ-называемое «оборываніе» производится слѣдующимъ образомъ: дѣвицы деревни собираются ночью въ одно мѣсто, берутъ косулю за оглобли, выносятъ за деревню, и тамъ волокутъ ее кругомъ всей деревни, причемъ одна изъ дѣвицъ идетъ напереди, неся въ рукахъ икону; обошедши такимъ-образомъ деревню, несутъ косулю на прежнее мѣсто, и затѣмъ всѣ опрометью разбѣгаются по своимъ домамъ. Также точно «оборываютъ» и домъ, въ которомъ появится зараза. Есть еще обычай при заразительныхъ болѣзняхъ: добывать изъ дуба, посредствомъ тренія, огонь, который держатъ въ домахъ, какъ предохранительное отъ заразы средство.

Въ обыкновенныхъ случаяхъ, при началѣ болѣзни, старухи, извѣстныя околотку искусствомъ въ леченіи, приходятъ въ домъ, гдѣ находится больной, берутъ три равные величиною камешка, и погружаютъ ихъ потихоньку, одинъ-за-другимъ, въ ковшъ, наполненный холодною водою, приговаривая: при первомъ — «отъ Бога!», при второмъ — «отъ лихихъ людей!», при третьемъ — «отъ призора!» Когда который-либо изъ

этихъ камешковъ, при погруженіи въ воду, произведетъ въ ней кипѣніе, то заключается, что болѣзнь непремѣнно произошла отъ выговоренной при этомъ причины. Въ слѣдствіе того, старуха совѣтуетъ больному, чтобы онъ, если болѣзнь произошла отъ Бога, отслужилъ молебенъ, если — отъ лихихъ людей, посовѣтовался-бы съ знахарями; а если — отъ призора, тутъже сама спрыскиваетъ больнаго тою самою водою, въ которой камешекъ произвелъ кипѣніе.

При продолжающейся боли въ поясницѣ, что нерѣдко случается съ здѣшними простолюдинами, избирается въ семействѣ больнаго человѣкъ, какъ называютъ они — «легкій на руку», который беретъ въ руки вѣникъ и косарь; между-тѣмъ, другой кто-нибудь, изъ тогоже семейства, выходитъ куда-нибудь изъ избы, какъ будто за надобностью. Домашніе отворяютъ потомъ дверь и кладутъ больнаго на порогъ избяной двери поперекъ, то - есть — головою въ сѣни, а ногами въ избу, и «легкій на руку» человѣкъ, положивъ вѣникъ на спину больнаго, начинаетъ рубить его косаремъ, а вышедшій передъ тѣмъ изъ избы идетъ къ двери и спрашиваетъ рубящаго, какъ будто ничего не зная: «Што ты дзѣлаешь?» — Уцинъ рублю, отвѣчаетъ тотъ. — «Руби, руби его горажже!» — Это повторяется троекратно. — Нѣкоторые же изъ такихъ больныхъ, въ лѣтнее и зимнее время, ходятъ въ подлазъ овина, и тамъ трутся спиною объ стѣну, произнося трижды: «Бацюшко, овинъ! просци мой уцинъ!» —

Прочіе употребительнѣйшіе способы домашняго леченія суть слѣдующіе. Отъ головной боли — даютъ больному ѣсть кислое, какъ-то: сырую переквашенную бѣлую капусту, ягоды, соленые огурцы; также — обкладываютъ голову больнаго глиною и кислицею, примачиваютъ огуречнымъ разсоломъ. При боли зубной — составляютъ микстуру изъ нѣкоторой части квасцовъ и дубоваго листа, смѣшавъ обѣ части вмѣстѣ; кладутъ потомъ въ маленькій горшечекъ, наливаютъ воды, ставятъ въ печь на раскаленные уголья, и до-тѣхъ-поръ кипятятъ, доколѣ не сварится дубовый листъ и не разойдутся квасцы; наконецъ, простудивши воду, полощутъ ею во рту: иногда — на больной зубъ кладутъ росный ладонъ. Больные глаза — мажутъ мазью, составленною изъ яичнаго бѣлка и самой малой части бѣлаго чистаго купороса; нѣкоторые-же — растираютъ въ мелкой порошокъ

крымзу, и ею мажутъ глаза. При боли въ горлѣ—обкладываютъ шею и горло теплымъ шерстянымъ чулкомъ и пьютъ кипяченый медъ. При боли въ животѣ—накладываютъ на брюхо больнаго мѣшечекъ съ теплымъ овсомъ; а иногда небольшой глиняный горшечекъ, съ зажженной внутри свѣчей, или же и лучиной, проверчивая на днѣ горшечка скважинку. Отъ кашля—пьютъ теплый чай изъ травы звѣробоя и солодковаго корня. Отъ поноса — ѣдятъ сухари, и пьютъ сухарную воду, или же и золу. Въ чесоткѣ — больное мѣсто обкладываютъ квасною гущею; иногда — мажутъ мазью, составленною изъ небольшой части горючей сѣры, купороса и масла скоромнаго. При опухоляхъ — берутъ немного яровой соломы, которую кладутъ въ небольшую шаечку и обвариваютъ горячею водою; потомъ, простудивши немного солому, обкладываютъ ею больныя мѣста. При ломотѣ — ту часть тѣла, гдѣ появилась ломота, обкладываютъ травою бѣлокопытникомъ, обваренною кипяченой водой; бо̀льшею же частію такихъ больныхъ трутъ, за неимѣніемъ бань, въ топленой печкѣ — рѣдькою, деревяннымъ масломъ и скипидаромъ. Для ранъ — берутъ немного свѣжаго воска, и двѣ столовыя ложки деревяннаго масла, которыя, смѣшавъ вмѣстѣ, кладутъ въ черепокъ, и ставятъ въ печь на раскаленные уголья; скипятивши этотъ составъ, дѣлаютъ изъ него пластырь или спускъ, которымъ обкладываютъ раны. Ушибенную часть тѣла—обкладываютъ паутиною; а обожженную—намазываютъ соплями, также пережженнымъ льнянымъ масломъ; иногда же—обкладываютъ квасною гущею, тертымъ сырымъ картофелемъ и морковью. Отъ угара — обкладываютъ голову больнаго глиною и кислицею, мочатъ огуречнымъ разсоломъ, обливаютъ теплою водою, и кладутъ въ уши, особенно зимою, мороженую клюкву. При ногтоѣдѣ — больной палецъ трутъ объ сучекъ дерева. Въ лихорадкахъ — обкладываютъ голову больнаго кобыльею сорочкою, и даютъ пить трефоль.

Д. ПОВѢРЬЯ.

Нѣкоторые на шеяхъ, вмѣстѣ съ крестомъ, носятъ ладонки, то-есть маленькіе мѣшечки, наполненные ладономъ, въ увѣренности отогнать тѣмъ отъ себя всякое зло.

Извѣстенъ старинный предразсудокъ, при нѣкоторыхъ встрѣчахъ, сворачивать съ дороги, или же и вовсе возвращаться домой, почитая такую встрѣчу недоброю. Нынѣ это суевѣріе уничтожается.

Старинныя басни о «домовомъ» продолжаютъ еще держаться въ народѣ. Инымъ, говорятъ, и нынѣ случается видать его собственными глазами въ сѣнномъ амбарѣ, въ видѣ хозяина дома, накладывающаго сѣно скоту, а иногда — въ такомъ-же видѣ, на дворѣ, подлѣ скота. Изъ этой суевѣрной мечты извлекаются невѣжествомъ разныя примѣты. Если, на-примѣръ, скотъ не любимъ домовымъ, то какъ его ни корми, ничѣмъ не откормишь: все онъ бываетъ тощъ и худъ. Если домовому не по любви мѣсто, на которомъ поставленъ домъ, то хозяинъ, при всѣхъ усильныхъ трудахъ, всегда остается бѣденъ. Лошадь, любимая домовымъ, всегда имѣетъ на гривѣ заплетенную косу, всегда бываетъ вычищена и выхолена, всегда стоитъ на дворѣ подлѣ корму, и, при каждодневной на ней работѣ, держитъ на себѣ тѣло, то-есть полна и гладка, какъ нельзя лучше; напротивъ, нелюбимая домовымъ лошадь, всегда бываетъ шерстью шершавая, тѣломъ худая, стоитъ на дворѣ повѣся голову. Говорятъ еще, что домовой, предъ несчастіемъ, имѣющимъ случиться въ домѣ, обыкновенно плачетъ и стонетъ на дворѣ. Многимъ, будто-бы, являлся онъ и въ избѣ по ночамъ, и сгонялъ ихъ неоднократно съ постели. Бабы, въ особенности, утверждаютъ, что во всякомъ дому есть свой особый домовой, котораго будто-бы и видаютъ онѣ ночью сидящимъ на лавкѣ за прялкою.

Говорятъ также, что въ лѣсахъ живетъ лѣшій, а въ водѣ — водяной. Многіе увѣряютъ, что сами видали неоднократно лѣшаго, ростомъ выше лѣсу дремучаго, который, въ ночное время, кричитъ и поетъ какъ человѣкъ, пищитъ какъ ребенокъ, свищетъ, гаркаетъ, хлопаетъ въ ладоши, и тѣмъ заводитъ людей въ совершенно незнакомыя для нихъ мѣста, гдѣ они блуждаютъ по цѣлымъ суткамъ, никакъ не попадая на дорогу, а иныхъ будто-бы завозилъ, въ зимнее время, на рѣку, и тамъ въ проруби топилъ у нихъ лошадь; прибавляютъ также, что зимою, по ночамъ, лѣшій выгоняетъ всѣхъ зайцовъ стадами — изъ лѣсовъ, а изъ селеній — всѣхъ со-

бакъ. Водянаго, говорятъ, видаютъ на берегу рѣки, чешущимся: кто изъ купающихся, въ лѣтнее время, потонетъ, тотъ, по мнѣнію простаковъ, дѣлается добычею водянаго демона; въ-слѣдствіе того, крестьяне дѣтямъ своимъ весьма строго заказываютъ купаться въ рѣкѣ, въ жаркіе дни, не принявъ предохранительныхъ мѣръ. Еще всѣ утверждаютъ, что, безъ знакомства съ водянымъ, ни одинъ мельникъ не можетъ хозяйствовать успѣшно на мельницѣ.

е. ПРИМѢТЫ.

По зимнему времени предугадываются ведреные дни и хлѣбородіе лѣта: такъ если зима ясна днями и сильна морозами, особенно въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, то ожидаютъ, что лѣто будетъ знойное, сѣнокосъ и жнитво кончатся благополучно и обильно.

По вѣтру, дующему, въ Великій-Четвергъ, поутру, предугадываютъ весеннее время: если вѣтеръ этотъ южный, или восточный, или западный, то весна будетъ теплая; всѣ-же прочіе вѣтры, то-есть: сѣверный, сѣверо-восточный, сѣверо-западный, юго-восточный и юго-западный, предвѣщаютъ весну холодную.

По медленному ходу льда, весною, во время половодья рѣкъ, заключаютъ, что годъ будетъ очень тяжелый для здоровья людей.

По весеннему Егорьеву-Дню, замѣчаютъ объ управкѣ съ полевою яровою работою. Есть здѣсь поговорка: «какъ Егорьевъ-День въ исходѣ, пускай коня по волѣ; какъ Егорьевъ-День въ молоду, держи коня въ поводу!» Это значитъ: когда Егорьевъ-День случится въ исходѣ луннаго теченія, то весна будетъ холодная, а потому и управка съ яровою работою будетъ продолжительна; когдаже Егорьевъ-День случится въ началѣ луннаго теченія, весна будетъ теплая, а посему управка съ яровою работою будетъ непродолжительна.

По дню Св. Великомученика Димитрія (октября 26), заключаютъ о весеннемъ Егорьевѣ-Днѣ. Говорятъ: если Дмитріевъ-День не въ снѣгу, то и Егорьевъ-День будетъ не въ снѣгу.

По теплой росѣ, на память Праведнаго Іова Многострадальнаго (мая 6), заключаютъ, что весна будетъ теплая. Нѣ-

которые изъ крестьянъ въ этотъ день, поутру, катаются нагіе по росѣ, если роса бываетъ, съ тѣмъ, какъ говорятъ они, чтобъ запасти на цѣлый годъ здоровья.

По цвѣту такъ-называемому «студенцу», который растетъ вообще по низкимъ, топкимъ и болотистымъ мѣстамъ, заключаютъ объ урожаѣ огурцовъ.

По крику птицы перепелки, которая живетъ въ низкихъ мѣстахъ, въ густой травѣ и ржи, примѣчаютъ, что когда она кричитъ «*кербь-кербь*», это предвѣщаетъ обильный урожай хлѣба, а когда кричитъ «*подъ-подомъ-подъ-подомъ*», то предвѣщаетъ голодный годъ.

Изъ появленія большаго количества мышей и крысъ въ поляхъ, копнахъ, избахъ и хлѣбныхъ анбарахъ, заключаютъ, что годъ будетъ самый плодородный.

Дымъ, если, во время топки печи, падаетъ на землю, предвѣщаетъ ненастье.

Если галки, вороны, ласточки и другія птицы, всѣ въ одно время, ощипываются, трепещутся, купаются въ водѣ, поднимаются въ вышину воздуха и опять быстро опускаются внизъ, то заключаютъ о скоромъ дождѣ, а зимой и весной ожидаютъ, что скоро выпадетъ довольное количество снѣга.

Изъ пузырьковъ, плавающихъ на поверхности воды во время дождя, выводятъ продолжительность ненастья. Тотъже выводъ и изъ глухихъ раскатовъ грома.

По боли въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла, временемъ случающейся у человѣка, заключаютъ, что быть ненастью.

Зализываніе лапъ кошкою значитъ, что будетъ гость; а когда кошка скребетъ обо что-нибудь когтями, думаютъ, что непремѣнно будетъ погода ненастная и бурливая.

Если день, въ который надлежитъ быть свадьбѣ, случится сумрачный и ненастный, замѣчаютъ, что новобрачные будутъ жить богато.

О человѣкѣ, который, во время сна какъ будто отдуваетъ что-нибудь отъ себя, или спитъ не закрывая глазъ, полагаютъ, что онъ скоро умретъ.

Изъ крика куръ на дворѣ или пѣнія какой-либо изъ нихъ пѣтухомъ, выводятъ о непремѣнной ссорѣ въ семействѣ.

Изъ обильнаго урожая разнаго-рода грибовъ заключаютъ о близкомъ рекрутскомъ наборѣ.

УМСТВЕННЫЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ.

Крестьяне, при всей мало-образованности, очень смѣтливы и разсудительны: это особенно выражается въ весьма скорой понятливости нѣкоторыхъ изъ нихъ относительно рукодѣлій и въ весьма удачной снаровкѣ въ планахъ домашней постройки. Добрыя нравственныя ихъ качества: гостепріимство и набожность.

Учиться грамотѣ немногіе имѣютъ ревность. Во-первыхъ — жаль платить деньги за ученье; имъ-бы пожалуй, только чтобы дѣти были обучены грамотѣ за дешевую цѣну, а и того-бы лучше — вовсе безденежно. Главнѣйше - же — жаль времени, употребляемаго на обученіе дѣтей грамотѣ: время это годится лучше, говорятъ отцы, къ наученью ихъ какому - нибудь рукодѣлью; по общему сужденію, были - бъ дѣти рукодѣльны, знали - бы счетъ денежный — и довольно. Если-же кто желаетъ, чтобы дѣти его обучились грамотѣ, то отдаетъ ихъ къ такъ-называемымъ мастерамъ и мастерицамъ, которые, не обучивъ хорошо выговору буквъ, котораго и сами бо́льшей частью не знаютъ, даютъ мальчику тотчасъ читать по складамъ псалтирь. Въ настоящее время, всѣхъ грамотныхъ въ приходѣ: изъ 894 душъ мужеска пола насчитывается — до 175, а изъ 1,041 души женскаго пола — не болѣе 13; обоего пола — 188 человѣкъ.

Вотъ, для образца, нѣкоторые примѣры домашняго ума и остроумія Станиловцевъ:

А. ПОСЛОВИЦЫ.

Береги денежку на черный день. Всякое дѣло мастера боится. Въ сугонъ гостя не уподчуешь. Въ которой посудѣ деготь побываетъ, и огнемъ не выжжешь. Взялся за гужъ, не говори что не дюжъ. Велика Ѳедора, да дура. Возми лычко, отдашь ремешекъ. Доброму вору все въ пору. Двѣ собаки грызутся, третья не приставай. Два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ. Дорого да мило, дешево да гнило. Дѣвушка гулять гуляй, а дѣльца не забывай. Живучи подлѣ крючковъ, нельзя чтобъ не зацѣпиться. Заварилъ кашу, не жалѣй масла. Для глухаго двухъ обѣденъ не поютъ. Для дружка, выну и сережку изъ ушка. Звонютъ Ѳому и въ рогозинномъ ряду. За ученаго двухъ неученыхъ даютъ. И въ смирненькомъ чертятки водятся. Кошка скребетъ на свой хребетъ. Красно поле съ рожью, а слово съ ложью. Мягко стелетъ, да жестко спать. Ласковое телят-

ко двухъ матокъ сосетъ. Недосолъ на столѣ, пересолъ на спинѣ. Не красна изба углами, красна пирогами. На бѣднаго Макара и шишки валятся. Не лайся съ кобелями, съ борзыми знайся. По одежкѣ протягай ножки. Посиди у моря, пожди погодки. Посади свинью за столъ, она и ноги на столъ. Рано птичечка запѣла, чтобы кошечка не съѣла. Рано задумаешь, сведешь на поздо. Сухая ложка ротъ деретъ. Куда иголка, туда и нитка. Съ именемъ Иванъ, безъ имени болванъ. Съ уговоромъ Иванъ, безъ уговору болванъ. Силой милымъ не быть. Сколоченая посуда два вѣка живетъ. Торовато, да воровато. Хороша дочь Аннушка, когда хвалятъ мать да бабушка. Хлѣбъ береги, ѣшь пироги. Что попросишь, то и покрошишь. Что посѣешь, то и пожнешь. Ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами.

Б. ЗАГАДКИ СЪ ОТГАДКАМИ.

Летѣлъ орелъ, сѣлъ на престолъ, разговаривалъ: Господи, Боже! далъ Ты мнѣ волю надъ всею землею. Только не далъ воли надъ вѣтромъ въ полѣ, да надъ рыбою въ морѣ.	Царь.
Влѣзу я на гой гой гой, пріударю я въ бирюль люль люль; утѣшу я Царя — въ Москвѣ, Короля — въ Литвѣ, старца — въ кельѣ.	Колокольня и колоколъ.
У батюшки жеребецъ — всему міру не сдержать; у матушки коробья — всему міру не поднять; у братца кушакъ — всему міру не сосчитать; у сестрицы ширинка — всему міру не скатать.	Жеребецъ — вѣтеръ; коробья — земля; кушакъ - звѣзды, ширинка — дорога.
Лежитъ брусъ во всю Русь: въ томъ брусѣ — 12 гнѣздъ. въ каждомъ гнѣздѣ — по 12 яицъ, въ каждомъ яйцѣ — по 12 цыплятъ.	Матица въ избѣ, и на ней, въ потолочинахъ, яица тараканьи, въ которыхъ будто-бы всегда находится по 12 зародышей.
Сѣчка сѣчетъ, деревянка везетъ, Мартынъ поворачиваетъ.	Сѣчка — зубы; деревянка — ложка; Мартынъ — языкъ.
Разсыпался коверъ, всему міру несобрать.	Изщепанное полѣно лучины.
Ѣду-ѣду, слѣда нѣтъ; рублю-рублю, щепокъ нѣтъ.	Плавающее по водѣ судно и весла.
День корпитъ, ночь корпитъ, а утро спитъ.	Заслонъ.

Курица хохла, три года мокла, не пивши и не ѣвши.
Труба печная.

За стѣной стѣной, стоитъ коровашикъ костяной.
Беременная женщина.

За стѣной стѣной, таракашикъ костяной.
Языкъ во рту.

Мокрый теленочекъ изъ-за перегородочки глядитъ.
Тоже.

Панъ пановалъ, въ воду упалъ, а воды не взмутилъ.
Древесный листъ.

Ночью шьетъ; всталъ по утру, пѣна у рту.
Жернова.

Поросята грызутся, такъ-что пѣна идетъ.
Тоже.

Стоитъ дерево, съ одной стороны листья бѣлые, а съ другой черные.
Годъ, день и ночь.

Есть мать, какъ выростутъ у ней большія дѣти, всѣхъ пожираетъ.
Рѣка, принимающая воду изъ ручьевъ, во время весны.

Маленькое, черненькое, хоть кого поворотитъ.
Блоха.

Маленькое, синенькое, и крижъ поворотитъ.
Игла.

Голубка куплю: стану горе горевать, голубка не куда дѣвать.
Дѣвица выдаваемая замужъ.

Маленька бабка, вся въ заплаткахъ; кто ни взглянетъ, всякъ заплачетъ.
Луковица.

Сѣлъ Еремка на рябинку, и погналъ скотинку.
Гребень, коимъ чешутъ голову.

Сивой жеребецъ по полю ходилъ, на дворъ взошелъ, по рукамъ пошелъ.
Сито.

Что медвѣжій глазъ въ избѣ?
Сучекъ въ бревнѣ.

Криво, лукаво, куда ты бѣжало? Зелень кудрява, тебя стеречь.
Огородъ.

Дубъ дыроватъ, въ дубу ядра говорятъ.
Домъ.

Что въ полѣ: въ дулѣ — 12 пуль, у рога — 4, у ржи — 2.
Свинья имѣет двѣнадцать сосковъ, корова — четыре, а кобыла — два.

Дваста—бодаста, четыреста—ходаста, одинъ—махтырь, два—ухтырька.
У коровы два рога, четыре ноги, одинъ хвостъ и два уха.

Два кума Обакума, двѣ кумы Овдотьи, шесть Ѳалелеевъ, да десять Андреевъ.
У простыхъ саней два полоза, двѣ оглобли, шесть вязей и десять копыловъ.

Батюшко — коверъ, матушка—ладья, братья—урываглы, сестры—обезьяны.

Овинъ, гумно, молотила и метлы.

Что самъ нагишомъ, а рубашка въ пазухѣ?

Свѣча, и въ ней свѣтильня.

Что въ избѣ мерзнетъ, а на улицѣ нагрѣвается?

Стекло въ рамѣ.

Чего вокругъ избы не обнести?

Рѣшето съ водою.

Что самодѣлъ въ избѣ?

Щели въ стѣнахъ.

Въ Питерѣ рубятъ, а къ намъ щепки валятся.

Письма.

Когда холодно, тепелъ; когда жарко, холоденъ.

Погребъ.

По утру—на четверóмъ, середи дня—на двóемъ, а подъ вечеръ—на трóемъ.

Человѣкъ, который въ младенчествѣ ползаетъ, а въ старости ходитъ съ батогомъ.

Утка въ морѣ, а хвостъ на заборѣ.

Ковшъ.

Четыре братца огня не боятся.

Желѣзныя уши въ свѣтцѣ.

Въ годъ впущу, въ другой выпущу.

Поле ржаное.

Два братца всегда глядятся, никогда не сойдутся.

Полъ съ потолкомъ.

Маленькое, кругленькое, въ стѣну не воткнешь.

Яйцо.

Черводы рой, пусти ночевать! Намъ не годъ годовать, а одну ночь ночевать. Погодушка захватитъ и недѣльку постою.

На овинъ садятъ рожъ или овесъ, или другой хлѣбъ.

Сутуло-горбато, по полю гуляло, всѣ загоны пересчитало.

Серпъ.

Плеть плетена, въ верхъ ведена, сто рублей дана.

Колокольня.

Двое — стоя, двое — лежа, пятой — ходитъ, шестой — водитъ.

Двое стоя — два косяка у двери; двое лежа — перекладъ и порогъ; пятой ходитъ — дверь; шестой водитъ—петли и крюкъ.

Четыре братца подъ одной шляпкой стоятъ.

Столъ о четырехъ ножкахъ.

Что верхоглядъ въ избѣ?

Крюкъ.

Подъ печью, подъ ярусомъ, стоитъ баба съ гарусомъ.

Помело въ подпольѣ.

Мать толста, дочь красна, сынъ хитеръ подъ небеса ушелъ.

Мать—печь, дочь—огонь, а сынъ—дымъ.

Прилетѣла тѣнь на Петровъ-День: сѣла тѣнь на пень; стала тѣнь плакать, что

волосы вянутъ; а другіе подростаютъ, какъ дубровушка шумитъ. — Сѣнокосъ.

Идетъ свинья отъ овина, съ обѣихъ сторонъ по рылу. — Ночвы.

Идетъ свинья изъ Питера, вся истыкана. — Наперстокъ.

Шуба-то нова нова, да на подолѣ-то дира. — Бочка.

Узловатъ Кузьма, развязать нельзя. — Цѣпь.

Стоитъ дерево, при немъ четыре угодья: первое угодье—некопаный колодезь: другое угодье — при темнѣ свѣтъ; третье угодье—битому связь; четвертое угодье — усталому на здоровье. — Береза, отъ которой получаются: березовица (которую пьютъ), лучина (которая свѣтитъ), береста (которой деревенскія бабы обвиваютъ худые горшки), и вѣники (которыми парятся).

По льду льду, заиграю во пикульду; стоитъ на льду цѣла церковь людей. — Сѣмена въ огурцѣ.

Тяпъ тяпкомъ; погодя маленько, хлопъ замкомъ. — Гробъ для покойника дѣлается какъ бы не-хотя, съ горемъ; а какъ придетъ время зарывать въ землю, то обыкновенно захлопывается очень скоро.

БЫТЪ КРЕСТЬЯНЪ

ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ
ТВЕРСКАГО УѢЗДА.

(Священника Н. Лебедева). *

НАРУЖНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ.

Наружность крестьянъ описываемаго округа большею-частію правильная; преобладающій цвѣтъ волосъ русый, но встрѣчаются крестьяне съ черными и рыжими волосами. Глаза большею-частію каріе, но есть также черные и сѣрые.

* Авторъ этой статьи — приходскій Священникъ села Кошелева, которое находится на границѣ Тверскаго и Корчевскаго уѣздовъ, на Волгѣ, на почтовой дорогѣ изъ Твери въ Корчеву. Обнимаетъ ли настоящее описаніе бытъ крестьянъ цѣлаго Тверскаго уѣзда, или одной только его части, или даже околотка, сосѣдняго селу Кошелеву — рѣшить нельзя. Села и деревни, упоминаемыя авторомъ въ послѣдней статьѣ описанія, на картѣ Шуберта означены въ восточномъ углу Тверскаго уѣзда, образуемомъ линіею, прове-

Крестьяне, желающіе казаться степенными и скромными, остригають вокругъ верхнюю часть головы себѣ, и дѣтямъ мужескаго пола. Тѣлосложеніе крестьянъ крѣпкое: мужики и бабы ходятъ изъ бань часто босыя, даже зимою; какъ скоро снѣгъ начнетъ таять, дѣти бѣгаютъ по улицѣ босикомъ. Болѣзни крестьянъ, при чрезвычайной ихъ невнимательности къ сохраненію здоровья, всего чаще происходятъ отъ простуды. Предостерегающимъ ихъ отъ простуды они обыкновенно говорятъ: развѣ мы господа, чтобы знать простуду? Такъ они и живутъ, рѣшительно безъ всякой осторожности, и оттого наживаютъ простудную, а иногда и нервную горячки.

Крестьяне этого округа трудолюбивы менѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Сверхъ домашнихъ и, такъ сказать, необходимыхъ работъ, только нѣкоторые изъ нихъ занимаются посторонними работами: большая-же часть проводятъ свободное отъ полевыхъ работъ время въ бездѣйствіи. Лѣнивые, подъ разными предлогами, находятъ всякую работу не выгодною; «изъ-за чего тутъ ломаться», говорятъ они; а кто ломается, тотъ и обогащается.

Особенное вниманіе, по наружности жителей, обращаетъ на себя деревня Лукина, находящаяся въ моемъ приходѣ. Во всемъ этомъ приходѣ, въ совокупности взятомъ и состоящемъ изъ 900 душъ мужескаго пола, нѣтъ столько увѣчныхъ и неизлечимо-больныхъ, сколько въ одномъ Лукинѣ, гдѣ всего 90 душъ; замѣчательно, что въ немъ увѣчныхъ много съ незапамятныхъ временъ. Нынѣ въ немъ: трое совершенно слѣпыхъ, трое хромыхъ, двое кривыхъ, одна совершенно глухонѣмая, одинъ страдаетъ падучею болѣзнію и малодушіемъ, одинъ грыжею и одинъ каменною болѣзнію. Нѣтъ въ моемъ приходѣ беднѣе этой деревни; чаще всѣхъ она подвергается пожарамъ; рѣдкое лѣто не умираетъ въ немъ скотъ, безъ всякихъ видимыхъ причинъ.

деною чрезъ с. Кузьминское и с. Остроговецъ, съ С. и В.—теченіемъ Волги, а съ Ю.—границею Тверскаго уѣзда; но это не даетъ права дѣлать какія-либо заключенія о границахъ мѣстности, къ которой относится описаніе; ибо авторъ говоритъ объ этихъ деревняхъ и селахъ только по поводу хранящейся въ церкви села Кошелева копіи съ дозорныхъ книгъ 1614 года, въ которыхъ эти деревни и села упоминаются. Въ заключеніе должно замѣтить, что по этнографической картѣ Академика Кёппена народонаселеніе всего Тверскаго уѣзда, въ настоящее время, чисто-русское; инородцевъ нѣтъ. *Прим. Ред.*

ЯЗЫКЪ.

а) ОСОБЕННЫЯ СЛОВА.

Гожо́—вмѣсто годно. Это слово, вѣроятно, происходитъ отъ глагола *угождать*. Гожимъ называютъ то, что прилично, пристойно имъ и что, стало-быть, угождаетъ ихъ вкусу, или надобности. На-примѣръ: *дерево гожд*!

Ра̀жо—хорошо, пріятно, красиво. Крестьяне *ражимъ* называютъ то, что ихъ радуетъ. На-примѣръ: *погода ража*; *пиво ражо*, *платокъ ражъ*, *дѣвка ража*, и т. д. Слово *ражо* происходитъ, кажется, отъ слова «радовать» — *ражо* вмѣсто *радующо*.

Голомя̀—довольно давно. На вопросъ: давно-ли Иванъ ушелъ къ Петру? Отвѣчаютъ: *ужъ голомя*. *Голомя*, кажется, есть сокращеніе двухъ словъ: «голо время». *Голо время*, то-есть сгладилось время, или изчезло время, прошло время.

Поло̀вня. Такъ называется небольшой сарай, въ который крестьяне убираютъ пелеву, или плеву, то-есть мякину. Въ Весьегонскомъ уѣздѣ это строеніе называется «пелевня»; названіе весьма правильное. Употребляемое въ Тверскомъ уѣздѣ слово *половня* есть, можетъ быть, переиначенное слово *пелевня*. Впрочемъ «половня» можно правильно произвести отъ слова *полъ*. Сарай, въ который крестьяне убираютъ плеву, бываетъ всегда съ поломъ, тогда какъ сараи для сѣна у насъ бываютъ иногда и безъ пола, а сараи для соломы—всегда безъ пола. Въ Весьегонскомъ уѣздѣ словомъ «половня» означается разливательная ложка, именно та, которою черпаютъ что-нибудь изъ горшка, или котла. Въ этомъ смыслѣ слово «половня» происходитъ конечно отъ слова половина. Такою ложкою и скоро и удобно черпать только до половины горшка, или котла; а далѣе половины черпать ею менѣе удобно.

Притка—враждебная и притомъ невидимая сила, отъ которой, какъ думаютъ крестьяне, зависятъ всѣ непріятныя для нихъ происшествія. «Экъ ця притка принесла,» говорятъ въ себѣ крестьяне, когда идетъ къ нимъ человѣкъ, которому они не рады; «притка его вѣдать, откуда онъ!» говорятъ они о томъ, кого не знаютъ;» «чтобъ ця разопритцило, дай Господи,» говорятъ во гнѣвѣ. *Притка* означаетъ еще духа, наставляющаго лю-

дей на что-нибудь отважное: «экъ ця притка догадала!» говорятъ крестьяне удивляясь. *Притка* означаетъ и большую величину и большое количество. На-примѣръ: «ты выросъ съ притку,» — ты очень высокъ. «У меня всего съ притку,» — у меня всего много. Дѣйствію этой *притки* крестьяне приписываютъ всѣ нечаянно приключающіяся болѣзни. «Мнѣ на такомъ-то мѣстѣ поприт-цилось,» говоритъ заболѣвшая крестьянка.

Оголцить — оговорить, то-есть какимъ-нибудь словомъ причинить другому болѣзнь. Крестьяне вѣрятъ, что есть такіе люди, которые могутъ словомъ оговорить, а взоромъ сглазить другихъ, и что, равнымъ образомъ, есть такіе благіе или лихіе часы, въ которые всякой можетъ оговорить и сглазить другаго. Слово *оголцить* происходитъ, кажется, отъ слова *голосъ*: *оголосить*, *оголцить*.

Чоботарь, въ Весьегонскомъ уѣздѣ значитъ *сапожникъ*; чоботы — женская обувь, которую прежде носили въ томъ уѣздѣ, — тоже самое, что нынѣшніе деревенскіе башмаки, или босовики, съ тѣмъ только различіемъ, что чоботы обшивались краснымъ сукномъ, запятошники обивались вокругъ, около каблука, мѣдною скобою, а подъ каблуки подбивались желѣзныя скобки, наподобіе лошадиныхъ подковъ.

Квашенина. Въ Тверскомъ уѣздѣ такъ называется студень, не смотря на то, что его вовсе не заквашиваютъ, и что онъ вовсе не имѣетъ кислоты. Это слово, какъ я полагаю, происходитъ отъ словъ: квасъ и снѣдать. Крестьяне всегда почти ѣдятъ студень съ квасомъ; можно даже сказать, что у нихъ квасъ есть необходимая принадлежность студеня.

Прохоно — прохладно, а иногда — значитъ: рѣдко. *Прохоно въ комнатѣ*, значитъ: въ комнатѣ прохладно; *прохоно сѣять*, значитъ сѣять рѣдко. Слово это, кажется, должно происходить отъ слова «проходить». Прохоно въ комнатѣ, то-есть въ комнату проходитъ то, что холодно. Прохоно сѣять, то-есть сѣять проходя, сѣять не останавливаясь, то-есть рѣдко.

Порскъ. Такъ называютъ крестьяне то мѣсто въ печи, куда сгребаютъ уголья. Слово *порскъ*, думаю, происходитъ отъ глагола *прыскать*, а по крестьянски — *порскать*. «Порскъ», то-есть такое мѣсто, изъ котораго прыскаютъ, или порскаютъ искры огня. Кромѣ того, «порскъ» хорошо выражаетъ самый трескъ, съ ко-

торымъ отдѣляется искра отъ угля: если внимательно прислушаться къ треску искры, онъ будетъ созвученъ словамъ — «прыскъ» и «порскъ». Наконецъ слово «порскъ» выражаетъ быстроту, съ которой летитъ искра, отдѣлившаяся отъ угля; она въ тоже время, тотчасъ же вспорхиваетъ, или, порскаетъ отъ него на значительное разстояніе.

Голумный — смѣшливый, шутливый. «Нись какая ты голумная!» то-есть, какая ты шутливая! «Мнѣ поглумилось,» значитъ: мнѣ послышалось, или привидѣлось что-нибудь; словомъ «поглумилось» выражается, что послышалось, или повидѣлось что-нибудь дѣйствіемъ нечистаго духа.

Усови порютъ — сильное колотье внутри.

Саянъ — сарафанъ.

Баетъ, а иногда батъ — говоритъ.

Вѣду и не вѣду — знаю и не знаю.

Батракъ въ Весьегонскомъ уѣздѣ означаетъ работника.

Ря... ря... ря... ря... такъ скликаютъ у насъ овецъ. *

Б. Слова, употребляемыя въ особенномъ значеніи.

Слова, которыми означается ничтожество или худыя свойства предмета, когда они поставлены передъ словами, выражающими доброту его, выражаютъ въ устахъ здѣшнихъ крестьянъ высшую степень качествъ предмета. На-примѣръ: дрянно ражо — очень хорошо; дрянно много — очень много.

Праведникъ. Такъ называютъ крестьяне прадѣда, вѣроятно потому, что прадѣдомъ можно быть только въ лѣтахъ преклонныхъ, когда страсти уже затихли, когда человѣкъ отъ суетъ

* Словопроизводство почтеннаго автора этой статьи конечно не всегда правильно; но оно напечатано здѣсь безъ всякихъ измѣненій, потому что мысль въ этнографическихъ описаніяхъ объяснять происхожденіе мѣстныхъ словъ, сама по себѣ весьма счастливая. Есть много областныхъ словъ и изрѣченій, которыя нуждаются въ такихъ объясненіяхъ. Составители мѣстныхъ описаній, коротко знакомые и съ мѣстнымъ нарѣчіемъ, весьма часто могутъ имѣть подъ руками драгоцѣнные матеріалы для объяснительныхъ замѣчаній на слова, но не воспользоваться ими только потому, что при составленіи описаній они объ этомъ не вспомнили. *Прим. Ред.*

мірскихъ естественно отвлекается немощію плоти, и начинаетъ жить праведнѣе другихъ.

Недугъ на языкѣ крестьянъ означаетъ не простую болѣзнь, но такую, которая зараждается въ человѣкѣ съ самаго зачатія, скрывается въ тѣлѣ во всю жизнь, и не излечима до гроба. Какъ скоро кто нибудь заболѣлъ и болѣзнь его день-другой не проходитъ, крестьяне говорятъ: «въ немъ недугъ расходился». Чтобы не раздразнить недуга еще пуще, крестьяне не осмѣливаются пользовать больнаго. Сильную простуду крестьяне приписываютъ недугу; глазную болѣзнь тому же разгулявшемуся недугу; всѣ головныя боли, всѣ горячки — тоже недугъ, чѣмъ нибудь раздразненный.

Сердцемъ крестьяне называютъ желудокъ. Когда они говорятъ, что сердце болитъ, это значитъ, что у нихъ давитъ подъ ложечкой. На вопросъ: «гдѣ у тебя сердце болитъ»? крестьянинъ показываетъ на ложечку.

Князь и княгиня — женихъ и невѣста со времени рукобитья до конца свадьбы.

Обогнуться — надѣть на себя одежду; кто ложась спать говоритъ что онъ — *обогнулся*, это значитъ, что онъ покрылся одѣяломъ.

Сорока. Этимъ словомъ, кромѣ извѣстнаго рода птицъ, называется еще женская повязка. Повязки этѣ большею частію вышиваются разноцвѣтными шерстяными или шелковыми нитками, и отъ того всегда бываютъ пестрыя. Пестрота повязки и послужила поводомъ назвать ее именемъ пестрой птицы сороки.

Пышать вмѣсто дышать.

Весь значитъ: умеръ.

Ученикомъ называютъ **учителя**, а **учителемъ** — **ученика.**

Жарить лозою — наказывать лозою.

В. СОКРАЩЕНІЕ СЛОВЪ.

Тупай, вмѣсто ступай; **досы**, вмѣсто досыта; **ни въ жи не буду**, вмѣсто «во всю жизнь не буду»; **вомре**, вмѣсто «въ случаѣ смерти»; **кстить** — вмѣсто крестить; **дѣлатѣ. дѣламъ**, вмѣсто дѣлаетъ, дѣлаемъ. Въ косвенныхъ падежахъ словъ: *мой*,

твой, *свой* буква *е* опускается; мово, твово, свово, вмѣсто *моего*, *твоего*, *своего*; мому, твому, свому, и т. д. Въ собственныхъ именахъ опускаются послѣднія буквы *а* и *я*; Авдоть, Ульян, Степух, Анюх, Петрух, Ванюх, и т. д.

Г. ПЕРЕМѢНА БУКВЫ ВЪ СЛОВАХЪ.

Въ началѣ словъ перемѣняютъ *т* на *ч*; на-примѣръ: чяжело вмѣсто *тяжело*; *к* на *х*: *х*ресть, *х*рестникъ, *х*рестьянинъ; *о* перемѣняютъ на *у*: *у*твори, *у*топри, *у*порѣзалъ, *у*порознилъ; *и* на *у*: *у*згорода вмѣсто *и*згорода; *я* перемѣняютъ на *е*: *е*ровой, *е*йцо.

Въ серединѣ словъ перемѣняютъ *а* на *у*: п*у*раха; *е* на *о* въ словахъ: у собя, къ собѣ; *т* предъ *е* и *и* перемѣняютъ на *ц*: *ц*ебя и *ц*ея вмѣсто *тебя*; вѣрноси*ц*ію, крѣпос*ц*ію; *ч* передъ гласными перемѣняютъ на *ц*: *ц*ай, *ц*еловѣкъ, *ц*исло, *ц*орно, *ц*угунъ; *д* передъ гласными мягкими произносятъ какъ *дз*, *дз*ѣло, *дз*ѣвка, *дз*яд*з*я; вмѣсто *у* употребляютъ *ю* въ словѣ ст*ю*дёно вмѣсто ст*у*дено. Говорятъ *к*о*к*оть вмѣсто ноготь.

Въ концѣ словъ въ именахъ мужескаго рода *ъ* иногда перемѣняютъ на *ай*: Петр*ай*, мил*ай* вмѣсто Петръ, милъ; *ій* на *яй*: Митр*яй* вмѣсто Димитр*ій*. Окончаніе творительнаго падежа *ою* или *ой* перемѣняютъ на *уй*: съ палк*уй*, съ досад*уй*, съ охот*уй*.

Въ глаголахъ вмѣсто окончаній *аю* и *ою* въ будущемъ совершенномъ употребляютъ *у*; на-примѣръ: выму, выстиру, сдѣлу, сбѣгу. — Окончанія *ся* и *шься* перемѣняютъ на *стя*: ошибаеш*стя*, ругаеш*стя*, обманываеш*стя*, и т. д. Прошедшее время изъявительнаго наклоненія употребляютъ вмѣсто повелительнаго наклоненія; *пошелъ домой*, вмѣсто: иди домой. Въ повелительномъ наклоненіи глаголовъ, происходящихъ отъ глагола *нести*, говорятъ *ай* вмѣсто *и*: понес*ай*, принес*ай*, унес*ай*.

Д. ПРИБАВЛЕНІЕ БУКВЫ ВЪ СЛОВАХЪ.

Въ словахъ, оканчивающихся на *у* и *ю*, прибавляютъ *й*: легоньку*й*, тихоньку*й*, съ матерью*й*, съ дочерью*й*, за дверью*й*.

Прибавляютъ лишнія буквы въ словахъ: *моланья* вмѣсто молнія, *полымя* вмѣсто пламя, *устна* вмѣсто уста.

ЖИЛИЩА.

Во всей нашей округѣ, даже во всемъ уѣздѣ, селенія весьма многолюдны и строятся обыкновенно въ двѣ прямыя линіи, окнами на улицу. Старинныя избы всѣ черныя или курныя; а вновь строятся избы большею-частію бѣлыя. При каждомъ домѣ есть надворное строеніе, соотвѣтствующее состоянію крестьянина. Клѣть строится всегда позади дома, и отдѣляется отъ него одними сѣнями. Клѣть почти у всѣхъ бываетъ двухъ-этажная. Въ верху хранится платье и лучшее имущество крестьянина, а низъ служитъ ему погребомъ; здѣсь ставятъ лѣтомъ квасъ, молоко, творогъ, пиво и т. п. Кромѣ того, почти у каждаго крестьянина устроенъ на дворѣ теплый хлѣвъ, называемый мшаникомъ, потому что всегда бываетъ мшеный,—или овчаникомъ, потому что въ зимнее время здѣсь стоятъ овцы и телята.

Внутренность крестьянскихъ жилищъ весьма неопрятна. На полу каждое утро кормятъ куръ; каждый вечеръ на полъ падаютъ уголья отъ горящей лучины; по немъ почти всю зиму ходятъ то овцы съ ягнятами, то малые телята, а между тѣмъ полъ никогда не моется болѣе одного или двухъ разъ во всю зиму: у всѣхъ ко дню Св. Пасхи, а у нѣкоторыхъ и къ Рождеству Христову. Кромѣ того, въ крестьянскомъ домѣ всѣ женщины каждый день чешутъ или, какъ онѣ сами говорятъ, *мыкаютъ* для себя ленъ, а мущины въ тоже время плетутъ для домашнихъ изъ поскони *чуни*, или теплые лапти. Отъ этихъ работъ поднимается въ избѣ пыль, которая садится на стѣны, брусья, лавки и одежду. Удивительно ли, послѣ этого, что на крестьянахъ рѣдко когда увидишь чистую рубашку?

ОДЕЖДА.

Обыкновенное платье мужчинъ въ зимнее время коротенькой полушубокъ и сѣрый кафтанъ, на головѣ какая-нибудь шапка, а на рукахъ большія рукавицы изъ рыжей кожи, съ шерстяными вязанками. Въ лѣтнее время повседневное платье крестьянъ тоже самое, съ тою только разницею, что они лѣ-

томъ ходятъ босые, а на головѣ носятъ какія-нибудь шляпы. Женщины зимою по буднямъ ходятъ въ *поволошныхъ*, то-есть покрытыхъ толстою холстиною, шубахъ,* а лѣтомъ въ поволошныхъ же кафтанахъ. Дома онѣ ходятъ во всякое время года въ крашенинныхъ сарафанахъ или, по-здѣшнему, *саянахъ*. Голову покрываютъ въ простые дни во всякое время года одинаково — сперва волосниками, сдѣланными изъ холстины, потомъ вышитыми изъ шерсти или шелку сороками и, наконецъ, фатами, то-есть набойчатыми холстинными платками. Обыкновенная зимняя обувь крестьянъ и крестьянокъ одинакова: двѣ суконки и чуни.

Нарядное платье мужчинъ, кромѣ красныхъ ситцевыхъ и александрійскихъ рубашекъ, въ лѣтнее время: синій суконный, или по крайней мѣрѣ рѣшинскій армякъ, красный кушакъ и черная поярковая шляпа. Въ зимнее время: бѣлый овчинный тулупъ или овчинный полушубокъ съ лѣтнимъ армякомъ, высокая съ шелковымъ околышемъ шапка и зеленыя замшевыя рукавицы. Праздничная обувь лѣтомъ кожаные, а зимой валяные изъ шерсти сапоги. Нарядная одежда женщинъ: въ лѣтнее время - нанковые, или суконные холодники, по два шерстяныхъ чулка на каждой ногѣ и кожаные русскіе башмаки. Голову покрываютъ онѣ, сверхъ названныхъ выше повязокъ, красными платками. Зимой онѣ одѣваются въ шубы овчинныя бѣлыя, или покрытыя голубою нанкою или синимъ сукномъ; а обуваются въ два русскихъ чулка на каждой ногѣ и въ валяныя изъ шерсти чуни.

На гулянье надѣваютъ женщины лѣтомъ бѣлыя изъ тонкаго холста или изъ краснаго ситцу рубашки; у бѣлыхъ рубашекъ рукава всегда бываютъ вышиты красною бумагою; сверхъ рубашки онѣ надѣваютъ красныя кумашницы и опоясываются шелковыми длинными и широкими поясами и ситцевыми или кисейными передниками; на шею надѣваютъ отъ двухъ до пяти нитокъ янтарей или бусъ; голову украшаютъ золотыми или мишурными повязками, вершка въ три вышины, и шелковыми платками. Дѣвичьи повязки называются лентами, а женскія — сороками. Различіе между повязками тѣхъ и другихъ состоитъ въ томъ, что дѣвичьи всегда бываютъ вышиты гладко, а на женскихъ вышиваются столбики, или крупные цвѣты.

ПИЩА.

Ежедневная пища крестьянъ, въ постные дни: хлѣбъ, рѣдька, если есть, щи изъ сѣрой капусты и картофель или бухма; въ праздники: вмѣсто хлѣба — пироги изъ ржаной муки, грибы съ масломъ, щи, у нѣкоторыхъ съ рыбой, горохъ, картофель и каша. Въ скоромные дни обыкновенная пища: щи забѣленныя, картофель съ масломъ и молоко; по праздникамъ: щи съ говядиной, похлебка съ бараниной и яичница на молокѣ. Самымъ рѣдкимъ и самымъ лучшимъ угощеніемъ между крестьянами почитается яичница на одномъ маслѣ.

ОБЫЧАИ ПРИ РОЖДЕНІИ ДѢТЕЙ.

Крестьянки тщательно скрываютъ отъ всѣхъ время родовъ. Какъ скоро оно наступитъ, женщина тайно отъ всѣхъ, (развѣ сказавшись одной свекрови на ухо) уходитъ въ теплый хлѣвъ, гдѣ стоятъ овцы, и тамъ раждаетъ одна. Скрывается она отъ всѣхъ для того, чтобы никто ее не сглазилъ, не оголцилъ, то-есть не оговорилъ. По разрѣшеніи отъ бремени, родившая приходитъ съ младенцемъ въ домъ и ложится на печь. Тогда посылаютъ за повивальной бабкой; та приходитъ, повиваетъ младенца и, нажевавши хлѣба съ солью, завертываетъ въ какую нибудь трэпку и даетъ младенцу. Потомъ топитъ баню и въ ней три дня къ ряду паритъ и третъ родильницу. Этимъ и оканчивается дѣло бабки; родильница съ этого времени перестаетъ хворать и принимается за работу; въ рабочее же время она идетъ на работу на другой день послѣ родовъ, а нерѣдко раждаетъ и на работѣ. Повивальныя бабки призываются къ родильницѣ до родовъ въ такомъ только случаѣ, когда послѣдняя мучится болѣе сутокъ, да и тогда онѣ только свидѣтельницы страданій раждающей, ибо изо ста бабокъ едва-ли десятая знаетъ что-нибудь въ своемъ дѣлѣ. Тѣ изъ нихъ, которыя слывутъ знахарками, берутъ въ такомъ случаѣ по камешку изъ трехъ бань, приносятъ ихъ въ домъ, нѣсколько времени стучатъ ими, призывая на помощь бабушку Соломониду, обливаютъ ихъ водою и сбрызгиваютъ ею раждающую. Если нѣкоторыя женщины и разрѣшаются благополучно послѣ этихъ

го обряда, то, конечно, по милости Божіей и съ помощію природы; а между тѣмъ бабки приписываютъ это своему знахарству и тѣмъ величаются.

Ближнія родственницы родившей, узнавъ объ ея разрѣшеніи, приходятъ поздравлять ее и приносятъ ей, какъ они говорятъ, на зубокъ, хлѣбъ-соль: пирогъ, капусты, ягодъ, огурцовъ, яицъ и т. д., смотря по дню и по своему состоянію. Приносятъ ей на зубокъ, то-есть для подкрѣпленія ея силъ, для возбужденія аппетита, съ желаніемъ, чтобы она, скушавши принесенное, сама стала и кушала все по прежнему.

ОБЫЧАИ ПРИ КРЕЩЕНІИ.

Въ воспріемники новорожденнаго родители избираютъ своихъ родственниковъ и друзей. У кого не живутъ дѣти, тѣ приглашаютъ въ воспріемники или того, у кого много дѣтей, или, уповая на выборъ и волю Божію, въ день крещенія рано утромъ выходятъ на улицу и перваго встрѣчнаго неотступно просятъ быть воспріемникомъ, въ той увѣренности, что онъ посланъ отъ Бога и что, можетъ быть, его счастіемъ новорожденный будетъ живъ. Крещеніе совершается по церковному чиноположенію. По окончаніи Священнаго Таинства, воспріемникъ бросаетъ въ купель воскъ съ волосами младенца и смотритъ, потонетъ ли онъ; если воскъ потонетъ, значитъ, что крестникъ его умретъ; если не потонетъ, то крестникъ будетъ живъ. Этого предразсудка и до сихъ поръ не можетъ вывести опытъ, что воскъ никогда не тонетъ, а младенцы умираютъ очень часто. Потомъ устроивается обѣдъ или такъ-называемыя ка́ши. Это названіе дано ему, думаю, потому, что на немъ всегда и вездѣ бываетъ каша и даже двѣ: въ скоромные дни каша жидкая съ молокомъ и каша густая съ масломъ, а въ постные дни просяная и гречневая. Замѣчательны начало и конецъ этого обѣда. Въ началѣ пьютъ вино за здоровье нарожденнаго, какъ говорятъ крестьяне, и всѣхъ хрещоныхъ, приговаривая: «дай Богъ здравствовать нарожденному и всѣмъ хрещонымъ на хлѣбъ, на соль, на добро здоровье». Потомъ, когда дойдетъ очередь до второй каши — послѣдняго кушанья, родной или крестный отецъ младенца беретъ отъ всѣхъ обѣдающихъ ложки и втыкаетъ ихъ въ кашу; потомъ кладетъ на столъ подлѣ каши ломоть

чернаго хлѣба и говоритъ: «кто хочетъ кашу ѣсть, тотъ пусь выкупитъ себѣ ложку». Каждый вынимаетъ деньги, втыкаетъ ихъ въ ломоть и беретъ ложку, наконецъ этотъ ломоть подаютъ съ чашкой или стаканомъ вина родильницѣ. Въ это время повивальная бабка маслитъ кашу и проситъ себѣ за масло денегъ. Тогда кто-нибудь изъ гостей беретъ у отца ложку, кладетъ на нее немного каши и много соли и даетъ ему, а отецъ, скушавъ кашу, припрыгиваетъ, говоря: «дай Богъ, чтобы такъ нарожденный вспрыгивалъ». Всѣ кушаютъ кашу и тѣмъ обѣдъ оканчивается.

Нужнымъ считаю замѣтить, что крестьяне со дня крещенія младенца не моютъ его, цѣлыя шесть недѣль, пока придетъ матери время принять сороковую или очистительную молитву, — чтобъ не раздразнить цвѣта, т. е. молочницы. Трудно вообразить себѣ, въ какой страшной нечистотѣ находится въ это время младенецъ, и какой бываетъ тогда отъ него дурной запахъ.

ОБЫЧАИ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ ВЪ ВОЗМУЖАЛОСТЬ.

Во все время младенчества и въ первые годы отрочества крестьянскихъ дѣтей называютъ уничижительными именами: Петрушка, Пашка, Дашка, Катька, и т. д. — Съ перемѣною возраста это перемѣняется: когда они достигнутъ совершеннолѣтія, лѣтъ шестнадцати, ихъ начинаютъ называть именами увеличительными: Петруха, Пураха, Дарюха, Катюха и т. д. Всѣ вообще крестьяне любятъ имѣть дѣтей высокихъ, толстыхъ и румяныхъ; и нельзя не замѣтить, что всѣ, особенно крестьянки, всячески стараются казаться такими, если онѣ и не таковы на самомъ дѣлѣ. Чтобы казаться высокою, или правильнѣе растущею и какъ будто могущею еще вырости до надлежащей высоты, малорослая крестьянская дѣвка шьетъ себѣ всю одежду короче обыкновеннаго, желая показать, что она уже довольно выросла послѣ того, какъ ей была сшита одежда. Чтобы казаться толще, она и лѣтомъ ходитъ въ двухъ рубахахъ и въ двухъ шерстяныхъ русскихъ чулкахъ на каждой ногѣ; чтобы казаться красною, она всегда румянится до того, что кажется багровою. Чтобы дочь скорѣе и болѣе, по выраженію крестьянъ, раздобрѣла, мать нѣжитъ ее и ла-

комитъ. Возмужалые парни съ своей стороны стараются показать, особенно передъ хороводомъ дѣвокъ, чудеса храбрости и силы, ловкость, проворство, оборотливость, опрятность, щегольство и роскошь; въ разговорахъ они стараются превзойти другъ друга въ деревенскихъ остротахъ и выдумкахъ. Вообще, въ лѣтахъ мужества въ крестьянахъ сильно обнаруживается желаніе нравиться. Дѣти крестьянъ, носящія увеличительныя имена, имѣютъ право гулять въ хороводахъ.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Свадьбы у крестьянъ бываютъ большею частію осенью. Осенью крестьянинъ охотнѣе отдаетъ дочь замужъ, потому что ему не придется уже кормить ее зимою; — «съ хлѣба долой», говоритъ онъ, и отдаетъ. Весною же онъ отдаетъ неохотно; «зиму, говоритъ крестьянинъ, я ее прокормилъ, такъ пусть мнѣ это лѣтомъ заработаетъ». И не иначе согласится онъ весною отдать замужъ свою дочь, какъ если сватающій согласится нанять ему работницу.

Крестьянскія свадьбы, какъ и всѣ другія, начинаются сватовствомъ. Женихъ объявляетъ своимъ родителямъ, кого бы ему хотѣлось имѣть женою. Тогда родители приходятъ съ нимъ къ кому-нибудь изъ невѣстиныхъ сосѣдей, и дѣлаютъ невѣстѣ предложеніе; она одѣвается въ самый лучшій нарядъ и принимаетъ сватовъ; женихъ и невѣста смотрятъ другъ друга. Потомъ родители жениха предлагаютъ невѣстинымъ родителямъ, — не хотятъ ли они видѣть житье-бытье жениха. Тѣ приходятъ въ деревню, распрашиваютъ жениховыхъ сосѣдей обо всемъ, что нужно знать о женихѣ, осматриваютъ его домъ, скотъ и хлѣвъ. Послѣ того приходятъ домой, что видѣли и слышали передаютъ невѣстѣ, и, узнавъ ея рѣшительное намѣреніе, извѣщаютъ о томъ жениха. Если невѣста согласна идти замужъ, то ея и жениховы родители назначаютъ день рукобитья. До этого дня и женихъ и невѣста еще могутъ передумать и отказаться.

Въ назначенный день вечеромъ отецъ жениха со штофомъ вина и пирогомъ приходитъ въ домъ невѣсты и отдаетъ свой гостинецъ ея отцу; оба садятся, и разговариваютъ; потомъ зажигаютъ свѣчу предъ иконами и молятся Богу; наконецъ даютъ другъ другу руки, непремѣнно завернувши ихъ въ полу

шубы или армяка. Въ это время невѣста начинаетъ плакать въ голосъ, или, какъ говорятъ крестьяне, выть. Вотъ ея причеты: «родимый мой батюшка NN и родимая матушка NN, не засвѣчайте вы свѣчку воску бѣло-ярова, не машите пола объ полу, не бейте рука объ руку, не рушите мою красу дѣвичью, не давайте мое бѣлье-рукодѣльецо въ чужи руки въ поруганьецо». Потомъ она обращается съ плачемъ къ каждой изъ своихъ подругъ и проситъ ихъ поплакать объ ея горѣ. Вмѣстѣ съ нею воютъ и подруги. Между тѣмъ отцы, ударивши рука объ руку и поцѣловавшись, садятся за столъ и угощаютъ другъ-друга принесеннымъ виномъ. Затѣмъ назначаютъ день свадьбы. При отъѣздѣ женихова отца, невѣста посылаетъ жениху полотенце: давши полотенце, невѣста не можетъ уже отказаться отъ брака. Съ этихъ поръ невѣста до самаго брака воетъ въ отцовскомъ домѣ каждое утро и каждый вечеръ, и называется вездѣ и всегда и передъ всѣми—княгинею, а женихъ — княземъ. Съ этихъ же поръ та и другая сторона готовятся къ свадьбѣ.

На канунѣ брака княгиня, въ сопровожденіи подругъ, отправляется въ баню; тамъ онѣ моются и пьютъ пиво. Изъ бани княгиня, покрытая бѣлымъ покрываломъ, идетъ домой, а за нею подруги. Подходя къ деревнѣ, у перекрестка, княгиня начинаетъ выть во весь голосъ: «ужъ стану я сиротушка горькая на широкомъ перекресточкѣ, по-конецъ улицы широкой, о-край полюшка чистаго; помолюсь я тамъ Господу Богу на всѣ четыре стороны». Молится и идетъ домой. Подходитъ къ своему дому, стоитъ у воротъ и воетъ до тѣхъ поръ, пока отецъ или мать не выйдетъ встрѣтить ее. Причитаетъ она такъ: «родимый батюшко NN и родимая матушка NN, поглядите вы во красное окошечко, на широкую на улицу, на меня горюшу горькую. Иду я горюшинька со стадомъ своимъ лебединыемъ — съ милыми подружками. На всѣхъ-то на нихъ платьеца алѣются, а на мнѣ горькой сиротушкѣ платьецо бѣлѣется. Востаньте вы, батюшки, буйны вѣтры, раскачайте вереи дубовыя, отворите ворота широкіе». Входитъ въ домъ, молится Богу, садится на лавку и опять воетъ. Въ воплѣ своемъ она благодаритъ отца и мать: «спасибо вамъ родимые на банькѣ, на мылинкѣ, на вѣничкѣ шелковымъ, на пару малиновомъ». Потомъ обращается

къ любимой изъ подругъ, съ причитаньемъ: «расчеши ты голову буйную, заплети ты косу русую, какъ бы завтра она не расплеталася». Подруга исполняетъ ея просьбу. Навывшись, княгиня кланяется въ землю всѣмъ своимъ подругамъ и, простившись, разстается съ ними.

Въ тотъ же день вечеромъ жениховъ отецъ опять является къ невѣстѣ съ гостинцами отъ жениха; приноситъ ей гривну мѣди, башмаки, чулки, зеркало, пряниковъ, мыла, бѣлилъ, румянъ. Невѣста принимаетъ все это, а женихова отца сажаютъ и угощаютъ, и при отъѣздѣ его, невѣста посылаетъ жениху вѣнчальное полотенцо или косыню, а мать невѣсты будущему своему зятю — десять яицъ.

Нужно замѣтить, что на свадьбѣ половъ не моютъ, а стелютъ на полъ солому, которая и лежитъ до третьяго дня свадьбы. Солому стелютъ для того, чтобы молодые не ходили по голому полу, чтобы они не жили голо, а богато.

Въ самый день брака княгиня встаетъ рано, садится на лавкѣ у двери и опять воетъ: «родимый батюшко NN и родимая матушка NN, что спалась ли вамъ крѣпка ночушка? А мнѣ горькой сиротинушкѣ не спалась-то вся темна ночушка: всю ночку я продумала свою думу горькую». Если вѣнчанье приходится въ праздникъ, князь и княгиня пріѣзжаютъ въ церковь къ заутрени; князь въ бѣломъ полушубкѣ и синемъ армякѣ на распашку; вѣнчальная косынка, повязанная на рукѣ, отличаетъ его отъ всѣхъ мужчинъ; она виситъ у него на рукѣ и во всю свадьбу; а княгиня въ бѣлой, или покрытой нанкою или сукномъ, шубѣ. Голова ея, сверхъ обыкновенной повязки, покрывается широкимъ и длиннымъ бѣлымъ покрываломъ изъ тонкаго холста или каленкора; невѣста закрываетъ имъ свое лицо, во все время свадьбы, потому что стыдится. Въ церкви князь и княгиня слушаютъ молебенъ Спасителю и Божіей Матери. Замѣчательно, что у княгини во всё время молебна и всей свадьбы правая рука бываетъ завернута въ длинный рукавъ ея рубахи, чтобы ей жить не голо, а богато. Князь уѣзжаетъ изъ церкви прямо домой, а княгиня, съ сильнымъ воплемъ, отправляется на могилы родныхъ: долго она воетъ, причитаетъ всѣхъ умершихъ родныхъ, зоветъ ихъ на свое пиршество, и отъ всѣхъ проситъ благословенія на

новую жизнь. Воетъ она такъ: «родимый NN не прошу я у тебя злата, серебра; прошу я у тебя благословленьица подъ златъ вѣнецъ, подъ серебро, во чужи люди, незнамые.» Съ тѣми же причитаньями обращается она къ другому, третьему и т. д., до послѣдняго изъ умершихъ родныхъ. Ее слушаетъ всегда большая толпа женщинъ. Потомъ прiѣзжаетъ она домой, гдѣ ее встрѣчаютъ подруги; княгиня, съ воплемъ, отказываетъ имъ свою красу дѣвичью. Наконецъ невѣста входитъ въ домъ и ожидаетъ прибытiя князя и его поѣзда.

Князь прiѣзжаетъ за невѣстою въ кибиткѣ, на тройкѣ, со множествомъ бубенцевъ и колокольчиковъ въ сопровожденiи цѣлаго поѣзда, и съ боченкомъ пива. Долго прiѣзжiе гости обѣдаютъ, а пьющiе вино допьяна напиваются, кромѣ князя и княгини, которые ничего не вкушаютъ. По окончанiи обѣда, родители благословляютъ княгиню: отецъ беретъ ея образъ и держитъ его на хлѣбѣ съ солью; княгиня трижды кланяется иконѣ и наклоняетъ голову, а отецъ трижды дѣлаетъ образомъ съ хлѣбомъ - солью кругъ надъ ея головою; потомъ княгиня цѣлуетъ образъ, кладетъ земной поклонъ и три раза со слезами цѣлуетъ отца, который тоже плачетъ. Затѣмъ мѣсто отца заступаетъ мать, которая беретъ образъ изъ рукъ мужа и такимъ же порядкомъ благословляетъ невѣсту. Послѣ того благословляютъ ее отецъ и мать крестные, каждый своимъ образомъ. Всѣ эти образа поступаютъ въ домъ жениха. Въ то время какъ благословляютъ княгиню, жениховъ дружка угощаетъ жениховымъ пивомъ всѣхъ позорянъ, то-есть стоящихъ на дворѣ. Принявъ отъ всѣхъ благословенiе, княгиня, покрытая покрываломъ, выходитъ съ воплемъ изъ родительскаго дома; князь сажаетъ ее въ кибитку, а съ нею сходятся ближайшiя ея подруги и воютъ по ней въ голосъ. Князь самъ правитъ лошадьми. Прежде чѣмъ лошади тронутъ, князь нѣсколько разъ бьетъ кнутомъ по вереямъ воротъ для того, чтобъ его будущая жена не тосковала по своемъ домѣ. Во всю дорогу впереди князя ѣдутъ дружки, а переднiе и заднiе поѣзжане громко поютъ пѣсни, давая тѣмъ разумѣть, что ихъ хорошо угостили. По выѣздѣ за деревню, поѣздъ останавливается, жениховъ дружка возвращается въ невѣстинъ домъ, правитъ отъ князя челобитье и зоветъ въ его домъ всѣхъ гостей «со всѣмъ дворомъ, кромѣ хо-

ромъ». Въ это время подруги прощаются съ невѣстою. Дорогою поѣздъ нерѣдко останавливается, и кто хочетъ, тотъ пьетъ взятое на дорогу вино и пиво. Наконецъ весь поѣздъ пріѣзжаетъ къ церкви, исключая совершенно пьяныхъ, которые ѣдутъ прямо въ домъ жениха.

По пріѣздѣ, князь и княгиня входятъ въ церковь. Бракъ совершается обыкновеннымъ порядкомъ. Когда надо становиться на подножье, брачущіеся стараются ступить на нее въ одно время, ибо есть примѣта, что кто первый станетъ на подножье, тотъ въ жизни и большину возьметъ. По совершеніи вѣнчанія, поѣзжане спрашиваютъ новобрачныхъ: кто кому покоренъ? Вмѣсто отвѣта, княгиня кланяется въ ноги князю и потомъ цѣлуетъ его, держа руками за уши: это между крестьянами означаетъ самый искренній и, какъ говорится, самый жаркій поцѣлуй: не всѣ удостоиваются такого поцѣлуя отъ княгини, а одни ближайшіе родственники. Послѣ того, новобрачныхъ ведутъ въ трапезу или на паперть и княгиню окружаютъ, то-есть убираютъ ея голову по-женски, плетутъ въ двѣ косы ея волосы, въ косы вплетаютъ горсть льну и навязываютъ волосникъ и сороку. Послѣ того молодымъ даютъ зеркало, въ которое они глядятся оба вмѣстѣ и любуются другъ другомъ. Наконецъ, молодую опять покрываютъ тѣмъ же покрываломъ, выходятъ изъ церкви, князь сажаетъ княгиню въ повозку и всѣ ѣдутъ въ домъ жениха, съ громкими пѣснями.

Когда молодые пріѣдутъ изъ церкви домой, отецъ и мать встрѣчаютъ ихъ съ образомъ и хлѣбомъ-солью. Благословляютъ ихъ также, какъ при отправленіи къ вѣнцу. Благоразумные родители даютъ при этомъ наставленіе дѣтямъ любить Бога, повиноваться начальникамъ, почитать старшихъ и беречь ихъ, стариковъ. Послѣ благословеній, дружка жениховъ сажаетъ молодыхъ на шубу, поднимаетъ, опять сажаетъ, снова поднимаетъ и въ третій разъ сажаетъ. Сажаетъ на шубу, а не на голую лавку, чтобы имъ богато жить, а не бѣдно. Какъ скоро пріѣзжіе гости раскланяются и поздравятъ батюшку «домовитаго» съ новобрачными, а новобрачныхъ съ законнымъ бракомъ, дружка уводитъ ихъ въ клѣть, гдѣ они обѣдаютъ одни. На другой день послѣ свадьбы отъ княгини раздаются дары князевымъ родственникамъ; чѣмъ родственникъ ближе, тѣмъ лучше дары.

Они состоятъ изъ болѣе или менѣе длинныхъ полотенцевъ. Дарятъ начиная съ князевыхъ родителей, такимъ образомъ: въ клѣти, княгиня и ея сваха назначаютъ, кому дарить какіе дары; невѣстинъ дружка разноситъ ихъ на блюдѣ, порознь каждому. Держа въ рукахъ блюдо съ дарами, онъ становится передъ жениховымъ отцомъ и начинаетъ громко кричать: «есть-ли въ сей бесѣдѣ такой человѣкъ, батюшко домовитой NN?» и, не получивъ отвѣта, продолжаетъ: «кланяется вамъ князь новображный NN и княгиня новображная NN бѣльецомъ-рукодѣльецемъ; малое примайте, большому сроку давайте; коли не годится въ ручки, такъ хоть на онучки.» Въ это же время подносятъ отцу стаканъ пива или вина, а молодые кланяются въ ноги и лежатъ на полу до тѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ и не велитъ встать. Выпивши, онъ беретъ дары съ блюда, отираетъ ими свои уста и хочетъ цѣловать князя и княгиню; но князь не прежде цѣлуетъ его, какъ отеревъ ему уста своей косыней, хотя бы они были совершенно чисты и сухи. Значенія этаго обряда не знаютъ и сами крестьяне. Такъ дарятъ и мать женихову, называя ее матушкою домовитою NN, и всѣхъ гостей, съ перваго до послѣдняго, съ большаго до малаго. Передъ каждымъ изъ гостей кричатъ такъ: «есть ли въ сей бесѣдѣ такой-то: кланяется вамъ батюшка домовитый NN, матушка домовитая NN, князь новображный NN, княгиня новображная NN, сроку давайте» и т. д. Каждый, принявъ съ блюда дары, отдариваетъ княгиню деньгами, кто по скольку хочетъ. Пока окончится раздача даровъ, наступаетъ время обѣда. Послѣ обѣда гости съ невѣстиной стороны уѣзжаютъ изъ дома жениха, а невѣста, провожая ихъ, воетъ. Въ плачѣ своемъ она посылаетъ низкій поклонъ-челобитьеце желанному батюшкѣ, желанной матушкѣ, родимымъ братцамъ и сестрицамъ и т. д.

На третій день послѣ свадьбы княгиня навсегда снимаетъ съ себя покрывало. По утру молодыхъ окачиваютъ, — въ лѣтнее время на рѣкѣ или прудѣ, а въ зимнее у колодца. Долго гости тѣшатся здѣсь и надъ молодыми и другъ надъ другомъ, пока всѣ не промокнутъ достаточно; потомъ приходятъ домой, переодѣваются и обѣдаютъ, а послѣ обѣда новобрачные и всѣ гости ѣдутъ кататься на двухъ или трехъ тройкахъ съ колокольчиками и пѣснями. Передъ ними ѣдутъ наряженые. Вечеромъ гости разъѣзжаются.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, молодые ходятъ къ невѣстину отцу въ гости на побывотки и гостятъ тамъ двое сутокъ, послѣ чего и молодой зять уводитъ тестя и тещу въ домъ къ своимъ родителямъ на спознатки. Они также гостятъ двое сутокъ. Въ это время жениховы и невѣстины родители спознаются, сдружаются.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОХОРОНАХЪ.

Гробовъ здѣшніе крестьяне ни чѣмъ не обиваютъ. Гробы у нихъ обыкновенно выдолбленные изъ дерева, рѣдко досчаные. Умершаго мужчину одѣваютъ въ бѣлую рубаху и исподницы, опоясываютъ и обуваютъ въ липовые лапти, а сверху покрываютъ саваномъ. Женщину одѣваютъ въ рубаху, саянъ, волосникъ, сороку и бѣлый платокъ; а обувь и саванъ такіе же какъ у мужчинъ. Кто умретъ на Пасхѣ, тому даютъ въ руку яйцо, для того, говорятъ крестьяне, чтобы онъ на томъ свѣтѣ могъ похристосоваться съ своими родными. На похороны сбираются всѣ ближніе родственники умершаго. Женщины и дѣвушки при этой церемоніи повязываются бѣлыми платками, въ знакъ печали. На выносѣ покойника женщины идутъ сзади и громко воютъ, съ разными причитаньями. Въ церкви онѣ окружаютъ гробъ, всѣ ложатся головами на бока гроба и также воютъ. Во время отпѣванія онѣ молчатъ, а послѣ отпѣванія опять поднимаютъ вой и продолжаютъ выть до зарытія могилы, потомъ приходятъ домой и опять сильно воютъ. Поминки по каждомъ умершемъ бываютъ два раза: въ день похоронъ и черезъ шесть недѣль и состоятъ изъ праздничнаго обѣда, который оканчивается овсянымъ киселемъ съ медомъ. Если поминаютъ умершаго, который пилъ вино, то за обѣдомъ бываетъ вино и пиво; а если умершій не пилъ вина, то за поминальнымъ обѣдомъ вино не подается. Послѣ обѣда родные умершаго опять долго по немъ воютъ.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОЖАРАХЪ.

На пожарахъ крестьяне помогаютъ другъ другу сами собою и довольно дѣятельно. Къ несчастію, крестьянскіе пожарные снаряды вездѣ почти чрезвычайно худы и сохраняются

небрежно; навѣсъ, подъ которымъ они стоятъ, совсѣмъ не охраняетъ ихъ ни отъ дождя, ни отъ снѣга; дроги, на которыя ставится бочка, или вовсе безъ колесъ, или съ полуразвалившимися колесами, и притомъ всегда стоитъ безъ воды, отъ чего въ лѣтнее время разсыхается. И такъ нисколько не удивительно, что оказываемая на пожарахъ помощь мало приноситъ пользы и что отъ незначительной искры бываютъ большіе пожары.

ОБЫЧАИ ПРИ СКОТСКИХЪ ПАДЕЖАХЪ.

При скотскихъ падежахъ крестьяне не довольно осторожны. Крестьянинъ, у котораго заболѣетъ и падетъ одна или двѣ скотины, не объявляетъ о томъ своимъ сосѣдямъ и продолжаетъ по прежнему гонять въ стадо оставшійся скотъ, даже зараженный. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему у крестьянъ нерѣдко бываютъ сильные скотскіе падежи. Не сказываютъ они сосѣдямъ о заболѣвшемъ у нихъ скотѣ, безъ сомнѣнія, изъ одного глупаго и ошибочнаго расчета, что если имъ запретятъ пускать скотъ въ стадо, то придется преждевременно кормить его на дворѣ и преждевременно изводить кормъ, заготовленный на зиму.

Кромѣ того, крестьяне зарываютъ умершую скотину у себя на дворѣ и не всегда глубоко: удивительно ли, послѣ этого, что во время скотскаго падежа весьма часто вымираетъ у нихъ весь скотъ, до послѣдней, какъ говорится, шерстины?

БОЛѢЗНИ И ИХЪ ЛЕЧЕНІЕ.

Обыкновенныя болѣзни между крестьянами большею частію происходятъ отъ простуды. Трудно убѣдить ихъ въ этомъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что они чаще всего заболѣваютъ отъ того, что рано утромъ и поздно вечеромъ ходятъ босикомъ, сильно вспотѣвши много пьютъ холоднаго и ложатся на голую землю; или, выпарившись въ банѣ, съ четверть версты идутъ босикомъ во всякое время года. Когда крестьянинъ почувствуетъ то жаръ, то ознобъ, головную боль съ насморкомъ, кашель, отсутствіе аппетита, сильную жажду, бредъ и т.

п., то обыкновенно говоритъ: «меня оговорили, или сглазили, или недугъ расходился». Въ этихъ болѣзняхъ крестьяне натираются рѣдькою и деревяннымъ масломъ въ тепломъ мѣстѣ, и прикладываютъ хрѣнъ къ затылку. Такими средствами мнѣ удавалось вылечивать простуду столь сильную, что тѣло больнаго уже не имѣло чувствительности. Потерявшіе чувствительность члены я приказывалъ тереть рѣдькою до тѣхъ поръ, пока она не начнетъ жечь, и потомъ натирать ихъ деревяннымъ масломъ; для внутренняго же употребленія предписывалъ теплое питье изъ травъ, возбуждающихъ потъ. Слѣдствіемъ такого леченія, повторяемаго три или четыре раза въ день, было то, что крестьянинъ, отъ простуды не ходившій и не владѣвшій руками, недѣли черезъ полторы уже начиналъ выздоравливать и наконецъ совершенно выздоравливалъ.

Въ желудочныхъ болѣзняхъ крестьяне прибѣгаютъ къ одному только средству, именно къ горшку повивальной бабки, но облегченія отъ того почти никогда не получаютъ. Въ несчастныхъ послѣдствіяхъ родовъ, по моему совѣту, съ большою пользою употребляютъ настой чернобыльника, приготовленный въ видѣ чаю.

ЗАНЯТІЯ.

Занятія, наиболѣе любимыя въ нашей мѣстности, суть: извозничество, ямщина, дворничество и хлѣбопашество. Какъ скоро крестьянинъ соберется силами купить три или четыре лошади, онъ обыкновенно или начинаетъ извозничать, т. е. возить товары изъ столицы въ столицу, или ямщичать, т. е. возить сѣдоковъ отъ одного мѣста до другаго. Живущіе на шоссе любятъ дворничать, т. е. кормить извощиковъ; немногіе ходятъ на баркахъ. Хлѣбопашествомъ занимаются люди одинокіе и пожилые. Неудивительно, что первые три вида промышленности пріятны для крестьянъ: эти занятія и легче и выгоднѣе и даютъ возможность каждый день по нѣскольку разъ пить чай и кушать довольно сытно и лакомо. О хлѣбопашествѣ крестьяне имѣютъ пословицу: «отъ сохи да отъ косы не будешь богатъ, а будешь горбатъ». Земля обработывается сохами и лошадьми. Рукодѣльями и рукомеслами крестьяне нашего округа не занимаются.

НАРОДНОЕ ВЕСЕЛЬЕ.

Главная принадлежность крестьянскихъ праздниковъ есть пиво и вино. Безъ пива и вина и праздникъ не въ праздникъ. Главное удовольствіе пожилыхъ крестьянъ во время праздника — напиться допьяна и пѣть пѣсни. Чтобы больше пить пива, крестьяне въ это время нарочно ѣдятъ соленое. Зато, отъ излишняго употребленія пива, у нихъ толстѣютъ лица и распухаютъ руки. Съ перваго взгляда можно узнать «праздницаго» крестьянина: онъ весь отекъ! Крестьянскія дѣти въ праздники играютъ хороводами, пляшутъ, поютъ пѣсни и играютъ въ гармоники и балалайки. Когда они ходятъ, или пляшутъ въ кругу, то размахиваютъ красными платками. Дѣвки и парни, не ходящіе въ кругу, считаются въ крестьянствѣ или больными, или малоумными. На святкахъ и объ масляницѣ, парни и дѣвки, лишь только смеркнется, выходятъ на улицу, собираются, поютъ пѣсни, играютъ и пляшутъ всю ночь. Отцы и матери нимало объ нихъ не заботятся и не смотрятъ на то, что дѣлаютъ дѣти.

ЖИЗНЕННЫЯ СРЕДСТВА.

Деньги на оброкъ, на домашніе расходы, на праздничное угощеніе и наряды, крестьянинъ извлекаетъ изъ хлѣба. Дочери многосемейныхъ и бѣдныхъ крестьянъ наряжаются на деньги, которыя наживаютъ, нанимаясь въ работницы.—Очень рѣдко случается, чтобы два, или три брата жили не раздѣлившись, особенно между казенными крестьянами. А одинокому человѣку, не имѣющему никакого ремесла и не могущему отлучиться для заработковъ на чужбину, притомъ же человѣку довольно лѣнивому, какихъ весьма много между крестьянами, чѣмъ платить оброкъ, чѣмъ вести домашній расходъ и дѣлать праздничное угощеніе, чѣмъ исправлять наряды, какъ не деньгами, вырученными отъ продажи хлѣба? Въ оброкъ онъ продаетъ овесъ; крупу, соль, деготь и прочія необходимыя вещи забираетъ въ теченіе всего лѣта подъ осенній овесъ; на исправленіе праздниковъ и одежды продаетъ овесъ. Потому-то нисколько неудивительно, что у очень многихъ крестьянъ къ веснѣ не остает-

ся овса и на сѣмена, и что очень многіе изъ нихъ сѣютъ чужимъ овсомъ, хотя и платятъ за то иногда большой ростъ, именно отъ двухъ до четырехъ, а иногда и до восьми мѣръ за каждую взятую четверть.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННАГО БЫТА.

Крестьянскія сходки бываютъ, когда представится надобность, большею же частію въ праздничные дни, свободные отъ полевыхъ работъ. Всякое происшествіе, всякая надобность сперва касается *десятскаго*. Когда онъ найдетъ, что нужно сдѣлать сходку, то обходитъ всю деревню, стуча палкою подъ каждымъ окномъ, и кричитъ: «эй дядя N N, на улицу»! Народъ сбирается на обыкновенное мѣсто и десятскій объявляетъ о причинѣ схода. Каждый крестьянинъ подаетъ свой голосъ; между ними есть партіи; иногда онѣ спорятъ между собою долго и жарко, и тутъ крестьяне поднимаютъ одинъ на другаго всю подноготную; со всѣхъ сторонъ сыплются укоры, упреки и брань. Перевѣсъ беретъ наконецъ тотъ, кто всѣхъ сильнѣе кричитъ, и кто всѣхъ упрямѣе настаиваетъ на своемъ, хотя бы онъ былъ и беднѣе и моложе. Если спорятъ между собою слишкомъ долго, то дѣло рѣшается или жеребьемъ, или большинствомъ голосовъ. Кромѣ десятскаго есть еще въ каждой деревнѣ *пятидесятскій*. Десятскій чередуется по числу душъ, а пятидесятскій избирается на одинъ годъ. Десятскій наряжаетъ подводы, отводитъ квартиры, собираетъ сходы, а пятидесятскій наблюдаетъ за исправностію изгородъ и чистотою дорогъ. Десятскій и пятидесятскій имѣютъ право наказывать крестьянина, за полное непослушаніе, нѣсколькими ударами палки или наложеніемъ лишнихъ подводъ.

Пока дѣти въ дѣтскомъ или юношескомъ возрастѣ, отцы и матери, въ особенности послѣднія, любя ихъ, безнаказанно прощаютъ имъ глупости, грубости и даже дерзости. До шестнадцати лѣтъ дѣтей почитаютъ глупыми и несмысленными; въ это время наказывать ихъ за какіе бы то ни было проступки, крестьяне почитаютъ жестокостію и грѣхомъ.

Дѣлятся между собою тѣ братья, которые не имѣютъ родителей, и большею частію потому, что братъ брата не слу-

шаетъ; чаще же изъ-за женъ, которыя бранятся между собою, и изъ-за малолѣтнихъ дѣтей, которыя, играя, нерѣдко между собою дерутся. Приступая къ раздѣлу, сперва молятся Богу, потомъ разрѣзають ковригу хлѣба на столько частей, на сколько домовъ дѣлятся. Это знакъ, что дѣлятся однажды навсегда и что уже болѣе не намѣрены сходиться въ одно мѣсто, какъ отрѣзанный ломоть не пристаетъ болѣе къ хлѣбу. Затѣмъ дѣлятъ имѣніе на равныя части, равняютъ старые дома съ новыми и бросаютъ жеребій, кому гдѣ жить, и кому что получить. Мать беретъ изъ имѣнія что ей угодно, и живетъ съ тѣмъ изъ сыновей, съ которымъ хочетъ. Сестра получаетъ почти одинаковую часть съ братомъ. Крестьянское приданое составляетъ одинъ, два, много три русскихъ золотыхъ.

При покупкѣ лошадей, покупатель беретъ отъ продавца поводъ узды, а при покупкѣ коровы или овцы—веревку, привязанную за рога животнаго, и непремѣнно изъ полы въ полу, чтобы купленный скотъ благополучно жилъ у купившаго. Еще беретъ и ломоть хлѣба съ солью, чтобы животное служило на хлѣбъ да на соль, на добро-здоровье. Наконецъ, купившій удерживаетъ изъ цѣны одну или двѣ гривны на поводъ. При покупкѣ и продажѣ вещей въ долгъ, крестьяне заключаютъ между собою письменныя условія, являютъ ихъ въ волостное правленіе, а на совѣсть не полагаются. Да и дѣйствительно, въ простолюдинахъ правды очень мало; интересъ выше совѣсти. — Повинности денежныя и натуральныя раскладываются самими крестьянами по количеству владѣемой земли и отправляются ими по тому же расчету.

НРАВСТВЕННОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ.

Здѣшніе крестьяне всегда охотно дѣлаютъ то, къ чему они издавна привыкли и всегда все дѣлаютъ такъ, какъ они прежде дѣлали. Все новое или по крайней мѣрѣ переиначенное, даже самое полезное, для нихъ весьма тягостно и непріятно. Сами они не придумываютъ, да и не хотятъ придумать для себя новое и лучшее, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы не показаться хитрецами, которые своими выдумками какъ будто хотятъ перемѣнить Божію волю.

Грамотныхъ крестьянъ очень не много, да и тѣ плохо разумѣютъ грамотѣ, ибо учатся у крестьянъ же, или у отставныхъ солдатъ. Но грамотный крестьянинъ думаетъ о себѣ очень много; онъ готовъ толковать и такія книги, которыхъ самъ не понимаетъ, и часто даетъ словамъ толкованіе превратное или одностороннее.

Къ числу добрыхъ качествъ крестьянъ нашего округа должно отнести набожность: по воскресеньямъ они довольно охотно ходятъ въ церковь, но рѣдко въ праздничные дни, бывающіе на недѣлѣ, хотя бы случился и двунадесятый праздникъ. Въ дни Св. Пасхи, до принятія образовъ въ домы, не пьянствуютъ. Парни и дѣвки, вмѣсто пѣсенъ, поютъ въ эти дни Христосъ воскресе. Жаль только, что такое благочестивое воздержаніе не соблюдается въ храмовые праздники.

Всѣ недостатки и пороки здѣшнихъ крестьянъ, частое употребленіе неприличныхъ словъ, упорная привязанность къ предразсудкамъ и другіе, объясняются грубымъ невѣжествомъ.

Памятники.

Въ архивѣ нашей церкви найдены мною старинныя тетради, копіи съ межевыхъ дозорныхъ книгъ Тверскаго уѣзда, дозора Ѳедора Вельяминова, да подъячаго Алексѣя Михайлова 7122 года (1614). Этѣ копіи писаны въ 1739 году октября 15 дня, а октября 24 справлены Осѣемъ Бухваловымъ. Изъ нихъ видно, что по приправочнымъ книгамъ письма и мѣры «Ѳоонасья Загрязсково да подъячева Ждана Степанова», въ 7102 году (1594) было много монастырей, селъ, сельцевъ и деревень, которыя теперь уже не существуютъ, а сохранились только названія тѣхъ мѣстъ и признаки прежнихъ селеній: пруды, колодези, ямы и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ селеній запустѣли отъ Литовскаго разоренія въ 1611, 1612 и 1613 годахъ, жители же ихъ побиты и пожжены и въ полонъ пойманы; а другія селенія запустѣли отъ мору и лихолѣтья.

Около нынѣ существующаго села Городни были монастыри:

Александровъ. Объ немъ нѣтъ никакихъ подробностей.

Петровскій. При немъ было 56 четвертей земли; сошнаго письма полъ-полъ-трети сохи.

Троицкій. Ему принадлежало земли 57 четвертей; сошнаго письма полъ - полъ - трети сохи.

Противъ Городни, за Волгой, былъ монастырь Видогоцкій во имя Аѳанасія Александрійскаго. У него земли 21 четверть; сошнаго письма полъ - полъ - полъ - четверти сохи.

Въ Городнѣ, кромѣ нынѣ существующей церкви Рождества Пресвятыя-Богородицы, бывшей тогда соборною, была еще церковь Воскресенія Христова. При ней земли 22 четверти; сошнаго письма полъ-полъ-четверти сохи и четверикъ пашни.

Въ нашемъ же округѣ былъ монастырь Благовѣщенскій Большіе Перемѣры, на рѣкѣ на Волгѣ, на устьѣ рѣчки Перемѣрки. Въ немъ была церковь деревянная, шатромъ верхъ; въ 7135, т. е. 1628 году службы въ церкви уже не было. Другая церковь была во имя Николая Чудотворца. При монастырѣ было 417 четвертей земли; сошнаго письма полъ-сохи и полъчетверти сохи.

Егорьевскому монастырю Меньшіе Перемѣры (о церкви извѣстія нѣтъ) принадлежало 31 четверти земли; сошнаго письма полъ-полъ-полъ-трети сохи.

Село Лукино, а нынѣ деревня Лукина, состоитъ въ моемъ приходѣ. Оно первоначально принадлежало роду Давыдовыхъ. Въ 1561 году Василій да Давыдъ Андреевы, дѣти Давыдовы, дали всю свою вотчину, а въ томъ числѣ и село Лукино, въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Въ 1592 году оно было селомъ самостоятельнымъ. Церковь въ селѣ была деревянная, построена «клѣцки»; въ ней были два престола: главный во имя Воскресенія Христова, а другой — во имя Николая Чудотворца. Престолы въ ней были разорены отъ Литовскихъ людей. Въ 1614 году церковь была уже безъ службы, безъ попа, дьячка, пономаря и просвирницы. Земли при церкви было 5 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ. Въ этомъ году было 5 дворовъ, изъ нихъ одинъ крестьянскій, одинъ бобыльскій, а три пустыхъ, потому что домохозяева «збрели кормитись по міру». Въ живущемъ полъ-полъ-четверти выти. Мѣсто, гдѣ былъ погостъ, можно отличить и теперь.

Село Ведерниково, нынѣ деревня Ведерня, въ моемъ же приходѣ. Оно издревле принадлежало Троицкому монастырю. Въ 1592 году оно было селомъ, и разорено отъ Литовскихъ

людей. Въ 1614 году Тверской дозоръ Өедоръ Вельяминовъ называетъ его только сельцомъ. Въ 1631 году оно называется только деревнею, причисленною къ приходу нынѣго села. Въ Ведерниковѣ было монастырской земли 33 четверти съ осминою въ полѣ, а въ дву потомужъ. Послѣ Литовскаго разоренія въ ней было три двора, изъ нихъ одинъ крестьянскій, а два бобыльскіе. Нынѣ нѣтъ уже никакихъ остатковъ бывшаго села.

Село Өедосово, нынѣ деревня Өедосова, въ приходѣ села Косминскаго. Это село издревле принадлежало къ Троицкому Сергіеву монастырю. Храмъ былъ во имя Рождества Іоанна Предтечи; церковь деревянная, шатромъ верхъ. Въ церкви образа, и книги, и ризы, и всякое строеніе церковное были Троицкаго монастыря. Престолъ раззоренъ отъ Литовскихъ людей. Въ 1614 году церковь была уже ветха и стояла безъ пѣнія. При ней былъ монастырскій дворъ, который сожженъ Литовцами. Три двора священно-церковно-служительскіе: попа Өедора, пономаря и просвирницы, были пусты, потому что попъ и пономарь жили въ сельцѣ Косминскомъ. При селѣ Өедосовѣ было монастырской земли 57 четвертей, церковной 8 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ. Нынѣ въ деревнѣ Өедосовѣ стоитъ часовня, въ которой иногда бываетъ служба.

Въ городѣ Твери, за соборною церковію, за алтаремъ, былъ монастырь Аөанасьевскій, у котораго земли было 40 четвертей; сошнаго письма полъ-полъ-четверти сохи.

Въ Твери же былъ монастырь Михайловскій, у котораго земли было 66 четвертей; сошнаго письма полъ-четверти сохи.

Въ Твери же былъ еще монастырь Треевятскій за Тьмакою. Къ нему принадлежало село Всеславское, гдѣ была церковь во имя Пророка Иліи. Ему принадлежало земли 142 четверти; сошнаго письма полъ-четверти и полъ-полъ-четверти сохи.

Въ Твери же были церкви:

1. Преображеніе Спасово что въ Твери, соборная церковь; имѣла земли 266 четвертей; сошнаго письма третъ и полъ-полъ-полъ-трети сохи.

2. Іоанна Предтечи, что въ Твери подъ колоколы: земли 14 четвертей.

3. Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; земли у ней было 49 четвертей; сошнаго письма полъ-полъ-четверти сохи.

4. Афанасья Александрійскаго, что въ Твери на песку; земли 8 четвертей.

5. Михаила Архангела, что во Твери на сѣнной; земли 25 четвертей; сошнаго письма пол-пол-полъ-четверти сохи.

6. Бориса и Глѣба, да Іакова брата Господня по плоти, земли 25 четвертей; сошнаго письма полъ-полъ-полъ-четверти сохи.

7. Іоанна-Богослова, что во Твери за Тьмакою; земли 33 четверти; сошнаго письма полъ-полъ-полъ-трети сохи.

8. Александра Свирскаго, что во Твери у Спаса въ придѣлѣ; земли 54 четверти; сошнаго письма полъ-полъ-трети сохи.

Монастыри, въ Тверскомъ уѣздѣ существовавшіе:

Вершинскій. За нимъ состояло 458 четвертей; сошнаго письма полъ сохи и полъ-трети сохи.

Ямнинскій монастырь на рѣкѣ Волгѣ, да на устьѣ рѣчки Белеутовки. Земли 298 четвертей, сошнаго письма треть и полъ-полъ-трети сохи.

Строганскій (нынѣ село Астраганецъ), на рѣкѣ Шошѣ, а въ немъ деревянный храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы, а другой Воскресенія Христова; земли 318 четвертей, сошнаго письма треть и полъ-четверти сохи.

Михайловскій на рѣкѣ Шошѣ, имѣлъ земли 175 четвертей; сошнаго письма четверть сохи.

Дудинъ на Шошѣ, а въ немъ церковь Николая Чудотворца; земли 77 четвертей; сошнаго письма полъ-четверти сохи.

Савинъ имѣлъ 263 четверти земли.

Димитрія-Селунскаго монастырь на рѣкѣ Инюхѣ; сошнаго письма треть и полъ-полъ-полъ-трети сохи.

Въ Тверскомъ уѣздѣ существовали въ 1627 году церкви:

Архіепископа Тверскаго вотчина, село Старый-Погостъ; земли 252 четверти; сошнаго письма треть сохи.

Рождество Пресвятыя-Богородицы, что на Городнѣ, соборная церковь, да придѣлъ Іоанна-Предтечи, каменная, строенье Великаго Князя Бориса Александровича Тверскаго. А въ церквахъ образа и всякое строеніе церковное Великаго Князя Бориса Тверскаго. Земли 38 четвертей; сошнаго письма

полъ-полъ-четверти сохи. За Волгой противъ Городни былъ садъ Великихъ Князей.

Погостъ Городище на Шошѣ, а въ немъ храмъ Николая Чудотворца; земли имѣлъ 13 четвертей.

Сельцо Косминское, нынѣ село Косминское, на рѣкѣ Иногощи. Царь Борисъ далъ его къ Пресвятой-Богородицѣ въ дѣвичій монастырь, что въ Московскомъ уѣздѣ подъ Троицкимъ монастыремъ, подъ Сосенками. Земли 319 четвертей; сошнаго письма треть и полъ-полъ-полъ-трети сохи.

Изъ копій, между прочимъ, видно, что количество земли измѣрялось тогда посѣвомъ, число жителей — вытями. Подать платилась по количеству посѣва. Межеваніе производилось при постороннихъ же свидѣтеляхъ и производилось такъ: «отъ NN, деревни межею къ ямѣ, а отъ ямы къ дубу, а на немъ грань; а отъ дуба къ березѣ, а на ней грань, а отъ березы къ можжевеловому кусту, а отъ куста къ двумъ камнямъ, а отъ двухъ камней къ одному большому камню» и т. д. Ямы были очень рѣдки.

БЫТЪ КРЕСТЬЯНЪ

ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ

НИЖНЕДѢВИЦКАГО УѢЗДА.

(Старшаго Учителя Воронежской Гимназіи П. Малыхина).

ВВЕДЕНІЕ.

Воронежская губернія населена выходцами изъ другихъ губерній, и потому здѣшніе жители мало имѣютъ единства въ языкѣ, одеждѣ, повѣрьяхъ и обычаяхъ. Даже сосѣднія между собою селенія представляютъ въ этомъ отношеніи много отличій другъ отъ друга. Здѣсь есть, особенно между помѣщичьими крестьянами, переселенцы изъ Великороссійскихъ губерній, рѣзко отличающіеся отъ общей массы населенія цѣлой губерніи своимъ нарѣчіемъ; есть выходцы изъ губерній Малороссійскихъ, сохранившіе свои отличительныя черты не только въ языкѣ, но и въ образѣ жизни и въ одеждѣ. Большая-же часть жителей Воронежской губерніи имѣетъ сходство между собою, по крайней мѣрѣ по наружному виду и языку; это какъ будто особенная отрасль русскаго племени, занимающая средину между Великороссіянами и Малороссіянами. Эта господствующая часть населенія цѣлой губерніи составилась изъ разныхъ ма-

стеровыхъ и военныхъ людей, а также изъ дѣтей боярскихъ. Изъ выписей, дарованныхъ нашими Царями на владѣніе землею, видно, что здѣшнія мѣста заселены, большею частію, при Государѣ Алексіѣ Михайловичѣ. Въ царствованіе Петра I переселено сюда много стрѣльцовъ, матросскихъ семействъ, разнаго рода рабочихъ людей и дѣтей боярскихъ, отказавшихся отправлять военную службу и указомъ Государя Петра I обращенныхъ въ податное состояніе. Изъ всей этой разнородной массы населенія образовалось одно цѣлое — *однодворцы*, которые сохраняли это названіе до учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ; но съ этого времени ихъ стали называть *государственными крестьянами*. Они во многихъ отношеніяхъ имѣютъ свои типическія черты, на-примѣръ въ языкѣ, нравахъ и повѣрьяхъ. Ихъ движенія вялы, разговоры грубы, съ виду они, кажется, не обладаютъ большими умственными способностями; въ самомъ же дѣлѣ они не лишены ихъ. Малороссіяне называютъ эту отрасль русскихъ не Москалями, какъ они обыкновенно величаютъ Великороссіянъ, а занятымъ у Поляковъ именемъ — цапами, то-есть козлами или козлиными бородами.

Не имѣя возможности сдѣлать общій очеркъ всѣхъ жителей Воронежской губерніи, я, какъ уроженецъ Нижнедѣвицкаго уѣзда, ограничусь описаніемъ одного этого уѣзда, болѣе другихъ мнѣ извѣстнаго.

Нижнедѣвицкій уѣздъ граничитъ съ Курскою губерніею; онъ прилежитъ на югѣ къ Новооскольскому и Коротоякскому уѣздамъ, на западѣ граничитъ съ Старооскольскимъ уѣздомъ, на сѣверѣ — съ уѣздомъ Землянскимъ, а на востокѣ — съ Воронежскимъ. Положеніе земли въ немъ довольно гористое и имѣетъ общій склонъ къ Азовскому Морю, что видно изъ теченія рѣчекъ, которыя получаютъ здѣсь свое начало и текутъ или прямо въ Донъ, или впадаютъ чрезъ посредство рѣки Оскола въ Донецъ. Рѣчки, орошающія земли Нижнедѣвицкаго уѣзда, суть: *Боровая-Потудань*, берущая свое начало изъ логовъ близъ деревни Потудани, принимаетъ въ себя слѣва *Скупую-Потудань* и *Скрупушку*, а справа *Грязную-Потудань*, которыя соединяются съ нею недалеко отъ села Россошей и текутъ подъ общимъ названіемъ

Потудани до впаденія въ Донъ въ Коротоякскомъ уѣздѣ, принимая еще въ себя слѣва рѣчку *Дѣвицу*. Рѣчка *Котелъ* начинается въ деревнѣ Терновой, но русло ея или логъ, носящій названіе Котла, идетъ гораздо выше, хотя находящіяся на этомъ логу села: Хорошилово, Архангельское, Дмитревское и деревня Чужикова не имѣютъ проточной воды, которая заволочена пескомъ. *Котелъ*, по принятіи въ себя рѣчки *Боровца* въ селѣ Городищѣ, течетъ въ Старооскольскій уѣздъ, гдѣ и впадаетъ въ Осколъ. Рѣчка *Убля* беретъ свое начало выше села Подболотнаго, и протекая небольшое пространство, за селомъ Тереховымъ поворачиваетъ въ Старооскольскій уѣздъ, гдѣ и впадаетъ въ Осколъ близъ деревни Незнамовой. Рѣчки: *Быстрикъ* и *Оломъ*, орошая западную сторону уѣзда, впадаютъ въ рѣчку *Геросимъ*, текущую въ Осколъ. Рѣчка *Дѣвица*, на которой стоитъ городъ Нижнедѣвицкъ, и рѣчка *Хоколъ* текутъ на сѣверо-востокъ и впадаютъ въ Донъ верстахъ въ пятнадцати отъ города Воронежа.— Почва земли Нижнедѣвицкаго уѣзда болѣе черноземная, только въ мѣстахъ по рѣчкѣ Котлу песчаная и часто неудобная для земледѣлія. Лѣсовъ въ прежнее время было очень довольно, но теперь большая часть ихъ вырублена; впрочемъ въ селѣ Городищѣ есть довольно значительное пространство хорошаго лѣсу, принадлежащаго казенному вѣдомству.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Гидрографическое описаніе Нижнедѣвицкаго уѣзда, помѣщенное выше, не совсѣмъ согласно съ другими данными, и, сколько можно судить по послѣднимъ, не довольно полно. Автору кажется ближе были знакомы южная и западная части описываемаго уѣзда, чѣмъ восточная и сѣверная. По крайней мѣрѣ на картѣ Шуберта и по нѣкоторымъ другимъ свѣдѣніямъ, гидрографія Нижнедѣвицкаго уѣзда представляется въ такомъ видѣ:

Всѣ рѣчки, ручьи и овраги, находящіеся въ этомъ уѣздѣ, принадлежатъ къ системамъ рѣкъ: *Геросима*, *Убли*, *Котла*,

Потудани, двухъ *Дѣвицъ* (которыя въ книгѣ Большомъ-Чертежѣ называются *Смердячей* и *Красной*) и *Олыма*. Первыя три вытекаютъ изъ Нижнедѣвицкаго уѣзда на западъ и впадаютъ въ Осколъ; три слѣдующія текутъ на востокъ и вливаются въ Донъ; наконецъ Олымъ течетъ на сѣверъ и втекаетъ въ *Быструю-Сосну*. Самыя значительныя изъ исчисленныхъ рѣкъ по пространству, занимаемому ихъ притоками въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, суть: *Убля*, Потудань и Дѣвица (на которой стоитъ уѣздный городъ); Олымъ въ С.-З. углу уѣзда, Геросимъ въ З., Котелъ въ Ю.-З. и наконецъ Красная-Дѣвица въ Ю.-В., занимаютъ, сравнительно, гораздо меньшее пространство. Геросимъ принимаетъ въ себя, съ правой стороны, на границѣ Нижнедѣвицкаго уѣзда, рѣчку *Боровку*, а съ лѣвой два притока, которые на картѣ Шуберта не названы. Можетъ быть это *Оломь* и *Быстрикъ*, упоминаемые г. Малыхинымъ; ибо на одномъ изъ этихъ притоковъ находится деревня Быстрикъ. — О теченіи рѣки Убли свѣдѣнія несогласны между собою. Г. Малыхинъ говоритъ, что она беретъ начало выше села *Подболотнаго*, которое на картѣ Шуберта названо *Дмитріевкой*. Между тѣмъ на означенной картѣ, гораздо выше этого села на сѣверъ, на почтовой дорогѣ изъ Нижнедѣвицка въ Старый-Осколъ, есть сельцо *Убленскіе-Лѣски*, земли которой, а равно и сосѣдней съ ней деревни *Безовки*, и должно, кажется, считать мѣсторожденіемъ Убли, тѣмъ болѣе, что истоки этой рѣчки по картѣ восходятъ до этихъ мѣстъ. Разныхъ рѣчекъ, впаадющихъ въ Ублю въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, на картѣ показано семь, не говоря о притокахъ къ симъ послѣднимъ. Изъ этихъ рѣчекъ должно назвать: *Ровенки*, *Милаеку* или *Меловку* и *Гнилую*. — Рѣка Котелъ, кромѣ *Боровца*, который названъ на картѣ Шуберта *Котельной-Платой*, принимаетъ въ себя еще слѣва два притока и одинъ притокъ справа. — Рѣка Потудань, судя по картѣ Шуберта, описана у г. Малыхина тоже не совсѣмъ вѣрно. Она беретъ начало въ Новооскольскомъ уѣздѣ, близъ деревни *Волотово* и протекая по южной границѣ Нижнедѣвицкаго уѣзда, выходитъ въ Коротоякскій уѣздъ и впадаетъ въ Донъ. *Грязной* она не называется. Названіе это, на картѣ Шуберта, присвоено деревнѣ, стоящей на Потудани, близъ границы Новооскольскаго и Коротоякскаго уѣздовъ. Какъ бы

то ни было, Потудань принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны *Скупую-Плату*, потомъ *Боровую-Потудань*, далѣе *Сухую-Потудань* и еще двѣ безъимянныя рѣчки, которыя берутъ начало въ южной оконечности Нижнедѣвицкаго уѣзда, но вскорѣ вытекаютъ въ Коротоякскій уѣздъ и уже тамъ впадаютъ въ Потудань. Можетъ-быть одну изъ этихъ рѣчекъ называетъ г. Малыхинъ *Дѣвичкой*. *Скрупушка* также не значится на картѣ; хотя въ Боровую-Потудань слѣва и впадаютъ четыре рѣчки, но онѣ не названы. Наконецъ, должно еще замѣтить, что въ Боровую-Потудань справа впадаетъ *Мокрая-Плата* и что множество малыхъ рѣчекъ вливаются въ притоки Потудани, съ которыми она занимаетъ, безъ малаго, цѣлую половину Нижнедѣвицкаго уѣзда.—Красная-Дѣвица и четверо изъ ея притоковъ текутъ по Нижнедѣвицкому уѣзду, и въ этомъ же уѣздѣ вливаются въ нее, исключая одного, который соединяется съ нею въ Коротоякскомъ уѣздѣ. Имени этихъ притоковъ на картѣ не означено. Послѣдній, впадающій въ Красную-Дѣвицу, кажется, называется *Сухою-Россошью*.—Рѣка Дѣвица, на которой стоитъ уѣздный городъ, занимаетъ съ притоками почти четвертую часть всего уѣзда. Въ нее впадаютъ по картѣ Шуберта: съ правой стороны, въ Воронежскомъ уѣздѣ, *Еманча*, съ притокомъ своимъ *Сухою-Еманчею* и *Россошки*, а слѣва *Першинъ*, *Ольшанка*, *Туровка* и *Хохолъ*; послѣдній не впадаетъ прямо въ Донъ (какъ можно было бы заключить изъ словъ г. Малыхина). Кромѣ того есть у Дѣвицы и другіе притоки. — Наконецъ, Олымъ беретъ начало въ Землянскомъ уѣздѣ, потомъ переходитъ въ Нижнедѣвицкій и течетъ по З. границѣ его, до выхода снова въ Землянскій уѣздъ. Въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ онъ принимаетъ въ себя четыре притока: одинъ съ лѣвой стороны и три съ правой. Двое изъ послѣднихъ называются *Лебяжьимъ* и *Ломскимъ*; названіе остальныхъ двухъ на картѣ не показано.

Не смотря на неполноту и, по-видимому, неточность приведеннаго выше гидрографическаго описанія Нижнедѣвицкаго уѣзда г. Малыхина, оно оставлено безъ всякихъ измѣненій; ибо только ближайшее изслѣдованіе на мѣстѣ можетъ разрѣшить окончательно, какія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ заслуживаютъ большаго вѣроятія и въ какой мѣрѣ.

Картину домашняго быта поселянина Нижнедѣвицкаго уѣзда нельзя назвать разнообразною. Жилище его — деревянная, большею частію курная изба, которая рѣдко обмазывается глиною даже снаружи, а внутри почти никогда. Внутренность ея отъ всегдашняго дыма бываетъ закопчена чрезвычайно, такъ что сажа наростаетъ толстымъ слоемъ, и ее по временамъ обметаютъ метлами. Въ этой дымной атмосферѣ люди живутъ часто большими семействами, очень счастливо, и до того свыкаются съ своею жизнію, что мало тяготятся ею и не заботятся объ улучшеніи своихъ жилищъ; но надобно имѣть большую привычку и весьма крѣпкую голову, чтобъ переносить духоту этихъ нечистыхъ и неопрятныхъ обиталищъ, особенно зимою, когда къ людямъ присоединяются на жительство разныя домашнія животныя, въ предохраненіе отъ холода. Правда, у болѣе зажиточныхъ поселянъ, кромѣ черной избы, бываетъ черезъ сѣни такъ-называемый *обѣдникъ*, то-есть бѣлая изба, по большей части однакожъ холодная; но бѣдняки довольствуются самымъ тѣснымъ помѣщеніемъ, которое они раздѣляютъ въ зимнее время съ молодыми четвероногими, а весною съ разнаго рода домашними птицами. Не должно впрочемъ думать, чтобъ здѣшніе мужики вовсе не понимали выгодъ удобнаго помѣщенія и лучшаго устройства жилищъ; многіе изъ нихъ ясно видятъ все неудобство своихъ курныхъ избъ и охотно бы замѣнили ихъ бѣлыми, но недостатокъ въ лѣсѣ и бѣдность заставляютъ ихъ терпѣть всякаго рода неудобства и лишенія. Теперь однакожъ у нѣкоторыхъ зажиточныхъ государственныхъ крестьянъ можно найти бѣлыя избы, содержимыя съ большою опрятностію. Жилища помѣщичьихъ крестьянъ представляютъ также несравненно лучшій видъ: избы почти вездѣ бѣлыя, обмазанныя глиною внутри и снаружи и построенныя въ порядкѣ, а не разбросанно, какъ у государственныхъ крестьянъ.

Прибавить должно, что непремѣнными и всегдашними обитателями крестьянскихъ избъ бываютъ еще прусаки и тараканы. Эти несносныя насѣкомыя до такой степени у нихъ размножаются, что покрываютъ потолокъ и стѣны, особенно ночью. При всей осмотрительности, хозяйка рѣдко можетъ уберечь отъ прусаковъ горшокъ со щами.

квашню съ хлѣбомъ. Случается, что прусаки залѣзаютъ соннымъ въ уши и причиняютъ чувствительную боль; но крестьяне такъ привыкаютъ жить съ прусаками и тараканами, что даже не обращаютъ большаго вниманія и на то, если они, во время ночи, объѣдятъ носъ и щеки грудному ребенку, и даже взрослому, когда ему случится намазать лицо саломъ. Тараканами здѣшніе поселяне даже не гнушаются и не истребляютъ ихъ, потому ли, что они не такъ докучливы, или по суевѣрному предразсудку, будто бываетъ счастіе тому дому, гдѣ они живутъ.

Избы у государственныхъ крестьянъ по большой части строятся на дворѣ и притомъ въ большомъ безпорядкѣ. Улицы и переулки необыкновенно тѣсны, такъ что въ иныхъ невозможно разъѣхаться двумъ телѣгамъ; отъ такой тѣсноты воздухъ въ переулкахъ всегда бываетъ спертъ, а весною и осенью на улицахъ невылазная грязь, до того, что нѣтъ никакой возможности ни пройти, ни проѣхать. По неблагоразумію своему, крестьяне валятъ на улицу навозъ и всякую нечистоту, думая тѣмъ исправить дорогу, но чрезъ это дѣлается еще большая топь, въ которой вязнутъ люди и скотъ. При всей очевидности, что тѣсное поселеніе мѣшаетъ удобству сообщеній, а въ случаѣ пожара не представляетъ никакой возможности къ спасенію, крестьяне при новыхъ постройкахъ точно также лѣпятся другъ около друга.

Дворъ у крестьянина огораживается плетнемъ, надъ которымъ дѣлаются соломенныя крыши для сараевъ, *ворковъ*, овчаренъ и другихъ домашнихъ помѣщеній. Гумно и огороды обносятся валомъ изъ соломы, земли и хворосту. Внутри двора, нѣсколько поодаль отъ избы, ставятся *пуньки* (чуланы), рубленныя или плетенныя изъ хворосту; ихъ можно назвать мужицкими кабинетами: тамъ спятъ лѣтомъ, а часто и зимою подъ суконными попонами и тулупами мужья съ женами, особенно молодые. Здѣсь хранится личная собственность супруговъ и прячется все, что можетъ возбудить зависть въ братьяхъ, невѣсткахъ, или досаду въ кропотливомъ свекрѣ и въ ворчуньѣ-свекрови. Во многихъ дворахъ можно найти колодцы, но они содержатся въ большой неопрятности. Вообще крестьяне дурно смотрятъ за ключами и источ-

никами воды; они не только не расчищають ихъ, а напротивъ засоряютъ всякаго рода нечистотою и оттого пьютъ нездоровую воду.

Внутренность крестьянской избы имѣетъ слѣдующій видъ: вокругъ стѣнъ внизу устроены лавки для сидѣнья; вверху — полки для кухонной посуды; въ углу подъ образами столъ, въ которомъ кладутся хлѣбъ, солонка, ложки, ножъ и деревянная чашка; около печи, въ параллель съ нею, или еще нѣсколько повыше, придѣлываются полати, — наслажденіе русскаго мужичка; отсюда выглядываютъ головы ребятишекъ со всклокоченными волосами и съ глазами красными отъ ѣдкаго дыма, выживающаго ихъ изъ мѣста ночнаго успокоенія; между полатями и поломъ устраивается еще для спанья помостъ въ родѣ кровати. Печь дѣлается не изъ кирпича, а изъ глины, которую сбиваютъ въ плотную массу особенными колотушками, называемыми *чекмарями*. Это бѣдное жилище зимою освѣщается иногда ночникомъ, а чаще древесною лучиною, или вымоченнымъ чернобыльникомъ и толстой коноплею. Вокругъ лучины горящей съ трескомъ, женщины садятся прясть или шить, а мужчины плесть лапти, исправлять упряжь или шить кафтаны, полушубки, и т. п.

Домашняя утварь у здѣшняго поселянина состоитъ изъ скамеекъ и табуретовъ о трехъ ножкахъ, самой грубой работы; иногда же, вмѣсто стула, употребляется просто отрубокъ дерева. Столовая посуда по большей части деревянная, крашеная и покрытая лакомъ: миска или блюдо, тарелка, нѣсколько ложекъ, половникъ и солонка — составляютъ постоянную принадлежность крестьянскаго стола. Ножъ столовый почти всегда одинъ; въ ножахъ и вилкахъ крестьяне не имѣютъ нужды, потому что берутъ мясо руками. Кухонная посуда состоитъ изъ нѣсколькихъ горшковъ разной величины, одного или двухъ чугуновъ, одной или двухъ сковородъ съ принадлежащими къ нимъ ухватами, кочергою и *чапельникомъ*. Для ношенія воды употребляютъ ушаты, ведра и большіе глиняные кувшины, а для питья черпаютъ воду желѣзными или деревянными *корцами*, небольшими кувшинчиками или деревянными чашечками. Около печи обыкновенно стоитъ *дежа* для печенія хлѣбовъ, а подъ лавками кадочка съ квасомъ и плетушки для сажанія птицъ на яйца. Вотъ

все принадлежности крестьянской избы, въ которой полъ рѣдко бываетъ мощеный, а обыкновенно земляной, впитывающій въ себя всякую сырость, и издающій не совсѣмъ пріятный запахъ.

Казалось бы, такое жилище должно вредно дѣйствовать на здоровье его обитателей? ни чуть не бывало. Въ этой дымной и сырой избѣ родятся и выростаютъ крѣпкіе и здоровые люди. Иные изъ нихъ живутъ часто до ста лѣтъ, а до восьмидесяти очень многіе. Должно думать, что дымъ, который густымъ облакомъ стелется по избѣ, когда ее топятъ, способствуетъ къ очищенію зараженнаго нечистотою воздуха и предохраняетъ крестьянъ отъ его вреднаго вліянія.

Пища крестьянъ въ здѣшнихъ мѣстахъ болѣе или менѣе различна, смотря по времени года. Въ зимній постъ она бываетъ самая грубая: кислая капуста съ квасомъ, лукомъ и солеными огурцами; рѣдька тертая съ квасомъ или нарѣзанная кусками, съ солью; картофель съ огурцами и съ квасомъ; горохъ разварной, или обвареный и толченый съ квасомъ, а иногда съ масломъ; каша съ квасомъ, а у болѣе достаточныхъ съ конопляными масломъ. Щи по большой части приготовляются изъ кислой капусты или квашеныхъ бураковъ: не приправленныя масломъ, они весьма невкусны; иногда дѣлаютъ сырое соложеное тѣсто и пареное, называемое *кулагою*, которое ѣдятъ съ большимъ аппетитомъ; или приготовляютъ изъ овсяной муки *толокно*; также варятъ соломату, которую ѣдятъ съ коноплянымъ сокомъ или съ квасомъ. Въ лѣтніе посты, на-примѣръ въ Петровки, варятъ щи изъ *снытки* и свеклы; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сюда прибавляютъ разныхъ грибовъ, которыми здѣшнія мѣста изобилуютъ. Грибы, употребляемые въ пищу, здѣсь очень различны; важнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: сморчки, грузди, полугрузди, черные и красные грибы, волвенки, бѣлянки, сыроѣжки, свинухи, говорушки, печерицы, пестрецы, масляники, опенки и нѣкоторые другіе. Изъ пшена или крупъ приготовляютъ жидкую кашицу съ грибами, пекутъ пироги изъ ржаной муки съ грибною начинкою; а когда поспѣваютъ земляника (по здѣшнему «пазубникъ») и клубника, то варятъ гречишные вареники съ начинкою изъ этихъ ягодъ. Зеленый лукъ, чеснокъ и молодая рѣдька въ это

время употребляются въ пищу весьма часто. Въ Успенскій постъ обыкновенно ѣдятъ свѣжіе огурцы, дыни, щи изъ свѣжей капусты или свеклы, иногда молодой картофель и кашу. Во время сѣнокоса и уборки хлѣба, въ постные дни, ѣдятъ кашицу, иногда *тюрю*, — хлѣбъ, накрошенный въ круто разсоленную воду или квасъ. Само-собою разумѣется, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣки, постная пища разнообразится рыбою и раками, роскошь, которую позволяютъ себѣ не многіе; мужикъ скорѣе повезетъ пойманную рыбу на продажу въ городъ, чѣмъ станетъ употреблять ее въ пищу.

Въ скоромные дни, по буднямъ, крестьяне ѣдятъ щи съ саломъ или съ свѣжиною (свинина), молоко, въ которое крошатъ хлѣбъ, кашу съ саломъ или съ молокомъ, соломату съ молокомъ; въ праздничные дни, лѣтомъ, нѣкоторые рѣжутъ баранчиковъ, поросятъ, куръ, а бѣдняки довольствуются тѣми же щами съ саломъ, яйцами и молокомъ. Есть впрочемъ много такихъ, которые большую часть года ѣдятъ постныя щи и сухой хлѣбъ. Къ годовымъ праздникамъ, особенно къ Рождеству Христову, Свѣтлому Воскресенію, а также къ храмовому празднику выкармливаютъ свиней, бычковъ и разную птицу; большая же часть покупаетъ въ городахъ солонину и говядину только для розговѣнья, а въ прочіе дни остаются при своей обыкновенной ежедневной пищѣ. Нѣкоторые крестьяне лѣтомъ ловятъ перепелокъ, стрѣляютъ дичь, а зимою ловятъ зайцевъ, куропатокъ, бьютъ тетеревовъ, но все это больше для продажи, чѣмъ для собственнаго употребленія. Любимымъ блюдомъ, составляющимъ предметъ угощенія, служатъ яичница съ саломъ или на молокѣ, а на масляницѣ блины и блинцы съ масломъ, сыромъ и сметаною. Изъ овощей на зиму заготовляютъ особенно капусту, бураки, картофель, рѣдьку, хрѣнъ, огурцы, тыквы, морковь, иногда арбузы; мочатъ груши и яблоки, или сушатъ груши, а яблоки кладутъ въ хлѣбные скирды, откуда достаютъ ихъ уже зимою, когда станутъ молотить хлѣбъ. Лѣтомъ солятъ и сушатъ разные грибы, запасаютъ калину, которую зимою употребляютъ въ пищу, приготовляя изъ нея и изъ муки жидкое тѣсто *кулагу*. Но конечно не многіе поселяне дѣлаютъ такіе обильные запасы; большая часть довольствуется самыми ограниченными заготовленіями.

Въ большихъ семьяхъ между женщинами наблюдается очередь въ приготовленіи пищи, печеніи хлѣбовъ и дѣланіи кваса, который, замѣтимъ кстати, не уваривается и потому называется *сыроевцъ*. Во время обѣда и ужина мужики сидятъ за столомъ, а бабы ѣдятъ стоя, очередная же приспѣшница или, какъ здѣсь называютъ, *денищица* обыкновенно вмѣстѣ съ другими не обѣдаетъ, а особо и одна.

Наружность здѣшнихъ поселянъ слѣдующая: ростъ обыкновенно высокій, части тѣла пропорціональныя между собою; лицо по большой части продолговатое, съ нѣсколько выдавшимися скулами; бороды у мужчинъ не очень окладистыя, а клинообразныя, ноги длинныя, плечи широкія, — признакъ крѣпкаго сложенія; волосы обыкновенно темнорусые, а иногда черные и свѣтлорусые, глаза обыкновенно сѣрые, и вообще черты лица довольно пріятныя.

Одежда мущинъ и женщинъ большею частью домашняго приготовленія. Мужики и бабы носятъ по буднямъ толстое посконное бѣлье, обыкновенно очень грязное. По праздникамъ же мужики надѣваютъ льняныя рубашки съ цвѣтными ластовицами, съ строченными *поликами* (оплечьями) и воротниками, или рубашки изъ александрійки, а порты набойчатые или китайчатые. Бабы носятъ рубашки съ миткалевыми или каленкоровыми станками, а тѣ, которыя побѣднѣе — съ льняными станками и съ цвѣтными ситцевыми рукавами, или же съ цѣлымъ пестрымъ ситцевымъ станкомъ и шитымъ подоломъ. Верхняя одежда лѣтомъ у мужиковъ: по буднямъ — бѣлые изъ овечьей шерсти зипуны, часто всѣ изорванные, а въ праздники — новые сѣрые и черные кафтаны. Женщины въ будни носятъ въ нѣкоторыхъ селахъ юбки изъ *волосени*, крашеныя мареною или червецомъ, а въ другихъ — клѣтчатыя *паневы*, тоже изъ волосени; въ праздники бабы надѣваютъ лучшія суконныя юбки, или паневы, вышитыя гарусомъ или шелкомъ и обшитыя бахрамою, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ ситцевыя юбки. Женскіе кафтаны въ разныхъ селахъ бываютъ разнаго покроя: въ иныхъ мѣстахъ шьются обыкновенные длинные халаты изъ сѣраго или бѣлаго сукна, окрашеннаго синею краскою; въ другихъ они имѣютъ особенный покрой, похожій на нынѣшнее мужское пальто и называются *шугаями* и *шушпана-*

ми; края воротника, полъ и подола обшиваются бумажною или шерстяною тесьмою. Зимою мужики и бабы носятъ овечьи тулупы и полушубки. На головахъ въ лѣтнее время мужики по буднямъ носятъ кой-какія оборванныя шляпенки и шапки; иногда дѣлаютъ себѣ шляпы и картузы изъ ржаной соломы или изъ бѣлаго войлока съ чернымъ околышемъ. Въ праздники, лѣтомъ, они надѣваютъ поярчатыя шляпы, которыя убираютъ павлинными перьями, бархатками съ стальными пряжками и мишурнымъ золотомъ, а зимою — высокія шапки, называемыя *кибардинками*. Женщины нѣкоторыхъ селъ въ будни повязываютъ головы льняными косынками, а по праздникамъ — пестрыми кашемировыми, или пунсовыми драдедамовыми платками; въ другихъ же селахъ онѣ носятъ по буднямъ простенькія кички, а по праздникамъ кички, шитыя спереди золотомъ и унизанныя разноцвѣтнымъ бисеромъ съ висячими нитками стекляруса на затылкѣ, а на самой макушкѣ родъ шапочки, которая называется *сордкою*; поверхъ кички набрасывается на голову покрывало изъ кисеи или серпянки. Эти кички стоятъ иногда отъ тридцати до сорока рублей и переходятъ въ наслѣдство отъ матери къ дочери. Дѣвки носятъ синіе или клѣтчатые сарафаны, а на головахъ вѣночки изъ позумента, или шитые золотомъ, съ лентами назади и съ гарусными кисточками на затылкѣ, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ дѣвки повязываютъ головы цвѣтными бумажными платками, а въ косу заплетаютъ нѣсколько лентъ; юбки же носятъ цвѣтныя, ситцевыя. Обувь у мужиковъ въ будни — лапти съ онучами, въ праздники — сапоги или коты съ толстыми чулками; у женщинъ въ обыкновенные дни — лапти, а въ праздничные у иныхъ черевики, а у другихъ коты и суконные чулки или опучи. Нѣкоторыя за щегольство считаютъ надѣть пары четыре чулокъ, изъ которыхъ самые верхніе не подвязываются, а опускаются небрежно по ногамъ; это дѣлается для того, чтобы полнѣе казались икры, что почитается непремѣнною принадлежностію женской красоты. Женщины въ нѣкоторыхъ селахъ подпоясываются очень низко, такъ что весь животъ выставляется впередъ и рубашка на животѣ нарочно выдергивается изъ-подъ паневы и напускается широкими складками; это называется *пазухою*. На шею бабы и дѣвки надѣваютъ монисты изъ разноцвѣтныхъ бисеровъ, также мѣдный

крестъ или образокъ, на шелковомъ или шерстяномъ снуркѣ, называемомъ *гайтаномъ*; крестъ онѣ перекидываютъ черезъ плечо на правую сторону.

Повѣрья здѣшняго простаго народа представляютъ много замѣчательныхъ особенностей. Въ праздничные и воскресные дни, какъ мужчины, такъ и женщины, обыкновенно ходятъ въ церковь, одѣвшись въ лучшія свои платья. Но нѣкоторымъ праздникамъ простой народъ оказываетъ здѣсь особенное уваженіе и приписываетъ имъ особенное значеніе; таковы, на-примѣръ: день Св. Власія — апрѣля 18-го и день Флора и Лавра — 18-го августа. Въ первый пригоняютъ коровъ, а во второй лошадей къ церкви, во время ранней обѣдни, служатъ молебенъ и кропятъ ихъ святою водою. Въ день Благовѣщенія пекутъ изъ теста *катушки*, или какъ иные называютъ *копытцы* и даютъ ихъ ѣсть овцамъ, чтобъ предохранить ихъ отъ болѣзней. Въ день Косьмы и Даміана — 1-го ноября, а въ иныхъ мѣстахъ въ праздникъ Женъ Мvроносицъ, каждый хозяинъ считаетъ непремѣнною обязанностію рѣзать куръ и приготовлять изъ нихъ различныя блюда. Іюня 24-го, въ праздникъ Рождества Іоанна Крестителя, между утреннею и обѣднею, ходятъ въ поле и въ лѣсъ собирать травы, которымъ приписываютъ цѣлебную силу. Въ день Кирика и Улиты — іюля 15-го, считается грѣхомъ жать хлѣбъ, и потому въ этотъ день въ поле не ходятъ, боясь видѣній или призраковъ, называемыхъ *маньяками*. На Троицкой недѣлѣ, въ четвергъ, здѣшняя чернь празднуетъ цѣлый день въ честь Кассьяна, котораго особенно чтитъ изъ боязни, чтобъ не случилось какого-либо несчастія. Св. Изосимъ и Савватій почитаются покровителями пчелъ; ихъ изображенія всегда находятся на пчельникахъ, и пчеловоды въ церкви ставятъ предъ ихъ иконою восковыя свѣчи домашняго приготовленія. Большимъ грѣхомъ почитается *мыкать мычки* и прясть пряжу въ пятницу, чтобы не оскорбить усопшихъ родителей, которымъ будто бы кострика или *шелуха* конопляная можетъ засорить глаза.

Начало и конецъ полевыхъ работъ сопровождаются также своими обычаями: въ середу на четвертой недѣлѣ Великаго Поста пекутъ изъ теста кресты, съ которыми ѣздятъ засѣвать хлѣбъ. Мужики, пріѣхавши въ поле, сначала обращаются къ востоку, потомъ молятся Богу, и съѣдаютъ сдѣланный изъ теста крестъ,

и уже послѣ того начинаютъ сѣять. Женщины, когда оканчиваютъ уборку хлѣба въ полѣ, оставляютъ на нивѣ нѣсколько колосовъ ржи, которые связываютъ узломъ, чтобъ и на слѣдующій годъ былъ урожай хлѣба. Илья Пророкъ почитается блюстителемъ за уборкою хлѣба; онъ, по мнѣнію простолюдиновъ, катается въ колесницѣ по небу; отъ того-то и бываетъ громъ.

Изъ всего этого видно, какъ еще невѣжественна здѣшняя чернь. Въ обыкновенномъ домашнемъ быту, на каждомъ шагу можно встрѣтить суевѣрія и предразсудки; такъ, на-примѣръ, неистребилось вѣрованіе, что въ каждомъ домѣ есть невидимый духъ—домовой, который если полюбитъ хозяина, то все въ домѣ пойдетъ хорошо; не взлюбитъ домовой какой скотины, хозяинъ хоть не держи ее: домовой ее замучитъ непремѣнно. Вы ни за что не увѣрите мужика, что онъ самъ сбился съ знакомой дороги; нѣтъ, онъ убѣжденъ, что лѣшій подшутилъ надъ нимъ и что стоило бы только выврнуть на себѣ рубашку на изнанку, нечистая сила тотчасъ бы изчезла. Этотъ лѣшій въ лѣсу кричитъ человѣческимъ, птичьимъ и звѣринымъ голосомъ; онъ аукается и заманиваетъ людей въ непроходимую чащу лѣса, чтобъ посмѣяться надъ ними. Русалки на Троицкой недѣлѣ, по мнѣнію простолюдина, купаются въ рѣкахъ, качаются на деревьяхъ, бѣгаютъ по полю, ловятъ людей и щекочутъ, если поймаютъ, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не умретъ отъ принужденнаго смѣха. Существованіе вѣдьмъ для него также кажется несомнѣннымъ: онъ охотно вѣритъ, когда ему расказываютъ, что вѣдьма ночью доитъ коровъ, превращается въ сороку, въ свинью, въ собаку и пугаетъ человѣка; что ее можно убить только на отмашъ кулакомъ или осиновымъ коломъ. Здѣшній мужикъ раскажетъ вамъ исторію происхожденія медвѣдя, который былъ когда-то человѣкомъ, да вздумавъ подшутить надъ однимъ пустынникомъ, сталъ за кустомъ и, когда тотъ проходилъ мимо, то онъ внезапнымъ крикомъ испугалъ его, за что и былъ проклятъ и обращенъ въ звѣря. Птица снигирь потому имѣетъ красный зобъ, что однажды въ единоборствѣ снигирь убилъ самца кукушки и обагрилъ себя его кровію. Съ тѣхъ поръ кукушка сдѣлалась горемычною пташечкою, которая всегда печально кукуетъ, а разбойникъ снигирь сохранилъ на перьяхъ своихъ слѣды своего преступленія.

Въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ здѣшніе крестьяне подчиняются многимъ предразсудкамъ. Такъ, когда сажаютъ птицу на яйца, то непремѣнно нужно принести яйца въ шляпѣ или въ шапкѣ, и чтобы выводъ цыплятъ былъ хорошъ, надобно, чтобъ никто не видалъ, когда сажаютъ птицу. Если недавно отелившагося теленка погладить по спинѣ, то онъ заболѣетъ поносомъ и околѣетъ. Если пересчитать чужую птицу, то она начнетъ дохнуть; если полюбоваться какимъ нибудь животнымъ, или похвалить его, то его можно *съ глазъ съѣсть*. Если постороннему посмотрѣть, какъ баба доитъ корову, то у коровы пропадетъ молоко и сама корова испортится. Если на ночь вынести соръ изъ избы и выкинуть за порогъ, то скотина во дворѣ начнетъ дохнуть; а потому, если и подметаютъ избу на ночь, то сора изъ избы не выбрасываютъ. Въ праздничный день сосѣдъ сосѣду огня не дастъ, чтобы предохранить свой скотъ отъ падежа. Также, когда въ домѣ родится какое либо домашнее животное, то въ этотъ день не даютъ въ займы ничего, не взявъ чего либо въ замѣнъ. Бываетъ, что курица вздумаетъ закричать по-пѣтушиному; такое обстоятельство предвѣщаетъ бѣду; чтобъ отвратить ее, берутъ эту курицу и мѣряютъ ею пространство отъ воротъ до порога избы, оборачивая то хвостомъ, то головою и, чѣмъ придется ей лечь на порогъ, то ей и отрубаютъ, но во всякомъ случаѣ въ пищу ее употреблять нельзя. У кого умирали дѣти, тотъ не долженъ ѣсть яблоковъ прежде Преображенія Господня; иначе умершимъ дѣтямъ на томъ свѣтѣ не дадутъ поиграть ни одного яблочка. Если воробей нечаянно влетитъ въ избу, или дятелъ долбитъ стѣны жилища, или собака воетъ и роетъ яму на дворѣ, или воронъ кричитъ, сидя гдѣ либо на строеніи, — все это принимается за признакъ чьей либо скорой смерти, и только умерщвленіемъ ея предвѣстника можно избѣгнуть неминуемой кончины. Въ нѣкоторыхъ селахъ невѣжественная чернь, въ случаѣ эпидеміи, прибѣгаетъ къ суевѣрному обыкновенію *опахивать смерть*. Съ вечера собираются дѣвки, вдовы и замужнія женщины въ однѣхъ рубашкахъ, съ распущенными волосами, держа въ рукахъ что либо, могущее издавать звукъ; берутъ соху, впрягаютъ въ нее беременную женщину, а управлять сохою даютъ дѣвкѣ, рѣшившейся нейти замужъ; прочія дѣв-

ки помогаютъ тащить соху, вдовы набираютъ песку и разсѣваютъ его по проведенной бороздѣ. Эта процессія обходитъ ночью вокругъ села со звономъ въ косы, чугуны и другія звучащія вещи. Вотъ слова, которыми заклинаютъ смерть:

Вотъ диво, вотъ чудо:
Дѣвки пашутъ,
Бабы песокъ разсѣваютъ.
Когда песокъ взойдетъ,
Тогда къ намъ смерть придетъ.

Всего хуже въ этомъ суевѣрномъ обычаѣ то, что неистовая и безсмысленная толпа съ остервенѣніемъ бросается на все, что попадется ей на пути, и старается уничтожить; если встрѣтится человѣкъ, то его изобьютъ до полусмерти, а животныхъ убиваютъ и разрываютъ на части.

Предразсудки встрѣчаютъ простолюдина со дня его рожденія. Когда роженица долго мучится родами, то, чтобы помочь ей, считаютъ нужнымъ обвесть ее три раза вокругъ стола. Когда окрестятъ младенца, бабка-повитуха беретъ его и кладетъ на тулупъ или шубу, чтобъ новорожденный былъ богатъ. За обѣденнымъ столомъ на крестинахъ бабка приноситъ кашу и, поднявъ ее три раза, произноситъ при этомъ: «какъ въ полѣ ложится туманъ, такъ пусть будетъ младенцу счастье и таланъ»; кума между тѣмъ поднимаетъ младенца къ иконамъ и онѣ другъ передъ другомъ кричатъ: *мое выше*, *мое выше*. Отцу новорожденнаго бабка подноситъ въ ложкѣ каши, круто посоленой, и рюмку водки, съ желаніемъ, чтобъ младенецъ великъ росъ, да былъ счастливъ. Если младенецъ по чему-либо много кричитъ, то мать, положивши его себѣ въ подолъ, несетъ на зарѣ въ курятникъ лечить отъ *криксы*, и тамъ, купая дитя подъ насѣстью, говоритъ: «заря, зарница, красная дѣвица! возьми свою криксу, отдай намъ сонъ.» Чтобы дитя скорѣе начало ходить, на Свѣтлый праздникъ, во время заутрени и обѣдни его проводятъ по току. Въ способѣ леченія простолюдины не затрудняются; у нихъ *нашептываніе* и *отдуваніе* считаются за главныя цѣлебныя средства. И потому въ болѣзняхъ они прежде всего обращаются къ знахарямъ и лекаркамъ, и только въ крайней необходимости приходятъ за совѣтомъ къ помѣщику, если есть въ селѣ, или къ священнику. Впрочемъ, къ

чести крестьянъ надобно сказать, что какъ скоро ребенокъ заболѣетъ, то его приносятъ въ воскресный день въ церковь и пріобщаютъ Св. Таинъ, вѣруя, что чрезъ причащеніе всякая болѣзнь пройдетъ сама собою. Всѣ недуги и ломота, и гемороидальные припадки, и ревматизмъ, и даже наружныя болѣзни, слывутъ у здѣшнихъ простолюдиновъ подъ общимъ названіемъ *младенца* или *родимца*. Деревенскіе знахари пользуютъ отъ этой болѣзни всякій по своему, — то наговоромъ воды, то травами. Отъ жабы, по мнѣнію крестьянъ, можетъ излечить только тотъ, кто задавилъ пальцами крота. Такой лекарь беретъ больнаго и давитъ ему жабу двумя пальцами, съ полною увѣренностію, что этимъ вылечитъ болѣзнь. Кто хочетъ узнать, кому предстоитъ близкая смерть, тотъ во время заговѣнья на Филипповъ постъ садится верхомъ, раздѣтый до-нага, на кочергу, объѣзжаетъ, когда всѣ ужинаютъ, вокругъ дома, и смотритъ въ окно, такъ чтобъ никто этого не замѣтилъ: тотъ, кому скоро умереть, представится ему непремѣнно безъ головы.

При заключеніи брачныхъ союзовъ простолюдины соблюдаютъ много любопытныхъ обыкновеній, которыя всѣми строго исполняются.

Отецъ, задумавъ женить сына, сначала развѣдываетъ стороною о невѣстѣ и, получивъ нужныя свѣдѣнія о ея досужествѣ, нравственности и состояніи ея родителей, является дѣлать предложеніе. Если родители невѣсты согласны отдать дочь замужъ, то сажаютъ свата передъ печкою на загнетку и потчуютъ его водкою. Побесѣдовавъ между собою не очень долго, разстаются. Черезъ недѣлю или болѣе, родители жениха приходятъ въ домъ невѣсты, приносятъ съ собою водку и дѣлаютъ такъ-называемый *пропой*. Потомъ съ общаго согласія назначаютъ время для сговора. Невѣста собираетъ къ этому дню своихъ подругъ; передъ вечеромъ, въ домъ невѣсты приходитъ женихъ съ своею роднею. Всѣ останавливаются у дверей и говорятъ, что пріѣхали люди чужестранные, сбились съ дороги и просятся переночевать. Ихъ сначала не пускаютъ, а послѣ отецъ невѣсты, съ словами: «Сватъ не сватъ, а добрый человѣкъ», отворяетъ дверь и вводитъ гостей въ избу. Поздоровавшись, родители жениха сажаютъ невѣстину родню за

столъ, и подносятъ по три рюмки водки. Потомъ входитъ невѣста съ дарами и начинаетъ дарить жениха и всю его родню полотенцами своей работы.

Послѣ раздачи невѣстою подарковъ, жениха заставляютъ ее поцѣловать; при этомъ подруги поютъ:

Далече, далече, въ темномъ лѣсѣ,
Высоко, высоко на дубѣ,
Голубь голубку цѣлуетъ,
Правымъ крылышкомъ обнимаетъ.
«Ты же, голубушка, не сдавайся,
«Правымъ крылышкомъ отбивайся».
— Я бы рада отбивалась,
Да не въ тѣ когти попалась.—
Высоко, высоко въ теремѣ
Иванъ Марью цѣлуетъ,
Правою рукою обнимаетъ.
«А ты, Марьюшка, не сдавайся,
«Правою рукою отбивайся».
—Рада бы я отбивалась,
Да не въ тѣ руки попалась. —

Послѣ того всѣ снова садятся за столъ; невѣста угощаетъ жениха орѣхами, которые будто бы сама нарвала въ лѣсу. Подруги между тѣмъ поютъ:

Тужитъ, горюетъ перепелушка:
«Гдѣ-то мнѣ зимовать будетъ.»
Откуда ни взялся младъ ясенъ соколъ:
«Не тужи, не горюй, перепелушка,
Я тебя беру къ себѣ на крыло,
Къ себѣ на крыло, на сизо перо;
Зимовать будемъ во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, во тепломъ гнѣзду.»
Тужитъ, горюетъ свѣтъ Марьюшка:
«Гдѣ мнѣ красной дѣвушкѣ вѣковать будетъ.»
Откуда ни взялся свѣтъ Иванушка:
«Не тужи, не горюй, моя Марьюшка,
Я тебя беру къ себѣ на руки,
Къ себѣ на руки, совсѣмъ на вѣки;
Я тебя буду кормить, поить и печалиться.»

Поѣвши кушанья, приготовленныя жениховыми родителями, и часто привезенныя за нѣсколько верстъ, принимаются за кушанья, приспѣтыя родителями невѣсты. Въ продолженіе ужи-

на подруги не перестають пѣть; вотъ величальная пѣсня жениху и невѣстѣ:

Виноградна ягодка расцвѣтала,
Расцвѣтёмши, ягодка опадала.
Марья батюшкѣ своему говорила:
«Не давай меня, батюшка, молоду замужъ,
Не уповай, мой родимый, на богатство.
Выбирай мнѣ, батюшка, человѣка,
Съ ростомъ, дородствомъ, красотою,
Съ своей молодецкой чистотою,
Чтобъ не стыдно красной дѣвкѣ на улицу выйти,
Чтобъ не стыдно молодушкѣ похвалиться:
Сестрицы, подруженьки! То-то ровня!»

Послѣ ужина пѣсни и пляска продолжаются довольно долго; потомъ жениховъ отецъ подноситъ всѣмъ по три стакана водки, а женихъ начинаетъ прощаться съ невѣстою. Подруги невѣсты въ это время поютъ:

Вечоръ поздо къ намъ соколъ прилеталъ,
А утромъ рано опять отлеталъ.
Встужилася соколка его,
Всплакалася сизокрыленькая.
Вечоръ поздо къ намъ Иванъ пріѣзжалъ,
А утромъ рано опять отъѣзжалъ.
Стужилася его Марьюшка,
Всплакала свѣтъ Васильевна.

Затѣмъ всѣ расходятся. На другой день жениховъ отецъ является въ домъ невѣсты съ водкою опохмѣлить невѣстину родню. Возвратившись домой, родители жениха съ своими гостями, называемыми **поѣзжанами**, садятся обѣдать, а послѣ обѣда отправляются къ невѣстѣ, и снова садятся обѣдать. Передъ обѣдомъ невѣсту становятъ съ ея подругами въ рядъ; всѣ дѣвушки покрываютъ себѣ лица, и женихъ долженъ выбирать изъ нихъ ту, которая съ нимъ помолвлена; если онъ ошибется и укажетъ не на свою невѣсту, то платитъ деньги за ошибку той, которую принялъ за невѣсту. Когда женихъ найдетъ свою невѣсту, ее ведутъ за столъ, а около нея сажаютъ мальчика, меньшаго брата или посторонняго, съ **веселкою** въ рукахъ, которою мѣсятъ кашу или соломату. Этотъ мальчикъ *продаетъ дѣвичью косу*, и до тѣхъ поръ не пускаетъ жениха сѣсть около невѣсты, пока дружка, товарищъ жениха, не заплатитъ ему денегъ и не попотчуетъ водкою.

После обѣда дружко выводитъ невѣсту изъ-за стола, отецъ и мать ея разстилаютъ на полу шубу, шерстью вверхъ, становятъ на нее скамью, берутъ въ руки образъ и благословляютъ невѣсту къ вѣнцу. При этомъ подруги невѣсты поютъ:

Съ вечера бѣлъ-заюшка по приволью скачетъ,
Съ полуночи бѣлъ-сѣренькой на столѣ на блюдѣ.
Съ вечера Марьюшка скакала, плясала,
Съ полуночи Васильевна плакала, рыдала:
«Сестрицы мои, подруженьки! какъ же мнѣ быти,
Какъ же мнѣ быти, чѣмъ свекра дарити?
Подарю я свекра шитою рубашкой,
Шитою, бѣлою, тонкою льняною».

То же поется и для свекрови и для жениха, только ему невѣста обѣщаетъ подарить «аленькій платочекъ, новенькій». Когда отецъ и мать благословятъ невѣсту, дружко и сваха выводятъ ее изъ избы и сажаютъ на подводу; въ это время дѣвушки, находящіяся въ поѣздѣ, поютъ:

Вскрикнули гуси, лебеди,
Дунай рѣку переплывши,
Сине море перелетѣвши.
Всплакнула Марьюшка,
Съ двора батюшки съѣзжаемчи,
Съ отцомъ матерью прощаемчись.

Дядька (не дружко ли?) съ женихомъ садится на другую подводу и вмѣстѣ съ поѣзжанами отправляется въ церковь. Въ продолженіе пути отъ дому до церкви поютъ разныя пѣсни, на-примѣръ:

Изъ лога, лога, ѣхали бояре стрѣляемчи,
Луками, стрѣлами все мѣняемчи;
Одинъ только Ванюшка не мѣняется.
«Что же ты, Ванюшка, не мѣняешься?
— Мѣняйтеся, братцы, не ждите меня:
Мнѣ нынѣ быть во Божьемъ суду,
Во Божьемъ суду, въ святомъ вѣнчаньѣ.—
Съ терема на теремъ красны дѣвки шли,
Красны дѣвки шли, все играемчи,
Вѣнками, цвѣтками все мѣняемчи;
Одна только Марьюшка не мѣняется.
«Что же ты, свѣтъ Марьюшка, не мѣняешься?»
— Мѣняйтесь, подруженьки, не ждите меня:
Мнѣ нынѣ быть во Божьемъ суду,
Во Божьемъ суду, въ святомъ вѣнчаньѣ.—

Отецъ и мать жениха, надѣвъ на себя навыворотъ тулупы и разложивъ у воротъ огонь, чтобы разрушить всякую порчу, встрѣчаютъ молодыхъ отъ вѣнца съ хлѣбомъ-солью, поставленными на опрокинутой дежѣ, и осыпаютъ ихъ хмѣлемъ и зерновымъ хлѣбомъ въ знакъ будущаго богатства. Если невѣста живетъ въ томъ же селѣ, гдѣ женихъ, то она отъ вѣнца прежде ѣдетъ въ свой домъ, и взлѣзаетъ на печь, а подруги ея садятся за столъ и поютъ:

На морѣ галка купалася,
На бережечку отряхалася,
Во сыромъ бору обсушалася:
Марьюшка въ теремѣ убиралася.
Приходитъ къ ней, что ни большій братъ:
«Ужоль ты, сестра, снарядилася?»

Потомъ поютъ, что приходитъ средній братъ, а новобрачная все сидитъ на печи; когда же пропоютъ:

Приходитъ къ ней, что ни меньшій братъ:
«Ужоль ты, сестра, снарядилася?»

молодая слѣзаетъ съ печи, идетъ къ столу, бросается на него головою и плачетъ во весь голосъ, или, какъ простолюдины выражаются, *голоситъ*. Ее сажаютъ за столъ, а сваха расплетаетъ ей косу; косу раздѣляютъ на двое, обвертываютъ вокругъ головы и потомъ повязываютъ платкомъ, или надѣваютъ на невѣсту кичку. Когда расплетаютъ косу, подруги молодой поютъ:

Не трубушки трубятъ рано по зарѣ,
То Марьюшка плачетъ по русой косѣ:
«Свѣтъ ты моя косушка русая,
Свѣтъ ты моя ленточка алая!
Вечоръ тоё косушку подружки плели,
По утру ту косушку свашенька плела;
Подруженьки плели на одинъ часокъ,
А свашенька заплела навѣки».

Въ нѣкоторыхъ селахъ расплетаютъ или, какъ здѣсь говорятъ, *повиваютъ* косу въ церкви, и молодая ѣдетъ уже повязанная или въ кичкѣ.

Когда молодой пріѣзжаетъ отъ вѣнца, то всѣ садятся за столъ. Новобрачная даритъ свекра и свекровь рубашками, ко-

торыя тутъ же надѣваются поверхъ всего платья. Свекоръ и свекровь сидятъ въ этихъ рубашкахъ въ продолженіе всего стола; новобрачнымъ даютъ ѣсть, а между тѣмъ избирается чета супруговъ, живущихъ согласно и въ любви другъ съ другомъ, и отправляется въ спальню новобрачныхъ *обогрѣть постель*. Когда молодые закусятъ, дружко и сваха выводятъ ихъ изъ избы въ *повѣтку* спать; уложивъ ихъ, они возвращаются къ поѣзжанамъ и садятся ужинать. Во время стола гости поютъ веселыя пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ:

Соловей мой, соловеюшко,
Соловей молоденькій!
Какъ тебѣ соловеюшко не стошнится
Во темномъ лѣсу сидѣмчи,
На зеленый боръ глядѣмчи?
Молодка, молодушка молоденькая!
Какъ тебѣ молодушка не стошнится,
Во горенкѣ все сидѣмчи,
На стараго мужа глядѣмчи,
На сѣду его бородушку?
— Пойду млада въ темный лѣсъ,
Нарву хмѣлю яраго,
Наварю пива пьянаго,
Напою мужа стараго,
Положу спать на погребѣ,
Накрою соломою,
Соломой гречишною,
Сверху пшеничною.
Пойду я во горенку,
Вздую я лучинушку,
Подожгу соломушку.
Выйду я на улицу,
Крикну громкимъ голосомъ:
Братцы вы, товарищи!
Маво мужа громъ убилъ,
Меня Богъ помиловалъ:
Съ кроватки свалилася,
Рукой защитилася,
Доской заслонилася.

На другой день всѣ гости собираются къ обѣду, пьютъ, гуляютъ и поютъ пѣсни, въ такомъ родѣ:

Молодая тещa по новымъ сѣнямъ ходила,
Молодаго зятюшку за рученьку водила.

«Тещенька, моя матушка, тошно мнѣ».
— Съ чегожъ тебѣ, мое дитятко, стошнилось? —
«Да горазда ли твоя Марьюшка тонко прясть?»
— Горазда, горазда, мое дитятко, научена,
Наученая въ чужи люди отдана. —
«Да умѣетъ ли твоя Марьюшка часто ткать,
И умѣетъ ли Васильевна домомъ жить?»
— Горазда, горазда, мое дитятко, научена,
Наученая въ чужи люди отдана. —

Или:

Какъ у нашего сосѣда
Весела была бесѣда:
Гуси въ гусли,
Утки въ дудки,
Овцы въ донцы,
Бараны въ барабаны, и пр.

Или:

Блошка банюшку топила,
Вошка парилася,
Съ полкà ударилася.
Она бокомъ ненарокомъ,
Ребро переломила, и пр.

Послѣ обѣда молодые остаются дома, принимаются за обыкновенныя домашнія дѣла, а гости продолжаютъ пировать, переходя изъ дому въ домъ. Если на свадьбѣ въ гостяхъ былъ только мужъ или жена, а не оба супруга, то онъ можетъ не приглашать свадебныхъ гостей къ себѣ въ домъ, а принести штофъ водки туда, гдѣ они пируютъ, и сказать: «вотъ и моя харчь, господа честные;» а если на свадьбѣ присутствовали оба супруга, то они уже обязаны непремѣнно пригласить къ себѣ въ домъ всѣхъ поѣзжанъ или «бояръ.»

Обряды при погребеніи усопшихъ не представляютъ замѣчательныхъ особенностей. Человѣка близкаго къ смерти обыкновенно стараются, еще при жизни его, обмыть, одѣть и положить подъ образа, или, какъ здѣсь говорятъ, *подъ святые*. Обмывать тѣло послѣ смерти считается большимъ грѣхомъ; крестьяне думаютъ, что въ какомъ видѣ человѣкъ умретъ, въ томъ и долженъ явиться на Страшномъ Судѣ. Нерѣдко случается, что изъ-подъ святыхъ люди встаютъ, выздоравливаютъ

и живутъ еще по нѣскольку лѣтъ. Есть у простолюдиновъ обычай голосить надъ умершимъ, хотя бы то былъ человѣкъ посторонній; нѣкоторыя женщины оплакиваютъ всякаго умершаго, и если спросите, о чемъ онѣ плачутъ, навѣрно услышите отвѣтъ: «по своему горю». Когда усопшаго принесутъ хоронить, то бросаютъ въ могилу грошъ или другую монету, чтобы откупить покойнику мѣсто на томъ свѣтѣ. По истеченіи шести недѣль послѣ смерти, пока душа умершаго, по мнѣнію крестьянъ, еще находится на землѣ между людьми, дѣлаютъ изъ теста лѣстницу, съ тѣмъ, чтобы по ней душа усопшаго взошла на небо. Въ Свѣтлое Воскресенье родные ходятъ на кладбище катать на могилѣ яйца, чтобы обрадовать и усопшаго такимъ торжественнымъ праздникомъ. Крестьяне думаютъ также, что душа, по разлученіи съ тѣломъ, нуждается въ пищѣ, и потому печь пироги и блины для поминовенія усопшихъ родственниковъ значитъ, по ихъ мнѣнію, пещись о насыщеніи ихъ душъ. Для этого они бросаютъ пироги и блины на могилы, даже льютъ на нихъ водку. Впрочемъ съ поминаньями, разумѣется, соединено также желаніе, чтобы накормленные люди сохраняли въ памяти доброе воспоминаніе объ умершемъ.

Увеселенія и забавы здѣшней черни состоятъ зимою и лѣтомъ преимущественно изъ игрищъ на улицахъ. На Святой Недѣлѣ, на Троицкой Недѣлѣ, на Петровъ День они устроиваютъ веревочныя качели, называемыя *вислыми*, и *круглыя*, съ лавочками для сидѣнья; подъ качели выходитъ вся молодежь, разодѣтая въ лучшіе наряды. Зимою, особенно на Рождественныхъ святкахъ, собираются дѣвки и молодые парни къ кому-нибудь въ избу, играютъ тамъ въ карты, въ жгуты, въ сосѣди и пляшутъ подъ звуки балалайки, дудки или камышовыхъ дудочекъ, называемыхъ *жельйками*. Впрочемъ, теперь стали входить въ большое употребленіе *гармонійки*, которыя замѣняютъ прежніе музыкальные инструменты. Игрища обыкновенно собираются около кабака. Проѣзжая черезъ деревню въ день праздничный, навѣрно встрѣтишь толпу мужиковъ около питейнаго дома, да и въ будни онъ рѣдко бываетъ пустъ. На улицу собираются дѣвки, холостые парни, а также молодыя бабы и женатые молодые мужики; сходиться начинаютъ не задолго до сумерекъ. Когда соберется порядочное число пѣвицъ и плясуновъ, со-

ставляется хороводъ. Дѣвки и парни становятся въ кружокъ, взявшись за руки ходятъ вокругъ, пристукивая ногами въ ладъ и крича во все горло пѣсни, въ которыхъ часто нѣтъ смыслу; по крайней-мѣрѣ во многихъ изъ нихъ большая смѣсь разнородныхъ предметовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Почти во всѣхъ уличныхъ или хороводныхъ пѣсняхъ говорится о красныхъ дѣвкахъ и холостыхъ ребятахъ и о ихъ взаимной сердечной склонности. Вотъ, напримѣръ, одна изъ хороводныхъ пѣсень:

Уродился мальчикъ бравый,
Онъ собою бѣлъ, хорошъ:
Русы кудри завивныя,
Принапудренныя.
Его дѣвка полюбила,
Въ Кострому городъ вступила,
Плису, бархату купила,
Короватушку обила,
Теговую сукрасила.
Вотъ по старымъ по примѣтамъ
Черезъ улицу
Сѣрой утицею,
Черезъ садъ, виноградъ
Перепелицею,
Чрезъ широкій дворъ,
Краснымъ кочетомъ,
А въ высокъ теремъ,
Добрымъ молодцемъ,
Пришелъ милый другъ
Къ красной дѣвицѣ.

Или:

Леталъ голубь, леталъ сизый
Со голубушкою.
У голубя, у сизаго
Золотая голова,
У голубушки его
Позолоченая.
«У кого жъ у насъ, братцы,
Да хорошая жена,
Хорошая, пригожая,
Молоденькая?»
—У Иванушки, братцы,

Да хорошая жена.—
Братья ему позавистовали:
«Если бъ братова жена
Да намъ въ руки отдана,
То-то бъ ее снарядилъ,
Да на улицу пустилъ.»

Эти уличныя сборища часто продолжаются всю ночь, отъ вечерней зари до утренней, такъ что послѣ уличнаго веселья пѣвицы и плясуны отправляются прямо въ поле на работу.

Важнѣйшее занятіе поселянъ здѣшняго края есть земледѣліе. Почва земли въ большей части селеній Нижнедѣвицкаго уѣзда черноземная и весьма удобная для хлѣбопашества. Въ здѣшнихъ мѣстахъ сѣется всякаго рода хлѣбъ: рожь, пшеница, овесъ, ячмень, греча, просо, горохъ и отчасти чечевица; кромѣ того макъ, конопля и ленъ. Первое мѣсто между хлѣбами занимаетъ рожь; она составляетъ основу богатства здѣшняго земледѣльца; для нея существуютъ и нѣкоторыя поговорки, заимствованныя изъ опыта, напримѣръ: *будетъ въ маѣ дождь будетъ и рожь*, или: *осень говоритъ уклочу, а весна скажетъ: какъ хочу*. Пшеницы мужики сѣютъ очень мало и то больше на продажу, а не для собственнаго употребленія. Греча, просо и овесъ сѣются въ большемъ количествѣ, ибо солома ихъ служитъ кормомъ для скота. Горохъ и чечевица въ небольшомъ употребленіи. Коноплю преимущественно сѣютъ на огородахъ, а иногда и въ полѣ, на низкихъ мѣстахъ и на стойлахъ; она годами родится хорошо, ленъ же почти всегда бываетъ малъ ростомъ и не волокнистъ, и потому въ здѣшнихъ мѣстахъ покупаютъ ленъ привозный изъ другихъ губерній. О плодородіи земли ничего нельзя сказать опредѣлительнаго: гдѣ земледѣльцы старательно обработываютъ и удобряютъ землю, тамъ и хлѣбъ родится лучше. Вообще помѣщичьи имѣнія въ этомъ отношеніи представляются въ несравненно лучшемъ видѣ, чѣмъ земли государственныхъ крестьянъ. У послѣднихъ земледѣліе хотя и составляетъ главнѣйшее занятіе, но оно идетъ и теперь такимъ же порядкомъ, какъ за сто лѣтъ предъ симъ; очень немногіе стараются удобрять землю посредствомъ унавоживанія, да въ иныхъ мѣстахъ этого и сдѣлать невозможно: отдаленность полей есть важнѣйшая причина, препятствующая развитію

хлѣбопашества. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ поле отъ жилищъ бываетъ верстахъ въ пятнадцати и болѣе; случается, что крестьянинъ, пріѣхавъ на работу и будучи застигнутъ непогодою, принужденъ возвратиться домой, не сдѣлавъ ничего и потерявъ весь день на одну проѣздку изъ дома въ поле и обратно. Отдаленность полей мѣшаетъ успѣшности работъ, лишаетъ крестьянина всякой возможности хорошо воздѣлать свою ниву и удобрять землю навозомъ. Земледѣльческія орудія у государственнаго крестьянина худо приспособлены къ дѣлу; онъ пашетъ одноконною легкою сохою, которая, отъ нерадѣнія пашущаго, часто не прорѣзываетъ глубокой борозды, а почти скользитъ по поверхности земли. При перевозкѣ хлѣба въ гумно, отдаленность поля изнуряетъ лошадей и требуетъ большихъ издержекъ на смазку колесъ; кромѣ того, дороги въ нашихъ селеніяхъ вездѣ почти дурны, въ особенности по горамъ и при переправахъ черезъ ручьи и ровки; отъ этого въ телѣгахъ часто ломаются оси и колеса. Все это стѣсняетъ скорое и удобное производство земледѣльческихъ работъ. Наконецъ трудность воздѣлыванія собственныхъ полей, а отчасти и лѣность, заставляютъ многихъ изъ здѣшнихъ поселянъ еще съ весны покидать дома и отправляться на заработки въ Донскія мѣста и въ Малороссійскія губерніи, гдѣ и проживаютъ они почти до осени.

Помѣщичьи имѣнія представляютъ совсѣмъ другую картину. У большей части здѣшнихъ помѣщиковъ хорошо устроены земледѣльческія заведенія, какъ-то постройки для молотьбы, сушенія и сбереженія хлѣбнаго зерна; есть разныя машины для молотьбы и вѣянія хлѣба. Поля у помѣщиковъ, какъ барскія, такъ и крестьянскія, обработываются очень хорошо; удобреніе земли считается необходимою принадлежностію земледѣлія, отъ чего и хлѣбъ родится у нихъ всегда хорошо. И потому можно утвердительно сказать, что наше земледѣліе поддерживается помѣщиками, которые стараются усвоить себѣ всякое полезное изобрѣтеніе или открытіе по части земледѣлія и научить тому же своихъ крестьянъ. Къ успѣшному ходу земледѣлія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ должно отнести и то, что когда какой-либо крестьянинъ за болѣзнію, или потому что у него пала лошадь, не можетъ обработать самъ своего поля, — помѣщикъ дѣлаетъ это барщиною.

Объ урожаяхъ должно замѣтить слѣдующее: въ хорошіе урожайные годы рожь и овесъ бываютъ самъ-восемъ, и тогда этотъ хлѣбъ бываетъ очень дешевъ: рожь — въ девяносто копѣекъ серебромъ четверть и дешевле, овесъ — въ сорокъ и пятьдесятъ копѣекъ серебромъ, не дороже. Греча по большей части родится самъ-восемъ и даже самъ-десять, а потому цѣна и на этотъ хлѣбъ бываетъ не болѣе пятидесяти копѣекъ серебромъ. Просо родится иногда самъ-пятнадцать и бываетъ въ рубль серебромъ и болѣе четверть. Всѣ эти хлѣба въ урожайные годы мало вознаграждаютъ труды земледѣльца и едва выкупаютъ ему собственныя издержки; одна только пшеница приноситъ значительный доходъ: она иногда родится самъ-десять и дешевле трехъ рублей серебромъ рѣдко бываетъ. Но государственные крестьяне сѣютъ ея очень мало въ сравненіи съ прочими хлѣбами.

Къ занятіямъ здѣшнихъ поселянъ принадлежитъ и пчеловодство. Правда, здѣсь нѣтъ большихъ заведеній, какъ въ губерніяхъ малороссійскихъ, однакожъ есть мужички, которые становятъ на зиму во мшеники ульевъ по двѣсти и болѣе; а такихъ, которые имѣютъ по сту, или по пятидесяти ульевъ, найдется много.

Скотоводство въ здѣшнихъ мѣстахъ довольно скудно, по недостатку хорошихъ пастбищъ; рогатый скотъ мелокъ и немолоченъ; лошади въ иныхъ селеніяхъ довольно хороши, а въ другихъ малорослы и слабосильны. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ есть лошади улучшенной породы, а у самихъ помѣщиковъ — конскіе заводы, хотя и небольшіе, но хорошаго качества; лошади съ этихъ заводовъ бываютъ хороши въ ѣздѣ и даже годны для артиллеріи. Овцы въ здѣшнихъ мѣстахъ простыя, бѣлыя и черныя, и водятся въ значительномъ числѣ. Въ имѣніи князя Меньшикова есть и порода мягкорунныхъ овецъ, но не въ большомъ количествѣ. Здѣшнія свиньи мелки.

Въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ селахъ къ числу промысловъ принадлежитъ приготовленіе березовыхъ метелъ, которыя вяжутся осенью, а зимою и весною развозятся по другимъ селеніямъ, гдѣ продаются за деньги, или промѣниваются на хлѣбъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ дѣлаютъ колеса, гнутъ ободья и по-

лозья и продаютъ ихъ на деревенскихъ и городскихъ ярмаркахъ. Крестьяне другихъ селеній, напримѣръ села Хорошилова, занимаются выдѣлкой глиняной посуды изъ красножелтой и сѣрой глины; они обмѣниваютъ ее на хлѣбъ, яйца и продаютъ за деньги. Нѣкоторые изъ государственныхъ крестьянъ занимаются плотничествомъ, но между ними нѣтъ хорошихъ мастеровъ; и въ этомъ отношеніи отличаются помѣщичьи крестьяне, особенно князя Меньшикова изъ села Знаменскаго. Они составляютъ между собою артели и идутъ плотничать въ города и села съ весны и до поздней осени. Вообще, между государственными крестьянами мастеровыхъ очень мало: столяры, кузнецы, портные, сапожники, ткачи, токари и другіе ремесленники все больше господскіе люди.

Число грамотныхъ людей между государственными крестьянами весьма ограниченно въ настоящее время; но нѣтъ сомнѣнія, что заведенныя въ селеніяхъ школы скоро дадутъ возможность приготовить грамотныхъ людей въ большемъ количествѣ.

Женщины въ здѣшнихъ мѣстахъ занимаются пряденіемъ шерсти, льна и поскони. Въ нѣкоторыхъ селахъ, напримѣръ: въ Роговатомъ, Истобномъ, Семидесятомъ, Синихъ-Лемегахъ *, Матренкахъ и другихъ, женщины приготовляютъ изъ волосени на паневы очень красивую на видъ и прочную въ носкѣ ткань; она весьма похожа на шелкъ и составляетъ предметъ щегольства. Въ другихъ селахъ, напримѣръ: въ Чужиковой, Дмитревскомъ, Шаталовкѣ, женщины ткутъ довольно тонкія льняныя полотна, которыя выбѣливаютъ набѣло, и любятъ щеголять хорошими рубашками. Сукна для кафтановъ у всѣхъ домашняго приготовленія и бываютъ иногда довольно тонки и плотны; особенно хорошо приготовляютъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ткани изъ сѣрой волосени; изъ нея мужики шьютъ себѣ лѣтніе халаты, въ родѣ нынѣшнихъ пальто-сюртуковъ: они нарядны и для лѣта очень легки. Подъ конецъ зимы и съ начала весны женщины ткутъ полотна разной доброты, *рядна*, попоны, онучи и сукно. Полотна бѣлятъ весною и лѣтомъ, а сукна валяютъ осенью и зимою дома, или на водяныхъ мельницахъ, гдѣ есть сукновальни.

* На картѣ Шуберта: Синія-Липяги.

Казалось бы, что мужику, при его средствахъ въ домашнемъ быту, не нужно много денегъ на расходы; а между тѣмъ, если расчесть всѣ его потребности, то выдетъ, что онъ издерживаетъ свыше пятидесяти рублей ассигн. въ годъ и что этимъ потребностямъ едва удовлетворяетъ его доходъ, а въ иные годы приходъ не покрываетъ расхода.

Вотъ балансъ прихода и расхода здѣшняго помѣщичьяго крестьянина:

Каждое тягло почти всегда состоитъ изъ двухъ ревизскихъ душъ, и одного или двухъ подростковъ, такъ что на тягло приходится четыре потребителя, не считая грудныхъ и малолѣтнихъ. Хлѣба на эти четыре души потребно не менѣе 12-ти четвертей озимаго и 2-хъ яроваго на кашу; приварокъ, огородныя овощи и сборы со скота нейдутъ въ счетъ. Трехъ четвертей на душу не много, если изъ нихъ отдать еще за помолъ, потому что въ работѣ, особенно полевой, человѣкъ всегда съѣдаетъ съ хорошимъ приваркомъ около четырехъ фунтовъ и даже болѣе хорошаго ржанаго хлѣба, а пшеничнаго гораздо болѣе; подростки и неисправляющіе тяжелыхъ работъ ѣдятъ менѣе трехъ фунтовъ. Земли на тягло дается по двѣ казенныхъ десятины въ каждомъ клину трехпольнаго хозяйства и по одной десятинѣ покосу; одна десятина приходится подъ поселеніе, огородъ, коноплянникъ и выгонъ; лѣсъ въ особомъ счетѣ. Въ благопріятные для урожая годы собирается: ржи съ двухъ десятинъ 16 четвертей; яроваго, гречи или проса — съ полдесятины 5 четвертей; полторы десятины засѣвается овсомъ, который идетъ весь на кормъ скоту и птицѣ. Изъ 16-ти четвертей ржи отчисляется: 2 на посѣвъ, 12 на продовольствіе, а въ продажу остается 2. Если продать четверть по $1\frac{1}{2}$ рубля серебромъ, то рожь принесетъ 3 р. сер. Яроваго двѣ четверти истрачивается на кашу, двѣ съ половиною идетъ въ продажу по рублю серебромъ, что приноситъ $2\frac{1}{2}$ р., полчетверти остается на посѣвъ. Итого отъ хлѣба помѣщичій крестьянинъ получаетъ прибыли 5 р. 50 к. серебромъ. На свой участокъ исправное тягло имѣетъ въ зиму барана, двухъ молодыхъ и четырехъ старыхъ овецъ на племя; отъ нихъ, въ общей сложности, въ благополучные годы и при хорошемъ присмотрѣ, получается 6 штукъ приплоду, а потому въ продажу поступаетъ двѣ старыхъ, по 1 р. 15 к. каж-

дая, всего 2 р. 30 к., молодыхъ четыре, по 75 к. сер., всего 5 р. 30 к. Корову каждое тягло имѣетъ одну съ двумя подтелками и, когда нѣтъ падежей, черезъ 5 лѣтъ одна продается за 9 р. сер.; слѣдовательно въ годъ прибыли приходится 1 р. 80 к. сер. Лошадей у одного тягла одна матка и двѣ для работы, да черезъ годъ или два жеребенокъ, такъ что на корму почти всегда четыре лошади. Въ продажу поступаетъ одна, и то развѣ лѣтъ черезъ восемь, когда дѣлается старою, за 12 р. сер., т. е. на годъ 1 р. 50 к. сер.; лошади часто пропадаютъ отъ падежей и воровства, которое въ здѣшнихъ мѣстахъ случается весьма часто. Свиней тягло имѣетъ въ зиму двѣ старыхъ и двѣ молодыхъ; отъ нихъ приплоду въ годъ 30 штукъ, изъ которыхъ большая часть поѣдается, а въ продажу идетъ одна, года черезъ три, за 4 р. сер., а на годъ приходится 1 р. 33¹/₃ к. сер. Итого отъ скота крестьянинъ получаетъ ежегодной прибыли 9 р. 93 к. сер. Отъ домашней птицы дохода полагать нельзя, потому что вся птица истрачивается на собственное потребленіе. Итого весь годовой доходъ помѣщичьяго крестьянина, съ хлѣба и скота, простирается до 15 р. 43 к. сер. Его необходимый расходъ въ теченіе года, по здѣшнимъ цѣнамъ, слѣдующій: податей въ годъ съ повинностями съ двухъ душъ 3 р. 14 к. сер. Рекрутскихъ, на награду рекруту, ежегодно 3 р. сер.; гдѣ вносятся въ казну рекрутскія за рекрута, тамъ онѣ платятся самимъ помѣщикомъ. Соли на четыре души два пуда въ годъ — 1 р. 30 к. Дегтю, считая каждую помазку телѣги въ 3 к. сер., въ годъ на 3 р. сер. Коса, молотокъ съ бруском и серпъ становятся на три года и стоятъ 1 р. 30 к. сер., въ годъ — 43¹/₃ к. сер. Поддосокъ одна пара въ годъ 16 к. сер. Сошники стоятъ 96 к. сер. и становятся на 6 лѣтъ, при ежегодной поправкѣ, а въ годъ стоятъ 16 к. сер. Подковать во время зимы двѣ лошади, для перевозки на рынки хлѣба, стоитъ 95 к. сер. Расходу за квартиру въ зимнее время, при отвозѣ хлѣба на рынки, 28 к. сер. Станъ колесъ и сани изъѣзживаются въ два года и вмѣстѣ съ поддержкою упряжи стоятъ 3 р. сер., а въ годъ 1 р. 50 к. сер. Въ три года двумъ тягловымъ людямъ требуется по полушубку, каждый стоитъ 2 р. 55 к. сер., за оба 5 р. 10 к. сер., въ годъ на каждое лицо 85 к. сер., а на двухъ 1 р. 70 к. сер. Рукавицы, однѣ въ

годъ, стоятъ 35 к. сер. Обуви на всѣхъ въ годъ на 1 р. 60 к. сер. Итого, всѣ необходимые расходы помѣщичьяго крестьянина простираются въ годъ на 17 р. 57 к. сер. Изъ этого видно, что приходъ менѣе расхода на 2 р. 14 к. сер. * Этотъ дефицитъ, равно какъ и расходы на разныя церковныя требы, крестины, похороны, свадьбу, говѣнье и проч., пополняются изъ продажи какой-либо скотины, не взятой здѣсь въ расчетъ, или вырабатывается рукодѣльемъ и ремесломъ. Приведенный расчетъ прихода и расхода помѣщичьяго крестьянина можетъ быть примѣненъ и къ государственному крестьянину, съ тою только разницею, что послѣдній, имѣя иногда большую пропорцію земли, получаетъ болѣе прибыли отъ хлѣбопашества, но зато онъ имѣетъ расходы на разныя земскія повинности, которыхъ помѣщичій крестьянинъ не отбываетъ.

---

* У г. Малыхина въ расчетъ дохода и расхода вкрались слѣдующія ошибки: сумма дохода отъ хлѣба и скота показана въ 14 р. 73 к., сумма расхода въ 14 р. 90 к., а разность ихъ въ 17 к. сер. Эти невѣрности въ итогахъ и въ разности здѣсь исправлены.

СЕЛО БОБРОВКИ
И
ОКРУЖНЫЙ ЕГО ОКОЛОТОКЪ.

ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ

РЖЕВСКАГО УѢЗДА.

(Священника С. Разумихина).

НАРУЖНОСТЬ.

Наружность крестьянъ этого округа * неимѣетъ особенно рѣзкаго отличія отъ наружности остальнаго Русскаго народа. Жители роста вообще средняго, большею частію 2-хъ аршинъ и 4-хъ вершковъ. Слишкомъ дородныхъ здѣсь нѣтъ. Цвѣтъ лица и вообще кожи, по большей части, бѣлый. Всѣ части тѣла, голова, руки и ноги, соразмѣрны между собою. Черты лица большею частію правильныя. Волоса вообще цвѣта русаго; глаза средней

* Околотокъ, къ которому относятся наблюденія автора, сколько можно судить по названіямъ селъ и деревень, встрѣчающимся въ сообщаемомъ здѣсь этнографическомъ описаніи, обнимаетъ, приблизительно, юго-западную четверть Ржевскаго уѣзда. Самое село *Бобровки* (на картѣ Шуберта: *Шипиковъ-Бобровка*) расположено въ юго-западной части уѣзда. *Примѣч. Ред.*

величины и большею частію голубые. Хотя людей очень крѣпкаго тѣлосложенія нѣтъ, однакоже ихъ тѣлесный организмъ вообще довольно крѣпкій. Описываемые жители преимущественно подвергаются болѣзнямъ отъ простуды, такъ называемымъ простуднымъ горячкамъ. Ни особенной тѣлесной силы, ни большой ловкости и проворства жители не имѣютъ; однако они вообще сильны, дѣятельны и трудолюбивы; послѣднее доказывается умѣньемъ ихъ выдѣлывать разныя необходимыя въ хозяйствѣ вещи, какъ-то: драни, колеса, рѣшета, гнать деготь и т. под.

Языкъ.

Языкъ означенной мѣстности имѣетъ два оттѣнка: одинъ господствуетъ между дворянами и духовнымъ сословіемъ, другой — между простолюдинами. Первый близокъ къ московскому нарѣчію, согласенъ съ общеизвѣстными грамматическими правилами и особенностей никакихъ не представляетъ; послѣдній же имѣетъ ихъ весьма много. Между простолюдинами трудно найти человѣка, который бы говорилъ языкомъ грамматически-правильнымъ.

1. Особенности простонароднаго произношенія состоятъ въ любви или нелюбви къ нѣкоторымъ звукамъ, какъ гласнымъ, такъ и согласнымъ, вообще или въ извѣстныхъ только случаяхъ. Всего лучше можно изобразить ихъ посредствомъ азбуки, показывая, противъ каждой буквы, какъ она произносится при разныхъ условіяхъ.

А большею частію такъ и произносится, только грубо. Но когда именительный или винительный падежи множественнаго числа оканчиваются буквою *а́* съ удареніемъ, то она замѣняется буквою *ы*, и удареніе въ такомъ случаѣ переносится съ послѣдняго слога на предпослѣдній, напримѣръ: вм. *дрова*, *права*, говорятъ: *дро̀вы*, *пра̀вы*. То же замѣтно почти во всѣхъ нарѣчіяхъ, состоящихъ изъ двухъ, а нерѣдко и изъ трехъ слоговъ и имѣющихъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, съ тою только разницею, что въ нихъ удареніе не переносится, но остается на своемъ мѣстѣ, напримѣръ: вм. *куда̀*, говорятъ: *куды*, вм. *когда̀ — кагды*, вм. *всегда — всегды*, вм. *никогда — никогды* и т. п.

В когда стоитъ въ началѣ слова передъ согласною, всегда почти выговаривается какъ *у*, напримѣръ: вм. *все*, говорятъ — *усё*, вм. *вчера* — *уцдра*, вм. *второй* — *утардй*, вм. *всталъ* — *усталъ*, и т. п. Также, большею частію, произносится буква *в*, когда она стоитъ въ срединѣ, послѣ какой-либо гласной, напримѣръ: вм. *дѣвка*, произносятъ какъ-бы *дзѣука*, вм. *повторилъ* — *паутаривъ*, и т. п.

Г такъ и произносится, но только всегда грубо, какъ 𝔥 нѣмецкое, или h латинское, и притомъ какъ будто съ удвоеніемъ.

Д, когда за нимъ стоитъ согласная, всегда такъ и выговаривается, напримѣръ: *другой*, *другъ* и т. под.; а когда за нимъ стоитъ гласная, то выговаривается большею частію какъ *дз*, только скоро, напримѣръ: *Димитрій* выговаривается какъ *Дзимитрій*, *дѣвка* какъ *дзѣвка*, *сзади* — *сзадзи*, *спереди* — *спередзи*, *сидѣть* — *сидзѣть*, *идетъ* — *идзетъ*, и т. п.

Е въ срединѣ слова почти всегда такъ и произносится, иногда же превращается въ *о*, а въ началѣ нерѣдко въ *ё* (*jo*) и *я*; въ концѣ же, когда удареніе бываетъ на послѣднемъ слогѣ, въ *о*, напримѣръ: *ёсь* (jось) вм. *есть*, *пришовъ* вм. *пришелъ*, *уцдра* вм. *вчера*, *яго* вм. *его*, *яму* вм. *ему*, *Яхимъ* вм. *Еѳимъ*, *ящо* вм. *еще*. Нерѣдко *е* превращается также и въ *а*, какъ: *цаго* вм. *чего*, *цалавѣкъ* вм. *человѣкъ*, *табѣ*, *сабѣ* вм. *тебѣ*, *себѣ*. Наконецъ, когда *е* стоитъ въ концѣ глагола, имѣющаго окончаніе *ѐшь*, то оно превращается въ *и*, и удареніе съ послѣдняго слога переносится на предпослѣдній, напримѣръ: *не пойдишь ли* вм. *не пойдѐшь ли*, *не найдишь* вм. *не найдѐшь*, *не украдишь* вм. *не украдешь*, и т. п. Тоже когда глаголъ оканчивается на *етъ*, *ется*, только въ этихъ случаяхъ удареніе остается на своемъ мѣстѣ, напримѣръ: *дѣлаитъ* вм. дѣлаетъ; *хочитца* вм. хочется и т. п.

Ж такъ и выговаривается, только грубо, какъ-бы съ прибавленіемъ напереди буквы *з*. Иногда *ж* въ произношеніи замѣняется буквою *г*, напримѣръ: *бѣгитъ* вм. *бѣжитъ*.

І. Когда слово оканчивается на *ніе* или *тіе* или *піе*, то *і* въ произношеніи замѣняется удвоеніемъ той согласной, послѣ которой оно стоитъ, напримѣръ: *пачтенне* вм. почтеніе, *сматрѣнне* вм. смотрѣніе, *пѣнне* вм. пѣніе, *питтё* вм. питіе, *каппё* вм. копіе и т. под.

К частію такъ и произносится, иногда же какъ *х*, напр. *хто* вм. кто, *нихто* вм. нѣкто, и т. под.

Л такъ и произносится; но когда глаголъ оканчивается на *лъ*, то *л* превращается въ *в*, напримѣръ: *искавъ* * вм. искалъ, *зматрѣвъ* вм. смотрѣлъ, *гаваривъ* вм. говорилъ, *патсерявъ* вм. потерялъ, и под.

Н большею частію такъ и произносится; иногда же какъ *м*, напримѣръ: *Микулай* вм. Николай, а не рѣдко съ примѣсью *д*, напримѣръ: *ндравъ* вм. нравъ.

О большею частію произносится какъ *а*, напримѣръ: *харашо* вм. *хорошо*; а иногда какъ *у*, напримѣръ: *Микулай* вм. Николай; иногда какъ *ё* или *jo* латинское, напримѣръ: *ёнъ* (jon по-лат.) вм. онъ. Когда же прилагательное оканчивается на *ой*, тогда *о* произносится какъ *э*, напримѣръ говорятъ: *рябэй*, *кривэй*, *худэй* вм. рябой, кривой, худой. Иногда *о* превращается въ *і*, напримѣръ: *пієтсь* вм. *поетъ*. Наконецъ иногда, именно въ настоящемъ времени глаголовъ, *о* послѣ какой-либо согласной буквы превращается въ *ы*, напримѣръ: *рыитсь* вм. роетъ, *мыитсь* вм. моетъ, *ныитсь* вм. *ноетъ*, *выитсь* вм. воетъ, и т. под.

С, когда стоитъ въ конечномъ слогѣ глагола, именно когда глаголъ оканчивается на *тся* или *ться*, выговаривается какъ *ц*, напримѣръ: говорятъ: *боитца* вм. боится, *хочитца* вм. хочется, *дратца* вм. драться, *ругатца* вм. ругаться, и т. под. Когда же послѣ *с* стоитъ *в*, то *с* всегда почти произносится какъ *з*, напримѣръ: *звидание*, вм. свиданіе, *звиння* вм. свинья, и т. п.

Т. Часто произносится какъ *тс*, напр. *тсебѣ* вм. *тебѣ*, *пієтсь* вм. *поетъ*, *дѣлаитсь* вм. *дѣлаетъ*. А когда *т* стоитъ послѣ *ч*, то замѣняется удвоеніемъ *ч*, напр. *аачченне* вм. *почтенье*, *чченне* вм. *чтеніе* и т. под.

У большею частію такъ и произносится. Но когда эта буква стоитъ въ началѣ слова, то она выговаривается съ прибавленіемъ впереди *в*, напр. *вумный* вм. *умный*, *вучоный* вм. *ученый*, *вуголь* вм. *уголь*, *вутка* вм. *утка* и т. под.; иногда же *ч* въ началѣ замѣ-

* Надобно замѣтить, что *въ* всегда въ такомъ случаѣ произносится грубо, какъ-бы *у*, напримѣръ, когда говорятъ *искавъ*, то выходитъ какъ-бы *искау* и т. под.

няется удвоеніемъ *в*, съ прибавленіемъ *о*, напр. говорятъ: *ввойдишь* вм. *уйдешь*. Предлогъ *у* не рѣдко произносится какъ *ю* и *въ*, напр. *ю меня*, *ю тебя*, *въ мнѣ*, *въ тебѣ* вм. *у меня*, *у тебя*.

Ф и Ѳ часто произносятся какъ *х* и *в*, или просто какъ *х*, напр. *хвилинъ* вм. *филинъ*, *хвамилія* вм. *фамилія*, *Хвёдаръ* вм. *Ѳедоръ*, *Хавронія* вм. *Ѳевронія* и т. под.

Ц большею частію произносится какъ *ч*, напр. *черькавъ* вм. *церковь* и т. под.

Ч, наоборотъ, всегда почти произносится какъ *ц*, напр. *цасы* вм. *часы*, *цалавѣкъ* вм. *человѣкъ*, *цаго* вм. *чего*, *ноць* вм. *ночь*, *проць* вм. *прочь*, *доць* вм. *дочь*, *яблацко* вм. *яблочко* и т. п. Иногда *ч* произносится какъ *ш*, напр. *што* вм. *что*. *Чт* произносятся какъ *щ*, напр. *що* вм. *что* и т. под.

Ш почти всегда такъ и произносится; иногда же какъ *х*, напр. *слухай* вм. *слушай*.

Щ большею частію такъ и произносится; иногда же какъ *ш*, напр., *вешь* вм. *вещь*; нерѣдко *щ* представляетъ въ произношеніи что-то среднее между *щ* и *ш*, похожее на *с* и *ш*, напр. *щелкать*, произносится какъ бы *сшалкатсь*, вм. *щипать* — *сшипатсь* и под. Иногда же *щ* произносится какъ *ш* и *т*, напр. *яшто* вм. *еще*.

Ъ такъ и произносится; только въ концѣ всѣхъ глаголовъ въ третьихъ лицахъ единственнаго и множественнаго чиселъ эта буква замѣняется буквою *ь*, напр. *пдзитсь* вм. *пдетъ*, *идзётсь* вм. *идетъ*, *сидзитсь* вм. *сидитъ*, *глядзитсь* вм. *глядитъ*, *скацутсь* вм. *скачутъ* и т. под.

Ы такъ и произносится; иногда же какъ *а*, напр. *добрай* вм. *добрый* и т. под.

Ь большею частію такъ и произносится. Послѣ же нѣкоторыхъ согласныхъ, какъ-то: *л*, *н* и *т*, эта буква замѣняется удвоеніемъ той согласной, передъ которой она стоитъ, напр, *у Василля* вм. *у Василья*, *Илля* вм. *Илья*, *Ахрасиння* вм. *Евфросинья*, *Малання* вм. *Маланья*, *Авдоття* вм. *Авдотья*. Въ неокончательномъ наклоненіи глаголовъ, оканчивающихся на *ться*, *ь* выпускается, и вмѣстѣ съ буквою *с* замѣняется одною буквою *ц*, напр. *жаницца* вм. *жениться*, *ссорицца* вм. *ссориться*.

Ѣ по большей части такъ и произносится; иногда же какъ *а*, напр. *цалаватсь* вм. *цѣловать*; иногда какъ *я*, напр. *нямой*

вм. *нѣмой*, *пянятсь* вм. *пьнять*, *у лясу* вм. *вѣ лѣсу*, *пятухѣ* вм. *пѣтухѣ* и т. под.

Э всегда произносится какъ латинское *je*, напр., всегда говорятъ *jетотъ* вм. этотъ и т. под.

Я нерѣдко такъ и произносится; въ глаголахъ же, оканчивающихся на *тьсл* или *тсл*, буква *я* превращается иногда въ *а*, а иногда въ *ы*, напр. говорятъ: *сватаmица* и *сватаmицы* вм. *сватаmьсл*, *напиmица* и *напиmицы* вм. *напиmьсл*, *жениmица* и *жениmицы* вм. *женится*. Въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа съ окончаніемъ *ятъ*, когда глаголъ состоитъ изъ трехъ слоговъ, *я* произносится какъ *ю*, и въ такомъ случаѣ удареніе съ послѣдняго слога переносится уже на предпослѣдній, напр. *гавóрютсь* вм. *говорятъ*. Хотя рѣдко, но это бываетъ также, когда глаголъ состоитъ изъ двухъ слоговъ, напр. вм. *бранятъ* говорятъ *брóнютсь*.

Всѣ прочія буквы (Б, З, И, М, П, Р, Х и Ю) не представляютъ никакого отличія въ выговорѣ. —

Таково здѣшнее произношеніе; но и оно тоже не всегда строго соблюдается; однѣ и тѣже буквы, въ совершенно подобныхъ и сходныхъ словахъ, то выговариваются правильно, то неправильно; обычай и привычка усвоили имъ извѣстное произношеніе.

Мягкія гласныя нерѣдко превращаются въ твердыя, напр. *церква* и *черьква* вм. *церковь*.

2. Особенности въ словообразованіи, преимущественно въ окончаніи словъ при склоненіи и спряженіи ихъ, состоятъ въ слѣдующемъ:

а) Въ творительномъ падежѣ единственнаго числа окончаніе *ѣ* нерѣдко превращается въ *у*, напр. *а двору* вм. *о дворѣ*, *о столбу* вм. *о столбѣ*; иногда же въ *и*, напр. *а камни* вм. *о камнѣ*, *а хлѣби* вм. *о хлѣбѣ*, *о птици* вм. *о птицѣ* и т. под.

б) Окончаніе родительнаго падежа множественнаго числа на *ъ* нерѣдко перемѣняется въ *овъ*, напр. *лицовъ* вм. *лицъ*, *глазовъ* вм. *глазъ*, *спицовъ* вм. *спицъ*, *яйцовъ* вм. *яицъ*, *птицовъ* вм. *птицъ* (слово *птица* большею частію замѣняется словомъ *пташка*).

в) Окончаніе родительнаго падежа множественнаго числа на *ей* всегда измѣняется въ *евъ*, напр. *полёвъ* вм. *полей*, *звпрёвъ* вм. *звѣрей*, *плптиёвъ* вм. *плпттней*, *огнёвъ* вм. *огней* и т. под.

г) Творительнаго падежа множественнаго числа окончаніе на *ми* всегда измѣняется въ *мъ*, напр. *дравамъ* вм. *дровами*, *полямъ* вм. *полями*, *деревамъ* вм. *деревами* и т. под. Слова *яство* и *питіе* нерѣдко передѣлываются въ *питеньё*, *яденьё*; слово *картофель*—въ *картоля* и *каркота*.

д) Въ произношеніи слова *этотъ*, во всѣхъ падежахъ и родахъ единственнаго и множественнаго чиселъ, передъ *т* вставляется буква *в*, напр. *јевтотъ*, *јевтаго*, *јевтаму* и проч. вм. *этотъ*, *этаго*, *этому*.

е) Въ предлогѣ *изъ* въ произношеніи опускается буква *и*, напр. *зъ лпсу* вм. *изъ лпсу*, *зъ города* вм. *изъ города* и т. под.

Въ спряженіяхъ особенности словообразованія слѣдующія:

а) Въ третьемъ лицѣ единственнаго и множественнаго чиселъ настоящаго и будущаго временъ, конечная буква *ъ* всегда измѣняется въ *ь*, напр. *идзёть*, *идутсь* вм. *идетъ*, *идутъ*; *ѣдзить*, *ѣдутсь* вм. *ѣдетъ*, *ѣдутъ*; *будитсь*, *пріѣдутсь* вм. *будетъ*, *пріѣдутъ* и т. под.

б) Окончаніе *лъ*, какъ выше показано, всегда измѣняется въ *въ*, напр. *пріѣхавъ* (*ў*) вм. *пріѣхалъ* и т. под.

в) Дѣйствительное дѣепричастіе на *вши* измѣняется въ произношеніи или на *дчи*, или на *мши*, напр., вм. *пріѣхавши* говорятъ *пріѣхамши* и *пріѣхадчи*, вм. *напившись*—*напидчись* и *напимшись*, вм. *поѣвши*—*поѣдчи* и *поемши* и т. под.

Вмѣсто *ѣсть* говорятъ *поѣдатсь*, вм. *жать*—*пожинатсь*, вм. *идти*—*идзитсь*, вм. *можетъ*—*можи*.

Вмѣсто *нужно*, *надобно*, говорятъ *нада*, или *надабитсь*, вм. *домой*—*домовъ* (*ў*), вм. *едва*—*лидва*, вм. *разомъ*—*заразомъ*.

3) Здѣшніе крестьяне имѣютъ особенные обороты рѣчи, составляемые, вопреки общепринятымъ правиламъ, изъ обыкновенныхъ, употребительныхъ словъ. Обороты эти суть слѣдующіе:

а) Нерѣдко прошедшее время глаголовъ замѣняется дѣйствительнымъ дѣепричастіемъ прошедшаго времени, на *ши* или *чи*, съ прибавленіемъ глагола *былъ*, напр. вм. *пріѣхалъ* нерѣдко говорятъ: *былъ пріѣхавши*, или *пріѣхамши*, *пріѣхадчи*; вм. *пришелъ*—*былъ пришовши*, *пришомши* и *пришодчи* и т. под.; а иногда

говорятъ просто, безъ прибавленія связки: *пришедчи*, *пріѣхадчи*, *уѣхадчи* вм. *пришелъ*, *пріѣхалъ*, *уѣхалъ* и т. под.

б) Такіе обороты, противные общепринятымъ правиламъ, особенно замѣчательны въ употребленіи предлоговъ. Такъ, вмѣсто предлога *въ*, требующаго творительнаго падежа на вопросъ: *гдѣ*, всегда употребляется *у*, напр. на вопросъ: *гдѣ ты былъ?* никогда не отвѣтятъ: *въ полѣ*, или *въ саду*, *въ лѣсу*, или *въ церкви*; но вмѣсто этаго говорятъ *у поли*, *у саду* или *у сади*, *у лясу* или *у лѣси*, *у церкви* или *у черькви* и т. под.* Иногда между *у* и словомъ вставляется *въ*; въ такомъ случаѣ предлогъ *въ* удвояется; напр. говорятъ: *у въ варжй* вм. *во ржи*, *у въ вавсѣ* вм. *въ овсѣ*. Предлогъ *въ* и при вопросѣ *куда* тоже всегда замѣняется предлогомъ *у*. Такъ, напр., на вопросъ: *куда ты ходилъ?* не отвѣтятъ: *въ лѣсъ*, или *въ садъ*, или *въ домъ* и т. под., но скажутъ: *у лѣсъ*, или *у садъ*, или *у домъ* и т. под. *

Предлогъ *за*, когда стоитъ при вопросѣ *куда*, нерѣдко замѣняется предлогомъ *у*, напр. говорятъ: *я иду у грибы*, *у ягоды*, *у дрòвы*, *у малины*, *у лыки* и т. под., вм. *за грибами*, *за ягодами*, *за дровами*, *за малиной*, *за лыками* и т. под.

4) Кромѣ особенныхъ оборотовъ рѣчи, составляемыхъ вопреки общепринятымъ правиламъ, встрѣчается еще употребленіе общеизвѣстныхъ словъ въ особенномъ смыслѣ. Таковы слова: *матать* вм. *терять*, напр., говорятъ: *силу выматалъ* (т. е. *потерялъ*); *поддѣть* вм. *украсть*, напр., говорятъ: *ёнъ* (јон) *ю меня сто рублёвъ паддѣвъ* (*у*); *казакъ*, *казацка* (казачка) вм. *работникъ*, *работница*; *казавъ* или *казалъ* вм. *говорилъ*; *подогнать* вм. *высѣчь*, *прибить*; *дивно* вм. *мило*; *стёпка* вм. *кладовая*; *благей* вм. *худой*; *больно* вм. *очень*, напр. *больно хорошо* вм. *очень хорошо*; *залупить* вм. *шибко побѣжать*; *Уланъ* вм. *Евлампій*. Частица *ти* употребляется вмѣсто вопросительной частицы *ли*, напр., говорятъ: ти *пойдишь ты у лѣсъ?* вм. *пойдешь ли ты въ лѣсъ?* Иногда же послѣ *ти*, употребляемаго въ такомъ значеніи, и послѣ глагола, прибавляется вопросительная частица *ли*, напр. *ти пѣвъ ли*, или *ти попдàвъ ли ты сегодни?* вм. *пѣлъ ли ты сегодня?* При этомъ надобно замѣтить, что *ти* всегда прибавляется въ началѣ вопроса, а не въ концѣ.

* Почтенный авторъ ошибочно принимаетъ здѣсь особенность словопроизношенія за особенность синтаксическую. *Прим. Ред.*

Наконецъ 5) есть слова, которыя мало извѣстны или вовсе неизвѣстны въ общеупотребительномъ языкѣ. Слова эти слѣдующія:

Абтяпкалъ. — иногда вм. ограбилъ, иногда же вм. прибилъ, высѣкъ, смотря по смыслу рѣчи.
Акáзія. — бѣда.
Анда. — такъ что, на пр. *ёнъ яго вдаривъ (у), анда голова затрящала* вм. онъ его ударилъ такъ, что голова затрещала.
Аневóжъ. — вм. неужели.
Апричь. — кромѣ.
Аттýля *. — оттуда.
Атчихвостить. — отзвонить.
Балахóнъ. — верхняя лѣтняя одежда мущинъ, сшитая изъ бѣлаго холста.
Батрáкъ. — работникъ.
Батрáцка. — работница.
Бáцнуть. — ударить.
Блáзѣ. — хорошо, напр. *блазѣ јонъ пошовъ (у)* вм. хорошо, что онъ пошелъ.
Бранитца. — ругаться, ссориться.
Валазéнь. — зять, который входитъ въ домъ.
Вдрýги. — въ другой разъ.
Вóцинна. *. — очень, весьма.
Вýкази. — странность.
Быма. — мимо.
Гарцовать. — кататься на лошадяхъ.
Гашúть. — готовить.
Гарѣлка. — вино простое.
Гóрши. — болѣе.
Гутóрить. — говорить.
Дежá. — квашня.
Дóсыть. — довольно.
Дряннó. — очень, весьма.
Дужа. — очень, весьма.
Зааминить — закончить.
Забубéнить. — прокиснуть.
Загнéтка. — припечникъ.
Застябать. — застегнуть.
Змáтна. — сладко.
Зрóбилъ. — сдѣлалъ; напр. говорятъ: *шкоду зрóбилъ* — сдѣлалъ убытокъ.
Зудѣть. — чесаться, скоблиться.
Знѣ́тильку. — нечаянно.

* Эти слова отличаются только мѣстнымъ произношеніемъ: *Прим. Ред.*

*

Зъянъ. убытокъ.
Зѣвать. кричать громко.
Зяпать. кричать громко.
Игрйня. игрище.
І жна. даже, такъ что.
Искастить. вм. сдѣлать порчу, повредить.
Кабы. если бы; напр. *кабы ты јевта здѣлавъ (у)*, вм. если бы ты это сдѣлалъ.
Казулька. скамья.
Кали. когда, если, напр. *кали хѳчь, такъ придзи*, вм. если хочешь приди.
Капкомъ. ногою, напр. *ёнъ ударивъ (у) яго капкомъ*, вм. онъ ударилъ его ногою.
Картить. хочется.
Кашолки. плечи, напр. *несть на кашолкахъ*, вм. несть на плечахъ.
Каштавать. угощать.
Кольки. сколько.
Краше. лучше.
Крупеня. супъ.
Кстить. крестить.
Кститься. креститься.
Кутъ. передній уголъ въ избѣ, въ которомъ ставятся образа.
Лидва. едва, напр. *лидва лидва я вышовъ (у)*, вм. едва едва я ушелъ.
Лытки. голени, икры.
Ляхцытца. раздѣваться.
Магутнэй. сильный.
Мазгатать. пустое говорить, а иногда шибко бѣгать, смотря по связи рѣчи, иногда—бить; напр. *ёнъ дуракъ такей! кали хто що ю няго спросить, ёнъ усё мозгоцыть*, вм. онъ дуракъ такой! когда кто объ чемъ у него спроситъ, онъ все пустое говоритъ. *Мнѣ батька вялевъ яго паймапсь, я за нимъ и пабёгъ, а јонъ какъ замозгоцытсь, да и вышовъ*, вм. мнѣ батька велѣлъ его поймать, и я за нимъ побѣжалъ, а онъ шибко побѣжалъ, да отъ меня и ушелъ. *Я яму плёвъ у глазы, а јонъ мяня и понёсъ за јевта мазгатать па галавѣ*, вм. я ему плюнулъ въ глаза, а онъ за это и началъ бить меня по головѣ, и т. под.
Набуцытсь. нагрузить.
Навастрился. поумнѣлъ.
Напитирился. поумнѣлъ.

Не въ цивилахъ.	не взначай, безъ намѣренія, безъ памяти.
Нѣшта.	тоже что нѣчто, а иногда—развѣ (при вопросахъ, напр. *ты нпшта гулялъ?* вм. ты развѣ гулялъ?)
Нябо́сь.	можетъ быть.
Ня пло́шь.	не хуже, напр. *ня плошь того,* вм. не хуже того.
Обстряпалъ.	см. абтяпкалъ.
Паваре́шка.	большая ложка, которою наливаютъ жидкую пищу.
Пали́цка.	полка изъ доски.
Палѣшня.	звѣриная ловля.
Панёсъ.	началъ, напр. *ёнъ и панёсъ мазгатать,* вм. онъ и началъ пустое говорить.
Панять.	взять.
Папя́стца.	поправиться, напр. *ёнъ яго бивъ (y), да и папястица ня давъ (y),* вм. онъ его билъ и поправиться не далъ.
Передѣкъ.	скамья.
Перуно́мъ.	вм. недугомъ, припадкомъ, напр. *схватси тябя пиру́номъ,* вм. схвати тебя недугомъ.
Подженить.	высѣчь, прибить.
Подогна̀ть.	высѣчь, прибить.
По́ливка.	супъ.
Полу́дновать.	обѣдать.
По́пилъ *.	пепелъ.
Порету́йте.	окажите помощь.
Прашко́дить.	сдѣлать убытокъ; болѣе относится къ жидкости и означаетъ пролить; напр. *ко́льки я масла прошкодивъ (y),* вм. сколько я пролилъ масла.
Прихали́макъ.	мѣшечекъ.
Пяхте́рь.	кошель, въ который набиваютъ въ дорогу сѣно.
Растурбава̀ть.	разбудить, напр. *рано растурбавди рябятъ,* вм. рано разбудили ребятъ.
Ро́звины.	кошель сплетенный изъ веревокъ, которымъ носятъ сѣно.
Саби́ **.	пусть, напр. *јонъ сабі дѣлай,* вм. пусть дѣлаетъ.
Свербѣть.	чесаться, скоблиться.
Сло́вна.	точно какъ, напр. *ты обрядився сло́вна ба́ринъ,* вм. ты нарядился точно какъ баринъ.

* Это слово отличается только мѣстнымъ произношеніемъ. *Прим. Ред.*

** Кажется смыслъ этого слова переданъ не совсѣмъ правильно. *Саби* очевидно значитъ *себѣ*; только въ приведенной въ примѣръ фразѣ это слово, повидимому, имѣетъ значеніе, которое придаетъ ему авторъ; но и она можетъ быть передана буквально, сохраняя весь свой смыслъ: *онъ себѣ дѣлай.* *Примѣч. Ред.*

Сопсова́ть.	разбить, повредить, напр. говорятъ: *я табѣ губы сапсую,* вм. я тебѣ губы разобью.
Сотвѣдать.	сдѣлать пробу, покушать.
Спалаба́ть.	понравиться.
Стёпка.	кладовая.
Су́дница.	кухня.
Сякъ.	даромъ.
Тили́снуть.	ударить.
То́рба.	мѣшокъ.
Тро́ху. Трохи.	немного.
Указе́йникъ.	плутъ, напр. *аи какей ты указейникъ!* вм. ахъ, какой ты плутъ!
У пе́рши.	въ первый разъ.
Упу́диться.	испугаться.
Урадзи́май *.	злой, напр. говорятъ: *змѣй ты урадзимай*, т. е. злой.
Ха́та.	изба́.
Хватъ.	молодецъ.
Хува́ться.	прятаться.
Цапѣльникъ.	сковородникъ.
Цапе́ла.	сковорода.
Ца́пнуть.	схватить, напр. *Хедзька ** шовъ (у), а Ванька яго и цапъ, да и вдда́ривъ (у),* вм. Ѳедоръ шелъ, а Иванъ схватилъ его, да и ударилъ.
Цубу́ля.	лукъ (огородная овощь).
Цу́ю.	слышу, напр. *ти цуiашь ты, що я кажу*, вм. слышишь ли что я говорю?
Чва́нитца.	гордиться.
Чуми́чка.	см. поварешка.
Шинава́ть.	угощать.
Шкода.	изъянъ, убытокъ.
Шо́стикъ.	припечникъ.
Шулуга́.	небольшой шаръ, свитый изъ лыкъ (липовой кожуры).
Щылыпа́нить.	сѣчь, больно наказывать, напр. говорятъ: *ёнъ мяня атщилыпанивъ*, вм. того, чтобы сказать: *онъ меня больно наказалъ*, или *высѣкъ*.
Ярмя́къ.	такъ называется суконная верхняя одежда мущинъ.

* *Урадзимай* не значитъ *злой*, а *урожденный*, въ переносномъ смыслѣ *настоящій. сущій*. Почтеннаго автора ввела въ заблужденіе фраза, приведенная имъ въ примѣръ, и въ которой это слово можетъ быть всего чаще встрѣчается. *Примѣч. Ред.*

** Простолюдинъ простолюдина никогда почти не назоветъ полнымъ именемъ, напр. *Иванъ* или *Ѳедоръ*, но почти всегда *Ванька*, *Хедзька*, и т. д.

Показавъ всѣ мѣстныя уклоненія народнаго языка отъ общеупотребительнаго, я, для большей ясности, считаю нужнымъ помѣстить здѣсь образецъ народной рѣчи. Вотъ сказка, какъ она сказывается здѣшними крестьянами.

НАДЗЕ́Й ПАПО́ВЪ УНУКЪ.

«Какъ не въ какимъ чарстви, не въ какимъ гасударстви, какъ живъ (у) попъ, попъ удовъ (вдовый), и какъ была у іевтаго папа доцъ яго радная. Эта, братицъ ты, та́къ ёнъ бярёгъ яе, и какъ ёнъ ни ѣдзить куды́ у приходъ, ёнъ завсягды́ вязетсь ей гастинцыки, що ёвта прихожани знаютсь, що ёсь у нашаго папа доць и надабитсь ей какъ нибутсь гастинцыкавъ насылатсь; и паѣхавъ (у) ёнъ у приходъ,—вёрстъ за двинадцать дзиревня. Ну ета ёнъ зъ прицасттямъ паѣхавъ, и тамъ ёнъ прицаставъ цалавѣка; ну ладна, и прибяряглн яго воцинна харашо. Ну ёнъ и забы́въ (у) щобы гастинца доцки дали, ну, ёнъ и сѣвъ зъ евтсимъ и паѣхавъ дамовъ (у). И ѣдзить ёнъ па дароги, и гаритсь цалавѣцная галава на дароги, и уся́ згарѣла, то́льки по́пилъ (пепелъ) ядинъ астае́тцы. Енъ было праѣхавъ (у), патомъ и уздумавъ: щошь я праѣхавъ, видзь цалавѣцная галава гаритсь, дай я вазьму у карманъ етатъ папялокъ и пагрябу. Ну, дай я ёвтакъ по́пилъ у карманъ улажу, и звязу дамовъ и пагрябу. Ну узялъ ёнъ у карманъ яго́ и усыпавъ (у), сѣвъ на́ лашадзь, апятсь и паѣхавъ дамовъ. Ну, пріяжжаитсь къ двару и суветрикаитсь яго до́цка, зъ лошадзи знимаитсь яго́; у яго́ забалѣла галава, видна зъ вѣтру, и яна спатсь яго палажила на пярину. Ну потомъ яна уздумала ёта: ахъ, батсюшкажъ мой нябо́сь гастинца привёзъ. Яна и цапъ у карманъ, ёвтатъ жи папялокъ абаратсився ларцыкамъ. Ну ета яна выхватсила етатъ ларцыкъ, и кажитцы, ну, ларцыкъ; харашо, а нязнаю какъ яго атлажитсь. Ну, вотъ яна выхватсила и лизнула яго и забяреминила. Хто носитсь па нядзѣлямъ, а яна па цасамъ; дайшло да таго уре́мя, що радзить и радзи́ла; ну, сійцасъ патомъ яго́ и ахристси́ли, наркли ямя Надзёй, паповъ унукъ. Патомъ сталъ рось етатъ маладзеницъ; хто расте́ть па гадамъ, а ёнъ па цасамъ; шесь нядзѣль концылась—на вуличу къ рябятамъ шулугу ганятсь пайшовъ. Вдаритсь ёнъ па шалугѣ, шулуга лятситъ, тольки звижжитъ; каму вдаритсь

у нагу, нага проць, каму вдарится у руку, такъ рука проць, каму у галаву, галава проць. Ета атцы евтихъ дзятей и приходзятсь къ священьнику етаму, и приходзятсь къ священьнику съ прозьбай: батсюшка! ни пусшайте свайго унука на улицу гулятсь къ рябятамъ, больна многа ёнъ шкоды (убытка) дзѣлаитсь; каторый гаворить — майму галаву атарвавъ, другей гаворитсь — майму руку атарвавъ, — ни пусшайтсе, гаворютсь, батсюшка, какъ можна. Ну, харашо, могъ ёнъ вудзержать яго да самаго лѣта, ёнъ вырасъ парядашнай и гаваритсь ёнъ: ну, дзѣдушка любезнай, щожъ мы будзимъ дзѣлать—рабататсь. Дрянно (очень, весьма) дѣдъ яго узрадовався и гаворитсь: доць мая любезная! Слава Табѣ Господзи, гаворитсь; и далъ Богъ наслѣдницка какога, говоритсь; Богъ найславъ; и какей хлапатнэй: що я буду зъ нимъ дзѣлатсь? Ну, станимъ рабататсь. Пойдзимъ, гаворитсь, унуцыкъ мой, ляда вывалимъ. Пойдзимъ, дѣдушка! и зайшли яны у балота, и выбрали яны мѣста такоя припадобная (хорошее). Дѣдъ ставъ пацынатсь ель валитсь, ёнъ (внукъ) гаворитсь: дѣдушка, ты няпоцынай, мяне бласлави. Ну, гаворитсь дѣдушка, унуцыкъ, Богъ тсябя блаславитсь. Енъ сійцасъ, какъ нацавъ, какъ поцавъ, да какъ сталъ валитсь, анда лѣсъ трящитсь, такъ какъ сякаетсь зъ ядныго бока тапаромъ, съ другога—дзерива палятсѣла. Да двинадцатага цасу ёнъ вываливъ палтары дясятсины ляда. Дѣдъ кажитсь (говоритъ): нужна сѣць мельця да жечь, а ёнъ гаворитсь: дѣдушка, мы и такъ у груддё (въ кучу) складзёмъ. У три дни ета ляда паспѣла сѣятсь. Узяли яны зъ дѣдамъ и пасѣяли, да врадзився жъ авесъ, такъ етакай авёсъ нисказаннай. Ну, павадзився въ евтатъ овесъ мядзвѣдь. Пазматрѣвъ попъ, схадимши, ляда—многа зъѣдзина ав (у) са; приходзить ёнъ дамовъ, спрашиваитсь унукъ: що дѣдушка, ти каково наша ляда? Дрянно, унуцыкъ, харашо, толькижъ повадзилась какая-то дзикая лошадзь, дрянно (очень) ись (ѣсть) и многа зъяну здѣлала. Какъ такъ, дзѣдушка, сколькi трудився я, а яна, евтакая шельма, скольки зъяну надзѣлала, — пайду пакаравулю; пайщитка мнѣ кольки ни на ёсь пяноцки. Сѣвъ ёнъ, звивъ абротсь (пеньковая узда), паабѣдавъ (у), въ лѣсъ пайшовъ. Приходзить ёнъ въ ляда и вдивився ёнъ удалъ добрай моладзицъ: ахъ, Богъ мой, кольки шкоды здѣлала, тсирпѣтсь ни вазможна; и сѣвъ ёнъ сирёдъ ляда на пни. Ну, и сид-

зить; патомъ сійцасъ мядзвѣдь идзить зъ лѣсу, и пряма у авёсъ, и ьзнявся (началъ) и понесъ (началъ же) авесъ смунитсь. Енъ, добрай моладицъ, и вдивився: щожъ евта за дива, я ёвтакихъ лашадзей не видывавъ; щожъ ёта за аказія такая, какъ ёнъ авесъ каститсь. Ета падходзить ёнъ — мядзвѣдзь — къ няму близка, къ самому ка пню. Мядзвѣдзь ётага и ни вныв䝰итсь, що цалавѣкъ стаитсь; ёнъ думаитсь, що ёта пень стаитсь, и падходзить къ няму близка. Енъ сійцасъ са пня, и цапь яго за вуши и схватавъ; ета схватавъ и притиснулъ къ зямли яго. Мядзвѣдзь думаитсь: що такей, и хатсѣвъ паправитца; ну вужъ позна ёнъ яму, и папясца (поправиться) ня давъ, узявъ яго етай аброттю забратавъ (у) и дамо́въ павёвъ. И вёвъ ёнъ яго дамовъ, мядзвѣдзь какоя дзерива захватситсь зъ корнимъ варотситсь. Ну, и привёвъ ёнъ яго дамо̀въ, привязавъ сиредзь двара къ сталбу и приходзить у въ вызбу. Ну ты Господзи, гаво́ритсь, какая лошадзь, дѣдушка, разъѣлалась, какъ я умарився, тянумши яго́ дамовъ. Дѣдъ вышевъ на дворъ и вжахнувся. Пасматритка, гаво́ритсь, доць мая любезная, що твой сынокъ, а мой уну́цыкъ здѣлавъ; и ко́льки время дзивавалися яны. Енъ гаворитсь: ни дзивуйтсися, а гаво́рьти, що мы надъ етай лошаддю дзѣлатсь будимъ; какъ яна сильна дужа и щю на ёмъ рабататсь? Вази, кажитсь дѣдъ, унуцыкъ, дро́вы. Взявъ ёнъ етаго мядзвѣдзя и запрёгъ яго у тсялѣгу, и панёсъ ёнъ вазитсь дро́вы на мядзвѣ́дю, и у три дни усё цыста загрузивъ, абклавъ кругомъ усё силе́нне. Етимъ прицетникамъ ни выйтси, ни выхатсь, — усе загрузивъ цыста. И приходзять е́ти прицетники къ етаму священьнику и гаво́рють: идзѣ хоцьте дзѣньте яго, щобъ ёнъ ня бывъ; щожъ ета за аказія, що у три дни усё сяло загрузивъ, ни выйдси, ни выхатсь никакъ ни вазможна. Ахъ доць мая, говорить дѣдъ, що мы будзимъ дзѣлатсь, жалка табѣ сына, а мнѣ унука; нушь по́шлимъ яго, куды хошь ёнъ, туды и ступай. Ну, призываитсь ёнъ къ сабѣ унука и гаво́ритсь: ну, унукъ мой любезнай, приходзятсь прицетники съ прозьбай, жалко мнѣ тсибе, и ступай ты унуцыкъ куда ты уздумавъ, на всѣ цатыри сто́роны. Эхъ, дзѣдушка мой любезнай, выжъ давно и сказалибъ мнѣ евта, яжъ и пашовъ бы нико́льки ня медлимши. Матушка мая любезна! спяки мнѣ каравашицку. Матсь яго спякла яму́ каравашицку, улажила у хатомацку. Встававъ ёнъ ранёшинька, вмывав-

ся бялёшинька. Узявъ ёнъ евту хатамацку, надзѣвъ ее на плецы, блаславится: матушка мая любезная и дзѣдушка мой радзимай! блаславитсе на путсь, на дарóгу. Памалився ёнъ Богу и пашовъ, и вышавъ ёнъ у циста поля, и наставивъ ёнъ ни путсёмъ, ни дарогай, и наставивъ ёнъ лясáмъ дрямуцымъ, грязямъ тапýцымъ, и ишовъ ёнъ семь дёнъ безъ полдёнъ, ротъ на апашку, и языкъ на атмашку; вышевъ ёнъ у тридесятую землю, у тридесятая чарства, и выходзитсь ёнъ у цистая поля, у крутыи горы, и гуляитсь Гарыня багатырь, и горы капкòмъ капаитсь. Приходзить Надзей, паповъ унукъ къ няму, и гавóритсь: Богъ помаць Гарыня багатырь! куды какая въ тсиб́я сила нязм́ѣтная; какъ ты, гавóритсь, гарáмъ капаишь, какъ шулугу. А ёнъ гаворитсь ямý: эхъ, гавóритсь, удалъ моладичь! ни вдивляйся, гавóритсь, ты маей с́или. Въ тридзевятай зямли у тридзясатамъ чарстви, гавóритсь, какъ ёсь, гавóритсь, Надзей паповъ унукъ, такъ у тога ня евтакая сила! какъ привевъ ёнъ мядзвѣдзя зъ лѣсу, да на мядзвѣдзи усё циста сяло загрузивъ. Яго, гавóритсь, воранъ кастёвъ ни заноситсь, добрай молад́эй конь ни завозитсь. А ёнъ гаворитсь: ахъ, братъ Гар́ыня багатырь! ня воранъ кости заноситсь, а самъ добрай моладзицъ заходзить. А ёнъ гаворитсь: ахъ, братъ, т́ыкъ евта ты Надзей, паповъ унукъ! вазьми, братъ, мяна у мяньшіи брáттся. Енъ яго и узявъ, и ян́ы многа хадз́или, и мнóга багатырёвъ пабядзили, и многа гародовъ захватсили, патомъ яны пажанились и багата жили.»

Эту сказку простолюдинъ знаетъ всего тверже, и поэтому ее скорѣе здѣсь услышишь, чѣмъ другую.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

Здѣшнія крестьянскія жилища называются *избами*. Онѣ строятся изъ лѣса средней толщины, и довольно низки: высота ихъ, внутри, по большей части, бываетъ въ два аршина и 15 вершковъ, а снаружи около 6-ти аршинъ и 12-ти вершковъ. Кроютъ избы дранью, нерѣдко и соломой. Изба имѣетъ одно или два красныхъ окнá и нѣсколько волоковыхъ: такъ называются небольшія окошки, прорубленныя въ стѣнѣ. Когда бываетъ нуженъ свѣтъ, то въ нихъ вставляется нарочно для того приго-

товленное стекло, а когда не нуженъ, то они закрываются деревянными задвижками. Комнатъ въ избѣ не болѣе двухъ: одна большая, въ которой обыкновенно живетъ и работаетъ семейство, и въ которой справляются праздничныя пирушки; другая небольшая, отдѣленная отъ первой деревянными досками, — перегородкою, — и называемая *чула́номъ*; здѣсь приготовляется пища. Въ большой, жилой комнатѣ, въ переднемъ углу́, ставится образжница съ образа́ми. Мебель въ избахъ состоитъ въ слѣдующемъ: изъ угла въ уголъ, около стѣнъ, кладутся доски, съ укрѣпляющими ихъ подставками; этѣ доски служатъ для сидѣнья и называются лавками; около передняго угла становится столъ, еловый или другаго дерева, обыкновенной формы, съ ящикомъ, въ которомъ хранятся самими крестьянами, изготовляемыя ложки и деревянныя простыя чашки; здѣсь же нерѣдко хранится и хлѣбъ, необходимый для стола въ продолженіе дня.

Противъ избы ставятъ обыкновенно такъ-называемыя свѣтелки, съ однимъ или двумя волоковыми окошками. Этѣ свѣтелки одинаковой вышины съ избой, и суть нечто иное, какъ кладовыя, въ которыхъ хранится платье, стеклянная, глиняная и деревянная посуда и т. п. Въ свѣтелкахъ нерѣдко становятся и ручные жернова, чтобъ молоть хлѣбъ. Около избы и свѣтелки ставится скотный дворъ съ нѣсколькими хлѣвами. а на дворѣ или въ огородѣ — анбары для храненія всякаго хлѣба. Далѣе, за дворомъ, слѣдуютъ огороды. Они раздѣляются на двѣ части: въ одной растутъ овощи, а въ другой — одна лишь трава; эта часть огорода назначается для сушки сѣна и для уборки съ поля споповъ. Въ ней строятся пуни и сараи для уборки сѣна, соломы и мякины. Здѣсь же ставится и овинъ для молотьбы хлѣба.

Обыкновенная зимняя одежда, какъ мущинъ, такъ и женщинъ, состоитъ въ полушубкахъ, собранныхъ изъ овчинокъ и телячьихъ шкурокъ; изъ суконныхъ сѣрыхъ кафтановъ, у мужчинъ широкихъ, называемыхъ ярмяками, а у женщинъ — узкихъ, сшитыхъ на подобіе полушубка и называемыхъ зипунами, а нерѣдко сарожею. Эту же самую одежду носятъ крестьяне и крестьянки и въ праздники, съ тѣмъ только различіемъ, что праздничная одежда бываетъ почище обыкновенной. На

праздничные ярмяки нашивается по воротнику плисовая обкладка, чернаго или зеленаго цвѣта; полушубки и зипуны шьются съ многими борами назади и съ ясными небольшими пуговками напереди. — Обувь мужскую и женскую, обыкновенную и нарядную, составляютъ лапти съ плетеными пеньковыми или ременными оборами (ременные оборы носятъ болѣе по праздникамъ); впрочемъ нѣкоторые въ праздники нерѣдко надѣваютъ и сапоги. — На головѣ мущины носятъ по буднямъ и праздникамъ шапки съ чернымъ бараньимъ околышемъ; только обыкновенныя шапки бываютъ низкія, а праздничныя высокія, и большею частію плисовыя; женщины на головѣ носятъ повойцы, а по повойцамъ, сверху, повязываютъ платки, въ обыкновенные дни набойчатые, или простые бѣлые холстинные, а въ праздники коленкоровые и ситцевые; также носятъ онѣ и кокошники.

Лѣтомъ, въ будни, мущины ходятъ большею частію въ однѣхъ рубашкахъ, а по праздникамъ въ ярмякахъ; когда же бываетъ жарко, то надѣваютъ бѣлые полотняные балахоны, сшитые наподобіе зипуновъ; на головѣ въ простые дни носятъ колпаки, сшитые изъ холста, или худыя низенькія шляпёнки, а въ праздники обыкновенно высокія шерстяныя шляпы. Ежедневная одежда женщинъ суть сарафаны, называемые у нихъ каеталанами, которые шьются изъ бѣлаго или изъ окрашеннаго холста, а по праздникамъ набойчатые сарафаны или ферязи, крашенинные или китайчатые, съ ясными напереди маленькими пуговками и съ ситцевою или ленточною обкладкою около пуговокъ и по подолу. На головѣ женщины носятъ тоже, что и зимою. На ферязи или сарафаны онѣ нерѣдко тоже надѣваютъ зипуны, или бѣлые балахоны. Лѣтняя обувь мущинъ и женщинъ таже, что и зимняя.

Обыкновенная пища жителей — ржаной хлѣбъ. Рожь мелятъ и на мельницахъ, но больше руками въ жерновахъ, которые имѣетъ у себя почти каждый хозяинъ; поэтому хлѣбъ бываетъ не совсѣмъ хорошъ. Къ веснѣ бѣдные перемѣшиваютъ рожь съ овсомъ и даже мякиною, и ѣдятъ такъ-называемый пушной хлѣбъ. Изъ огородныхъ овощей здѣшніе жители ѣдятъ капусту, картофель, а въ лѣтнее время свеклу. Обыкновенная пища здѣшнихъ крестьянъ въ простые дни ограничивается хлѣбомъ, щами изъ сѣрой капусты и такъ - называемою поливкою, то-есть

водою, приправленною ржаною мукою. Бѣдные нерѣдко и этого не имѣютъ, а употребляютъ въ пищу одинъ хлѣбъ съ водою. У нихъ и въ постные и въ скоромные дни пища почти ничѣмъ не разнится; изрѣдка только приправляютъ они ее солониною; богатые же иногда употребляютъ и мясо. Но въ праздничные дни столъ бываетъ достаточный. Въ постные праздничные дни, кромѣ щей съ грибами, или со снятками и съ ржаною приправою, варятъ еще кашицу съ грибами изъ овсяныхъ, житныхъ или ржаныхъ крупъ, и такъ-называемые клечки — родъ лапши, только изъ ржаной или овсяной муки; кромѣ того готовятъ ржаные, нерѣдко ячменные, а богатые даже и пшеничные пироги, начиненные кашею, ячменною или ржаною, часто и гречневою, съ грибами, или безъ грибовъ; наконецъ ѣдятъ овсяный кисель и кашу ржаную, житную или гречневую. Въ скоромные праздничные дни крестьяне ѣдятъ щи изъ сѣрой капусты и кашицу со свининою, или другимъ мясомъ, пироги съ творожною кашею, нерѣдко жаркое изъ какого-нибудь мяса, молоко, большею частію кислое, рѣдко прѣсное, и какую-нибудь кашу. Пьютъ обыкновенно квасъ, только-всегда почти плохой; въ большіе же праздники, какъ-то въ Рождество Христово, въ Св. Пасху и въ храмовые праздники, пьютъ пиво, которое, въ такое время, есть почти въ каждомъ крестьянскомъ домѣ.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ.

При рожденіи дѣтей никакихъ особенныхъ обрядовъ не соблюдается.

При крещеніи обряды бываютъ слѣдующіе: по совершеніи Таинства Крещенія обыкновенно бываетъ обѣдъ, на который приглашаются кумъ и кума, а также родственники и сосѣди. Обѣдъ бываетъ праздничный и идетъ обыкновеннымъ порядкомъ. Во все продолженіе обѣда, кумъ и кума должны говорить какъ можно больше, для того, чтобъ новорожденный младенецъ былъ краснорѣчивъ. Потомъ, когда подается каша, одна изъ необходимѣйшихъ принадлежностей этаго обѣда, — маленькія дѣти * бѣгутъ съ нею какъ можно скорѣе вонъ

* Маленькія дѣти всегда собираются къ этому обѣду. Если родится мальчикъ, то собираются мальчики, а если дѣвочка — дѣвочки.

изъ избы и тамъ ее ѣдятъ; ловятъ, смотря по полу новорожденнаго, пѣтуха, или курицу, кладутъ ихъ въ чашку, гдѣ была каша, ногами къ верху, приносятъ въ избу, гдѣ идетъ обѣдъ, и ставятъ на столъ. Это для того, чтобы новорожденное дитя скорѣе начало бѣгать, чтобы оно было проворно и скорѣе начинало пѣть. Послѣ обѣда, кумъ и кума прямо изъ-за стола также должны непремѣнно бѣжать вонъ изъ избы, для того, чтобы дитя скорѣе начало бѣгать. Въ заключеніе, куму и кумѣ непремѣнно даютъ въ подарокъ по пирогу.

При вступленіи въ возмужалость никакихъ обрядовъ не бываетъ.

ОБРЯДЫ ПРИ СВАДЬБАХЪ.

Къ одному и тому же крестьянину ходятъ свататься раза два, или три. Отецъ невѣсты, по обычаю, никогда при первомъ сватовствѣ не соглашается выдать свою дочь въ замужество, хотя бы онъ этого и желалъ. Такъ водится, чтобъ показать, что отецъ выдаетъ свою дочь не охотно.

Сначала бываетъ рукобитье. Оно происходитъ такъ: отецъ жениха приходитъ къ отцу невѣсты, приноситъ штофъ вина и пирогъ, и послѣ привѣтствія начинаетъ такую рѣчь: «ну, взатъ, «тсяни столъ на кутъ, я ву миня́ гарѣлка и пирогъ тутъ; давай «мы сваю свадзьбу скряпимъ.» Послѣ этихъ словъ подается кушанье (столъ) и отецъ жениха угощаетъ отца невѣсты, съ слѣдующею приговоркою: «вутка зватушка любезнай! прашу водки маей кушатсь, да маихъ ряцо́въ добрыхъ злушатсь». За тѣмъ, такимъ же образомъ и съ такою же приговоркою, онъ угощаетъ сватью и все семейство. Наконецъ является невѣста, которой даютъ стаканчикъ вина, положивъ въ него денежный подарокъ — четвертакъ, или полтинникъ, смотря по состоянію. Она выпиваетъ вино и вынимаетъ подарокъ, а въ замѣнъ его даритъ отцу жениха три ширинки, то-есть три небольшихъ холстинныхъ платка. Этимъ рукобитье и кончается.

Въ день самой свадьбы, утромъ, бываетъ такой обрядъ:

Собираются всѣ родные и знакомые, и изъ нихъ избирается дружко́ отцемъ жениха. Какъ скоро онъ избранъ, его сажаютъ въ передній уголъ, и отецъ жениха обращается къ

нему съ такою рѣчью: «я табѣ даю ядняго, а ты привадзи мнѣ пару». Дружко отвѣчаетъ: «ни ядняго ни пару, а я привяду табѣ траихъ и цатвёрыхъ». — Не надабитсь мнѣ — говоритъ на это отецъ жениха — ни трёхъ ни цатсвёрыхъ, а надабитсь мнѣ пару: траихъ и цатсвёрыхъ яны сами наживутсь. — «Ну, ладпа — говоритъ дружкò — дядзюшка старай! привядзёмъ табѣ пару».

Послѣ этого, отецъ жениха замолкаетъ, а дружко начинаетъ говорить такъ: «ёсь ли у нашаго князя маладóга батсюшка раднэй, матушка радня? блаславится нашаго князя маладóга прибутсь, придѣтсь, прирядзитсь, абрядъ палажитсь, бѣлъ цулокъ, сахъянъ сапогъ, кунню шубу, саболлю шапку, гáрцавай (гарусный) поясъ падпаясатсь, шалкóвую петлю застябатсь (застегнуть)». За тѣмъ отводятъ жениха въ другую избу, гдѣ его и наряжаютъ. Когда его нарядятъ, приносятъ сковороду, и на нее ставятъ его обѣими ногами, а тѣ, которымъ назначено ѣхать вмѣстѣ съ нимъ за невѣстою — не менѣе 6-ти или 8-ми человѣкъ вмѣстѣ съ женихомъ — становятся вокругъ его на сковороду, только правыми ногами. Послѣ этаго, всѣ стоящіе на сковородѣ цѣлуютъ образъ, при чемъ дружко говоритъ: «ну, цалуйте Божіе милосердіе, щобъ (чтобы) стаятсь другъ за друга, братъ за брата, за единую кровь капли (т. е. каплю крови)». Все это, какъ видно, составляетъ у нихъ родъ присяги. По совершеніи этаго обряда, всѣ опять идутъ въ избу, гдѣ собраніе, и идутъ въ такомъ порядкѣ: впереди идетъ съ образомъ тысяцкій — крестный отецъ жениха или невѣсты, за нимъ женихъ, потомъ дружко, а за симъ поѣзжане, которые ѣздятъ съ женихомъ за невѣстою. Войдя въ избу, они останавливаются посреди ея, и дружко начинаетъ такую рѣчь: «Ти ёсь у нашего князя маладóга батюшка радзимай, матушка радзима? Блаславитсе насъ за столы дубовыи, за скатирьтси браныи, за напитки пьяныи, за ѣствы сахарныи». Послѣ этаго всѣ садятся за столъ и дружко продолжаетъ: «Агапъ Кузмицъ, Агапъ Кузмицъ! (имя женихова отца) подзь сюды къ намъ, скажи намъ, що у насъ будзитсь: хлѣбъ съ соллю, аль блаславленне, аль кликанне?» Отецъ жениха отвѣчаетъ: «кликанне». «Ну, кали такъ, — говоритъ дружко, — такъ пажалуйтсь намъ златóя блюда, шалкóвай платъ, залатую казну збиратсь»

Ставятъ на столъ блюдо и дружко начинаетъ кликанье. Сначала кличетъ отца женихова такъ: «ну, батсюшка радзимай, вскармивъ ты цада милая, дитя своё радзимая. Теперь просится нашъ князь маладэй, а твой сынъ раднэй сладкимъ мёдамъ, низкимъ паклонамъ, щобъ зелена вина выпивъ, да веселъ ты бывъ, я (а) нашаго князя сярябромъ надзяливъ, да радзитяльскимъ блаславленнемъ». Отецъ выпиваетъ поднесенный ему стаканчикъ вина и даритъ жениха деньгами, которыя кладетъ въ блюдо. Потомъ дружко такимъ же порядкомъ вызываетъ всѣхъ родныхъ и сосѣдей, и наконецъ спрашиваетъ: «усѣль»? Отецъ отвѣчаетъ: «усѣ».

По окончаніи кликанья, дружко обращается къ присутствующимъ и говоритъ: «тсихая бясѣда, веселая игриня, гостсики званыи, браныи (избранные)! ти нѣтъ такихъ охотницковъ изъ маладыхъ рябятъ (молодыхъ холостыхъ мущинъ) пѣсню сыгратсь, звадзьбу нацать, былобъ пацемъ пиръ спазнатсь (узнать)». Молодые холостые парни отвѣчаютъ: «гостсики званыи, браныи! знаимъ мы пѣсни и голосныи и плясовыи: какую вамъ пѣсню сыгратсь»? Дружкó говоритъ: «нѣтъ, плясовыхъ намъ ни нада, а сыграйтси намъ пѣсню голосную: «басла Божа (благослови Боже) Божунька». «Знаимъ мы ету пѣсню – отвѣчаютъ холостые, – да дарагó яна стоитсь: сто рублёвъ дзенигъ, три скирды сѣна, двадцать ковригъ хлѣба, да двадцатсь цатсвертей авса; насъ двадцатсь пятсь цалавѣкъ игряцóвъ, мы люди заѣжжіе, ётсимъ корьмимся мы и поимся». «Нѣтъ, много такъ, – говоритъ дружко, – вы и тутъ пѣтсь ни станитсе, и у другомъ мѣсти празѣваитси; а вотъ вамъ штохъ гарѣлки, пива многа, да какъ сумы два пирóга» Пѣвцы на это соглашаются, становятся на скамью и говорятъ: «нужъ давайтси пива многа, да какъ сумы два пирóга»; и имъ даютъ два пирога. За симъ они начинаютъ такую рѣчь: «ти ёсь въ нашаго князя малодога батсюшка раднэй, матушка радная, сестрицы радзимы, брайцыки радзимы и гостики званыи, браныи? Блаславится нашаму князю маладому пѣсинку сыгратсь, свадзьбу нацать, былобъ пацóмъ пиръ спазнатсь, а намъ низькій паклонъ атдатсь». На это всѣ кричатъ: «Богъ блаславитсь, Богъ блаславитсь, Богъ блаславитсь». Тогда пѣвцы поютъ слѣдующую пѣсню:

Басла Божа Божунька
Свадзьбу игратсь, заигрыватсь!
Свадзьбу игратсь такого-то (имя жениха),
Пива питсь такого-то (имя отца женихова),
Пираги ись такой-то (имя матери жениховой).
Ну, дай же намъ, Божунька!
Усѣмъ людзёмъ на завись,
Батьски зъ маткай па радась,
А двумъ маладымъ на любовъ на савѣтъ,
На любовь, на савѣтъ, и на долгій вѣкъ.

Когда поютъ эту пѣсню, одинъ изъ пѣвцовъ держитъ въ рукахъ два небольшихъ пирога и бьетъ ихъ одинъ объ другой, а по окончаніи пѣсни бросаетъ ихъ къ порогу, гдѣ ихъ и подхватываютъ ребятишки.

У жениха женщины поютъ затѣмъ слѣдующее: *

Затапися банюшка!
Разгарися каминка!
И расплацься, моладицъ!
И по волѣ батскиной
И по нѣгѣ маткинай,
Па сваимъ русымъ кудрямъ.

У невѣсты тоже самое поютъ такъ:

Затапися банюшка!
Разгарися каминка!
И расплацся, дзѣвица!
И по волѣ батскиной
И по нѣгѣ маткинай,
Па сваей русой касѣ.

Послѣ того наступаетъ обѣдъ, который начинается слѣдующими словами дружка: «ну, батськи маи радзимаи, маладо́га дали мнѣ; таперь дайтси водки, пива скольки нада, сорокъ сараковъ (у) бальшихъ пираговъ, а малинькихъ змѣту нѣту (безъ числа), да тысяцу ложикъ». Когда дружко это скажетъ, собираютъ на столъ, и всѣ становятся вокругъ него, а дружко снова говоритъ: «людзи добраи, разумнаи, распривкрасныи, прявумныи,

* Надобно замѣтить, что всѣ эти обряды во время свадьбы совершаются въ одно и тоже время и у жениха и у невѣсты, безъ измѣненій, только съ примѣненіемъ къ полу.

и батсюшка родзимай (такой-то) зъ матушкай радзимай (такой то)! *, блаславится насъ за столы дубовыи, за скатсирьтси браныи, за напитки пьяныи, за ѣствы сахарныи, хлѣба соли кушатсь, да добрыхъ ряцовъ слухатсь.» Всѣ кричатъ: «Богъ блаславитсь», и усаживаются за столъ.

По окончаніи обѣда, благословляютъ жениха. Благословеніе начинается такими словами дружка: «ти ёсь ли въ нашаго князя навабражнаго (такого-то) раднэй батсюшка? Подь сюды, выступи! бласлави насъ на добрà каня сѣсь, у цисто поле выѣжжатсь, съ буйнымъ вятрóмъ ваеватсь, въ зелёныи дубрóвы къ сабарнай черькви статсь, златъ вянецъ палуцатсь, сваю сужану панятсь (взять), Божій Заканъ принятсь». На эти слова выходитъ отецъ и благословляетъ жениха. Такимъ же образомъ дружко вызываетъ и всѣхъ родныхъ. Потомъ обращается онъ къ гостямъ и говоритъ: «гости званыи, браныи, веселая игрѐня (игрище), тсихая бясѣда, уштѝваи жóны, пацотныи мужья, малаи рябяты! усѣ блаславится нàшага князя маладóга! а хто ни блаславитсь, таму сваихъ дзятей ни блаславлятсь, сваихъ сыновъ ни жанитсь, дацóвъ замужъ нитдаватсь.» На это всѣ кричатъ: «Богъ блаславитсь, Богъ блаславитсь, Богъ блаславитсь»!

Послѣ благословенія жениха, всѣ поѣзжане выходятъ на дворъ; имъ предшествуетъ дружко съ образомъ. Вышедши, они становятся вкругъ, среди двора, а дружко, обращаясь къ отцу и матери жениха, говоритъ: «Пажалуйтсе намъ куль хмѣлю, да цатсвярикъ яцмѐню.» Мать выноситъ нѣсколько хмѣлю и ячменю; тогда дружко съ образомъ, а мать съ хмѣлемъ и житомъ обходятъ кругомъ всѣхъ поѣзжанъ, и мать всякому изъ нихъ бросаетъ въ шапку по нѣскольку хмѣлю и ячменю, для того, чтобы молодымъ богато и весело жить. Затѣмъ отецъ и мать жениховы даютъ дружкѣ вина, пива, пирогъ, кусокъ мяса и поѣзжане отправляются за невѣстою.

Пріѣхавъ къ воротамъ невѣсты, поѣзжане останавливаются. Дружкó сходитъ съ саней, или съ телѣги, подходитъ къ воротамъ, у которыхъ уже стоитъ сватъ (отецъ невѣсты), и обращается къ нему съ такою рѣчью: «Зватушка

* Если у жениха, или у невѣсты нѣтъ отца, или матери, или того и другой, то мѣсто ихъ заступаютъ ближайшіе родственники, хозяинъ и хозяйка того семейства, въ которомъ они живутъ.

любезнай! мы савѣтъ савѣтали, и славѣ клали, и Бога цалавали; у насъ ёсь князь маладэй, а у тсебя княгиня маладая; а любы гостси примитсе, а не любы—назадъ пашлитсе.» Сватъ отвѣчаетъ: «миласти просимъ», и при этихъ словахъ отворяетъ ворота, въ которыя всѣ въѣзжаютъ въ саняхъ, или на телѣгахъ, не слезая, и остаются, не слезая же съ нихъ, и на дворѣ, кромѣ дружка и крестнаго отца женихова, которые, вмѣстѣ со сватомъ, идутъ въ избу. Входя въ нее, дружко говоритъ: «здрастуй сватушка любезнай, сватьюшка любезна! ти ждали вы гастей къ сабѣ, и какъ мы таперь схадитца изволимъ на хлѣбѣ-соли?» Сватъ говоритъ: «миласти просимъ, а пожалуйтсе хлѣбъ соль сваю, съ цѣмъ вы къ намъ пріѣхали?» «У насъ хлѣбъ соль свая ёсь,—отвѣчаетъ дружко,—сійцасъ принясёмъ,» и, выходя изъ избы, говоритъ: «прасшайтси, упярёдъ дажидайтси!» Дружко беретъ изъ саней, или телѣги, ведро пива, а тысяцкій кавригу (хлѣбъ), и съ этимъ опять входятъ въ избу. Въ то же время и дружко съ невѣстиной стороны беретъ ведро пива, а тысяцкій хлѣбъ. Тѣ и другіе обходятъ три раза кругомъ другъ около друга, и за тѣмъ крестные отцы мѣняются хлѣбами, а дружки, попивъ одинъ у другаго пива, сливаютъ оное въ одно мѣсто. Послѣ этаго обряда, дружко съ жениховой стороны говоритъ дружку съ невѣстиной стороны: «нутка сватушка любезнай, пакажитка намъ сваю невѣсту.» «А вы — говоритъ невѣстинъ дружко—пакажьте намъ свайго маладóга.» «Маладóга свайго—говоритъ первый,—мы сійцасъ привядзёмъ, а отъ васъ що будзитсь миластси, мы трохи (немного) падаждёмъ.» «Миласти просимъ — говоритъ второй: привадзится.» Первый дружко, вводя въ избу жениха, говоритъ: «вотъ мой князь маладэй, атецкій сынъ раднэй, бизъ храмоты, бизъ худоты, бизъ усякія боли. Ну, пакажьтежъ вы нявѣсту?» Второй дружкó, указывая на четырёхъ дѣвицъ, которыя съ невѣстою сидятъ за столомъ съ закрытыми лицами *, говоритъ: «вотъ вамъ три и цатыри, выбирайтси сами любую, таé или другую.» «Нѣтъ, сватушка (такъ обыкновенно называютъ дружки другъ друга)—возражаетъ первый дру-

* Нужно замѣтить, что лицо невѣсты съ этого времени, и до пріѣзда домой послѣ вѣнца, постоянно бываетъ закрыто большимъ платкомъ и раскрывается только на время совершенія брака.

жкó: — вы насъ въ абманъ ни ввадзится, а нашу княгиню маладую привядзитси.» Послѣ этихъ словъ выводятъ изъ-за стола невѣсту, и въ то время, когда она сходится съ женихомъ, оба (женихъ и невѣста) всячески стараются прежде наступить другъ другу на правую ногу правою же ногою. Какъ скоро они сойдутся, женщины поютъ:

Ягада зъ ягадай сакатсилася,
Ягада ягаду за руку узяла.

Послѣ этого стиха, дружко жениховъ, обращаясь къ отцу и къ матери невѣсты, говоритъ: «сватушка любезнай и сватьюшка любезна! пажалуйтси намъ стола, у насъ хлѣбъ соль свая». «Миласти просимъ — отвѣчаетъ сватъ: — извольтси садитца». Дружко продолжаетъ: «сватушка любезнай, сватьюшка любезна! пожалуйтси намъ шубу, которую старай дѣдъ насивъ сто соракъ лѣтъ, и износу нѣтъ». Ему даютъ шубу; онъ разстилаетъ ее за столомъ на лавкѣ, шерстью вверхъ, сажаетъ на нее жениха съ невѣстою, и посадивъ, говоритъ: «сватушка любезнай! отъ свата любезнаго (то-есть женихова отца) дано намъ многа хлѣба и соли, гарѣлки вядро и пива мнагó, соракъ сараковъ бальшихъ пираговъ, а малинькихъ змѣту нѣту. Зватушка любезнай и зватьюшка любезна! просится нашъ князь навабражный съ княгиняй винабражняй ка бѣламу сыру и цыстаму серебру, вина, пива кушатсь; кали будзите скажитси, а ня будзити — аткажитси». Послѣ этаго бываетъ угощеніе сыромъ, виномъ и пивомъ, а за тѣмъ и обѣдъ невѣстинъ. Между тѣмъ женщины поютъ:

Ниляжи бобря́ у крутсѣй берегу́,
Ни сидзи такой-то (женихъ) у цужóмъ пиру,
Саряжайка ты свадзибку.
(bis)—У мяня давно свадзьба знаряжина,
Девятсь варóвъ пива зварина,
А десятый варъ зелена вина. *

* Еще передъ отъѣздомъ къ вѣнцу, невѣстинъ дружко даритъ жениховыхъ поѣзжанъ, отъ имени невѣсты, бѣлыми утиральниками, приговаривая: «Вотъ, паша маладая не спала, но пряла, да ткала, дары гашила, да вашу миласть дарила». Нужно замѣтить, что дружко не отдаетъ утиральники поѣзжанамъ въ руки, но повязываетъ имъ черезъ правое плечо и подъ лѣвую пазуху; съ этой перевязкой они и ѣдутъ къ вѣнцу.

Послѣ этой пѣсни отправляются къ вѣнцу.

Ѣдучи отъ вѣнца, поѣзжане поютъ:

Охъ, вы со́калы, со́калы, 2
Даляко ли вы лётали? 2
— А мы лётали, лётали, 2
Да и съ моря на́ маря. 2
А кага жа вы видзили? 2
— А мы видзили, видзили, 2
Сѣру вутицу въ завади. 2
Атъ цаго́ же ня поймали? 2
— А мы по́йматсь ня по́ймали, 2
Сиза перья ро́щипли, 2
Гарюцу́ю кровь про́лили. 2
Ахъ, вы бо́яры, бояры! 2
А куда жа вы ѣздзили? 2
— А мы ѣздзили, ѣздзили, 2
Да и зъ горада на́ гарадъ. 2
А каго жа вы цули, видзили? 2
— А мы видзили, видзили, 2
Красну дѣвицу въ тсерими. 2
Атъ цаго ее не́ взяли? 2
— А мы узятсь её не взяли, 2
Русу косу ро́спляли, 2
Гарю́щіи слезы пролили. 2

Послѣ вѣнца всѣ ѣдутъ въ домъ жениха. Отецъ и мать его, одѣвшись въ шубы, вывороченныя шерстью вверхъ, выходятъ съ хлѣбомъ и солью за ворота, и здѣсь встрѣчаютъ молодыхъ. Новобрачные при этомъ обыкновенно кланяются имъ въ ноги, а они благословляютъ ихъ и даютъ имъ хлѣбъ съ солью, который молодые должны нести въ избу вмѣстѣ, правыми руками. Когда они входятъ въ избу, дружко невѣстинъ, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, говоритъ: «Сватушка любезнай, сватьюшка любезна! пожалуйтси намъ стола, у насъ хлѣбъ соль свая.» «Миластси просимъ, — отвѣчаетъ сватъ, — извольтся садитца.» За тѣмъ точь въ точь повторяется описанное выше, но угощеніе бываетъ уже невѣстино. Молодые здѣсь хотя и садятся за столъ, но почти не сидятъ на мѣстѣ, ибо дол[illegible] янно вставать и кланяться тому, кого дружко [illegible] щаетъ отъ ихъ имени. Послѣ угощенія, дружки [illegible] подъ руки, выводятъ ихъ изъ-за стола и [illegible] лице невѣсты двумя пирогами, съ [illegible]

Хараши новы избы падъ кровомъ,
А лучши за того наша княгиня безъ покрова.

За тѣмъ всѣ гости садятся за столъ и обѣдаютъ, а молодые обѣдаютъ въ особой избѣ.

Во время обѣда, послѣ свадьбы, женщины, собравшись у порога, поютъ слѣдующія пѣсни:

молодымъ:

Изъ-за лѣсу, лѣсу тёмнаго,
Изъ садзику зеленаго, 2
Вылѣтала тамъ стада гусиная, 2
А другóя лебедзиная; 2
Атставала лебедушка,
Отставала лебедь бѣлая,
Проць атъ стада лебядзинага; 2
Приставала лебедушка,
Приставала лебидзь бѣлая,
Що ка стаду, ка сярымъ гуся́мъ. 2
Нацинали ее сяры гуси, 2
Нацали ее щипатсь, клявать. 2
—Ни щиплится гуси сѣраи! 2
Ни сама я къ вамъ залѣтсила, 2
Ни сваéю ахотаю: 2
Занясло мяня пагодаю, 2
Що пагодаю, буйны́мъ вятрóмъ, 2
Какъ буйнымъ вятрымъ, цастымъ даждёмъ. 2
Атставала красна дзѣвица 2
Проць отъ харавода красныхъ дзѣвушикъ; 2
Приставала красная дзѣвица
Къ хараводу маладымъ малодушкамъ. 2
Нацали ее малодушки,
Нацали ее журитсь, бранитсь. 2
— Ни бранится людзи добраи! 2
Ни сама я къ вамъ прiѣхала, 2
Ни зваéю ахотаю; 2
Занясло мяня пагодаю,
Завязли мяне дабры́ кони,
Що дабры кони такого-то (имя жениха).

Если у одного изъ молодыхъ нѣтъ отца, или матери, или нѣтъ вовсе родителей, то имъ поютъ слѣдующую пѣсню:

Ахъ ты ёлка ялушицка! 2
Залатая макушицка! 2
Ти усёль тваё вѣтвица 2

Ти усёль пасобрана, 2
Да у куцу паложина? 2
— Вотъ усё маё вѣтвица; 2
Тольки нѣту макушицки, 2
Залатэй вярхушицки. 2
Ахъ! звѣтъ Сидаръ Иванавицъ! (имя жениха) 2

Или

Марря Иванавна! (имя невѣсты) 2
Ти усиль твай родъ плямя́, 2
Ти усиль пасо́брались? 2
— Вотъ усѣ маи гостсики 2
Да усѣ пособрались; 2
Тольки жъ нѣтъ кармилица батсюшки 2

Или:

кармилицы матушки

Или, если нѣтъ ни того ни другой:

И раднэй маей матушки. 2
Знарядзить мяня ёсь каму, 2
Блаславитсь мяня искому 2
Бизъ радзимага батсюшки, 2

Или:

матушки

Или: —

Безъ раднэй мае́й матушки.

Подкняжему (шаферу) поютъ:

На падкняжимъ плаття
И зелена синя; 2
И зелена синя,
Усё златамъ шита; 2
Усе златамъ шита,
Камкою пакрыта; 2
Камкою пакрыта,
Тавтою падбита; 2
Тавтою падбита,
Бабромъ апушо́на. 2
Тольки яму звѣту
При въ горадзи жити; 2
При въ горадзи житси,
Ваяводай слытси; 2
Ваяводай слытси,
Суды разсужатси; 2

Суды разсужатси,
Дзѣла разбиратси; 2
Дзѣла разбиратси,
Баяръ разряжатси: 2
Каторай пахудши —
Паѣдзь па уѣзду; 2
Каторай палуцши,
Таго па приказу. 2.
Стяхванушка (имя подкняжаго) догадався
Въ прикази остався; 2
Въ прикази астався,
Казной разщитався. 2

Изъ поѣзжанъ, женатому поютъ:

Гарпастай Сергѣюшка (или иначе)
Гарпастай Ляксѣивиць!
Горда ягò баяраня, 2
Да и Анна Андрѣивна! 2 (или иначе)
Ницаго ня взлюбила: 2
Що ни пива пьянаго, 2
Ни вина зялёнаго; 2
Тольки взлюбила яна 2
У Сиргѣя на руцки спатсь, 2
На рукѣ на правинькой, 2
У сярдецка у здравинька. 2
А ляжитсь, какъ конацка, 2
А дышитсь, какъ душацка. 2
Вотъ душокъ малинавай 2
Рукавкомъ накинумши, 2
Тонкимъ бѣлымъ палатняным.

Такимъ же образомъ пѣвицы поютъ пѣсню всякому изъ сидящихъ за столомъ, и отъ всякаго получаютъ за нее денежный подарокъ. Гости обыкновенно кладутъ подарокъ въ стаканъ съ пивомъ и изъ него заставляютъ пѣвицъ, по очереди, выпивать пиво и вынимать подарокъ.

Получивъ подарокъ, онѣ поютъ подарившему:

Падари тсебе Богъ, 2
Богъ миласттю, 2
А царь воласттю! 2
А саздай тсибѣ Богъ 2
Палтараста быковъ, 2
Да сто нятселей. 2

Иному поютъ:

Ахъ, спасиба, Иванушка! (или иначе)
Ахъ, спасиба Хведарацъ! 2
Ни успѣли пѣсню спѣтсь, 2
Напередъ дары зайшли, 2
Усё дары богатыи: 2
Сто рублевъ съ палтсинаю 2
Зъ залатою гривнаю.

Кто долго послѣ пѣсни не даритъ пѣвицъ, тому онѣ поютъ:

Слышашь ли, 2
Да Иванъ Государь? 2
Слышашь ли, 2
Пра каго гаварятсь? 2
Пра твою галаву. 2
Мы тзибе усё хвалили, 2 послѣднее слово повторяется.
Да усе па имяни называли, 2 послѣднее слово повторяется.
Да па отциству вилицали. 2

Послѣ того всѣ отходятъ ко сну. Большая часть гостей ложатся спать въ той самой избѣ, гдѣ была свадебная пирушка, на соломѣ, настланной на полу.

На другой день утромъ, когда всѣ встанутъ, входитъ въ избу молодая, и, поклонившись гостямъ, начинаетъ убирать съ полу солому. Тогда всѣ почти гости по немногу выходятъ изъ избы, берутъ на дворѣ еще по пуку соломы, приносятъ ихъ въ избу и бросаютъ, приговаривая съ насмѣшкою: «маладая долга спала, да тсялёнка празявала: ёнъ на дварѣ и замёрзъ; вотъ я пайшовъ, да яго и знайшовъ; на, вотъ, палядзи на няго» и тому под. Такимъ образомъ гости заваливаютъ соломою почти всю избу. Молодая, выбившись изъ силъ отъ уборки ея, идетъ къ отцу, кланяется ему въ ноги, и говоритъ: «памилуй батсюшка, заступись за миня! — гости усю хату (избу) саломой нагрузили». Отецъ успокоиваетъ ее, беретъ штофъ вина, идетъ въ избу и потчуетъ гостей, послѣ чего они уже сами выносятъ принесенную ими солому, а молодая только выметаетъ изъ избы соръ.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОХОРОНАХЪ.

При похоронахъ особенно замѣчательныхъ обычаевъ и обрядовъ не бываетъ. Во время обѣда, когда подаютъ на столъ

кисель съ молокомъ, сытою, или сусломъ, и когда священно и церковно-служители начинаютъ пѣть: «вѣчная память», — всѣ ближайшіе родственники умершаго, собравшись въ одинъ уголъ, поднимаютъ рыданіе и плачь, съ различными приговорками, выражающими сожалѣніе о умершемъ и несчастное состояніе осиротѣвшихъ. Подобный же плачь бываетъ и передъ обѣдомъ, тотчасъ послѣ панихиды.

Кромѣ того есть обыкновеніе, по кончинѣ умершаго вывѣшивать на стѣнѣ дома, на улицу, небольшое холстинное полотенцо, которое и остается здѣсь до истеченія шести недѣль. Это дѣлается вслѣдствіе повѣрія, будто душа усопшаго до шести недѣль прилетаетъ къ дому и утирается этимъ полотенцемъ. По истеченіи означеннаго срока, полотенцо отдаютъ нищимъ.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОЖАРАХЪ.

При сильныхъ пожарахъ всегда обходятъ съ какою либо иконою вокругъ пылающаго зданія, для того, чтобы пожаръ скорѣе прекратился. Также обходятъ съ иконою и не загорѣвшіеся еще дома, для предохраненія ихъ отъ огня.

ОБЫЧАИ ПРИ НЕУРОЖАЯХЪ.

Во время неурожаевъ здѣшніе жители первымъ долгомъ своимъ считаютъ служить молебны и святить воду на ржи; при этомъ священникъ, или діаконъ, обходятъ все поле и окропляютъ оное святою водою. Послѣ молитвы, крестьяне прибѣгаютъ къ разнымъ средствамъ противъ неурожая, а именно: если онъ произошелъ отъ червя, то, при сушкѣ хлѣба на сѣмяна, вмѣстѣ съ дровами, которыми они сушатся, кладутъ нѣсколько сучьевъ черемухи, чтобы дымомъ ея напитать хлѣбныя зерна; есть повѣрье, что червь не касается зеренъ, пропитанныхъ такимъ дымомъ. Съ тою же цѣлью, а также и для того, чтобы рожь была чище, пускаютъ въ сѣвалку, при самомъ посѣвѣ, нѣсколько капель ртути и перемѣшиваютъ ее съ зернами. Кромѣ того, въ предостереженіе отъ червя, натираютъ края сѣвалки чеснокомъ.

ОБЫЧАИ ПРИ ОБЫКНОВЕННЫХЪ И ПОВ

Моровыхъ язвъ въ нашемъ краю не
ныхъ же болѣзняхъ полезнѣйшимъ средс
можно чаще накуривать избы можжевель
избахъ деготь, а также ѣсть и носить при

При обыкновенныхъ болѣзняхъ, проис
ды, прежде всего стараются выпотѣть въ
баняхъ. Если болѣзнь отъ этого не уменьшится, то прикладываютъ къ затылку и икрамъ, на ногахъ и рукахъ, сельдей, или, всего чаще, такъ-называемую *квасную драбу* (т. е. окисшій въ квасу солодъ), а также тертый хрѣнъ и рѣдьку. Хрѣномъ и рѣдькою натираются въ баняхъ; а рѣдечный сокъ нерѣдко и пьютъ, особенно при боляхъ въ груди.

ЛЮБИМЫЯ ЗАНЯТІЯ.

Занятія, наиболѣе любимыя въ здѣшней мѣстности, суть: хлѣбопашество и рукодѣлья, а именно: приготовленіе колесъ, рѣшетъ, телѣгъ, дровней, драни, точеніе веретенъ, приготовленіе холста, отчасти выгонка дегтя и выжимка масла на хозяйственные домашніе расходы.

Обыкновенными орудіями при этихъ занятіяхъ служатъ: топоръ, тесла, долото, ножикъ, скобель, напарье, пила, особые станки для приготовленія рѣшетъ, колесъ, веретенъ и для выжимки масла, и небольшіе заводцы для выгонки дегтя.

НАРОДНОЕ ВЕСЕЛЬЕ.

Народное веселье особенно бываетъ характиристично во время святокъ.

Святки отправляются довольно забавно. Начиная со втораго дня этихъ праздниковъ по день Крещенія, простолюдины (боль-

* Во время холеры, бывшей въ минувшемъ 1848 году, заболѣвшихъ ею прежде всего водили въ горячо-натопленныя бани, и терли ихъ тамъ виномъ, настоянымъ перцомъ, или крапивою. Если же нельзя было скоро натопить баню, то натирали больныхъ въ печкахъ. Послѣ того давали имъ пить немного вина съ перцомъ, парное молоко и чистый деготь. Средства эти иныхъ спасали, а для другихъ были не только безполезны, но и вредны.

кею частію молодые) устраивают такъ-называемыя вечерины. Вечерины этѣ открываются обыкновенными простонародными пѣснями. Вотъ, для примѣра, двѣ, наиболѣе любимыя народныя пѣсни:

Вылѣтаитсь мой саколикъ
Изъ зеленаго сада;
Уѣзжаитсь мой любезнай
Изъ дзиревни въ гарадокъ.
Яжъ нимало злёзъ ранила
Па любезнаму свайму.
Ба слезахъ дружку казала:
«Хать нямножка паживи».
— Мнѣ нельзя съ табой, милая,
Нельзя часу здѣсь пражитсь;
Привближенныи сасѣди
Ни савѣтуютсь любитсь;
Вялятсь душицку милую,
Вялятсь броситсь, позабытсь.—
«Забывай ты мой любезнай,
А я вовѣкъ никагды.
Я тагда тсябя забуду,
Когда скроютца глаза,
Да закрыютсь тсѣло бѣло,
Тонкимъ бѣлымъ палатномъ;
Привзасыплютсь маи глазки
Зъ горъ жалтымъ, мелкимъ пяскомъ;
На магилушки паложутсь
Бальшей каминь дарагей.
На камашки я зрясую,
На картсинку падпишу;
Я списавши, зрисавамши,
Ка падружкамъ разашлю:
«Вы падружаньки, сястрицы,
Вы жъ ня здѣлайтси таго,
Ни любитси ни каго.
Я са евтай са любоввю
Приклюцылася балѣзь;
Вотъ а съ евтай са балѣзти
Пристигала люта змерть,
А са етай лютай змерттю
Въ сыру землю житсь пашовъ.» *

---

* Въ концѣ этой пѣсни есть пропускъ или ошибка, ибо смыслъ неясенъ. *Примѣч. Ред.*

Ты прасшай, прасшай, весь бѣлай звѣтъ!
Ты прасшай, прасшай, мой милай другъ!
Я пайду, малада, ва тсемнай лѣсъ;
Ва тсемномъ ва лѣсу, тамъ мой милай другъ,
Тамъ мой милай другъ — саловьюшка.
Салавейка паётсь жаласнёшунька;
Ужъ и мнѣ маладэй, жить ташнёшунька,
Ташнёшунька, груснешунька.
Я пайду зъ горя у цистó поля,
У цистóя полй, у зелёный лугъ.
У зелёнамъ лугу трава растетсь,
А на той травы твяты твятутсь.
Я сарву твятокъ, савью́ вянокъ
Сваяму дружку, на галавошушку,
На русыи яго на кудзёрушки:
«Ты наси, милэй, ня скидывай,
Ты люби мяня, ни пакидывай!»

Послѣ пѣсенъ начинаются обыкновенныя русскія пляски. Пляшутъ барыньку, такъ-называемаго голубца и русскаго казачка, подъ гармонію, скрыпку, балалайку, свирѣли, а нерѣдко и подъ дуду; если же нѣтъ ни одного изъ этихъ инструментовъ, то пляшутъ и подъ пѣсни. *

Пляшутъ чаще всего подъ слѣдующую пѣсню:

* Гармонія, скрипка и балалайка—музыкальныя орудія всѣмъ извѣстныя, а потому и описаніе ихъ излишне; только свирѣли и дуду мы здѣсь опишемъ.

Свирѣль есть небольшой свистокъ, имѣющій видъ цилиндра, въ длину около 2-хъ четвертей, а въ толщину около полутора вершка. Онъ просверливается насквозь, верхнее отверстіе *a* задѣлывается небольшимъ кусочкомъ дерева, и оставляется только маленькое отверстіе *aa*, для вдуванія въ цилиндръ воздуха; нижнее же отверстіе *б* совсѣмъ задѣлывается. Потомъ, на той сторонѣ, гдѣ оставляется маленькое отверстіе *aa*, въ разстояніи отъ него около вершка, прорѣзывается небольшая дырочка *c*, въ видѣ полукруга; а далѣе, нѣсколько ниже половины цилиндра, провертывается въ немъ около четырехъ небольшихъ круглыхъ дырочекъ. Такихъ цилиндровъ соединяютъ два вмѣстѣ: они составляютъ *свирѣли*. Чтобы играть на нихъ, верхніе концы обоихъ цилиндровъ приставляютъ ко рту и дуютъ въ сдѣланныя въ нихъ отверстія. Отъ этаго вдуванья происходитъ монотонный свистъ; чтобъ сдѣлать его разнотоннымъ, перебираютъ пальцами маленькія дырочки, провернутыя пониже половины цилиндра.

Какъ сказали добры людзи,
Какъ злажили гаспада! 3 *раза, слѣдующимъ образомъ:*
А ай ли, ай люли, какъ злажили гаспада!
Какъ злажили гаспада! *такъ повторяются и слѣдующіе стихи:*
Що я мужу ни жана, 3
Гаспадзину ни слуга. 2
Какъ и мой мужъ рыбаловъ
Свѣжу рыбушку лавивъ, 3
Звѣтлу водушку мутсивъ. 2
Ни наймавъ ёнъ свѣжей рыбки,
Паймавъ сизáга лунька. 3
Мнѣ ни уздуматсь, ни взгадатсь,
Идзъ лунька падзѣвать.
Пасажу я лунька,
Пасажу живатка,
У гародзи, у саду,
На шалковаю траву.
Какъ присѣвъ мой лунёкъ,
Какъ присѣвъ живатокъ,
Нижи лѣсу, нижи лѣсу,
Нижа пáпаратси;
Какъ нацавъ мой лунёкъ
Абшарашиватцы.
Енъ яднымъ крыломъ махнетсь,
Енъ другимъ тряпянетсь:
Подъ яднымъ крыломъ свярьбитсь,
Падъ другимъ крыломъ знудзитсь.
Какъ пайшовъ мой лунёкъ,
Какъ пайшовъ живатокъ,
Усё скакатсь и плясатсь
И пасвистыватси;

Дуда дѣлается изъ кожанаго круглаго мѣшка А, который, исключая одного малаго отверстія *a*, весь кругомъ зашивается. Къ отверстію плотно прикрѣпляется свистокъ, подобный свирѣли, тольвъ меньшемъ размѣрѣ; притомъ въ свисткѣ верхнее отверстіе *b* не задѣлывается, а вмѣсто полукруглой дырочки прорѣзывается небольшой язычекъ *c*. На дудѣ играютъ также, какъ и на свирѣли, вдувая въ верхнее отверстіе свистка воздухъ и перебирая пальцами дырочки. Нужно замѣтить, что дуда играетъ не только когда въ нее дуютъ, но и когда перестаютъ дуть; для этаго нужно пожимать мѣшокъ, чтобъ скопившійся въ немъ воздухъ выходилъ въ отверстіе *a*, а чрезъ него въ свистокъ. Играя на дудѣ, одною рукою перебираютъ дырочки свистка *a*, а когда пожимаютъ мѣшокъ подъ мышкою, то перебираютъ и обѣими.

Все жъ пасвистыватси,
Да выгавариватси.

После пляски начинается игра въ свои соседи, происходящая такимъ образомъ: все присутствующіе на вечерине садятся попарно, а одинъ подходитъ къ каждой паре и спрашиваетъ: *ти доволинъ ты звиимъ суспдамъ*, или *суспдкай?* Одни отвечаютъ: *даволинъ* (льна), другіе: *нптъ*. Если сидящіе въ паре довольны другъ другомъ, то подошедшій къ нимъ говоритъ: *дыкáжытси вдавольства* (т. е. докажите, что довольны); свидетельствомъ служитъ обыкновенно поцелуй. А кто ответитъ: *нптъ*, того спрашиваетъ: *а кого табп нада?* Тотъ, кого назовутъ, идетъ къ недовольному и садится съ нимъ, а тотъ кемъ недовольны, если успеетъ, переходитъ на место приглашеннаго; если же не успеетъ, то долженъ подходить къ следующимъ парамъ и делать теже вопросы; тотъ же, кто спрашивалъ, садится на место приглашеннаго. Бываетъ, что приглашаютъ спрашивающаго; тогда онъ садится, и его должность принимаетъ на себя тотъ, кемъ недовольны.

После игры «въ свои соседи» *спютъ просо*.

Все разделяются на две равныя стороны и одна партія становится противъ другой, въ противоположныхъ концахъ избы. Первая сторона идетъ къ другой и поетъ:

А мы ляда вáлили, вáлили,
А мы прóсо сеяли, сеяли.

За темъ кланяется второй стороне и идетъ назадъ, не оборачиваясь.

Вторая сторона, въ свою очередь, идетъ къ первой и поетъ:

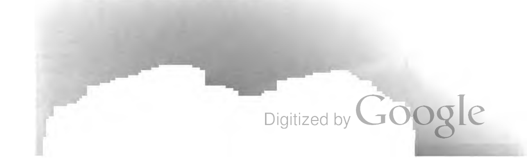
А мы просо выталкимъ, выталкимъ
Будзить ладу, выталкимъ, выталкимъ.

ПЕРВАЯ СТОРОНА.

А цемъ же вы выталкитси, выталкитси,
Будзитсь ладу, выталкитси, выталкитси?

ВТОРАЯ СТОРОНА.

А мы каней выпустсимъ, выпустсимъ,
Будзить ладу, выпустсимъ, выпустсимъ.

ПЕРВАЯ.

А мы канéвъ пóймаимъ, поймаимъ,
Будзитсь ладу, пóймаимъ, пóймаимъ.

ВТОРАЯ.

А какъ жа вы поймаитси, пóймаитси,
Будзитсь ладу, поймаитси, поймаитси?

ПЕРВАЯ.

А мы сабакъ выпустсимъ, выпустсимъ,
Будзить ладу, выпустсимъ, выпустсимъ.

ВТОРАЯ.

А мы канёвъ выкупимъ, выкупимъ,
Будзитсь ладу, выкупимъ, выкупимъ.

ПЕРВАЯ.

А цѣмъ жа вы выкупитси, да выкупитси,
Будзитсь ладу, выкупитси да выкупитси?

ВТОРАЯ.

А мы дадзимъ сто рублёвъ, сто рублёвъ,
Будзить ладу, сто рублёвъ, сто рублёвъ.

ПЕРВАЯ.

Не нада намъ сто рублёвъ, сто рублёвъ,
Будзитсь ладу, сто рублёвъ, сто рублёвъ.

ВТОРАЯ.

А мы дадзимъ тысяцу, тысяцу,
Будзить ладу, тысяцу, тысяцу.

ПЕРВАЯ.

Не нада намъ тысяци, тысяци,
Будзитсь ладу, тысяци, тысяци.

ВТОРАЯ.

А мы дадзимъ дѣвицу, дѣвицу,
Будзить ладу, дзѣвицу, дзѣвицу.

ПЕРВАЯ.

Не нада намъ дзѣвицы, дзѣвицы,
А намъ нада моладзицъ, моладзицъ. } или наоборотъ.

Послѣ этого, дѣвица или молодецъ переходятъ отъ второй стороны къ первой.

ВТОРАЯ СТОРОНА.

Зъ нашаго полка выбыла, выбыла,
Будзить ладу, выбыла, выбыла.

ПЕРВАЯ.

Я (а) къ нашиму прибыла, прибыла,
Будзить ладу, прибыла, прибыла.

Послѣ того игра начинается снова, при чемъ вторая сторона заступаетъ мѣсто первой, а первая мѣсто второй.

Затѣмъ нерѣдко играютъ въ короли, такимъ образомъ: въ одно мѣсто сходятся нѣсколько лицъ и кладутъ, одну на другую, правыя руки. Когда первый кладетъ руку, говорятъ: первэй, когда другой—другей, когда третій—говорятъ три, когда четвертый — четыре, когда пятый — пять, когда шестой—холопъ, или хлапъ, когда седьмой — краля, когда осьмой — король. Такимъ образомъ дѣлаютъ до трехъ разъ, и при чьей рукѣ сказано будетъ въ послѣдній разъ: *король*, тотъ и дѣлается королемъ. Король каждому изъ играющихъ назначаетъ особенное дѣло: одному — плакать, другому — плясать, третьему — пѣсни пѣть, четвертому—лобъ сажею вымазать, пятому — цѣловать всѣхъ присутствующихъ на вечеринѣ, шестому—три воза сѣна на лбу привести (т. е. три раза потереть лбомъ по столу), или три раза громко въ окно прокричать: жениться хочу, седьмому—въ одномъ углу поплясать, въ другомъ поплакать, а въ третьемъ пѣсни спѣть и т. п. Эти приказанія исполняются безпрекословно, впрочемъ неболѣе одного раза; когда всякій изъ играющихъ выполнитъ назначенное ему дѣло, приступаютъ къ выбору новаго короля.

За этимъ играютъ въ плетень. Въ этой игрѣ всѣ берутъ другъ друга за руки и заплетаются такъ, что лѣвая рука каждаго лежитъ на правомъ плечѣ того, который стоитъ впереди его; при этомъ поютъ:

Сизай селезинь, натапивъ своихъ малыхъ дѣтушекъ
У мёдзи, у патоки, у сладкей сахарпасти.
Заплятися плетсень, заплятися плетсень!

Ты завейся камкая дарагая, дарагая!
Завярнися труба зылатая, зылатая!

После этаго опять расплетаются и поютъ:

Сѣра вутица, вынимай малыхъ дзѣтушакъ
Изъ мёду, изъ патыки, изъ сладкей сахарнасти.
Расплятися плетсень, расплятися, расплятися!
Развярнися труба залатая, залатая!
Ты развейся камка дарагая, дарагая!

Потомъ играютъ въ хороводы, такимъ образомъ: всѣ становятся въ кругъ, исключая одного мужчины и одной женщины, или дѣвицы; первый ходитъ въ кругу, а послѣдняя за кругомъ. При этомъ поютъ пѣсню, которая показываетъ дѣйствія обоихъ. Пѣсня поется такъ:

Ухъ, вы людзи, людзи добраи маи!
Вы сусѣдзи приближенпаи маи!
Малада жана нялюбитсь миня,
Що нялюбитсь (миня), ни глядзитсь на миня;
Идзѣ сойдитца, ни кланяитца,
А разыйдитца—няпроститца.

Послѣ этаго та, которая ходила за кругомъ, входитъ въ кругъ и кланяется играющему роль мужа, причемъ поютъ:

Вы спасиба людзи добраи маи!
Самирили зъ маладой жапой миня:
Идзѣ сойдится паклонитца,
Разыйдётца — пацалуитца.

За тѣмъ два другихъ представляютъ мужа и жену, и поется таже пѣсня.

Нерѣдко бываетъ также на вечеринкахъ и игра въ карты. Играютъ только въ дураки и въ любовный листочикъ. Послѣдняя игра состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ садятся за столъ въ кружокъ; посреди стола кладется колода картъ и каждый по очереди снимаетъ съ нея одну карту. Кто сниметъ пиковую карту, тотъ ударяетъ разъ, по плечу или по спинѣ, сидящаго съ нимъ рядомъ по лѣвую руку; кто сниметъ трефовую, тотъ кланяется сосѣду съ лѣвой стороны; кто червонную—тотъ жметъ руку, а кто бубновую—цѣлуется, все съ тѣмъ же сосѣдомъ.

Наконецъ опять пляшутъ, поютъ пѣсни и съ пѣснями расходятся по домамъ.

Въ вечеръ подъ Новый Годъ не бываетъ ни пѣсенъ, ни пляски, но всѣ, даже пожилые, собравшись, только гадаютъ о своей участи на слѣдующій годъ. Для этого берутъ шапку и каждый кладетъ въ нее кольцо, серьгу, или что-либо такое, кто что имѣетъ; послѣ шапку встряхиваютъ и поютъ слѣдующіе стихи:

Звалъ котъ кашурку въ пяцурку спатсь:
Тамъ тяпло и мягко́ и спатсь харашо.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ, да таму дабромъ.
Святъ вяцоръ!
Каму выйдитца, тому сбудитца.
Святъ вяцоръ!

Ходила карова по рѣпищу,
Набила пузица типищсю.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ, тому добромъ.
Святъ вяцоръ! и проч.

Ишли смярды́ багатаи,
Грябли золото лапатами.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ, таму добромъ и проч.

Ходзивъ Микола па закрамамъ,
Идзѣ ня полно дапалнивавъ,
Идзѣ ня ровна даравнивавъ.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и проч.

Санацки, малеванацки!
То́льки сѣсь на нихъ да паѣхатси.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и проч.

Сидзитсь пятухъ на тыцининки,
Голосъ да̀ виби, косы да̀ зимли.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и проч.

Пярякинь дугу на чужу старану,
А ты хамутъ аставайся на свасй старанѣ!
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и проч.

Плыветсь царка паплывушицка;
Нириплыла царка на сваю старану.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и проч.

Бѣгла кабыла изъ Навагорода
Грива залатая, а хвостъ серебрянай.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и проч.

Плывъ мядзвѣдь церезъ рѣцуньку;
Пераплывши папыхававъ.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и проч.

Затварю квашонку на донышки,
Паставлю ее на столбышки;
Ана стала полнымъ пална, съ краямъ равна.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и проч.

На боцки сяжу, за гвоздь дяржусь;
Яшто пасижу, яшто падзяржусь.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ, таму дабромъ.
Святъ вяцоръ! и проч.

Сининькій клубоцикъ и красинькай
По горкѣ катютца ни раскатютца.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и проч.

На гарѣ сижу, корысти гляжу,
Яшто пасижу, яшто пагляжу.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и проч.

Кузнецъ, кузнецъ! скуй мнѣ вѣнецъ!
Щобъ етымъ вянцомъ вѣнцатися.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и под.

Пташацка да касатацка!
Невѣй гнязда протсн горницы:
Тебѣ лѣта здѣсь не лѣтаватсь,
Тсибѣ зиму здѣсь не зимыватсь;
Тсибѣ бытсь, пташицка, на цужой сторонѣ.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ, таму дабромъ.
Святъ вяцоръ!
Каму вынитца, таму збудитца.
Святъ вяцоръ!

Сидзить варабей на тыцынинки,
Глядзитъ варабей на цужу старану.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и проч.

По окончаніи каждаго куплета вынимаютъ изъ шапки какую нибудь вещь, и тотъ, кому вещь принадлежитъ, смотря по пѣсни, заключаетъ о своей участи на слѣдующій годъ. Первый куплетъ, по объясненію крестьянъ, предвѣщаетъ женитьбу, или вообще доброе, второй—богатство, третій—смерть, четвертый—богатство, пятый женитьбу, шестой — почести, седьмой—разлуку съ родными, осьмой—возвращеніе откуда нибудь родственника, или освобожденіе отъ несчастія, девятый— неожиданное богатство и вообще доброе, десятый—избавленіе отъ какой либо напасти, возвращеніе родственника изъ дальней стороны и вообще доброе, одиннадцатый — богатство, двѣнадцатый — солдатчину, тринадцатый — мирное житье и женитьбу, четырнадцатый— умноженіе богатства, или вообще счастія, пятнадцатый—женитьбу, или вообще счастіе, шестнадцатый и семнадцатый—разлуку съ родными, какъ-то: женитьбу, солдатчину и тому под.

Такъ гадаютъ только въ вечеръ на Новый годъ.

Кромѣ того есть еще гаданія, которыя производятся въ каждый Святочный день, когда кто захочетъ. Гаданія эти суть слѣдующія:

Молодые холостые парни и дѣвицы нерѣдко ходятъ ночью на рѣку, достаютъ изъ прорубовъ каменья, и по нимъ стараются узнать свою судьбу: если имъ попадетъ камень шероховатый, то заключаютъ, что слѣдующій годъ будетъ для нихъ счастливъ, а если гладкій, то несчастливъ. Дѣвицы ходятъ также на перекрестки, падаютъ на землю, слушаютъ въ какой сторонѣ лай собакъ, и по этому заключаютъ, въ какую сторону выйдутъ замужъ. Ходятъ также къ церквамъ, и слушаютъ: если послышится что либо подобное пѣнію, то думаютъ, что на будущій годъ выйдутъ замужъ; а если послышится плачъ, то ожидаютъ смерти.

Нерѣдко дѣвицы гадаютъ еще и такъ: желающая узнать своего суженаго идетъ одна въ черную (безъ трубы) избу, въ которой нѣтъ никого; ставитъ на припечкѣ, передъ челомъ (отверстіемъ въ печи, чрезъ которые кладутъ въ печь дрова и проч.), чашку съ водою, сама влѣзаетъ на печь, и, спустивъ оттуда свою голову, смотритъ въ воду, иногда болѣе часа, въ той надеждѣ, что смотря долго въ чашку съ водою, увидятъ на поверхности воды образъ своего суженаго, или, если имъ суждено умереть—гробъ. Впрочемъ подобныя гаданія въ настоящее время весьма, весьма рѣдки, и совсѣмъ уже истребляются.

Дѣвицы, желающія узнать своего *суженаго*, чаще всего гадаютъ такимъ образомъ: отходя ко сну, онѣ ставятъ у своего изголовья чашку съ водою, или кладутъ прутья, и приговариваютъ: въ первомъ случаѣ: « суженый, ряженый! приведи своего коня поить на мой колодезь»; а во второмъ: « суженый, ряженый! приходи гулять въ мою рощу». Многія увѣряютъ, что дѣйствительно видятъ во снѣ своихъ суженыхъ.

У здѣшнихъ крестьянъ Святки оканчиваются вечеромъ въ день Крещенія Господня. Въ этотъ вечеръ, въ который у здѣшнихъ крестьянъ бываетъ солоткое игрище, неоднократно повторяются всѣ игры и забавы, описанныя выше; съ этаго игрища расходятся уже часу въ третьемъ ночи.

Играми, плясками и гаданіями забавляются люди молодые и среднихъ лѣтъ; старые только перегащиваются другъ у друга: сосѣди ходятъ въ гости къ сосѣдямъ, друзья къ друзьямъ, родные къ роднымъ, знакомые къ знакомымъ; вечеромъ же они собираются въ одно мѣсто и толкуютъ объ

житейскомъ, разсказываютъ разныя приключенія, повѣсти, сказки и т. под.

ПРАЗДНИКИ.

Народные праздники суть Святки, Сырная Недѣля (Масляница), Свѣтлая Недѣля, или Пасха и Троицынъ день.

Какъ празднуются Святки показано выше.

Въ Пасху народное веселье состоитъ только въ катаніи яицъ и въ хожденіи изъ одной деревни въ другую за святыми иконами. Плясокъ и пѣсенъ въ эту недѣлю вовсе не бываетъ.

Въ Сырную недѣлю, начиная съ четверга, качаются на рѣляхъ, катаются съ горъ на большихъ саняхъ, или на саночкахъ, на маленькихъ обмороженныхъ лодочкахъ, или катаются на лошадяхъ; ввечеру же нерѣдко повторяется тоже, что бываетъ и на Святкахъ. Въ эти дни молодые (новобрачные) ѣздятъ также съ дарами къ своимъ родителямъ и родственникамъ.

Троицынъ день есть по преимуществу день веселья для молодыхъ дѣвушекъ. Въ каждой деревнѣ онѣ въ этотъ день собираются и вмѣстѣ ходятъ въ рощи, или лѣса, завивать на деревьяхъ вѣнки; тамъ же приготовляютъ себѣ какую нибудь закуску, при чемъ каждая дѣвица угощаетъ своею закускою всѣхъ своихъ подругъ.

ЖИЗНЕННЫЯ СРЕДСТВА.

Крестьянинъ добываетъ себѣ жизненныя средства своими трудами—рукодѣльемъ, ремесломъ, а преимущественно хлѣбопашествомъ. Многіе нанимаются въ городахъ, селахъ, или деревняхъ въ работники, на годъ, или на полгода; многіе зимою возятъ изъ города въ городъ разную кладь, весною же ходятъ на баркахъ въ Тверь, а всего болѣе въ Ригу.

Расходъ здѣшняго крестьянина состоитъ въ слѣдующемъ:

На уплату податей и подушныхъ поступаетъ столько, сколько назначается Уѣзднымъ Казначействомъ; сюда же относятся и земскіе сборы.

Насущное пропитаніе у каждаго почти крестьянина свое, а потому оно какъ бы и не считается.

На необходимые по дому прожитки, какъ-то на соль, деготь, соху и т. п., въ семействѣ, состоящемъ изъ 18-ти душъ (включая женскій полъ и малолѣтнихъ), въ годъ выходитъ около 70-ти р. асс. Затѣмъ на прихоти, какъ-то: на щегольство и праздничное угощеніе — около 12-ти р. сер.

УМСТВЕННЫЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ И ОБРАЗОВАНІЕ.

О простолюдинахъ описываемой мѣстности нѣтъ поговорокъ и насмѣшекъ. Грубость и необразованность слыветъ здѣсь подъ названіемъ тудавщины, по жителямъ около рѣки Туда и села Молодаго-Туда, въ 50-ти верстахъ отъ Ржева. Дѣйствительно, не смотря на то, что къ настоящее время жители тѣхъ мѣстъ мало по малу образуются, они все еще непонятливы, несмѣтливы и мало разсудительны. Они боятся всякаго человѣка, хотя нѣсколько облагороженнаго и занимающаго какую либо, даже незначительную должность. Особенный порокъ здѣшняго населенія есть склонность къ мелкому воровству; но при этомъ дурномъ свойствѣ нашъ крестьянинъ имѣетъ и хорошія: онъ очень почтителенъ къ высшимъ себя; передъ всякимъ почти снимаетъ шапку; не смотря на бѣдность, гостепріименъ: ночлегъ у него почти для всякаго даровой; почти каждый изъ здѣшнихъ крестьянъ безмездно и накормитъ и напоитъ бѣднаго странника, пришедшаго въ его домъ; онъ набоженъ: всякій передъ храмами Божіими, передъ крестами, часовнями и даже на перекресткахъ, непремѣнно, всегда, снимаетъ шапку и крестится.

Грамотныхъ, какъ мущинъ такъ и женщинъ, здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Недавно только (въ 1845 году) заведено вблизи, въ селѣ Холмецѣ, сельское училище; но въ это училище поступаютъ дѣти крестьянъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ. Съ 1845 года обучены читать, писать, правиламъ Ариѳметики и Закону Божію 15 мальчиковъ; въ настоящее время ихъ обучается до 25-ти. Иные все еще учатся у престарѣлыхъ причетниковъ.

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ И ПАМЯТНИКИ.

Въ народѣ сохранилось преданіе о временахъ татарскаго порабощенія и о 1812 годѣ; первое сохранилось въ пословицѣ: «*незваный гость хуже Татарина*», а о Французахъ въ словахъ:

«*Храньцузъ тсибе вазми*». Вообще названіе *Француз* обратилось здѣсь въ брань; напр. вм. того, чтобы сказать: «ахъ ты дуракъ, или мошенникъ, или негодяй, безбожникъ, наглый, дерзкій, жестокій человѣкъ», говорятъ: «ахъ ты Храньцузъ!».

Есть также въ народѣ преданія о кладахъ, именно:

Расказываютъ, что въ четверти версты отъ села Завидова, отстоящаго отъ Ржева на 45 верстъ, къ востоку, по дорогѣ во Ржевъ, около моста, былъ сундукъ съ деньгами, изъ котораго всякій могъ брать деньги въ долгъ на извѣстное время. По истеченіи срока, взявшій деньги непремѣнно долженъ былъ возвратить ихъ въ сундукъ; иначе онъ заболѣвалъ, и болѣлъ до тѣхъ поръ, пока не возвращалъ денегъ. Въ настоящее время мѣсто, гдѣ былъ сундукъ, заплыло грязью и стало болотистымъ.

Есть также преданіе, что въ старину была большая дорога между деревнею Жуковымъ, принадлежащею къ Бобровскому приходу и деревнею Двойнями, того же прихода; на этой дорогѣ, между двумя означенными деревнями, былъ надъ оврагомъ мостъ, подъ которымъ находился будто бы въ землѣ большой кладъ. Теперь на этомъ мѣстѣ большой дороги нѣтъ, нѣтъ и моста, но оврагъ есть.

Въ заключеніе, представимъ разсказъ крестьянина о томъ, какъ онъ искалъ кладъ.

«Живъ я у батракахъ у Липовкѣ, * и у ввадзинъ дзень выпрягъ палудневатсь; папалуднававъ и лёгъ атдыхатсь на лауку, и вснувъ; и у въ васняхъ ввидзивъ, и приходзитсь ка мнѣ старикъ такей рыжій: и що ты, гаворитсь, моладицъ, думаишь? А що, я кажу, ницогъ (ничего). Какъ, гаворитсь, хоцышь ты дзенигъ? Какъ, я гаворю; а ты мнѣ нѣшта (развѣ) дзенигъ дашъ? Да, я табѣ, гаворитсь ёнъ, дамъ. А какіимъ родамъ, я гаворю, даси ты мнѣ дзенигъ? Я, онъ гаворитсь, табѣ кладъ укажу. А идзѣ, я кажу (говорю), кладъ? А вотъ, ёнъ гаворитсь, у вашамъ сяленни кладъ, и стольки, такей кладъ, гаворитсь, боцка саракавица; и ня стольки, гаворитсь, твайму роду даволи будзитсь,—вашему усяму сяленню досытсь будситсь; боцка, гаворитсь, саракавица; палавину злата, да палавину серибра, и твая цась вынитсь ётси дзеньги;

* Липовка—деревня, отстоящая отъ с. Бобровки около полутора версты.

и ступай ты протси Ивана *, каравуль: яны табѣ проста сдадутца. А я гаворю: я адзинъ баюсь. Эхъ, гаворитсь ёнъ, цаго, гаворитсь, табѣ баятца? Яны проста табѣ и здадутца. Ну, кали такъ, гаворитсь, вазмижь ты млада юнаша сабѣ для змѣластси. Я и пайзвавъ малага разбору цалавѣка, и зайшовъ къ таму цалавѣку пройтси Ивана. Ступай, братъ, я гаворю, пайдземъ; а вотъ братъ, ёнъ гаворитсь, вужинаю; падзи, гаворитсь, садзись, я апаслѣ прійду. Я пайшовъ, перяктсився и сѣвъ. Вдругъ я сяжу, ни рабѣю ни цаго, дажидаюся тавариша; удругъ выходзитсь зъ бани женшина, эдакая абрядная: платтся въ ней бѣлая, падпаяска въ ней жолтая, и на галавы надзѣта жолтая. Ну, тоя мѣста идзѣ кладъ, и вароцаитца ета женшина, и паварациваитца. Вотъ, патомъ я на ее зматрю: паваратсилась яна раза три кругомъ, апятсь у баню пайшла и баню заперла. Я ей ницогъ висказавъ. Вотъ, я гладзь у сторану, пагляжу: бягитсь песъ, етакій глазатый, привстрашённай; я и упудзився пса таго, я и полна сидзѣтсь; товариша майго нѣту, вотъ я и пайшовъ на входъ (на уходъ). Вотъ, я бѣжатсь, а ёнъ мяня сзаду хватаtсь, такъ и ловитсь. Лидва, лидва дамовъ прибёгъ, цутсь живэй прибёгъ. Прибѣгъ дамовъ, на пецку какъ легъ, такъ и ня вставъ, — дзвѣ нядзѣли и выляжавъ (у).»

---

* Въ ночь на Рождество Іоанна Предтечи (т. е. на 24-е Іюня) есть обыкновеніе искать кладъ.

ОСТРИНСКІЙ ПРИХОДЪ

ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ

ЛИДСКАГО УѢЗДА.

(Профессора Литовской Семинаріи И. Юркевича).

Главное мѣсто Остринскаго прихода есть мѣстечко Острина*, лежащее отъ Вильно въ 20-ти, а отъ Гродно въ 7-ми миляхъ. Это мѣстечко, принадлежавшее нѣкогда къ такъ-называемымъ *столовымъ* имѣніямъ Польскихъ Королей, а нынѣ казенное, подобно другимъ мѣстечкамъ нашихъ Западныхъ Губерній имѣетъ привиллегіи, дарованныя ему Польскими Королями. 16-го іюня 1792 года Король Польскій Станиславъ Августъ подтвердилъ права мѣстечка Острины, дипломомъ подъ названіемъ Renovationis, писаннымъ

* На картѣ Шуберта мѣстечко Острина показано на Ю. З.З. отъ уѣзднаго города Лиды, въ З. части Лидскаго уѣзда. Оно окружено слѣдующими мѣстечками и селами: на С. Новый-Дворъ, на В. Василишки и Ищольно, на Ю.В. Щучино. По этнографической картѣ Академика Кёппена нельзя съ точностію опредѣлить, населенъ ли весь Остринскій приходъ Русскими, или въ немъ находятся и Литовцы; по картѣ Шаффарика Остринскій приходъ, какъ и весь Лидскій уѣздъ — русскій, но въ сосѣдствѣ ихъ живетъ Литва. Что Остринскій приходъ русскій видно впрочемъ и изъ самой статьи. *Прим. Ред.*

на пергаментѣ, золотыми буквами, въ Варшавѣ. Церковь Остринскую, во имя Спасителя, первоначально надѣлили фундушемъ цивунъ Шимко Манковичь и помѣщики Зиневичи; а въ 1556 году 4-го августа, этотъ фундушъ увеличилъ и подтвердилъ въ Вильнѣ Король Сигизмундъ Августъ. Замѣчательно, что эти документы писаны на славянскомъ языкѣ и древнимъ славянскимъ почеркомъ. Въ нихъ говорится, что подтвержденіе фундуша Остринской церкви исходатайствовано стараніемъ поповъ Ивана Яновича, Өедора Антроновича и діакона Логвина Апанасовича; 30-го января 1690 года это подтвержденіе заявлено въ Гродскомъ Лидскомъ Судѣ.

По новѣйшему раздѣленію приходовъ, Остринскій приходъ принадлежитъ къ третьему классу и состоитъ изъ 4,157 душъ обоего пола крестьянъ, казенныхъ и помѣщичьихъ.

БЫТЪ.

Народъ, живущій въ Лидскомъ уѣздѣ Виленской губерніи и принадлежащій къ Остринскому приходу, бѣденъ. Главное занятіе его составляетъ земледѣліе; но по малому пространству земли, отдѣляемой для каждаго земледѣльца, и по причинѣ гористой и песчаной, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и болотистой почвы, урожай хлѣба вообще бываетъ скуденъ, такъ что многимъ крестьянамъ къ веснѣ не достаетъ хлѣба, и они питаются большею частью картофелемъ. Торговли и промышленности здѣшніе поселяне не знаютъ; поэтому, за недостаткомъ хлѣба, многіе, особенно весною, терпятъ крайній недостатокъ. По той же причинѣ, самое тѣлосложеніе ихъ и здоровье слабы, а ростъ малъ. Кромѣ того, неопрятность и нечистота въ крестьянскихъ домахъ навлекаютъ на здѣшнихъ жителей многія эпидемическія болѣзни, которыя, преимущественно весною, свирѣпствуютъ по деревнямъ. Такъ, здѣсь бываютъ горячки, различныя сыпи и катарральныя болѣзни. Многіе страдаютъ такъ-называемымъ *колтуномъ*.

ОДЕЖДА.

Одежду здѣшнихъ крестьянъ составляетъ *сермяга* изъ сѣраго толстаго сукна, и *кожухъ*. Болѣе достаточные опоясыва-

ются черными поясами, шерстяными или ремянными, которые спереди застегиваются пряжкою изъ желтой мѣди, или поясами другаго цвѣту, изготовляемыми самими крестьянами. Пожилые мужчины носятъ круглыя или четыреугольныя суконныя шапки, обложенныя овечьею или телячьею шкурою. Молодые парни, подражая людямъ высшаго сословія, носятъ шапки изъ тонкаго сукна, съ козырьками. Обувь, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, составляютъ по большей части лапти, подшитыя кожею (сабаками); сапоги и башмаки они надѣваютъ только въ воскресные и праздничные дни, когда идутъ въ церковь, или въ городъ. Замужнія женщины обвертываютъ голову длиннымъ кускомъ тонкаго бѣлаго полотна (нàметки), а дѣвицы носятъ на головѣ бѣлые или цвѣтные платки, завязывая ихъ спереди въ кокарды.

ЯЗЫКЪ.

Языкъ здѣшняго простаго народа представляетъ смѣсь русскаго съ польскимъ, но вообще онъ ближе къ русскому. Какъ всякая губернія, уѣздъ, даже деревня, имѣетъ нѣкоторую особенность въ языкѣ, такъ и здѣшніе крестьяне нѣсколько отличаются нарѣчіемъ отъ смежныхъ съ ними крестьянъ Новогрудскаго уѣзда Минской губерніи. Различіе болѣе всего замѣчается въ глаголахъ, окончивающихся на *ся*, которое они перемѣняютъ на *са* и произносятъ твердо; напр. *што ты повалиусa*, *умараусa*, *умурзаусa*, *упиусa* и проч. Кромѣ того, въ языкѣ здѣшняго народа встрѣчаются особенныя слова; напр. *каубакі* — сосновыя полѣна, расколотыя въ лучину; *дразги* — лучина; частица *галáня* употребляется для означенія прошедшаго времени; напр., когда кто спрашиваетъ: *чи давно прихóдзивъ*, или *чи давно пoѣхавъ*, то отвѣчаютъ: *да уже галáня*. Впрочемъ, болѣе ясное понятіе о языкѣ поселянъ Лидскаго уѣзда можно составить по нижеприведеннымъ простонароднымъ пѣснямъ.

ХАРАКТЕРЪ И НРАВЫ.

Трудно опредѣлить степень образованности, нравственности и характеръ здѣшнихъ жителей, потому что всякая деревня имѣетъ свои обычаи, предразсудки и суевѣрія, которые можно видѣть въ домашней и общественной жизни крестьянъ.

Въ религіозномъ отношеніи они вообще мало образованы. Теперь многіе выучились молиться Богу на славянскомъ языкѣ; но прежде обыкновенно молились на польскомъ. Въ обращеніи съ людьми высшаго званія здѣшніе жители ласковы и кротки. Привѣтствіе мужика или бабы высшему лицу всегда начинается словами: *нѣхъ бендзе похваліоны Іезусъ*; за тѣмъ, послѣ обыкновеннаго приступа: *да Бога и да Пана пришоу въ такомъ дзѣлѣ*, они расказываютъ самое дѣло. Когда одинъ встрѣтится съ другимъ на дорогѣ, или придетъ въ чужой домъ, то низко кланяется и привѣтствуетъ такъ: *похваліоны Іезусъ!* потомъ оба пожимаютъ другъ у друга правыя руки, а лѣвыми обнимаютъ шею, цѣлуются, и одинъ спрашиваетъ у другаго: *чи живы всѣ домашніе, чи здаро́вы дзѣтки ваши, чи ве́селы*; а тотъ съ благодарностію отвѣчаетъ: *дзякуй за запыта́не*, и дѣлаетъ тотъ же вопросъ; на это ему отвѣчаютъ: *еще капы́шкаются, дзя́куй Богу*. Если такое взаимное привѣтствіе происходитъ въ домѣ, то просятъ садиться; если же на рынкѣ, или въ корчмѣ, то встрѣтившіеся потчуютъ другъ друга водкою, и каждый, поочереди, предлагаетъ свою водку. Подвыпивъ, разсуждаютъ о домашнихъ дѣлахъ, мужчины отдѣльно отъ женщинъ; послѣднія, разговаривая между собою, также пьютъ, смѣются, а иногда и плачутъ. Когда же одинъ сдѣлаетъ другому какую либо обиду, то браняться: *зло́дзѣй ты, валацу́га, ві́сѣльникъ, прахво́стъ, пага́нинъ* и проч. Ссоры доходятъ и до драки. Между женщинами также очень часто бываютъ ссоры и брань. Молодежь въ обращеніи своемъ подражаетъ старикамъ. Вообще здѣшніе крестьяне наклонны къ ссорамъ, къ пьянству и къ воровству, которому научились у Цыганъ, живущихъ въ мѣстечкѣ Остринѣ. Въ сношеніяхъ съ посторонними и незнакомыми здѣшніе крестьяне хитры, подозрительны и обманчивы, но помогаютъ въ нуждѣ скоро, если это можетъ доставить имъ выгоду. Въ исполненіи своихъ намѣреній непостоянны.

ОБЫЧАИ ПРИ КРЕСТИНАХЪ.

Послѣ счастливыхъ родовъ, мужикъ, приглашенный быть кумомъ, приходитъ въ домъ родильницы съ хлѣбомъ, оберну-

тымъ въ бѣлый платокъ, и кладетъ на столъ. Кума приноситъ родильницѣ (параженицы) бутылку водки, приправленной медомъ или перцомъ. Послѣ непродолжительнаго угощенія кумовъ, повивальная бабка, благословляя новорожденнаго знаменіемъ креста (въ это время всѣ находящіеся въ домѣ также крестятся), отдаетъ его кумамъ, которые отправляются къ священнику, для совершенія Св. Крещенія. Кумы приносятъ священнику, вмѣстѣ съ младенцемъ, хлѣбъ. Замѣчательно, что ребенка несутъ или везутъ къ крещенію большею частію вечеромъ. Послѣ крещенія, кума приноситъ ребенка домой и отдаетъ повивальной бабкѣ, а бабка матери, и снова начинается угощеніе, послѣ котораго подаютъ ужинъ, а за тѣмъ подносятъ подарки кумамъ и повивальной бабкѣ. Подарки состоятъ обыкновенно въ кускѣ полотна и хлѣбѣ. На другой день кумы приходятъ навѣстить родильницу и приносятъ ей гречневую кашу и нѣсколько ржаныхъ пироговъ. Кумъ, отвѣдывая свою кашу, говоритъ: «нѣхайте Богъ нашего хрещовника (называя его по имени) гадуѣ, да долю ему гатуѣ», кладетъ въ кашу, смотря по состоянію, 20 или 30 копѣекъ, и чрезъ повивальную бабку отдаетъ кашу родильницѣ. Также поступаетъ и кума. Послѣ того бабка ставитъ на столъ миску воды, съ хмѣлемъ и овсомъ, и проситъ у всѣхъ гостей денегъ на мыло. Всѣ находящіеся въ домѣ бросаютъ въ поставленную миску по нѣскольку копѣекъ. За этимъ слѣдуетъ пиръ, который начинается обращеніемъ матери новорожденнаго къ куму: *Кумъ, зачинайце пирогъ, кабъ дзиця прендзѣй гаварило.* Послѣ этихъ словъ подаютъ обѣдъ, а послѣ обѣда собираютъ деньги на водку, и распивъ ее, расходятся по домамъ.

ОБЫЧАИ ПРИ СГОВОРАХЪ.

Сваты, пріѣзжая или приходя въ домъ невѣсты, приносятъ съ собою водку. Если невѣста согласна итти замужъ, то накрываетъ скатертью столъ и ставитъ на немъ рюмку; сватъ наливаетъ водки и предлагаетъ ее невѣстѣ, а она беретъ ее и отдаетъ отцу. Отецъ пьетъ обратившись къ жениху, если женихъ тутъ же находится, или къ своей женѣ. Послѣ того невѣста отправляется въ деревню и приглашаетъ всѣхъ своихъ родныхъ. Когда они соберутся (принося съ собой хлѣбъ), со-

вершаются сговоры (заповины). Сваты остаются у невѣсты до слѣдующаго дня. По окончаніи сговоровъ, мать невѣсты приноситъ на тарелкѣ въ даръ жениху платокъ, а свату нѣсколько локтей полотна, и покрываетъ этимъ полотномъ правое плечо свата, который въ такомъ видѣ долженъ присутствовать при бракосочетаніи. Женихъ, принимая платокъ, кладетъ на тарелку 30 к. сер. или и больше. Послѣ этаго обряда, сватъ опять достаетъ водку, наливаетъ и предлагаетъ всѣмъ. Замѣчательно, что отецъ и мать невѣсты наполняютъ рожью первую бутылку, изъ которой пили водку, и перевязавъ ее поясомъ, отдаютъ свату и жениху, передъ ихъ отъѣздомъ домой.

ОБЫЧАИ ПЕРЕДЪ БРАКОМЪ И ПОСЛѢ БРАКА.

Когда женихъ пріѣдетъ въ домъ невѣсты, ея отецъ или мать встрѣчаютъ его съ хлѣбомъ и пивомъ на порогѣ, а онъ имъ низко кланяется; вводятъ его въ домъ, и сажаютъ за столъ, вмѣстѣ со всею его *дружиною*. Послѣ того отецъ или мать выводятъ невѣсту и сажаютъ ее, также съ дружками и женщинами, за другимъ столомъ. Тогда настаетъ пиршество: даютъ обѣдъ и всѣ ѣдятъ и пьютъ, кромѣ жениха и невѣсты, которые постятся до самаго брака. Во время обѣда родители невѣсты опять предлагаютъ подарки — жениху платокъ, а свату, дружкамъ и музыканту по свитку полотна; женихъ съ своей стороны привозитъ невѣстѣ башмаки, набитыя шерстью, и сверхъ того даритъ ее деньгами, бросая ей ихъ за «воротникъ». Послѣ обѣда, женихъ и невѣста всѣмъ кланяются, а отецъ, отправляя ихъ въ церковь, провожаетъ изъ дому съ пивомъ и хлѣбомъ. На пути въ церковь, женщины поютъ пѣсни, а одинъ изъ мужчинъ играетъ на скрыпкѣ.

Послѣ бракосочетанія отецъ или мать встрѣчаютъ новобрачныхъ также съ хлѣбомъ и пивомъ. Свадьба (*веселье*) собственно начинается послѣ этой встрѣчи; тогда поютъ различныя пѣсни, играютъ и пляшутъ, во второмъ или третьемъ часу ночи ужинаютъ и продолжаютъ веселиться всю ночь.

На слѣдующій день новобрачной подстригаютъ на головѣ волосы съ четырехъ сторонъ, надѣваютъ ей на голову холстинный платокъ (*наметку*) и сожигаютъ подстриженные во-

лосы. Женщины дарятъ новобрачную полотномъ, а мужчины деньгами.

На второй или на третій день послѣ того пекутъ *коровай*, то-есть пшеничный пирогъ, который раздѣляютъ между всѣми.

Наконецъ отвозятъ новобрачную въ домъ ея мужа; пріѣхавъ туда, она даритъ всѣхъ домашнихъ или кускомъ полотна, или утиральникомъ, а находящихся при этомъ постороннихъ — небольшими поясами.

Послѣ свадьбы первое дѣло новобрачной, какъ новой хозяйки дома — идти къ колодезю за водою и принести ведро воды; въ этомъ помогаетъ ей малый ребенокъ, которому она даритъ поясъ. Затѣмъ она прядетъ шерсть или волну, привезенную ей въ башмакахъ и раздѣляетъ между домашними коровай. Этимъ свадьба и оканчивается.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

Лецѣли гу́сенки черéзъ сáдъ,
Клúкали Ану́льку па посáдъ.
«Чи я такъ пайду́ якъ стаю́?
Засцелéце кабéрецъ, я ступлю́.»
Чаму́ не кукавáла сúвая зязю́лька
Якъ сады́ зацвитáли?
Чаму́ не плáкала красная Ану́лька
Якъ цебé запивáли?
Ой! кукавáла зазю́лька на ду́бѣ,
Плáкала Ану́лька при шлю́бѣ;
Кукавáла зязю́лька на берóзѣ,
Плáкала дзѣвачка въ дарóзѣ;
Кукавáла зязю́лька на тынку́,
Плáкала дзѣвачка по вѣнку́.

ПѢСНЯ, КОТОРУЮ ПОЮТЪ, ДѢЛАЯ КОРОВАЙ.

Попытáйцесе дóбрые лю́дзи,
Што въ гéтомъ коровáѣ будзе?
Ой, три бóчки пшаничнае мукі,
Да двѣ бóчки кринúчнае воды́,
Да три фáски древичаго мáсла (отъ молодыхъ коровъ),
Да три капы яицъ отъ молоды́хъ курицъ;

Поютъ приплясывая:

Карагáйницы пія́ницы,
Да все цéсто покрáли,
Да у кешóнки паклáли.
Стало цéсто бушавáци,
Стало кешóнки распирáци

И проч.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОХОРОНАХЪ.

Тотчасъ послѣ выноса покойника изъ дому выметаютъ весь домъ, моютъ столъ и скамьи, топятъ печку, пекутъ хлѣбъ и приготовляютъ ужинъ, на которомъ первое блюдо непремѣнно постное, — жидкій кисель съ грибами (*журъ*). Послѣ перваго блюда молятся за покойника, съ громкими рыданіями, призывая его по имени къ столу, и выливаютъ на столъ ложку всякаго кушанья. Тоже самое дѣлаютъ въ дни поминовенія Церковію усопшихъ (на *поминки* или иначе *на дзяды*), съ тѣмъ различіемъ, что тогда выходятъ изъ хижины на дворъ къ воротамъ и съ плачемъ призываютъ умершихъ родныхъ, слѣдующими словами: «Тáтачко, мáтачка, просимъ васъ на вечéру.» Въ это время всѣ домашніе скромно и тихо ѣдятъ и пьютъ. Осенью ставятъ на могилахъ деревянные кресты, кладутъ деревянныя доски или каменныя плиты (*приклады*) и устроиваютъ столы за умершихъ.

ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННАГО БЫТА.

Въ дѣлахъ, касающихся хозяйства, всякая деревня руководствуется общимъ мнѣніемъ и согласіемъ опытныхъ въ хозяйствѣ людей, которые, приступая къ какой либо полевой работѣ, напр. къ пахатьбѣ весною земли, къ посѣву, или къ косьбѣ, собираются на улицѣ, или идутъ въ корчму; тутъ старики подаютъ свое мнѣніе, когда именно начинать ту или другую работу. Тоже бываетъ и осенью: что дѣлаетъ въ это время одинъ хозяинъ, то дѣлаетъ и другой; если одинъ учреждаетъ пиръ, или совершаетъ поминовеніе по умершимъ, то и прочіе дѣлаютъ тоже самое.

ЗАЖИНКИ.

Въ началѣ жатвы хозяйка дома выходитъ въ поле одна или съ другими женщинами, беретъ съ собою хлѣбъ, соль и вод-

ку, и нажавъ снопъ ржи, садится на него и поетъ протяжно следующую пѣсню:

Дзя́куй Богу, за ла́ску свят́ую,
Што я но́ваго хлѣба дождала,
И снапо́къ жи́та нажа́ла.
Буду жа́ци, не лежа́ци,
Кабъ капу́ жита пажа́ци;
Нажа́вши змолоци́ци,
Каши навари́ци
И дзѣцей покарми́ци.

Другія женщины помогаютъ ей пѣть. Послѣ того, пьютъ водку, закусываютъ и охотно продолжаютъ работу.

ДОЖИНКИ.

Кончивъ жатву ржи, жнецы плетутъ вѣнокъ изъ ржаныхъ колосьевъ, украшаютъ его цвѣтами и приносятъ въ домъ хозяина, который встрѣчаетъ ихъ съ хлѣбомъ-солью. Возвращаясь съ поля, жнецы поютъ разныя пѣсни, а приближаясь къ дому — слѣдующую:

Засцела́йце столы, ла́вы.
Ѣдзѣ къ вамъ госцъ небыва́лы;
Іопъ не много пабыва́е
Зпову у поле адѣзжае,

и проч.

Принесенный вѣнокъ кладутъ на хлѣбъ и поздравляютъ хозяина съ окончаніемъ жатвы. Обрадованный хозяинъ угощаетъ работниковъ, которые, подкрѣпивъ свои силы водкою, поютъ разныя пѣсни, веселятся, иногда даже пляшутъ, и такъ празднуютъ дожинки. Между прочими пѣснями всегда поютъ слѣдующую:

У насъ сегодня дожи́пачки;
Дасцъ панъ намъ горе́лачки
Съ повнаѣ баре́лачки.
Нашъ пане Каро́лику!
Пускай насъ до до́меньку!
Не пускаешь до до́меньку,
То гатуй намъ вече́реньку,
Да сцели намъ пасце́леньку,
Вечереньку сма́чненькую,
Пасцеленьку мякенькую.

ЗАБАВЫ.

Въ Рождество Христово, въ Новый годъ, на заговѣнья и другимъ праздничнымъ днямъ, въ деревняхъ бываютъ такъ-зываемыя *игрища*. Игрища не что иное какъ собранія молоджи по вечерамъ въ корчмахъ, гдѣ одинъ играетъ на скрыпкѣ, другіе пляшутъ. Въ Рождество Христово и въ Новый годъ черомъ ходятъ отъ одного дома къ другому и поютъ пѣс- подъ окнами; это называютъ *валачóннымъ*. На заговѣнья къ молодежъ, такъ и старики возятъ другъ друга на саняхъ опрокидываютъ, а молодые парни привязываютъ дѣвушкамъ большія деревянныя колодки, въ наказаніе будто бы за то, о онѣ не вышли замужъ въ продолженіе мясоѣда, но собвенно съ тою цѣлію, чтобы дѣвушки, желая освободить- отъ колодокъ, купили имъ водки. На Пасху красятъ яйца, торыми послѣ бьются. Весною и лѣтомъ мальчики играютъ улицѣ *въ кацéлку* и *въ свиню*, а дѣвушки *въ крутáвпю* и *цéлицу*.

ПРЕДРАЗСУДКИ И СУЕВѢРІЯ.

Здѣсь, какъ и вездѣ, простой народъ имѣетъ много предзсудковъ и суевѣрій. Въ этомъ отношеніи женщины кажется ревосходятъ мужчинъ. И тѣ и другія имѣютъ свои праздчные дни, въ которые не занимаются извѣстными работами. акъ, въ Рождественскіе праздники женщины не прядутъ; реполовенная середа празднуется, и мужчины въ этотъ день не шутъ, потому что въ противномъ случаѣ ожидаютъ дождлиго и сыраго лѣта; не работаютъ также ничего въ день Св. лимпія; 24-го іюня, въ день Рождества Св. Іоанна Крестителя, таютъ до восхода солнца, чтобы посмотрѣть, какъ оно будетъ грать; въ этотъ же день утромъ собираютъ траву (*минушки*) кладутъ на окна крапиву, для отогнанія волшебницъ или вѣдьмъ проч. Подъ волшебницами здѣсь разумѣютъ женщинъ, которыя дто бы имѣютъ связи съ злыми духами, и съ ихъ помощью могаютъ, или вредятъ людямъ; мужчинъ, имѣющихъ связи съ чистою силою, называютъ *знахарáми*, и какъ волшебницамъ, къ и знахарямъ приписываютъ искусство *заговаривать* ра-

личныя болѣзни, отгадывать причину несчастій, постигающихъ людей и т. под.

ЗАГАДКИ И ОТГАДКИ.

Четыре дзяды назадъ бородáми.	Конскія копыта.
Кривéньки дзядóкъ все поле абѣгау.	Серпъ.
Хто наупéрадъ въ церкау вхóдзицъ.	Ключь.
Бѣгали чиричики па липовомъ мóсцѣ, шусць въ мѣшокъ.	Горохъ.
Чатыре чатырáначки побѣгли въ палянáчки, принесли утку, пасадзили въ закутку: «сядзи утка тутъ, бо табѣ данъ кутъ».	Телѣга, на которой возятъ съ поля хлѣбъ въ гумно.
Бывъ у насъ барáнъ, на іомъ не столько вóлны, сколько ранъ.	Колода, на которой дрова рубятъ.
Чатыре паничики падъ адпымъ капелюшóмъ сѣдзяцъ.	Ноги у стола.
За лѣсамъ палянскимъ, за полямъ лѣсáнскимъ, кричицъ Кацерина галасамъ шатáнскимъ.	Труба.
Чóрненькая, мáленькая у Караля на абѣдзѣ.	Перецъ.
Черезъ акнó, цягне воукъ сукно.	Дымъ.
Сухая пятница косци грызе.	Чесалка.
Воукъ жалѣзны, а хвостъ канапляпы.	Игла.

ПОГОВОРКИ.

Пакармиуши скацинку, то зарóбишь и нивку.

У дбалаго гаспадарá на пручмéни расце трава, а у гультáя крапива.

Кинь передъ сабою—знайдзешь за сабою.

Прикуси языкъ, кали іонъ табѣ свербицъ.

СЕЛО КОБЫЛЬЯ. *

ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ

НОВГРАДВОЛЫНСКАГО УѢЗДА.

(ПРОТОІЕРЕЯ І. МОРАЧЕВИЧА).

НАРУЖНОСТЬ.

Не только по губерніямъ и уѣздамъ, но и по городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ, наружность и нѣкоторые обычаи жителей бываютъ болѣе или менѣе различны между собою.

Всѣ города, мѣстечки и села здѣшняго края, населены старожилами — Поляками, Малороссіянами ** и Евреями.

Поляки раздѣляются на три класса: 1) помѣщики, 2) управители, экономы и служащіе въ разныхъ должностяхъ, нако-

* На картѣ Шуберта село Кобылья показано деревней. Въ немъ, на той же картѣ, 84 двора. Находится оно на С. З. З. отъ уѣзднаго города Новградъ-Волынска, въ С. части уѣзда, и стоитъ на рѣчкѣ, впадающей въ рѣку Случь. На той же рѣчкѣ расположены: мѣстечко Корецъ (на Ю. З. отъ с. Кобыльи), Шитинъ, Сторожевъ и с. Устье. Вокругъ села Кобыльи находятся: на Ю. Голычевка и Морозовка; на В. Сухая-Воля, на С. Сторожевъ. Упоминаемое въ этомъ описаніи село Городница находится тоже въ С. части Новградъ-Волынскаго уѣзда, а с. Губково въ Ровенскомъ уѣздѣ, не далеко отъ мѣстечка Людвиполь. *Прим. Ред.*

** Авторъ вездѣ называетъ ихъ *крестьянами*, потому что сельское населеніе того края почти исключительно состоитъ изъ Малороссіянъ.

нецъ 3) фабричные, ремесленники, земледѣльцы и домашняя прислуга. Наружность у Поляковъ первыхъ двухъ разрядовъ вообще пріятная и красивая, но выражаетъ смѣсь. Женскій полъ наружною красотою и пріятностію превосходитъ почти всѣхъ европейскихъ женщинъ; мужчины большею частію дородны и имѣютъ гордую осанку; лица ихъ пріятны, расположеніе частей тѣла соразмѣрное; волосы у мужчинъ большею частію темнорусые, у женщинъ свѣтлорусые, а у нѣкоторыхъ черные; голова и глаза большею частію малы, руки и ноги длинноваты; въ тѣлодвиженіяхъ Поляки проворны, живы и ловки. Низшій классъ отъ природы имѣетъ тѣже отличительныя черты, но онѣ грубѣе.

Малороссіяне. Наружность ихъ почти въ каждомъ сельбищѣ представляетъ нѣкоторыя особенности, такъ что, гдѣ бываетъ собраніе простаго народа, тамъ по наружности, физіономіи, языку, костюму, можно признать жителей почти каждаго села. Малороссіяне, кои съ младенчества не были обременены тяжелыми, изнурительными работами, отличаются дородствомъ, здоровьемъ и плотностью, но роста они рѣдко высокаго, а обыкновенно средняго; ноги у нихъ коротки; мужчины бываютъ широкоплечи; женщины вообще пріятной наружности, но по тѣлосложенію тощи и блѣдноваты; голова у нихъ мала, лицо немного продолговато, волосы темнорусые; росту онѣ большею частію средняго и малаго, рѣдко высокаго. Въ нѣкоторыхъ селахъ мужчины смуглы, большею частію черноволосы, и выше ростомъ, чѣмъ здѣшніе жители; вообще замѣчено, что на югъ отсюда, къ Украинѣ *, жители дороднѣе и черноватѣе, а на сѣверъ, къ Полѣсью и въ самомъ Полѣсьѣ, коротконоги и бѣлокурѣе, съ глазами большею частію сѣрыми и голубыми, изрѣдка черными.

Господствующія здѣсь болѣзни суть: весною — лихорадки, лѣтомъ — кровавые поносы, осенью и зимою — горячки гнилыя и нервныя. Въ 1849 году, отъ недостатка огородныхъ овощей, какъ-то: свекловицы, капусты, моркови и дру-

* Издревле Волынь раздѣляютъ на три части: отъ Кіевской и Подольской губерніи до мѣстечка Любара она зовется *Украйной*; отъ Любара по рѣку Случь, протекающую въ селѣ Городищѣ — *Волынью*, а отсюда до Минской губерніи—*Полѣсьемъ*.

гихъ, истребленныхъ засухою, множество страдало скорбутомъ недѣль по 12-ти и болѣе, а многіе отъ него даже умирали. Свойствомъ климата объясняется, почему здѣсь почти всѣ мужчины курятъ трубки. Вообще здѣшніе жители по большей части слабосильны, не столько отъ климата, сколько вслѣдствіе изнуренія отъ дѣтства физическими трудами и недостатка хорошей пищи. Ловкости и проворства здѣшніе жители не имѣютъ; хлѣбопашествомъ занимаются очень охотно.

Евреи ведутъ болѣе сидячую жизнь, и по возможности избѣгаютъ физическихъ трудовъ. Они, большею частію, чахлы и блѣдноваты; лица имѣютъ продолговатыя, глаза большіе, лобъ маленькій, носъ продолговатый; многіе изъ нихъ очень пріятной наружности, но по большей части сгорблены, блѣдны и неуклюжи. Женскій полъ нѣженъ, красивъ и здоровѣе чѣмъ мужчины. Почти всѣ Евреи занимаются купечествомъ, ремеслами и всякаго рода промышленностью, отъ чего многіе изъ нихъ ловки и до неимовѣрности проворны, но слабосильны, и неспособны къ физической работѣ.

ЯЗЫКЪ.

Поляки говорятъ на своемъ природномъ языкѣ. Языкъ высшаго класса чистъ и правиленъ, средняго хуже, а низшаго имѣетъ примѣсь малороссійскаго.

Всѣ вообще крестьяне говорятъ по малороссійски, примѣшивая иногда польскія слова; впрочемъ они понимаютъ и по русски.

Вотъ образчикъ здѣшняго нарѣчія:

1. «Де ты ходывъ Грицько? Бувъ у попа, щобъ похоро«нывъ дытыну, у мене умерла. А щожъ казавъ? Казавъ щобъ «готовыты домовину и грибъ, то завтра поховае.

2. «А що, Степане, найшовъ волы или же кони? А де въ «лыха! Кузка * или же поганецъ, загнавъ ажъ въ суховильщину «и тамъ подеръ, или же издрапавъ лошадь.

3. «Ходимъ, Пархоме (Парѳеній), до миста, тамъ купимъ «мини шапку и чоботы; ты знаесся на тому, а то мене жидова «ошукае.

* Волкъ. Хозяева боятся даже произнести имя хищнаго волка, чтобъ онъ имъ не метилъ.

4. «Ходы, будь ласкавъ, Демяне, зобачь, у мене кунь захо«ривъ или же заслабъ».

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

Дома крестьянскіе (мужицкія хаты) почти всегда состоятъ изъ одной комнаты, рѣдко гдѣ съ чуланомъ, о трехъ окнахъ, а у нѣкоторыхъ и о четырехъ; изъ этихъ оконъ два большихъ находится у главнаго угла, а одно противъ печки, у нѣкоторыхъ же у пола. Поломъ называется у крестьянъ то мѣсто, гдѣ они спятъ; онъ составляется изъ трехъ досокъ, положенныхъ на лавкахъ или широкихъ доскахъ, идущихъ вокругъ жилища, вышиною не болѣе аршина; постель стелется только на ночь, а на день складывается въ уголъ; на полу спитъ только мать или же хозяйка съ дѣтьми, а хозяинъ и всѣ мущины ложатся по лавкамъ. Подлоги (половъ) въ хатахъ не настилаютъ; одни зажиточные кладутъ подлогъ въ сѣнцахъ. У главнаго угла избы ставятъ Св. иконы подъ самымъ потолкомъ, а подъ ними въ бутылкѣ освященную Богоявленскую воду. Столы у всѣхъ о четырехъ ножкахъ; передъ ними ставятъ скамейку (осланъ). Внутри и снаружи домы бѣлятся нѣсколько разъ въ годъ бѣлой глиной, особенно передъ великими праздниками и передъ новымъ хлѣбомъ. На другой сторонѣ, черезъ сѣни, противъ избы, устроиваются амбары (коморы), гдѣ крестьяне содержатъ все свое имущество, какъ-то бѣлье и лучшую праздничную одежду, въ большихъ дежкахъ (бодняхъ или забійницяхъ) съ крышами и ушами, чрезъ которыя продѣваютъ задвижку и запираютъ ее замкомъ. Амбаръ устроивается съ подлогою и не бѣлится. Вся вообще постройка покрывается одною соломенною крышею. Въ домахъ ставятъ двѣ печки: одну для печенія хлѣба, а другую для тепла. Полатей здѣсь нѣтъ; но въ холодное время всѣ согрѣваются на хлѣбопечной печи. Домы строятся изъ тесаннаго сосноваго, ольховаго или осиноваго дерева; нѣкоторые домы строятся взрубъ, а другіе въ столбы. Въ одинъ рядъ съ домомъ строится обыкновенно дровяный сарай, а на искосокъ отъ него — сарай для свиней и птицъ. Ограда около двора и огородовъ вездѣ дѣлается изъ дубоваго частокола, очень рѣдко жердевая. Гуменники строятся вездѣ поодаль отъ домовъ. Клуня для складки и молотьбы хлѣба устроивается на двухъ большихъ столбахъ (сохахъ)

съ перекладиной; вокругъ этихъ столбовъ вкапываются меньшіе столбы, которые кругомъ окладываются платвями (?); затѣмъ въ верхней перекладинѣ (крокви) укрѣпляютъ стропила, такъ, чтобъ концы ихъ лежали на платвѣ; наконецъ приколачиваютъ латы и пришиваютъ соломенные снопки. Въ клуню насыпаютъ потомъ глинистую землю, которую выминаютъ скотомъ, убиваютъ долбнями и смазываютъ чисто и гладко; когда она засохнетъ, то дѣлается крѣпка, какъ камень: это токъ, на которомъ молотятъ хлѣбъ; по обѣ стороны тока (засторонки) складываютъ хлѣбъ; по обѣимъ же сторонамъ клуни строятъ сараи для соломы, а впереди — сарай для скота, такъ что клуня съ этими сараями составляетъ квадратъ. Сарай для скота нѣкоторые обставляютъ тростникомъ, другіе же дѣлаютъ загаты, т. е. близъ стѣны заплетаютъ плетень изъ лозы, а промежутокъ между плетнемъ и стѣной плотно набиваютъ соломой. Господскіе сараи обмазываются глиною и выбѣливаются.

Садоводство здѣсь незначительно, по причинѣ песчанаго грунта земли; но въ мѣстечкѣ Корцѣ и другихъ мѣстахъ на югъ, фруктовыя деревья разводятся удобно, въ особенности вишни, сливы и груши; растутъ и яблони, но отъ рака скоро засыхаютъ.

Здѣшніе крестьяне носятъ бѣлье холстяное, грубое, а въ праздники льняное и тоньше. Рубахи у нихъ съ пазухами на груди, простирающимися до середины живота, съ выкладаными воротниками; у мущинъ рубахи длиною по колѣни и выпускаются сверхъ исподняго платья. Подпоясываются здѣсь полоскою изъ ремня (попружками); исподнее платье (штаны) сбирается на веревкѣ (на очкурѣ). Женщины носятъ рубахи длинныя, до пятъ, спереди холстяные фартуки, а сзади запаски, родъ фартуковъ, только уже, протканныя цвѣтною волною въ поперечныя паски. На голову мужчины по буднямъ надѣваютъ суконныя шапочки (магерки), четыреугольныя, съ околышемъ въ 4 вершка; а въ праздники шапки изъ черныхъ или сѣрыхъ крымскихъ мерлушекъ — смушъ — вышиною въ четверть аршина, съ суконнымъ или чернымъ плисовымъ верхомъ и съ разрѣзомъ сзади *. Жен-

* Мущины брѣютъ головы, и только на макушкахъ оставляютъ волосы, которыми покрываютъ бритую часть головы, спереди по лобъ, а сзади по затылокъ.

щины носятъ бѣлыя свиты (**симряги**), мужчины же сѣрыя, длиною до пятъ и подпоясываются красными (**черчатыми**) поясами, обходящими два раза вокругъ стана; кисти этихъ поясовъ спереди затыкаются. Новыя свиты надѣваются въ праздники, а *прихожаныя* въ будни. **Кожухи** всѣ вообще шьются *набьло*, съ поясницею, а не тулупами, какъ у Великороссіянъ; около кармановъ и вокругъ поясницы на кожухахъ вышиваются, для украшенія, цвѣточки разноцвѣтными шелками. Лѣтомъ здѣшніе крестьяне носятъ свиты, а зимою подъ свиты надѣваютъ кожухи. Обыкновенная ихъ обувь по буднямъ — лапти изъ липовыхъ или лозовыхъ лыкъ, а въ праздники — сапоги, смазанные дегтемъ. Женщины по праздникамъ носятъ ситцевыя разноцвѣтныя сподницы и ситцевые же бѣлые фартуки, съ цвѣтами; у себя дома онѣ покрываютъ головы бѣлыми платками, а выходя куда-либо непремѣнно надѣваютъ на цвѣточный чепецъ бѣлую **намѣтку**, съ опущеннымъ сзади хвостомъ; этотъ головной уборъ, принятый здѣсь и въ окрестности, не красивъ; въ мѣстечкѣ Корцѣ подъ намѣтку повязываютъ красный платокъ такъ, чтобъ его длинные концы падали съ головы на оба плеча; далѣе на югъ, верстъ за 20, головной уборъ женщинъ гораздо красивѣе. Дѣвушки плетутъ волосы въ двѣ косы весьма тѣсно и въ шесть концевъ, а въ самый конецъ косы вплетаютъ снурки изъ красной шерсти (**косники**), длиною въ аршинъ, и на верху головы складываютъ косы въ видѣ вѣнка; косники же завязываютъ сзади; ниже косъ дѣвушки повязываютъ голову 10-ю и болѣе разноцвѣтными лентами, сколько могутъ, и прикалываютъ ихъ сзади булавкою, а концы опускаютъ до поясницы. Сзади головы, выше лентъ, онѣ накладываютъ цвѣты, лѣтомъ натуральные, а зимою искусственные, которые сами дѣлаютъ изъ кусочковъ сукна разнаго цвѣта и бѣлой губки на щетинкѣ, а сверху прилѣпливаютъ воскомъ тончайшія блесточки изъ слюды. Самыя зажиточныя дѣвушки и женщины носятъ кожухи покрытые сукномъ (**бекеши**) и *обновки* изъ крымскихъ смушекъ; на шеяхъ носятъ какъ можно больше **коралловъ** и **монистъ** и къ нимъ прицѣпляютъ крестики и маленькіе образки. Женщины надѣваютъ на голову сперва разноцвѣтный чепецъ, потомъ рѣдкотканную, чрезвычайно бѣлую намѣтку, выглаженную камнемъ; эту намѣтку надѣваютъ онѣ

однимъ краемъ очень плотно, а другой опускаютъ назадъ; затѣмъ складываютъ этотъ опущенный край вдвое и самый конецъ его затыкаютъ опять на головѣ, такъ, чтобы сзади намѣтка висѣла въ двѣ половины, не менѣе какъ на аршинъ.

Ежедневная пища крестьянъ, за обѣдомъ,—борщъ, въ скоромные дни съ свинымъ саломъ, иногда *затолченный*, а въ праздники съ говядиной, какая случится; въ постные же дни съ сушеными бетками (разными грибами), или съ конопляным молокомъ; потомъ какая-нибудь кашица съ саломъ, или съ коровьимъ молокомъ, или съ олеемъ (деревяннымъ масломъ); за полдникомъ ѣдятъ хлѣбъ съ саломъ, а въ постные дни съ лукомъ и солеными огурцами; за ужиномъ чаще всего ѣдятъ картофель, жареный или вареный, съ огурцами, приготовленными съ капустой слѣдующимъ образомъ: огурцы въ свое время крѣпко солятся; осенью, въ послѣднихъ числахъ октября, разрѣзываютъ капустныя головки на двѣ части и варятъ ихъ такъ, чтобъ онѣ только вскипѣли; по охлажденіи капусты, перекладываютъ ее солеными огурцами, посыпаютъ толченою горчицей и ставятъ въ неслишкомъ тёпломъ мѣстѣ; капуста высасываетъ всю соль въ себя, а огурцы дѣлаются похожи вкусомъ на свѣжепросольные.—Въ праздники, къ борщу варятъ лапшу съ молокомъ или съ говядиной, приготовляютъ жаркое, блины (млынци и вареники съ чѣмъ нибудь) и пироги—ихъ лакомство и лучшая часть ихъ стола. Къ дню Пасхи каждый непремѣнно печетъ двѣ, три или четыре большихъ пасхи, съ крестомъ на верху, съ пряными кореньями и помазанныхъ яйцомъ; жаритъ также поросенка и колбасу; приготовляетъ сыръ, масло, яица и медъ, и все это приноситъ въ церковь для освященія. Хлѣбъ всегда пекутъ изъ чистой, ржаной, просѣянной муки, а къ праздникамъ лепешки (палёнки). На поминовеніе приносятъ три книша, обыкновенно пшеничные, и кусокъ говядины.

Послѣ рожденія младенца, повивальная бабка, спрятавши ребенка и родильницу, снаряжается и тотчасъ отправляется къ священнику для молитвы, а отецъ идетъ за водкой. По возвращеніи бабки, отецъ приглашаетъ кумовьевъ, которые, взявъ дитя, отправляются для совершенія надъ нимъ таинства Св. крещенія; приэтомъ новорожденному груди не даютъ, пока онъ

не будетъ окрещенъ. По совершеніи таинства посылаютъ по всему селу просить на крестьбыны, на которыя сходятся большею частію женщины, и каждая приносить что нибудь роженицѣ, какъ-то пироги или хлѣбецъ, а многія и кусокъ хлѣба; собравшись поздравляютъ родителей, а они ихъ за то потчуютъ водкою, которая налита въ мискѣ и ложками разливается изъ миски въ рюмки; затѣмъ подаютъ кушанья. По окончаніи ужина, бабка подноситъ присутствующимъ по пучку зелени или цвѣтовъ, а они платятъ ей за то по 1, 2 или 3 к. сер. За тѣмъ бабку сажаютъ на тележку и везутъ въ кабакъ, а она за это должна потчиватъ водкою или пивомъ. Послѣ того всѣ расходятся по домамъ.

При вступленіи въ возмужалость нѣтъ никакихъ обрядовъ.

ОБЫЧАИ ПРИ СВАДЬБАХЪ.

У *Евреевъ*. Родители жениха сами, чрезъ другихъ, пріискиваютъ жениху невѣсту; пріискавъ, родители обоихъ съѣзжаются, уговариваются о приданомъ, срокѣ содержанія дѣтей послѣ брака и времени бракосочетанія. Когда оно наступитъ, собираются дѣвицы и танцуютъ подъ музыку; а женихъ пріѣзжаетъ съ своими родными и сватами, и останавливается въ отдаленной квартирѣ. Узнавъ о его пріѣздѣ, всѣ родственницы невѣсты собираются, выводятъ ее на средину избы, ставятъ стулъ, кладутъ подушку и сажаютъ на нее невѣсту; послѣ того мать, а за нею и всѣ ближайшія родственницы, расплетаютъ, каждая по немногу, косу невѣсты и горько плачутъ; музыка въ это время жалобно играетъ мануетъ, а одинъ изъ музыкантовъ высказываетъ невѣстѣ судьбу, которая ей предстоитъ: что она должна оставить отца и мать, забыть родныхъ, прилѣпиться къ мужу; какою она должна быть супругою, матерью и проч. Когда расплетутъ косу, посылаютъ музыку за женихомъ, и съ нею вводятъ его въ домъ, гдѣ находится невѣста; женихъ, вошедши въ домъ, схватываетъ покрывало (покривку), нарочно для того приготовленное, которое держатъ схвахи, и накрываетъ имъ голову невѣсты: тутъ-то онъ въ первый разъ ее видитъ. Затѣмъ вдругъ поднимается радостный крикъ и хлопанье въ ладоши; музыка тоже измѣняетъ плачевный тонъ на радостный, а женихъ уходитъ въ двери и на него сыплютъ хмѣлемъ. Тотчасъ послѣ того невѣстѣ тѣмъ же

покрываломъ обвязываютъ голову по самый ротъ, и она должна потанцовать съ каждой гостьей; за тѣмъ ведутъ жениха съ музыкою, и съ его собраніемъ, къ вѣнцу *; прибывъ къ синагогѣ, раскидываютъ на четырехъ шестахъ балдахинъ, нарочно для того устроенный, и поддерживаемый четырьмя Евреями; потомъ идутъ за невѣстой, тоже съ музыкой; приводятъ ее подъ тотъ балдахинъ и ставятъ вмѣстѣ съ женихомъ. Тогда выходитъ раввинъ или духовный, читаетъ надъ ними молитвы, обмѣниваетъ ихъ перстни, и кладетъ подъ ногу жениху стеклянную рюмку, которую онъ долженъ разбить ногою; если женихъ попадетъ съ разу и разобьетъ рюмку, то всѣ радуются и хохочутъ; если же ему это не удастся, тогда уныло говорятъ: «ахъ вей миръ;» но женихъ долженъ дотолѣ бить ногою, пока не разобьетъ рюмки.

По возвращеніи отъ вѣнца, молодыхъ отводятъ въ особенный чуланъ и даютъ имъ съѣсть жареное яйцо, разрѣзанное по поламъ; послѣ того угощаютъ ихъ чаемъ или кофе, а тамъ чѣмъ придется.

Женихъ и невѣста непремѣнно должны поститься передъ бракомъ до самой ночи. Бракъ совершается всегда ночью, и то подлѣ синагоги (школы), а не въ ней; ибо невѣстѣ, по еврейскому закону, возбраненъ входъ въ синагогу до выхода въ замужство. На свадьбахъ и всѣхъ пиршествахъ, мущины угощаются особо отъ женщинъ.

На другой день послѣ брака свахи приходятъ къ молодой и сперва остригаютъ, а потомъ брѣютъ у ней на головѣ волосы, и убираютъ такъ, чтобъ ни одинъ мужчина не могъ видѣть волосъ на ея головѣ; съ этаго времени она не смѣетъ никуда явиться безъ этаго убора.

Передъ бракомъ, родители обоихъ брачущихся складываютъ условленное приданое и отдаютъ его въ вѣрныя руки на проценты; молодыхъ же содержатъ ихъ родители, по очередно, въ продолженіи трехъ лѣтъ; по истеченіи же трехъ лѣтъ, увидя

* Женихъ надѣваетъ къ вѣнцу сверхъ всей одежды длинную бѣлую рубаху (которая простирается до земли) съ стоячимъ воротникомъ въ 4 вершка, вышитымъ золотомъ, серебромъ или мишурой; жениха ведутъ къ вѣнцу мущины, а невѣсту женщины, держа восковыя свѣчи зеленаго цвѣта. Дѣвушки никогда въ свадьбѣ неучаствуютъ.

какъ они живутъ, вручаютъ имъ приданый капиталъ съ процентами, для торговыхъ оборотовъ; до того же времени пріучаютъ ихъ у себя къ хозяйству и къ веденію торговли.

У крестьянъ. При заключеніи крестьянскихъ браковъ мало обращается вниманія на взаимную склонность жениха и невѣсты; большею частію смотрятъ при этомъ на обстоятельства, могущія служить къ улучшенію домашняго быта и имѣютъ въ виду освободить жениха отъ отдачи въ военную службу, потому что женатыхъ обыкновенно увольняютъ отъ отдачи въ рекруты, а ставятъ преимущественно холостыхъ, кого назначатъ.

Родители жениха, намѣреваясь женить сына, избираютъ двухъ сватовъ, и непремѣнно поздно вечеромъ, или даже ночью, посылаютъ ихъ къ невѣстѣ, которую имѣютъ на примѣтѣ, съ хлѣбомъ и бутылкою водки. Пришедши къ невѣстѣ, сваты начинаютъ обыкновенное привѣтствіе: «Нашъ князь, идучи мимо сего двора, назривъ слидъ куници, на которой вздумавъ жиниця; чи буда ласка ваша такую куницю, красную дивицю, выдаты за нашого князя молодця?» Родители невѣсты отвѣчаютъ имъ: «чому, колы Богу угодно буде и люде добріи нецураются: просымо садиця»; тогда, посидѣвши, сваты приступаютъ къ невѣстѣ и спрашиваютъ ея согласія; невѣста, какъ бы отъ души ни желала вытти замужъ за парня, котораго ей сватаютъ, никогда вдругъ не изъявитъ согласія, а отказывается скромно и увертливо, подъ конецъ же ссылается на согласіе родителей; если и они согласны, то невѣста говоритъ: «якъ батько та маты скажуть, такъ и буде». Тогда сваты наливаютъ въ рюмку водку и подносятъ невѣстѣ: если она приметъ и прихлебнетъ, — явный знакъ ея согласія, — то потчуютъ и родителей и всѣхъ домашнихъ, и условливаются о срокѣ сватовства.

Когда назначенный срокъ наступитъ, невѣста созываетъ всѣхъ родныхъ и сосѣдей, а вечеромъ опять приходятъ тѣже сваты съ хлѣбомъ и водкою и требуютъ отъ невѣсты значковъ; невѣста приноситъ изъ коморы два бѣлыхъ платка, и даетъ каждому изъ сватовъ; женихъ въ это время стоитъ за воротами или подъ окошкомъ; послѣ раздачи платковъ, вводятъ и его, и сажаютъ за столъ, вмѣстѣ съ невѣстою. Женихъ, какъ князь, не снимаетъ шапки и сидитъ въ ней все время; сваты же потчуютъ своею водкою всѣхъ домашнихъ и гостей допьяна: водки въ этихъ

случаяхъ не щадятъ и выпиваютъ иногда больше чѣмъ на свадьбѣ; кушанье идетъ отъ невѣсты. Послѣ сватанья расходятся по домамъ, съ пѣснями, а сваты условливаются о времени свадьбы, и тоже съ пѣснями, возвращаются домой. За тѣмъ идутъ къ священнику, съ хлѣбомъ, бутылкой водки и курицей, просить, чтобъ онъ огласилъ бракъ въ церкви.

Наканунѣ свадьбы, женихъ приноситъ невѣстѣ сапоги и въ нихъ нѣсколько копѣекъ денегъ, за что она даетъ ему красный платокъ, который женихъ затыкаетъ за поясъ, такъ, чтобъ оба конца висѣли по обѣ его стороны, и идетъ по всему селу звать на свадьбу; въ это время въ домѣ жениха и невѣсты коровайницы начинаютъ лѣпить коровай (большой пшеничный хлѣбъ, съ разными на немъ прилѣпками), съ пѣснями и танцами подъ музыку; тогда же пекутъ множество подарковъ—калачей.

Въ день свадьбы, сваты и женихъ рано приходятъ къ молодой (такъ называютъ тогда невѣсту) съ хлѣбомъ и водкою; дружки ея, которыхъ бываетъ до пяти, сажаютъ ее за столъ; мать, пришедши, начинаетъ расплетать косы, а дружки оканчиваютъ; послѣ того мать, окропивъ вѣнецъ (вѣнокъ) св. водою, возлагаетъ на ея голову, какъ символъ сохраненія чистоты, а дружки привязываютъ вѣнокъ сверху головы и повязываютъ ленты на голову, какъ всѣ дѣвушки носятъ; цвѣтовъ же и монистъ не надѣваютъ. Въ такомъ уборѣ ведутъ невѣсту въ церковь, къ вѣнцу. Передъ совершеніемъ таинства, посреди церкви стелютъ утиральникъ, подъ который кладутъ по полкопѣйкѣ.

Послѣ бракосочетанія, всѣ присутствующіе идутъ къ молодой на обѣдъ и поютъ:

Да булыжъ мы у церкви
Молылися Богу, Духу Святому,
И книги читалы,
И двое дитокъ звинчалы.

Пришедши къ дому невѣсты, дружки поютъ:

Выйды маты съ хаты, познавати дитяты;
Вчера было нареченe, а теперь повинчане.

Мать съ хлѣбомъ-солью выходитъ на встрѣчу и вводитъ молодыхъ въ домъ; женихъ и невѣста садятся за столъ, а возлѣ нея дружки. Тогда-то начинается потчиваніе водкой и обѣдъ, во время котораго дружки неумолкаемо поютъ припѣвы. Обѣдаютъ только сваты и свахи, а молодые и дружки

смотрять и поютъ. По окончаніи обѣда всѣ, начиная со старшаго свата, берутся за платки, идутъ на дворъ съ музыкою, и начинаются танцы, а свахи въ коморѣ накрываютъ для молодыхъ и дружекъ съ боярами столъ, и когда подадутъ кушанье, всѣ они входятъ, и тутъ уже обѣдаютъ. Послѣ обѣда женихъ съ своими отправляется домой съ пѣснями, а невѣста съ дружками идетъ по всему селу звать на свадьбу, при чемъ всякому старшему кланяется въ ноги и цѣлуетъ у него руки, а съ младшими, мущинами и женщинами, цѣлуются въ уста. Вечеромъ сваты, свахи—свѣтилки—приходятъ пѣшкомъ если близко, или пріѣзжаютъ на телегахъ (возахъ), съ музыкою и громкими пѣснями, чтобъ было слышно на все село; прибывъ на дворъ невѣсты, онѣ выносятъ на дворъ столъ накрытый скатырнею и бутылку воды, а мать невѣсты, выворотивъ кожухъ, выходитъ на встрѣчу. Свахи тогда поютъ:

«Вывернула тещенька овчину!
«Да на якую причину!
«Шобъ зятеньки злякаты
«И своей дочки не даты. —

Послѣ вводятъ всѣхъ въ домъ и сажаютъ за столъ. Передъ невѣстою (молодою) ставятъ хлѣбъ-соль, и на него наклоняютъ ея голову, которую покрываютъ бѣлымъ платкомъ. На томъ мѣстѣ гдѣ долженъ сѣсть женихъ, садится мальчикъ, котораго сваты просятъ уступить мѣсто молодому; если мальчикъ, несмотря на просьбы, не захочетъ уступить жениху мѣсто, то ему даютъ нѣсколько копѣекъ; тогда онъ, вставая, беретъ одною рукою молодую за волосы, въ другую руку ножъ и дѣлаетъ видъ, будто хочетъ отрѣзать у ней волосы; съ нимъ опять торгуются и даютъ нѣсколько копѣекъ, называя ихъ дукатами; какъ только онъ приметъ деньги, всѣ грозятъ побить его палицами, и онъ уходитъ, послѣ чего молодой идетъ за столъ къ невѣстѣ, снимаетъ накинутый на нее платокъ, цѣлуетъ ее, и за это платитъ тоже нѣсколько копѣекъ. За тѣмъ начинаютъ пить водку и раздавать подарки, начиная съ священника, пана, отца, матери и всѣхъ вообще родственниковъ и почетнѣйшихъ гостей. Подарокъ состоитъ изъ куска коровая, печенаго въ субботу, у жениха. Послѣ того сваты и свахи ужинаютъ, а молодые, послѣ ужина, переѣзжаютъ къ жениху, и тутъ, послѣ плясокъ,

отводятся въ комору, гдѣ и ужинаютъ. Свахи, пришедши, приготовляютъ молодую къ брачному ложу, а сами гуляютъ.

На другой день свахи опять приходятъ въ комору, и если бракъ счастливъ, то убираютъ молодую въ бѣлую намѣтку, повязываютъ ей голову сверху красною лентою и выводятъ ее въ толпу веселящихся, разрѣзываютъ ея красныя ленты, раздаютъ обрѣзки ихъ, длиною вершка въ два или три, всѣмъ присутствующимъ и привязываютъ эти обрѣзки къ намѣткамъ и шапкамъ; а сваты и дружки повязываютъ черезъ плечо красные поясы; отцу же и матери молодой пекутъ пирожки съ маковымъ сѣменемъ; свахи отвозятъ къ нимъ эти пирожки съ музыкою и пѣснями и привозятъ ихъ самихъ къ новобрачному. Послѣ того сваты и свахи съ молодыми идутъ въ церковь получить вводъ и во время пути поютъ:

А у насъ овесъ расенъ, а у насъ увесь ридъ красенъ.
Яка маты, така дочка, якъ красна калыночка.

Съ этой пѣснью ходятъ по домамъ всѣхъ родственниковъ и участвовавшихъ въ свадьбѣ, чѣмъ она и оканчивается.

Соблюдаются при свадьбахъ и другіе обычаи, но они маловажны. Свадебныя пѣсни незанимательны.

ПОХОРОНЫ.

Обычаи при похоронахъ не представляютъ ничего особеннаго. По смерти кого-либо изъ домашнихъ, тотчасъ извѣщаютъ о томъ священника, просятъ дозволенія позвонить во всѣ колокола и пріискиваютъ, мастера которой бы могъ сдѣлать гробъ и вырыть могилу. Когда все изготовлено, приглашаютъ священника и приносятъ изъ церкви крестъ и хоругви. Священникъ отпѣваетъ въ домѣ малую панихиду, окропляетъ св. водою тѣло и гробъ, послѣ чего тѣло полагается въ гробъ и выносится на дворъ. При выносѣ изъ дому обсыпаютъ гробъ ржаными сѣменами и на порогахъ ударяютъ имъ три раза; потомъ, по прочтеніи Евангелія, несутъ покойника на кладбище, а причетъ, дорогою, отпѣваетъ погребеніе. Послѣ похоронъ всѣ присутствовавшіе на нихъ идутъ въ домъ покойника; тутъ ставятъ на столъ вареную пшеницу съ

медомъ для благословенія, послѣ котораго всѣ съ благоговѣніемъ вкушаютъ пшеницы, а за тѣмъ пьютъ водку, ѣдятъ закуску и садятся за обѣдъ. Хозяинъ, ходя около гостей, проситъ ихъ ѣсть, словами: «поминайте», а они отвѣчаютъ «нехай Господь помяне душечку покойника». По окончаніи обѣда, всѣ расходятся по домамъ. Такъ же точно совершаются и поминки.

ОБЫЧАИ ПРИ МОРОВЫХЪ ЯЗВАХЪ И ПРИ ПАДЕЖѢ СКОТА.

Во время повальныхъ и заразительныхъ болѣзней многіе обращаются къ утѣшенію религіи и просятъ совершить крестный ходъ и освятить дома. Въ болѣзняхъ крестьяне обыкновенно исповѣдаются, пріобщаются Св. Тайнъ, и просятъ объ освященіи воды надъ ихъ головами, а своихъ лекарствъ неупотребляютъ, потому что есть устроенный владѣльцемъ лазаретъ, гдѣ лечитъ докторъ. Впрочемъ, многіе, заболѣвающіе воспаленіемъ внутренностей, прибѣгаютъ къ помощи знахорей.

ЗАНЯТІЯ И ПРОМЫСЛЫ.

По селамъ крестьяне занимаются, съ величайшимъ усердіемъ, хлѣбопашествомъ и огородничествомъ; въ мѣстечкѣ же Корцѣ немногіе занимаются хлѣбопашествомъ; большая часть мужчинъ чинятъ овчины, шьютъ кожухи и свиты, и для сбыта ихъ ѣздятъ на ярмарки за 50 и 80 верстъ. Крестьяне продаютъ скотъ, овецъ и не многіе хлѣбъ.

НАРОДНОЕ ВЕСЕЛІЕ.

Оно бываетъ по праздникамъ, въ корчмахъ, куда собирается молодежъ и приводитъ музыку; тутъ пляшутъ до сумерекъ, платя музыкѣ за каждый танецъ по 1 к. сер. Свадьбы и свадьбы тоже празднуются съ плясками и музыкою; другихъ занимательныхъ игръ нѣтъ никакихъ. Музыкальные инструменты, употребляемые въ здѣшней мѣстности, суть скрипица и цымбалы *, а за недостаткомъ ихъ свирѣль услаждаетъ молодежь. Забавы крестьянъ вообще состоятъ въ томъ, что во время праздни-

* Цымбалы похожи на гусли; струны ихъ приготовляются изъ тонкаго дрота; по нимъ играющій ударяетъ двумя палочками, подъ тонъ и тактъ скрипицы.

ковъ многіе отправляются въ мѣстечки къ обѣдни, и кончивши торги, заходятъ въ корчмы и тамъ пьютъ могоричи за сдѣланныя покупки; оставшіеся дома, послѣ обѣдни, тоже идутъ въ корчмы, гдѣ иные просиживаютъ до вечера, потчуя другъ друга; это у нихъ и называется забавою. Если у кого случатся гости, то сколько бы не потчивали ихъ, все таки нужно пригласить ихъ въ корчмы, и все гостепріимство ни во что, если посторонніе люди не видѣли радушія хозяевъ.

ЖИЗНЕННЫЯ СРЕДСТВА.

На гостепріимство, на уплату податей и на другіе домашніе расходы крестьяне пріобрѣтаютъ деньги заработками, а въ лѣсистыхъ мѣстахъ, каково описываемое село, обыкновенно продажею дровъ въ м. Корцѣ по нѣскольку разъ въ недѣлю; лѣтомъ многіе заработываютъ деньги также и рыбною ловлею. Всего же болѣе жители здѣшняго околодка заработываютъ вывозкою лѣсныхъ матеріаловъ къ сплавной рѣкѣ Случь, находящейся въ 6-ти верстахъ, связкою ихъ и спускомъ на рѣку. Отъ этого промысла многіе получаютъ значительныя выгоды, а бѣдные этимъ только и продовольствуются; однодворцы, мастера лѣсовые, баляри, которые выдѣлываютъ въ лѣсахъ бельки и клепку, однимъ топоромъ могутъ въ день заработать отъ 50-ти до 75-ти к., иногда же и по рублю; наконецъ держатъ скотъ. Всѣмъ этимъ здѣшніе жители живутъ и платятъ подати.

Главнѣйшія денежныя издержки крестьянъ, кромѣ поземельныхъ податей и денежныхъ повинностей, идутъ во 1-хъ на соль, количества которой на семью нельзя опредѣлить, потому что одна семья больше, другая меньше; притомъ же крестьяне никогда не покупаютъ соль въ большемъ количествѣ, а всегда гарнцами, по 14-ти и 15-ти к. сер. за каждый, которыхъ выходитъ примѣрно до 20-ти и до 25-ти; во-2-хъ на смазку телегъ (возовъ) покупаютъ деготь (смолу), тоже гарнцами, по 12-ти к. сер. за каждый, и расходуютъ дегтю отъ 10-ти до 15-ти гарнцевъ; въ-3-хъ, деньги на прихоти и на домашній мелкій расходъ здѣсь обыкновенно добываютъ сами хозяйки, и выручаютъ нужное продажею домашней птицы, яицъ, холста, узловъ

муки и огородныхъ овощей; въ м. Корцѣ женщина за огородныя овощи ежедневно получаетъ по 10-ти и по 15-ти к.; а та, у которой есть сады, по 40-ка и по 50-ти к. Впрочемъ половина этихъ денегъ, весьма часто, по выручкѣ ихъ, пропивается.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННАГО БЫТА.

Мірскія сходки, по случаю отправленія какой-либо общественной повинности или нужды, собираются обыкновенно въ корчмѣ. Старшіе хозяева разсуждаютъ, а прочіе отвергаютъ или соглашаются. Послѣ сходки непремѣнно бываетъ попойка. Въ помѣщичьихъ селахъ *старшими* называются установленные помѣщиками гуменные, сотскіе, войты, осаулы. Младшіе называютъ старшихъ: *дядьку*; церковнаго старосту тоже почитаютъ старшимъ. Старшіе всегда занимаютъ почетныя, высшія мѣста, какъ въ церкви, такъ и въ собраніяхъ.

Благодаря Бога, въ нашемъ краѣ великихъ преступленій, какъ-то смертоубійствъ, поджигательствъ и грабежей почти никогда не бываетъ, и если случится здѣшнимъ жителямъ о томъ услышать, они ужасаются и крестятся, для огражденія себя отъ такихъ страшныхъ преступленій какъ отъ лукаваго; отъ меньшихъ преступленій воздерживаются также страха ради Божія.

При раздѣлѣ имѣній и выдѣлѣ приданаго, родители распоряжаются по своему усмотрѣнію; если же нѣтъ родителей, то ихъ мѣсто обыкновенно заступаетъ компромисный судъ, или власть владѣльца.

Продажи и покупки производятся въ здѣшнемъ краю всегда въ мѣстечкахъ или городахъ, всего чаще на ярмаркахъ, и то непремѣнно при посредничествѣ Евреевъ. Если ярмарка приходится въ жидовскій праздникъ, то ея не бываетъ и никакой продажи не производится. Чуть свѣтъ, Евреи выходятъ въ мѣстечкахъ за заставу и распрашиваютъ пріѣзжающихъ, что они везутъ на продажу, задерживаютъ ихъ, торгуются и уже всегда, чѣмъ кто ранѣе пріѣдетъ, тѣмъ дороже продастъ свой товаръ. Послѣ продажи покупщикъ непремѣнно долженъ купить могоричь, т. е. пригласить продавца на попойку. Обыкновенія собирать на общественный сборъ деньги, здѣсь нѣтъ; если же есть какая либо надобность для церкви, или другая общественная ну-

жда, то старшіе сходятся и дѣлаютъ раскладку на всѣхъ, а десятскіе идутъ по селу и собираютъ то, что опредѣлено старшими.

УМСТВЕННЫЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ И ОБРАЗОВАНІЕ.

Богобоязненность и честность составляютъ отличительную черту здѣшнихъ крестьянъ. Религіозность ихъ обнаруживается въ приношеніяхъ въ пользу церкви, въ вспомоществованіи бѣднымъ, въ отправленіи религіозныхъ обязанностей и въ соблюденіи постовъ. Гостепріимство во всѣхъ видно чистосердечное, преимущественно же въ отношеніи къ духовенству. Достаточные и семейные, по мѣрѣ возможности, учатъ дѣтей грамотѣ, посылая ихъ въ приходскія училища, а къ мастерамъ и мастерицамъ въ обученіе не отдаютъ, кромѣ м. Корца, гдѣ всѣ кушпери, и учатъ своихъ дѣтей этому ремеслу.

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ И ПАМЯТНИКИ.

У здѣшняго народа почти ничего нѣтъ нововведеннаго, а воспоминается одно старинное: пѣсни, поговорки, сказки говорятъ о прошедшемъ, особенно о малороссійскомъ.

Въ день Рождества Христова молодежъ поетъ подъ всѣми окнами коляду въ честь народившагося Спасителя, кто какую съумѣетъ.

Коляда поется подъ окнами только въ первый день Рождества Христова, а послѣ того только въ домашнихъ собраніяхъ, но Поляки поютъ ее до 2-го февраля, по день Срѣтенія Господня. Подъ ихъ напѣвы, музыканты играютъ коленды по домамъ богатѣйшихъ жителей.

Такихъ пѣсенъ есть у нихъ множество.

Въ вечеру наканунѣ Новаго Года дѣти поютъ, тоже подъ окнами, пѣсни щедрухѣ, или какъ здѣсь говорятъ щедруютъ. Вотъ одна изъ этихъ пѣсенъ:

Щодрый вечеръ, добрый вечеръ, добрымъ людямъ на весь вечеръ!
А дома, дома панъ господаръ? щедрый вечеръ!

А я знаю що випъ дома,
Сидитъ собѣ конецъ стола, щедрый вечеръ!
А на іомъ шуба шубаліова (вмѣсто: соболіова), щодрій вечеръ!
А въ ти шуби калеточка, щодрій вечеръ!
А въ ти калытоци сто червоныхъ, щодрій вечеръ. !
Сіому тому по червоному, щодрый вечеръ!
А намъ дѣткамъ по шеляжечку, по пирожечку, щодрый вечеръ!
Добрый вечеръ, добрымъ людямъ, на весь вечеръ, добры вечеръ!

Такихъ дѣтскихъ пѣсень и обычаевъ здѣсь довольно.

Хозяева даютъ дѣтямъ за такую пѣсню по куску хлѣба, или по пирожку, а болѣе достаточные по грошу.

Въ этотъ же вечеръ учатъ молодой скотъ ходить въ упряжи и работать и обвязываютъ перевеслами изъ соломы фруктовыя деревья, ходя съ пирогомъ по всему саду.

На Новой Годъ, рано утромъ, дѣти ходятъ по домамъ и посыпаютъ зерна разнаго збожья, приговаривая: «на щастье на здоровье, на новый рикъ, роди Боже жито, пшеницю, а въ запичку дѣтей копицю».

На Св. Великомученика Георгія, по выслушаніи литургіи, всѣ жители выходятъ на свои нивы, посѣянныя съ осени, и качаются, чтобъ пашня не буяла, а шла въ колосъ и зерно,

9-го марта, празднуютъ день 40 Мучениковъ и просятъ Бога, чтобъ не было больше морозовъ.

25-го іюня молодыя дѣвушки собираются въ полѣ, сбираютъ цвѣты, вьютъ изъ нихъ вѣнки и разведя огонекъ бросаютъ ихъ въ огонь, или въ воду, замѣчая: куда поплыветъ или обернется вѣнокъ, оттуда и придетъ женихъ. Приэтомъ онѣ поютъ слѣдующую пѣсню:

Черезъ нашее селце везено деревце, Звинкее! 2
А далеко воно чуткое. Съ того деревця становлена церковця. Звинкее! 2
Далеко чуткое; а въ тіи церковци штыры оконца, Звинкое! 2
Штыри оконца, штыри мисяца, штыря зирочки. Звинкое! 2

Со дня Пасхи, или со дня открытія весны, до Вознесенія Господня, дѣвушки ежедневно собираются вечеромъ на улицахъ и поютъ пѣсни въ честь Володаря, освободившаго крестьянъ отъ Ляховъ и излившаго на крестьянъ свои дары.

Насыпей и кургановъ по Волынской губерніи есть вездѣ множество, но преданій объ нихъ нѣтъ; утверждаютъ, что

это слѣды древнихъ переворотовъ и нашествія Татаръ. Признаки старинныхъ зданій тоже есть, преимущественно въ с. Городницѣ, въ 12-ти верстахъ отъ этаго села на сѣверъ, надъ рѣкою Случемъ, на довольно высокой горѣ, гдѣ, какъ видно, былъ великій каменный замокъ, отъ котораго нынѣ остались только служившіе ему основаніемъ камни. Надъ тоюже рѣкою, въ селѣ Губковѣ, тоже на горѣ, былъ знаменитый замокъ; преданіе о нихъ изчезло, а остались лишь различные толки.

МѢСТЕЧКО АЛЕКСАНДРОВКА *.

ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ

СОСНИЦКАГО УѢЗДА.

(Священника Г. Базилевича).

СВѢДѢНІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ И СТАТИСТИЧЕСКІЯ.

До 1794 года мѣстечко Александровка называлось селомъ, а въ этомъ году, по утвержденіи здѣсь, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, торговъ и ярмарокъ, оно названо мѣстечкомъ. И теперь еще есть въ живыхъ люди, которые сами ѣздили по окрестнымъ селеніямъ съ повѣсткой приглашать сторонних жителей въ Александровку на ярмарку въ день

* Мѣстечко Александровка лежитъ на С. З. отъ уѣзднаго города Сосницы, и находится въ З. части Сосницкаго уѣзда. Изъ пятнадцати мѣстечекъ или слободъ и деревень, упоминаемыхъ въ описаніи, только Черннотичи находится въ восточной половинѣ уѣзда; всѣ же прочія въ западной. Самыя отдаленныя отъ мѣстечка Александровки поселенія, изъ названныхъ здѣсь суть: на С. Перелюбъ и Наумовка, а на Ю. Макошинъ и К[illegible] остальныя разбросаны около Александровки, въ Западной же [illegible] Сосницкаго уѣзда. *Прим. Ред.*

Пятидесятницы. Но при первомъ же пріѣздѣ людей на ярмарку, одна изъ здѣшнихъ владѣлицъ, теперь уже умершая, начала взыскивать слишкомъ высокія мѣстовыя пошлины, и съ тѣхъ поръ ярмарка эта, съ самаго же появленія ея, навсегда прекратилась. Даже и теперь, когда въ прочихъ селеніяхъ возникли новыя ярмарки *, здѣшняя невозобновляется. А торги въ каждую пятницу бываютъ и нынѣ. Здѣсь продается всякаго рода глиняная посуда, соль, перецъ, инбирь, цитварное сѣмя, кармазинъ и мелкій красный товаръ. Мѣстовыя пошлины, по одной к. сер. съ воза, взимаются и теперь.

Языкъ здѣсь нечисто малороссійскій, а представляетъ смѣсь литовскаго (не польскаго ли?) съ малороссійскимъ. *Число жителей* въ мѣстечкѣ Александровкѣ, при двухъ церквахъ, мужеска пола 1,361, женска 1,423 души.

Происхожденіе свое Александровка ведетъ отъ какого-то Александра, поселившагося первоначально близъ деревни Верхолѣсья. Верхолѣсскіе жители, желая посѣтить его, обыкновенно говаривали: «хадимъ да Лександра». Такъ въ послѣдствіи времени возникла въ ихъ сосѣдствѣ Лександровка, а писать ее стали Александровкою.

Что деревня Верхолѣсье, находящаяся въ одной верстѣ отъ Александровки, дѣйствительно древнѣе послѣдней, объ этомъ и теперь сохранилось преданіе у старожиловъ-казаковъ; но годъ, мѣсяцъ и число происхожденія ея неизвѣстны. Только мѣстоположеніе доказываетъ, что Верхолѣсье селилось подъ лѣсомъ **, при истокѣ рѣки Мены, какъ обыкновенно прежде люди селились при рѣкахъ; а Александровка, напротивъ того, поселена какъ будто на время, при колодезѣ. Отъ того и теперь почти во всякомъ дворѣ есть колодезь.

Здѣсь помнятъ древнюю казацкую службу, когда казаки служили дома, учились военному искусству дома, и не дальше, какъ въ семи верстахъ, въ селѣ Киселевкѣ, имѣли свою Сотню. Оружіемъ служилъ имъ списъ, или пика (копье и топоръ

* Въ мѣстечкѣ Синявкѣ, въ 12-ти верстахъ отсюда, учреждена ярмарка въ 1844 году; также и въ селѣ Перелюбѣ.

** Эта деревня названа *Верхолѣсьемъ* отъ того, что верхи лѣсовъ этой деревни видны издалека.

вмѣстѣ); главною принадлежностью казака была лошадь. Въ селѣ Ольшаномъ, Волынкѣ и Черноتичахъ были, говорятъ, особыя Сотни или Сотенцы, которыя памятны здѣсь потому, что онѣ приносили нѣкогда Правительству жалобу на Александровскихъ и Верхолѣсскихъ казаковъ за то, что послѣдніе, будучи богаты лѣсами *, недопускали ихъ, сотенцовъ, рубить въ дачахъ своихъ дрова для топлива и освѣщенія. По этому Правительство и отвело жалобщикамъ часть лѣса въ Александровскихъ дачахъ близъ Тютюнниковой слободы, а Александровскимъ казакамъ, въ замѣнъ того,—луга за селомъ Куковичами, Сосницкаго же уѣзда. Говорятъ, что и нынѣ нѣкоторые помнятъ, какъ на этихъ лугахъ паслись древнія казацкія лошади. Но Сотенцы выпустили уже отведенные имъ Правительствомъ лѣса изъ своего владѣнія въ стороннія владѣльческія руки, а луга за Куковичами находятся и теперь во владѣніи Александровскихъ и Верхолѣсскихъ казаковъ; только луга эти, въ послѣдствіи, раздѣлились на четыре части, называемыя *куренями*. Каждый курень носитъ особое названіе отъ древнихъ Александровскихъ казаковъ, а именно: курень Зарѣцкихъ, курень Коржовъ, курень Зайцовъ и курень такъ-называемый Верхолѣсскій. Каждый курень имѣетъ на 30 человѣкъ сѣнокоса и небольшое количество пахатной земли. Всѣ они отдаются теперь въ наймы стороннимъ лицамъ, а деньги, отъ найма выручаемыя, поступаютъ въ уплату податей съ казаковъ. Эти курени находятся за тридцать верстъ отъ Александровки, за селомъ Киселевкою, Величковкою, мѣстечкомъ Менoю и селомъ Куковичами.

Александровка примѣчательна по двумъ древнимъ Царскимъ дорогамъ, между которыми она находится. Изъ этихъ двухъ дорогъ, одна, къ Ю., называется *Царскимъ шляхомъ* и идетъ отъ Чернигова чрезъ мѣстечко Синявку и Киселевку въ Новгородъ-Сѣверскъ. Этою дорогою проѣзжала вѣчной памяти достойная Императрица Екатерина II, въ такъ-называемый здѣсь, по неурожаю хлѣба, дорогой годъ. Другая дорога, къ сѣверу, и гораздо древнѣй-

* И теперь, отъ избытка лѣса, постройка въ Александровкѣ лучше, нежели въ другихъ селеніяхъ; но тѣмъ, что внутри построекъ, Александровка бѣднѣе других.

шая, идетъ отъ Чернигова чрезъ село Низковку и Каруковку; также въ Новгородъ-Сѣверскъ. На этой дорогѣ въ дачахъ Александровскихъ находится такъ-называемая *Королевая гребля*; то-есть Королевская гать или плотина. Говорятъ «проѣзжалъ ею Король», — вѣроятно Польскій, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, до 1667 года, когда Черниговъ находился еще въ подданствѣ Польши. Многіе изъ здѣшнихъ жителей видѣли, что на этой Королевой греблѣ еще торчали мостовыя палы, обветшалыя отъ давности лѣтъ; теперь онѣ уже несуществуютъ, но имя Королевой гребли и теперь еще сохраняется въ народѣ. Къ западу отъ Александровки нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ мѣстечка Синявки, гдѣ каждую субботу бываютъ весьма хорошіе торги хлѣбомъ и разными хозяйственными издѣліями, также грибами и краснымъ товаромъ. Къ востоку замѣчательно одно болотистое мѣсто, называемое *Гале*. Въ немъ полагать можно примѣрно болѣе десяти десятинъ. Любопытно это мѣсто потому, что доселѣ не изслѣдовано, отъ чего на немъ родится трава, которую не ѣстъ скотъ, тогда какъ траву, растущую на всѣхъ прочихъ болотахъ, онъ ѣстъ охотно. Люди не заботятся объ этомъ болотѣ, и скотъ, какъ бы голоденъ ни былъ, не ѣстъ снятаго съ него сѣна, и даже травы. Кругомъ трава побита; а Гале какъ будто кто охраняетъ: тутъ трава цѣла! Скотъ даже никогда неходитъ по Гале, развѣ только въ первые дни весны, когда на немъ начинаетъ появляться трава, которая здѣсь называется «смычай черноголовый»: въ это время, и то рѣдко, какъ говорятъ Верхолѣсцы, «рогатый скотъ походитъ по Галу»; а послѣ оно остается неприкосновеннымъ, и однѣ только птицы, крачки, водятся въ немъ. Мѣсто это отъ Александровки въ двухъ верстахъ, а отъ Верхолѣсья въ одной верстѣ, почти въ лѣсѣ, въ правой сторонѣ отъ дороги, называемой здѣсь *военною*, потому что по ней проходятъ войска.

Не доходя отъ Военной дороги до болотнаго мѣста, есть возвышенность, похожая на могилу, которая называется *Батуркой*. Преданіе гласитъ, что тутъ погребенъ батуринскій житель, стяжатель излишней земли; но говорятъ объ этомъ различно. Одни утверждаютъ, что житель этотъ договорился съ другимъ человѣкомъ обѣжать въ очень короткое время болото Гале, съ тѣмъ, чтобы оно ему досталось, и недобѣ-

жанъ до дороги, упалъ и умеръ на мѣстѣ, прозванномъ Батуркой; отъ того Гале считаютъ мѣстомъ заклятымъ, и для скота негоднымъ. Другіе же, шестидесятилѣтніе грамотные люди, по преданію отцевъ, разсказываютъ иначе, но неправдоподобно, будтобы въ самомъ мѣстечкѣ Батуринѣ, во время Гетманщины, одинъ Батуринскій житель просилъ себѣ земли у князя Гетмана, проживавшаго тамъже въ Батуринѣ. Этому просителю опредѣлено будто было дать земли столько, сколько онъ безъ отдыха пробѣжитъ. Проситель былъ такъ силенъ, что пробѣжалъ, безъ отдыха, отъ Батурина за деревню Верхолѣсье (болѣе 10-ти верстъ); тамъ, близъ военной дороги, около Галаго, упалъ, и, падая, еще протягивалъ вдаль правую руку, и кладя ее на землю, говорилъ: «и се ище мое», но съ этимъ словомъ умеръ, ничего неполучивши. Послѣ этаго, надъ нимъ сдѣлана высокая насыпь или могила, называемая Батуркой. Нынѣ каждый мимоидущій или ѣдущій обязанъ бросить что нибудь на эту могилу, какъ бы въ утоленіе алчности покойнаго. Эта могила теперь уже значительно обрушилась, но всё еще весьма замѣтна, и извѣстна не только старому и малому изъ здѣшнихъ жителей, но даже и чужесельцамъ, потому что, идя мимо, нельзя незамѣтить на ней всякаго рода накиди, какъ-то: сѣна, соломы, щепокъ, старыхъ лаптей, одежды и тому подобнаго, что только можно бросить. Отсюда и вошло въ народѣ въ обычай, когда кто броситъ что нибудь на другаго, говорить: *«шо ты на мене кидаешь? Наче* (какъ будто) *на Батурку!»*

СВѢДѢНІЯ ПРАВООПИСАТЕЛЬНЫЯ.

Пословица о Батуркѣ напоминаетъ другую поговорку, которая, смотря по тону, какимъ произносится, имѣетъ разныя значенія. Въ простомъ народѣ старые и малые говорятъ здѣсь весьма часто: *атожъ!* Произнесенное въ веселомъ расположеніи духа оно означаетъ подтвержденіе; въ этомъ случаѣ удареніе переносится обыкновенно съ *о* на *а*, и говорится: áтожъ! — Но кто говоритъ «атожъ» съ досадою и съ неудовольствіемъ, тотъ переноситъ удареніе съ *а* на *о*: атóжъ; это слово въ такомъ случаѣ означаетъ отрицаніе. Напримѣръ, если вы спросите взрослаго человѣка: «эта ли дорога до Чернигова?» — онъ

вамъ скажетъ весело: «а́тожъ»! — Это значитъ: да! такъ-точно! но еслибъ вы спросили: пойдёшъ ли ты въ городъ, а онъ вамъ скажетъ съ неудовольствіемъ: «ато́жъ», и при этомъ еще сдѣлаетъ движеніе головою, то значитъ, что онъ вдвойнѣ отрицаетъ. Если же на вопросъ: «пойдешъ ли въ церковь?» онъ скажетъ съ удовольствіемъ одно только: «а́тожъ!» то это значитъ всё равно, какъ бы онъ отвѣчалъ: какъ же нейти? пойду непремѣнно! — Забавнѣе всего, когда скажешь ребенку: «пойди ко мнѣ!» а онъ угрюмо отвѣчаетъ на распѣвъ: «а-то́-жъ!» то-есть нехочу. Скажите ему: «сдѣлай вотъ это!» онъ отвѣтитъ съ неудовольствіемъ: «ато́жъ! буду!» — это всё равно, что: не буду! — Но если сказать ему: «дать тебѣ вотъ-это?» онъ кратко скажетъ: «а́тожъ!», и при этомъ будетъ радъ, это значитъ: дай!

Гдѣ найти въ русскомъ языкѣ другое слово, которое бы служило и отрицаніемъ и вмѣстѣ подтвержденіемъ, какъ Александровское: ато́жъ?

Другая отличительная черта Александровца та, что онъ не говоритъ о себѣ «я», а всегда «мы».—«Оцѐ мы прышлы́ до тебѐ, батюшка!—дытя вмерло!»—такъ обыкновенно объявляетъ священнику Александровецъ о смерти своего дитяти. Но если спросить его: отъ какой болѣзни оно умерло? на это онъ отвѣчаетъ: «не скажу, батюшка!» то-есть не знаю. *

Разговаривая между собою, казаки почти всегда говорятъ другъ другу «вы». Даже и помѣщичьему крестьянину они говорятъ *вы*, а не *ты*: «чи вы не знаете, дома панъ?» Но́ въ присутствіи самаго пана, или владѣльца, они говорятъ ему *ты*: «ты, добродію!»

Старые люди имѣютъ слѣдующій, весьма похвальный обычай: какъ бы они ни были раздосадованы въ своемъ семействѣ, или посторонними людьми, они никогда не употребятъ неприличнаго ругательства. При крайнемъ огорченіи они говорятъ тому, кто ихъ разсердилъ: «лихо батьку!», и никогда не прибавятъ: «твоему». — По ихъ мнѣнію, для досадителя нестерпимая обида, а для обиженнаго непростительный

* «Батюшкою» обыкновенно называютъ молодаго священника; а стараго зовутъ: «папоче!», то-есть; панъ-отче.

грѣхъ указывать на такого-то покойника, или отца. Потому-то они неопредѣлительно говорятъ только: « лихо батьку ! »

Также похвальны и другіе обычаи Александровскихъ жителей. Каждый хозяинъ, или домоправительница, невидимо сохраняютъ въ своемъ домѣ три священныхъ предмета, а именно: крестъ, артосъ и святую воду. Крестъ хозяйки пекутъ сами изъ кислаго хлѣбнаго тѣста въ средопостье (на крестопоклонной недѣлѣ, въ среду); этотъ день обыкновенно называется: Хрестье.* Крестъ засушиваютъ и цѣлый годъ онъ лежитъ въ анбарѣ на житной мукѣ, изъ которой пекутъ хлѣбъ. Артосъ ежегодно получается въ церкви отъ священника въ артосную недѣлю; по вкушеніи онъ также засушивается, и хранится въ жилой избѣ или за иконами, или въ такъ называемой здѣсь круглой боднѣ съ крышкою, употребляемой вмѣсто сундука. Св. вода сперва приносится въ домъ изъ церкви 5-го января, съ навечерія Богоявленія, и называется «вечернею водою». Затѣмъ на самое Богоявленіе опять приносится вода, по освященіи ея близъ Верхолѣсья на водѣ, или въ Александровкѣ, близъ колодезя, и называется просто « Богоявленскою водою». Эта вода смѣшивается съ первою; послѣ же она смѣшивается съ водою, освященною на житахъ 23-го апрѣля, въ Юрьевъ день, и съ водою, освященною въ церкви 1-го августа, въ день Маккавѣевъ. Святая вода хранится въ погребѣ, гдѣ варево. Эти три священные предмета тщательно сохраняются хозяевами, и когда во дворѣ родится какое либо животное, или птица, то хозяйка кропитъ новорожденное святою водою; крестомъ же хозяинъ, въ день Богоявленія, самъ освящаетъ всю постройку въ домѣ, и то мѣсто въ пунѣ, или въ клунѣ, гдѣ хранится жито. Съ крестомъ и артосомъ въ лѣвой рукѣ хозяйка выгоняетъ въ первый разъ весною скотъ на пашню, окропивъ оный предварительно святою водою, а въ правой рукѣ непремѣнно держитъ въ такихъ случаяхъ вербу, полученную въ вербную недѣлю въ церкви отъ священника и, подгоняя ею скотъ, говоритъ: « иди себѣ съ Богомъ!» Съ крестомъ и артосомъ хозяинъ выходитъ также въ первый разъ весною орать поле, или какъ здѣсь говорятъ: за-

* Въ этотъ день—на Хрестье—сѣютъ въ огородѣ, обыкновенно по снѣгу, макъ, и онъ хорошо родится.

орувать; также съ ними идетъ онъ въ первый разъ сѣять. По возвращеніи онъ долженъ крестъ и артосъ положить въ свое мѣсто. По истеченіи года, когда на Хрестье печется новый крестъ изъ кислаго тѣста, старый сухой крестъ размачиваютъ въ водѣ и съѣдаютъ; прежній артосъ также съѣдаютъ по принесеніи новаго изъ церкви въ артосную недѣлю, и всегда съѣдаютъ его прежде новаго; оставшуюся же святую воду даютъ допивать 5-го января дѣтямъ, которыя не въ силахъ поститься въ такъ-называемую здѣсь голодную кутью, то-есть до навечерія Богоявленія; а если останется вода и отъ дѣтей, то ее выливаютъ въ колодезь; говорятъ, что нѣкоторыя старушки сохраняютъ ее надолго.

Сверхъ того, въ *Новый Годъ* (1-го января) люди собираются къ литургіи во множествѣ, благодарить за прошедшее лѣто и благословиться на наступившее; а мальчишки, еще до обѣдни, ходятъ въ этотъ день къ лучшимъ хозяевамъ и поздравляютъ ихъ съ Новымъ Годомъ и праздникомъ Василія Великаго, причемъ приносятъ съ собою всякія сѣмена, смѣшиваютъ ихъ и, засѣвая ими полъ, приговариваютъ:

Зароди, Боже,
Жито пшеницу,
Всяку пашницу!
Будьте здоровы, съ праздникомъ и съ Новымъ Годомъ!

Здѣсь соблюдается также интересный *обычай* ходить въ день Рождества Христова *съ звѣздою*; грамотные казаки дѣлаютъ изъ бумаги кругообразную, двойную звѣзду, такъ чтобы между обѣими половинами ея оставалось пустое пространство; на каждой половинѣ рисуютъ человѣческій образъ съ сіяніемъ, и всю бумагу вымазываютъ конопляннымъ масломъ; потомъ звѣзду высушиваютъ и ночью ставятъ внутри ея горящую свѣчу, такъ что рисунокъ выказывается весьма ярко. Этотъ круглый рисунокъ или звѣзда утверждается на шпилѣ, такъ, чтобъ она могла двигаться или вертѣться около шеста. Съ такою звѣздою поютъ подъ окошками слѣдующую псальму:

Шедше тріе Цары,
Ко Христу со дары;
Иродъ ихъ пригласивъ, куда идуть? испросивъ 2 (*повторяютъ два раза*).
Отвѣщаша ему:
«Идéмъ къ Рожденному»!

Къ Рожденному йдите и мини возвѣстите; 2
Азъ шедъ поклонюся,
Предъ Царемъ смирюся,
Воздамъ честь обычну, Цареви приличну. 2
Ангелъ къ нимъ явився:
Де Христосъ родився,
Тамо идé и звѣзда; здѣ обрящете Христа! 2
Звѣзда идетъ чудно,
Съ Востокъ на полудно,
Надъ вертепомъ сіяе, Христа Цара являе. 2
Ангели вѣщають,
На путь наставляють:
Инымъ путемъ идите, ко Ироду нейдите. 2
Волфы возвратившись,
Въ Ирода не бывши,
Воспять возвратишася, невотще трудишася. 2
Пришли въ страны́ своя́,
Христа славословя,
Чаютъ въ неби житы, на вѣки служиты. 2
Слава жъ, ти, Рожденный!
Въ ясляхъ положенный!
Прими, Христе! человики, во вичные во вики! 2

Поютъ также и слѣдующую пѣснь, называя ее псалмою:

Нова радость стала,
Яка́ нѐ бывала;
Надъ вертепомъ звѣзда ясна свиту возсіяла! 2
Де Христосъ родывся,
Зъ дѣвы воплотився,
Тамъ чолови́къ пелснами предъ Богомъ повывся; 2
Де Царъ Давидъ пребывае,
На вси струны ударяе.
На вси струны ударяе, Бога выхваляе. 2
Пастушки зъ ягнятками
Передъ тымъ дитяткомъ
На колиньцяхъ упадають, Христа прославляють. 2
И мы веселимся,
Христу поклонимся
Яко Цару Рожденному, Богу небесному! 2
Просимъ о тя, Ца́ру!
Небеснѣйшій хва́лу!
Пошли лѣта щастливые сему господа́ру! 2

Послѣднимъ словомъ указываютъ они на того хозяина, подъ окошкомъ котораго поютъ. А если хозяинъ хочетъ чтобы они пропѣли ему въ избѣ, то войдя въ домъ, поютъ:

Дай же, Боже, вечеръ добрый!
Вамъ, Божіи люде,
Хто въ симъ доми пребывае
Нехай здоровъ буде!
Щось вамъ скажуть и обьявють
Охотно почуйте:
Богъ, Владыка
Всего вика,
Пришовъ днесь къ намъ житы;
Архангелы и Ангелы
Писнь Иму воспивають;
Согры (горы) скачуть, хольми плящуть,
Весь свитъ веселытьця.
Часъ намъ радосты и сладосты,—
Чего намъ смутытьця?
Торжествуйте, ликовствуйте, весь міръ—человики!
Восхвалите, прославите Христа во вся вики!

Свѣтлое Христово Воскресеніе празднуютъ здѣсь тихо и чинно. Въ этотъ день нѣтъ злобы; всѣ христосуются въ семействѣ и съ сторонними людьми, а суетливая мать не можетъ пошумѣть даже и на нескромныхъ мальчишекъ; въ противномъ случаѣ мужъ тотчасъ сдѣлаетъ ей такое замѣчаніе: «Таки сей день хоть можно стерпить таби» — ... Въ этотъ день приносятъ въ церковь до обѣдни «на цвынтаръ», или на паперть святить пасхи, приготовленныя гораздо лучше обыкновенныхъ куличей, а именно: здѣсь пекутъ круглые хлѣбы, выше обыкновенныхъ, пшеничные (изъ домашней пшеницы), или же ситные; на каждомъ изъ нихъ непремѣнно выложенъ изъ тѣста крестъ; верхняя часть хлѣба желтится инбиремъ, смѣшаннымъ съ водою, что придаетъ ему отличный видъ. Кромѣ пасхи обыкновенно святится соль, крашеныя яйца, колбасы, и непремѣнно жареный поросёнокъ, съ хрѣномъ въ зубахъ. По прибытіи домой, вкусивъ пасхи, тотчасъ ѣдятъ немного хрѣну, приговаривая: «укусить себѣ не много хрѣну, шобъ глисты замерли!»

День Сошествія Святаго Духа, или Пятидесятницы, также празднуется здѣсь отлично весело, быть можетъ потому, что Пятидесятница здѣсь храмовый праздникъ. Въ избѣ и на дворѣ ставятъ въ этотъ день зеленыя деревья и постилаютъ траву. На другой день Пятидесятницы, въ праздникъ Св. Троицы, прино-

сятъ въ церковь къ литургіи цвѣты и всякое душистое зѣлье, которое священникъ, во время обхода съ процессіею вокругъ церкви послѣ обѣдни, окропляетъ святою водою; при этомъ случаѣ каждый старается поднесть свое зѣлье поближе къ священнику, для того чтобы оно непремѣнно было окроплено. Всѣ поднимаютъ свои цвѣты и зѣлья вверхъ, какъ бы предупреждая одинъ другаго, такъ что въ это мгновеніе священника почти невидно за поднятыми кругомъ его зѣльями. По принесеніи въ домъ, зѣлья высушиваются и, въ случаѣ чьей либо смерти, кладутся въ гробъ, подъ голову покойника.

Праздникъ Усѣкновенія Честныя Главы Предтечи (29-го августа) празднуется, напротивъ того, уныло. Въ этотъ день многіе ничего неѣдятъ до вечера, другіе же даютъ обѣтъ поститься въ этотъ день, напр. чтобъ быть здоровыми и т. п.

Празднованіе Воздвиженія Честнаго Креста (14-го сентября) замѣчательно здѣсь тѣмъ, что изъ-подъ креста берутся изъ церкви васильки, для укрощенія припадковъ, бывающихъ у младенцевъ. Обыкновенно кладутъ эти васильки больному подъ плечи и по вѣрѣ бываетъ облегченіе.

Равнымъ образомъ и верба, взятая въ церкви отъ священника въ Вербную недѣлю, имѣетъ, по мнѣнію здѣшнихъ жителей, цѣлебную силу. Въ случаѣ испуга дѣтей, ее пережигаютъ въ порошокъ и даютъ дѣтямъ пить съ водою. Свѣчка, которая въ Вербную утреню недогоритъ на вербѣ, приносится домой и кладётся въ льняныя сѣмяна; съ этимъ огаркомъ сѣютъ лёнъ, вѣруя, что молнія не прибьетъ льна.

Страстною свѣчою окуриваютъ здѣсь также «причинныхъ» или припадочныхъ. Во время грозы ее зажигаютъ и ставятъ на столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью.

Въ день Преображенія (6-го августа), кромѣ плодовъ, освящается еще крестъ, сдѣланный изъ житныхъ колосьевъ или вѣнокъ, для перваго житнаго посѣву, и святится новый медъ въ стельникахъ.

Въ день Благовѣщенія закармливаютъ въ первый разъ пчелъ благовѣщенскою просфорою, взятою въ этотъ день на всенощномъ бдѣніи.

Юрьевъ день (23-го апрѣля) празднуется здѣсь торжественно. Всѣ, и старый и малый, идутъ послѣ литургіи изъ

церкви, вмѣстѣ съ духовною процессіею, прямо на житное поле; тамъ одинъ изъ хозяевъ предварительно ставитъ на своей ближайшей нивѣ столъ, постилаетъ на немъ бѣлый покровъ и кладетъ хлѣбъ и кусокъ соли, около же стола приготовляетъ воду въ сосудѣ, *для* освященія; къ этому мѣсту приводитъ онъ всю духовную процессію, неся самъ впереди храмовую икону, или икону Св. Георгія. Подъ столомъ въ это время бываетъ скрыта трапеза съ виномъ, которую ѣдятъ уже по вкушеніи всѣми освященной здѣсь воды и по окропленіи житныхъ посѣвовъ. За тѣмъ расходятся до обѣда. Послѣ обѣда каждый хозяинъ съ своими пріятелями опять идетъ въ поле смотрѣть свой житный посѣвъ; они также несутъ питье и закуски; а молодежь собирается особо толпами и тутъ бываетъ музыка, пѣсни и прочее.

Въ Ѳоминъ понедѣльникъ не поютъ уже никакихъ пѣсенъ, а только очень часто говорятъ: «вѣчная память умершимъ». Каждый хозяинъ куритъ у себя въ избѣ ладономъ, кладя его на горяшіе уголья. Послѣ Свѣтлой недѣли, во время которой трезвонятъ во всѣ колокола, въ Ѳоминъ понедѣльникъ колоколъ уже уныло зоветъ всѣхъ къ вечерни, и каждый хозяинъ или хозяйка несетъ въ церковь къ вечерни четыре теплыхъ хлѣба за умершихъ; эти хлѣбы называются панихидою; кромѣ того, хозяинъ несетъ съ собою восковую свѣчу, не много ладону и небольшой сосудецъ съ медомъ, и еще до вечерни даетъ причетникамъ вписать вновь умершихъ въ принесенную имъ поминальную книжицу. Послѣ вечерни отправляется въ церкви, по всѣмъ усопшимъ, общая положенная по Уставу панихида, на которой *воспоминаются священникомъ* всѣ *умершіе*, *по имени*. Потому-то этотъ день и называютъ *поминальнымъ* понедѣльникомъ.

Вторникъ Ѳоминой недѣли называютъ *проводами*, тогда какъ у Велико-Руссовъ праздникъ Воскресенія Христова проводятъ на могилки, для возвѣщенія воскресенія и мертвымъ, въ понедѣльникъ. Проводами, называютъ здѣсь вторникъ Ѳоминой недѣли въ память того, что по воскресеніи Спасителя воскресли вмѣстѣ съ Нимъ и нѣкоторые изъ мертвыхъ *. Въ этотъ

* На этомъ основаніи въ понедѣльникъ вечеромъ сперва поминаются умершіе, а уже послѣ, во вторникъ, провожаютъ ихъ на могилы.—Проводы

вторникъ, а не въ понедѣльникъ, отправляется обыкновенно литургія о умершихъ, и послѣ обѣдни каждый хозяинъ идетъ на могилу своихъ родныхъ, и тамъ читаетъ: «Христосъ воскресе» (трижды), «Оче нашъ» и «вѣчную память умершимъ!» Затѣмъ, разумѣется, бываетъ угощеніе приходящимъ на могилу. Нѣкоторые зовутъ и священника.

Дѣлаютъ также поминанія третинныя (послѣ смерти въ 3-ій день), девятинныя (въ 9-ый день), шестинедѣльныя (въ 40-ый день) и въ особенности годовыя, по давно умершимъ. Послѣднее бываетъ довольно веселое за обѣдомъ, потому что здѣсь отправляется служеніе и о здравіи живыхъ.

Поминаютъ также мертвыхъ во весь Великій постъ по средамъ и пятницамъ до страстнаго четверга, но безъ панихиды. Панихиды служатъ обыкновенно въ недѣлю передъ Вознесеніемъ *, въ субботу передъ зеленой недѣлей, или Пятидесятницей, и осенью въ три субботы, изъ коихъ первая называется Дмитріевой, передъ 26-мъ октября, вторая Козьминой, передъ 1-мъ и третья Михайловской, передъ 8-мъ ноября. Всѣ эти субботы называются: *дпды*.

Въ Александровкѣ отправляются также молебны о здравіи живыхъ въ первый воскресный день по новолуніи; ходятъ для здравія въ Петровъ постъ *на богомолье* въ Кіевъ за 150 верстъ, въ Рыхловскій и Домницкій монастыри и, кромѣ того, въ село Макошинъ, на поклоненіе Чудотворной иконѣ Божіей Матери; наконецъ, тѣ изъ молодёжи, у кого болятъ глаза или голова, ходятъ, какъ обыкновенно говорятъ, до *Крыныци*. Криница находится въ 15-ти верстахъ отъ Александровки, близъ села Наумовки, Сосницкаго уѣзда, въ экономіи помѣщика Милорадовича, называемой *Каруковскою*, и есть нечто иное, какъ ключь чистой и холодной воды; сначала онъ былъ обведенъ срубомъ, но въ послѣдствіи, по причинѣ стеченія народа, здѣсь устроена каплица въ видѣ часовни, и въ ней поставлены иконы. Чтенія здѣсь небываетъ никакого; приходящіе въ часовню, обыкновенно въ первый воскресный день по новолуніи, при-

празднику Воскресенія Христова дѣлаютъ здѣсь въ среду предъ Вознесеніемъ, что, кажется, правильнѣе.

* До *Вшестья*, то-есть до Вознесенья, каждый хозяинъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность служить панихиду.

носятъ съ собою свѣчи, зажигаютъ ихъ передъ иконою, и кладутъ поклоны; затѣмъ умываются криничною водою, берутъ ее въ сосуды и уходятъ домой. Криница, по вѣрованію здѣшнихъ жителей, имѣетъ цѣлебную силу для глазъ.

Къ числу повѣрій должно отнести, что въ пятницу Александровскіе казаки не орутъ, а семейства ихъ не прядутъ. Въ первый разъ идутъ въ поле орать, или, какъ здѣсь говорятъ, *заорувать*, и въ первый разъ зажинать жито и заламывать табакъ—при старомъ мѣсяцѣ, или при старолуніи, и притомъ въ такіе дни, въ кои не случалось праздниковъ Благовѣщенія, Срѣтенія и т. п. Говорятъ, что, въ противномъ случаѣ, будетъ что нибудь неладно: непремѣнно кто либо заболитъ изъ людей, или скота, или изломается что либо изъ земледѣльческихъ орудій.

Есть также повѣрье, что въ понедѣльникъ послѣ зеленой недѣли и на самой зеленой недѣлѣ въ среду и четвертокъ, не должно ничего дѣлать. Четвертокъ этотъ называютъ «сухимъ четвергомъ»; въ это время нельзя даже полоть въ огородѣ, ни шить въ избѣ. А почему? на это отвѣчаютъ: «боимся русалокъ, чтобъ насъ не задавили.» Повѣрье о русалкахъ почти повсемѣстное; здѣсь въ простомъ народѣ разсказываютъ объ нихъ слѣдующее:

Русалки не иное что, какъ люди, умершіе на зеленой недѣлѣ, женщины и мужчины. Кто въ сухой четвертокъ или въ среду, или въ понедѣльникъ послѣ зеленой недѣли работаетъ, на того онѣ нападаютъ въявѣ или во снѣ и мучатъ, именно лоскочатъ (щекочутъ), щиплютъ, кусаютъ, водятъ въ житахъ, болотахъ и заставляютъ съ собою танцовать, а играютъ на языкѣ. Если между русалками случится родственникъ того, который работалъ въ заповѣдные дни, то онъ защищаетъ виновнаго и не позволяетъ всѣмъ надъ нимъ издѣваться.

Это странное повѣрье уже слабѣетъ. Нынѣ досталось мнѣ въ первый разъ распрашивать объ этомъ старуху, болѣе другихъ уважаемую въ своемъ кругу, и она увѣряла меня, что ея ятровка (жена ея деверя) видѣла этихъ русалокъ, и онѣ чуть-чуть ее не задавили за то, что она мыла бѣлье въ понедѣльникъ послѣ зеленой недѣли. Гдѣ и какимъ образомъ случилось это съ нею? спросилъ я.—Она спала въ сѣняхъ, отвѣчала старуха, около оконца, и въ это оконцо русалки тянули ее съ

визгомъ и щипали. Но вдругъ затрубило что-то въ трубу и русалки сказали: ну счастливъ же твой Богъ, что нашъ старшій затрубилъ въ трубу! А то не быть бы тебѣ живой! Тыбъ знала, «какъ платье отжимать у панедилокъ».

Есть также повѣрье, что нѣкоторые портятъ людей такъ-называемымъ даньемъ *, то-есть: злые люди, потчуя въ бесѣдѣ горѣлкою, *даютъ* кому нибудь тайно, по злобѣ, въ горячемъ винѣ, какой-то ядъ, отъ чего животъ пухнетъ и человѣку становится нестерпимо больно, такъ что отъ данья, говорятъ, можно умереть. Отъ этаго лечатъ здѣшніе же люди: они вскорѣ послѣ данья заставляютъ принимать какое-то растеніе, отъ котораго сильнѣйшія бываютъ рвоты, и за тѣмъ больной получаетъ облегченіе. Противъ этаго суевѣрія дѣйствовать трудно, потому что оно извѣстно только тѣмъ, которые *даютъ данье*.

СВѢДѢНІЯ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ.

Много уже сказано объ Александровкѣ, но не показано отличительнаго характера Александровскихъ жителей. Почти всѣ они слабы **, бѣдны *** и трудолюбивы. Старый и малый идетъ праздникомъ въ лѣсъ, за грибами и орѣхами ****. Продавши ихъ, бѣднѣйшіе покупаютъ себѣ одежду или платятъ подати.

Что они дѣйствительно трудолюбивы, видно даже изъ того, что у нихъ каждая работа ознаменована такою пѣснію, въ которой трудъ похваляется, а лѣность порицается. Такъ напримѣръ:

1. Передъ праздникомъ Іоанна Крестителя, въ Петровки, семейство, выполовъ на огородѣ свои грядки, обыкновенно поетъ пѣсню, въ которой хвалится своею дѣятельностію, а надъ лѣностію другихъ смѣется.

* О *даньѣ* я услышалъ впервые въ Александровкѣ. Не знаю, есть ли еще гдѣ такое повѣрье.

** Отъ того каждый носитъ жилетъ изъ сукна собственнаго издѣлія, длиннѣе дворянской. Сторонніе жители говорятъ: *Александровецъ въ жилетикѣ*. Слабы они еще и потому, что очень мало долговѣчныхъ.

*** Ибо людей съ деньгами нѣтъ здѣсь ни въ какомъ званіи.

**** Ходятъ также и грести сѣно. А грибы продаются отъ 15-ти до 25-ти коп. серебромъ за фунтъ. Орѣхи по 2½ копѣйки за фунтъ.

Ой чій-то лёнъ за горою',
Зарусъ зильемъ, лободою?
Той-то лёнъ за горою (*здѣсь вставляется имя лѣнивой сосѣдки*).
За чимъ вона не сполола?
То за тимъ, то за симъ, за сномъ частымъ. Гу!

Послѣднее «гу» — поютъ съ особенной протяжкой и съ возвышеніемъ голоса, чтобъ лѣнивая сосѣдка слышала. Въ другое время, когда нѣтъ заросшаго льну, никогда не поютъ этой пѣсни: значитъ, она сложена собственно для лѣнивыхъ.

2. Впродолженіе *гребовицы* поютъ такую же пѣсню:

Ой чіи то гребци,
Д'ивки, молодьци?
Греби, погребай! Боже помогай!
Ивановы гребци,
Дивки, молодци.
Греби, погребай! Боже помогай!
Гребци молодые,
Грабли золотые.
Греби, погребай! Боже помогай!
Опана́совы жъ гребци,— (*т.е. сосѣда Афанасія*)
Стары́е бабци́;
Греби, погребай! Боже помогай!
Грабли́ дервены́е,
И самы старые.
Греби, погребай! Боже помогай!

3. *Косовичное* время имѣетъ также свои пѣсни. Достойно замѣчанія, что въ Косовицу люди отлично веселятся, какъ будто Богъ знаетъ сколько доходу приноситъ имъ сѣно! Ѣдутъ на сѣнокосъ, а особливо возвращаются съ сѣнокоса, съ шумными пѣснями, и не одни мужчины, но и женщины во это время веселятся. Отправивши своихъ мужей на сѣнокосъ, онѣ собираютъ обыкновенно своихъ подругъ и кумушекъ, и говорятъ: «нумъ (будемъ) ложки мыть» послѣ завтрака мужей; или: «ходимъ до такой-то ложки мыть»: это значитъ, что въ томъ дворѣ, куда собираются косари, хозяйка сама въ большихъ суетахъ, ухаживая за косарями и вновь приготовляя пищу, къ ихъ возвращенію, а потому онѣ, подъ этимъ предлогомъ, идутъ ей помогать, или, какъ говорятъ, *ложки мыть*. Тутъ-то пьютъ такъ - называемую *косарщину*. Часто случается, что косарщина въ домѣ больше стоитъ хозяину, нежели самые косари на сѣнокосѣ; ибо послѣд-

ніе, хотя и пьютъ, однако трудятся до-поту; а здѣсь, дома, женщины цѣлый день дурачатся, наряжаясь смѣшнымъ образомъ въ лучшее, праздничное платье, и ходятъ по селу, припѣвая и подпивая, отъ чего уборъ ихъ дѣлается еще смѣшнее, и люди говорятъ: «отъ нарядылась! наче (точно) медвѣдыця!». О цѣломъ собраніи наряженныхъ такимъ образомъ бабъ, когда онѣ идутъ по селу, говорятъ обыкновенно: «медвѣдыця йде».—Входить въ подробности о пѣсняхъ косарей и медвѣдицъ считаю излишнимъ.

Достопримѣчателенъ у насъ при косаряхъ одинъ старикъ — «старецъ» по малороссійски, а по русски нищій — казакъ Андрей Шутъ, слѣпой, съ инструментомъ, называемымъ бандурою, которой онъ увеселяетъ косарей и подъ звуки которой поетъ пѣсни, по большей части въ честь Казацкаго Гетмана Хмѣльницкаго.—Сказано, что Господь умудряетъ слѣпцы: это на немъ видно. Не говоря о томъ, что этотъ нищій, при всей своей бѣдности, старается уплачивать всѣ повинности, — онъ еще, вдобавокъ, и отличный мастеръ плесть канаты и всякаго рода веревки изъ конопель (пеньки). Но всего удивительнѣе его память! Преобширныя малороссійскія вѣрши (поздравительные стихи) на Рождество и Воскресеніе Христово, преобширныя историческія пѣсни въ честь Гетмана Хмѣльницкаго, всё это онъ — и одинъ только онъ — хранитъ здѣсь по преданію *.

Изъ всѣхъ сокровищь мудраго старца сообщаю только одну пѣсню:

Якъ одъ Кумыньщины, да до Хмельныщины, **
А одъ Хмельныщины, да до Добрянщины,
Якъ одъ Брянщины, да и до сёго жъ то дня,
Якъ у земли Королевськуй, да добра не було.
Якъ жиды рандари (арендаторы) вси шляхи козацьки зарандовалы (въ откупъ взяли);

* Добрѣйшій этотъ старикъ знаетъ въ честь Хмѣльницкаго *много* пѣсней; а сверхъ того расказываетъ, по преданію, что Хмѣльницкій въ *хмѣлю* найденъ, и потому названъ Хмѣльницкимъ. За тѣмъ взросъ онъ при Королѣ Польскомъ, нашелъ тамъ въ бумагахъ кому принадлежала Малороссія со временъ Владиміра и ушелъ отъ Короля въ Запорожье, гдѣ служилъ добре и наконецъ прогналъ Ляховъ изъ Малороссіи. Андрей поетъ всѣ записанныя здѣсь пѣсни, а также и пѣсню *о войнѣ Хмѣльницкаго съ Волохами и Ляхами*, да, сверхъ того, многіе псалмы на разные церковные праздники.

** У Хмѣльницкаго Гетманъ Барбашъ былъ кумомъ; отъ того Кумыньщина.

На однуй мили
Да по три шинки становылы;
Становылы шинки по долынахъ,
Зво́дылы що́глы (шосты) по высокихъ могилахъ,
Да бралы миту промиту (пошлину мостовую.)
Одъ (отъ) возоваго (который съ тѣлѣгою—съ возомъ ѣдетъ)
По повзолотого (ползолотой—10 к. или 5 грошей),
Одъ пьшого-пешеньцы (отъ пѣшаго бѣдняка)
По три денежки мита бралы;
Одъ неборака (отъ бѣднѣйшаго) старця
Бралы крупы да яйца,
Да-й-ще пытае:
Цы нема, котыкъ, еще цого (нѣтъ ли, котикъ! еще чего)?

(Такъ обыкновенно Андрей Шутъ передразниваетъ Еврея.)

Ще́-жъ-то жиды рандари въ томъ не переста́лы:
На славнуй Украйни вси казацьки церкви зарондова́лы.
Которому бъ то давъ Богъ козаку, альбы мужику,
Дытыну появыты (дитя родить):
То нейды до попа благословитьця,
А пойды до жида до рандара, да положъ шостакъ (деньги такія),
Щобъ позволивъ церковъ одчиныты (отворить),
Тую дытыну окрестыты.
Ище жъ которому бъ то давъ Богъ козаку, альбо мужику, дытыну одружиты (обвѣнчать),
То нейды до попа благословытьця;
А пойды до жида до рандара, да положъ быты (битый) талеръ,
Щобъ позволывъ церковъ одчиныты,
Тую дытыну одружиты.
Ищежъ жиды рандари въ тумъ не перестали:
На славнуй Украйни вси козацьки ри́ки зарондовалы;
Которыбъ-то козакъ, альбо мужикъ, исхотивъ (пожелалъ) на рички рыбы вловиты,
Свою жу́нку зъ ди́тьми покормы́ты,
То нейды до пана благословитьця,
А пойды до жида до рандаря, да поступи ему часть оддаты,
Щобъ позволывъ на рички рыбки вловыты,
Свою жунку зъ дитьми покрмыты.
Который бы козакъ исхотивъ на рички утя́ вбыты,

** И самъ отъ себя прибавляетъ: *да-нема! нехай теби ха́лепа!* т. е. да нѣтъ ничего—пусть тебѣ всё злое. *Халепа* отъ Греческаго: χαλεπά— трудное. Или такъ: да нема! нехай теби *Цураха* или: *цур-теби, пек-теби.* Это такія малороссійскія фразы, которыхъ нельзя перевесть слово въ слово; онѣ сильнѣе, чѣмъ: «отойди прочь отъ меня, я тебя *чуждаюсь.*»

Жунку свою зъ дитьми покормыты,
То пейды до пана благословытьця,
Да пойды до жида до рандаря, да поступи ему що небудь,
Щобъ позволывъ на рички утя вбыты,
Жунку свою зъ дитьми покормыты.
То одынъ козакъ мимо кабакъ иде,
За плечи́ма мушке́тъ несе́,
Хоче на рички утя вбыты:
То жидъ-рандарь у кватырку (стекло оконное) поглядае,
На жидовку свою стыха (потихоньку) словами примовляе:
«Эй жидовочка жъ моя Расяǃ
Шо сей козакъ себи думае?
Шо вунъ у кабакъ не вступить,
За денежку горилки не купить.
Мене́ жида рандаря не перепросить,
Щобъ позволывъ ему на рички утя вбыты.»
То жидъ рандарь стыха подхождае,
Козака зъ заду за́-патлы (волосы) хватае,
То козакъ на жида рандаря искоса, якъ медьвидь, поглядае,
Ище жида рандаря мастывымъ паномъ узывае.
«Эй жиду, жиду! Мастывый пане!
Позволь мини на рички утя вбыты,
Свою жунку зъ дитьми покормиты!»
Тогди жидъ рандаръ у кобакъ ухождае,
На жидовку свою стыха словами примовляе:
«Эй жидовочка жъ моя Расяǃ
Буть мини у Билуй Церкви наставнымъ равомъ! (раввиномъ)
Назвавъ мене козакъ мастывымъ паномъ!»
Одъ тогди жъ то, икъ (какъ) у Святы день, у Четвертокъ,
Жиды рандаре у Билуй Церкви на сеймъ избиралиcь,
Междо собою раду малы,
Стыха словами примовлялы:
«Эй жиды вы, жиды рандаре!
Шо теперъ у васъ, на славнуй Украини слышно?»
Слышенъ, говорять, у насъ Гетьманъ Хмельныцьки;
Икъ отъ Билои Церкви да до славного Запорожа
Не така стоить жидовьска сторожа!
То озоветьця одынъ жыдъ Аврамъ,
У того бувъ невелики крамъ, (лавочный товаръ)
Тульки шпильки да иголки;
Шо ходывъ по-за Днѣпромъ, да дуривъ козацьки жонки.
«Эй жыды жъ вы, жиды рандаре!
Екъ изъ нызу литни вьитеръ повьие,
Вся ваша жидовьска сторожа погине.»
Тогди жъ-то икъ у Святы день во вторныкъ

Гатьманъ Хмельныцьки козакувъ до всходу сонця у походъ выправлявъ (отправлялъ)

И стыха словами примовлявъ:
«Эй! козаки, диты, друзы!
Прошу васъ, добре дбайте! (старайтесь)
Одъ сна вставайте,
Русьски: Отче Нашъ читайте!
На Славну Украину прибувайте!
Жидовъ-рандаровъ у пень (въ конецъ) рубайте!
Выры своеи Христіяньскои у поругу не подайте!
Жидовьскому шабасу не польгуйте!»
Тогди жъ то жиды рандаре догáдливы бувалы,
Вси до города Поленога повтекалы.
Тогди Хмельныцьки на славну Украину прибувавъ,
То жида рандара негодного (ни одного) не зустававъ.
То Гатьманъ Хмельныцьки не пышенъ (не гордъ) бувавъ,
Пудъ городъ Поленогъ прибувавъ,
Одъ своихъ рукъ лысты писавъ,
А въ лыстахъ приписувавъ:
«Эй! Полоняне! Полоняньская громада! (общество)
Колы бъ вы дóбре дбалы, (хорошо сдѣлали)
Мини жидувъ рандáровъ до рукъ подалы!»
То воны ему отпысалы:
«Пане, Гатьмане Хмельныцьки!
Хоть будемъ одынъ на-днумъ (одинъ на одномъ) лягаты, (ложиться)
А не можемъ тыби жидувъ рандаровъ до рукъ податы.»
Тогди жъ то Хмельныцьки одъ рукъ своихъ лысты писавъ,
У городъ Поленогъ други разъ подававъ:
«Эй Полоняне, Полоняньская громада!
Не хорóша ваша рада!
Есть у менè одна пушка, сырота!
Одчинятьця (отворятся) ваши широкіе желизные воротà!..»
Одъ тогди жъ-то икъ у Святы день Четвертокъ
Хмелныцьки до всходу солнця устававъ,
Пудъ городъ Поленогъ ближей прибувавъ,
Въ городъ Поленогъ гостынець подававъ.....
Тогди Жиды рандары горкимъ голосомъ заволалы: (закричали)
«Эй, Полоняне! Полоняньская громада!
Колыбъ вы добре дбалы,
Одъ Полицы ворóта одпыралы,
Да насъ за Вислу ричку хоть у въ одныхъ рубашкахъ пускалы,
То бъ мы за Быслою ричкою пребувáлы,
Да соби дитей дожидалы,
Да ихъ добрымы диламы наущалы,
Щобъ на козацьцу Украину и крывымъ окомъ не поглядалы.»

Отъ тогди жъ-то козакамъ у городи Полонови
Дана воля на три́ часы съ половиною: «пійте, гуляйте!
Коло жидувъ рандáровъ соби нажи́ву хорошу майте!»
Тогди жъ-то козаки на славну Украину обратно прибувалы,
Очертомъ (кружкомъ) сѣдалы,
Сребро и злато на три часты поевалы (дѣлили):
Первую часть на Покрову Сѣчовую, да на Спаса Мижигорського отдáлы;
А другую часть на меду̀, да на оковитуй горильци пропивалы, *
Трейтюю часть миждо собою козакамы поевалы.
Тогди не одинъ козакъ за пана Хмельницькаго Бога просывъ,
Шо не одынъ жидувськи жупанъ зносы́въ.
Тогдижъ то Хмелныцьки помéръ, а слава ёго козацька невмре, неполяже!

4. Замѣчательнѣе всего время жнитва! Жнутъ тихо; каждый, по пословицѣ, *на себя работаетъ*. Но когда хозяинъ дожинаетъ послѣднюю ниву, семейство его поетъ пѣсню, въ которой свои труды хвалитъ, а лѣность другихъ порицаетъ. На примѣръ: Иванъ трудолюбивъ, а Аѳанасій лѣнивъ; вотъ и поютъ:

Ой чіѐ-то поле
Зазвенило стоя.
Зазвенило, зазвенило стоя!
Иванове поле
Зазвенило стоя.
Зазвенило, зазвенило стоя!
Женцы молодые,
Серпы золотые.
Зазвенило, зазвенило стоя!
И жито пожали,
И въ копы поклали.
Зазвенило зазвенило, стоя!
Опанасове (Аѳанасьево) поле
Задремало, стоя!
Задремало, задремало стоя!
Женци все старые,
Серпы лубяны́е.
Задремало, задремало стоя!
Жита не пожали
Серпы поломали
Задремало — задремало стоя!

* «Оковитая горѣлка» — горячее вино столь крѣпкое, что когда его пьешь, то *глаза* (око) какъ будто *вьются*.

На томъ мѣстѣ, гдѣ жатва оканчивается со всѣмъ, хозяинъ оставляетъ горсть несжатыхъ колосьевъ и называетъ эту горсть «бородою», говоря: *оставлю на бороду!* За тѣмъ, сложивъ житные снопы въ копы, идутъ всѣ къ бородѣ и мужчина непремѣнно долженъ заломать эту бороду посреди *на востокъ* и опять пустить ее *концами на востокъ* же, какъ бы *въ благодарность за начало и за конецъ!* Послѣ этого онъ долженъ перевязать бороду вверху красною ниткою, а прочіе жнецы украшаютъ эту бороду всякаго рода цвѣтами, опалываютъ траву кругомъ нея и въ срединѣ, и наконецъ, въ средину ея кладутъ краюшку хлѣба, кусочекъ соли и сплетаютъ крестъ изъ колосьевъ, который приносятъ въ домъ на цѣломъ хлѣбѣ и освящаютъ въ день Преображенія. Всѣ эти дѣйствія надъ бородою сопровождаются слѣдующею пѣснію:

Седыть ведьмидь (медвѣдь) на капи (на копнѣ) *
Дывуеться бороди:
«Ой — дыво мини,
«Объ туй бороди!
«Ой чія жъ то борода,
«Чорнымъ шовкомъ увита?
«Чорнымъ шовкомъ увита,
«Срибломъ злотомъ улита?
Иванова борода!
Чорнымъ шовкомъ увита,
Срибломъ злотомъ улита.
Опанасоважъ борода
Мачулами увита,
А смолою улыта!

Идя съ поля домой, жнецы поютъ еще съ бо́льшимъ восторгомъ, похваляясь своими трудами:

Ой мы жъ свойму пану
Снарядыли славу!
Снарядыли, снарядыли славу!

* Слово «медвѣдь» употребляютъ здѣсь по тому, что люди живутъ близъ лѣса. Въ другихъ дальнихъ отъ лѣса селеніяхъ поютъ: «Сидитъ воронъ», т. е. ворона.

И жито пожалы
И въ копы поклалы
Снарядыли, снарядыли славу!
Наставыли купакъ
Якъ на неби зурокъ
Снарядыли, снарядыли славу!
Наставили стожкувъ
Якъ де небудь божкувъ *
Снарядыли, снарядыли славу!
Поставили копки
Да вдарили гопки
Снарядыли, снарядыли славу!

Эту пѣсню поютъ, идя домой, за селомъ, и въ селѣ, и на дворѣ, и въ избѣ, и послѣ ужина; всѣ похваляются своими трудами, что они «снарядили славу»!

Послѣ этаго, естественно, раждается вопросъ: если эти люди такъ трудолюбивы, то отъ чего же они бѣдны?

Бѣдны они отъ того, что семейства ихъ раздробляются, и бо́льшая ихъ часть малоземельны; къ тому еще и земля у нихъ неплодородная **, отъ чего многіе переселились въ губерніи Екатеринославскую, Таврическую и въ Черноморское Войско; нѣкоторые и теперь еще желаютъ переселиться.

ЛЮБИМЫЯ ЗАНЯТІЯ.

Главный промыселъ здѣшнихъ жителей — табакъ; но цѣны на табакъ низки. Отдаленность городовъ также не способствуетъ Александровцамъ. Они не успѣютъ еще табакъ хорошо обработать или высушить, какъ уже везутъ его — сырой и зеленый — продавать въ мѣстечко Мену, 8-го сентября; а это вредитъ зажиточности жителей, во-первыхъ потому, что табакъ продается по 10-ти или 15-ти к. сер. за пудъ, гораздо дешевле сухаго и хорошо приготовленнаго табака въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ; во-вторыхъ, этотъ худой и дешевый табакъ естественно *установляетъ уже цѣну* и на *хорошій;* ибо повѣренные отъ

* «Какъ гдѣ нибудь божковъ». А другіе поютъ: «Якъ у церкви божкувъ».

** Земля неплодородна и къ обработкѣ неудобна. Для одного плуга надобно здѣсь имѣть 4 рогатыя скотины, а это не всякій можетъ имѣть, и потому *на одну соху спрягаются* обыкновенно *два хозяина*.

Рижскихъ купцовъ, находящіеся въ мѣстечкѣ Менѣ, козаки и Евреи, *сообразно* съ этими дешевыми цѣнами, стараются уже какъ можно скорѣе накупить для вѣрителей своихъ нужное количество табаку, съ тѣмъ, чтобы скорѣе получить за трудъ по 10-ти к. асс. съ пуда. Такимъ образомъ сырой и дешевый табакъ естественно вредитъ хорошо приготовленному, а торгъ табакомъ въ Ригѣ существенно отъ того страждетъ.

Кромѣ того, здѣшніе жители работаютъ еще топоромъ: строятъ мельницы и магазины для хлѣба, и отправляются на заработки. Съ недавняго еще времени начали они промышлять и заработками на водѣ. Какъ скоро весною осушится земля, каждый отправляется или водою въ Екатеринославскую и Таврическую губерніи, для доставленія деревянной (чужой) посуды и хлѣбнаго товара байдаками (отъ чего и говорятъ: пошовъ на байдакъ!), за что получаютъ 3 р. сер. въ мѣсяцъ; или же сухимъ путемъ и пѣшкомъ идетъ въ тѣже губерніи, для снятія тамъ посѣвовъ и травы, за что получаетъ 50 к. сер. въ сутки и болѣе, смотря по тому, какъ велико требованіе на рабочихъ. Зимою, кто побогаче, сами везутъ продавать свой табакъ въ Минскую и Витебскую, большею же частію въ Могилевскую губерніи, въ особенности въ мѣстечко Гомель *.

---

* Для избѣжанія обмана со стороны Евреевъ, тѣ, которые по расторопнѣе, уговариваются за деньги съ тамошними жителями изъ Христіанъ, чтобы они продали ихъ табакъ вмѣсто своего; въ такомъ случаѣ обмана и не бываетъ.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ МАЛОРОССА.

(Священника А. Иваницы) *.

1. ХАТА.

А. ВНѢШНЕЕ УСТРОЙСТВО.

Малороссъ строитъ свою хату изъ небольшаго количества разнаго дерева, лѣпитъ стѣны ея изъ земли и обмазываетъ снаружи и внутри глиной. Приготовивъ заблаговременно лѣсъ и нанявъ плотника, онъ приступаетъ къ дѣлу. Сперва плотникъ строитъ на чистомъ мѣстѣ основаніе, которое зовется *вінець*. Каждая сторона вѣнца сбивается изъ трехъ или четырехъ (не болѣе) деревъ, которыя кладутся одно на другое; длина и ширина этихъ деревъ равны размѣрамъ будущей хаты; вдоль вѣнца кладется одна балка, которая зовется *сволокомъ*. Потомъ стро-

* Авторъ этой статьи — приходскій священникъ села Оболони или Оболонья (какъ оно значится на картѣ Шуберта), находящагося въ З. углу Хорольскаго уѣзда, на Ю. З. отъ уѣзднаго города Хороля. По картѣ Шуберта село это стоитъ близъ сліянія рр. Руды и Толстой, которыя подъ именемъ Кривой-Руды текутъ въ Сулу. Окружныя поселенія около села Оболони суть: Ивановка, Новоселица, Толстая, Кривая-Руда и мѣстечко Мохначъ.

ятся пять стропилъ — *кроковъ*, которыя ставятся на основаніи, то-есть на вѣнцѣ, безъ укрѣпленія, а поперекъ кроковъ или стропилъ прибиваются деревянными гвоздями и довольно слабо *латы*, на разстояніи аршина другъ отъ друга. Этимъ и оканчивается постройка вѣнца, основанія крыши.

Построивши крышу хаты, плотникъ приступаетъ къ постройкѣ хаты или, правильнѣе, ея стѣнъ. Для этаго онъ отрубаетъ, смотря по обширности хаты, 12-ть, а иногда и болѣе дубовыхъ или сосновыхъ колодъ въ 4 аршина длины и не менѣе четверти аршина толщины, выкапываетъ 12 ямъ въ $1\frac{1}{2}$ аршина глубины, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ должна стоять хата, ставитъ приготовленныя колоды, — по здѣшнему *сохи*, — въ выкопанныя ямы и плотно обсыпаетъ и обиваетъ эти сохи землею. Послѣ того онъ осторожно разбираетъ крышу съ ея основаніемъ (винцемъ), накладываетъ вѣнецъ на крѣпко вкопанныя колоды (сохи) въ прежнемъ порядкѣ, укрѣпляетъ на вѣнцѣ стропилы деревянными гвоздями, прибиваетъ также крѣпко къ кроквамъ латы, — и вотъ является въ селеніи новая хата, которую въ этомъ первоначальномъ видѣ плотникъ зоветъ *клиткою*. Потомъ плотникъ приготовляетъ отъ 50-ти до 100 нетолстыхъ колодочекъ — *килья*, какія найдутся у хозяина; вкапываетъ ихъ одними концами въ землю, а другіе прибиваетъ деревянными гвоздями къ вѣнцу — основанію крыши, размѣщая колодочки одну отъ другой на поларшина разстоянія; плететъ поперекъ колодочекъ плетень изъ лѣснаго орѣха или вербовой лозы, растущей во многихъ огородахъ, и оканчиваетъ всю постройку хаты *сокирою*.

Когда строится новая хата, съ плотникомъ, какъ съ мужчиной, раздѣляютъ труды мужчины, умѣющіе хоть какъ-нибудь держать топоръ въ рукахъ; но когда приходитъ пора мазать новую хатку, трудятся однѣ бабы, припѣваючи, по повѣрью, чтобы хата была весела. Для этой работы выкапывается земля и насыпается въ кучу; бабы размѣшиваютъ ее хорошенько съ водою ногами, часто подсыпая *полову* какого-либо хлѣба или навозъ, и облѣпляютъ этимъ вязкимъ веществомъ стѣны хаты на $\frac{1}{2}$ аршина толщины и болѣе, смотря по величинѣ зданія. Облѣпляя стѣны хаты, бабы оставляютъ въ нихъ восемь отверстій: два большихъ для дверей, изъ хаты въ сѣни, а изъ сѣ-

вей на дворъ; четыре для оконъ: *передпичняго*, которое должно находиться въ стѣнѣ противъ печки; *покутняго*, которое оставляется въ одной стѣнѣ съ передпичнимъ и поближе къ углу, назначенному для образа; *причильняго*, которое въ стѣнѣ противъ двери, ведущей изъ хаты въ сѣни, и *напильняго*, въ стѣнѣ, гдѣ лежитъ *пилъ* — малороссійская кровать; кромѣ того, два небольшихъ отверстія оставляются: одно для окошка *нижняго*, которое на печкѣ, а другое для прохода дыма изъ печки въ трубу.

Обмазанная хата покрывается тростникомъ, или соломой, или соломой и тростникомъ вмѣстѣ, такъ что тростникъ покрываетъ солому. Потомъ оставляютъ хату на нѣсколько времени сохнуть, а когда высохнетъ, хозяину предстоитъ довольно легкій трудъ устроить ее внутри и собрать домашнюю утварь.

Б. ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ХАТЫ И ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ.

Новую хату хозяинъ раздѣляетъ на три отдѣленія: 1) хату въ собственномъ смыслѣ; это жилье; 2) сѣни, и 3) хижу. *Хижа* — маленькая кладовая, въ которой хозяинъ держитъ съѣстные припасы, одежду и все имущество, какое у него есть.

Строеніе, раздѣленное такимъ образомъ на три отдѣленія, обмазывается мѣломъ или бѣлой глиной. Потомъ хозяинъ устроиваетъ въ своей новой хатѣ лавы и пилъ. *Лава* — сосновая или другая какая нибудь доска, которая отрѣзывается по внутренней длинѣ жилья и помѣщается на слѣпленныхъ изъ земли столбахъ. Одна лава устроивается у стѣны, въ которой окна передпичное и покутное, а другая у стѣны, гдѣ окно причильное, и соединяется днимъ концомъ съ первою лавою, въ углѣ, назначенномъ для образа — *на покутьи*. *Пилъ* дѣлается изъ 5-ти досокъ, положенныхъ одна подлѣ другой одними концами на лаву покутняго окна, а другими на *приваловъ*, то-есть на доску, которая лежитъ около печки на двухъ земляныхъ столбикахъ, въ аршинъ вышины. На полу стоитъ *скрыня* — сундукъ, съ однимъ женскимъ имуществомъ, если есть столъ; а если стола нѣтъ, то скрыня служитъ столомъ и стоитъ тогда поближе къ покутю, чтобъ удобнѣе было около нея садиться на обѣихъ лавахъ. Кромѣ этой

утвари въ хатѣ Малоросса находится: 1) *жертка* — шесть, повѣшенный на пеньковыхъ веревкахъ близко къ потолку и недалеко отъ стѣны, у которой лежитъ пилъ. 2) *Стыльчикъ* — маленькая скамейка. 3) *Ослынь* — длинная узкая скамейка, которую приставляютъ къ лавѣ, когда ложатся спать, и къ скрынѣ, либо къ столу, когда хозяева одни, или съ гостями, хотятъ усѣсться къ нимъ въ праздникъ. 4) *Каганецъ* — плошка изъ дна разбитаго горшка. Каганецъ освѣщаетъ хату фитилемъ — *гнотомъ*, облитымъ саломъ свинымъ, бараньимъ, либо другимъ, которое называется по-малороссійски смальцемъ, либо льнянымъ, конопляным, и *свириняльмъ* масломъ олією; *гнытъ* выдираютъ изъ чистой ветошки. 5) *Гребинь*, на которомъ Малороссіянки прядутъ пеньку, ленъ и шерсть; *днище*, въ которое вкладывается гребень; *гребінка*, которою растрепываютъ ленъ и пеньку на гребнѣ, и *щітки* изъ свиной щетины, которою вычесываютъ мычку изъ пеньки и льна; *веретéно*, которымъ прядутъ на гребнѣ; *мотовы́ло*, на которое наматываéтся пряжа и, наконецъ, *вытушка*, съ которой сматываютъ *посмитокъ*, снятый съ мотовила. 6) *Мы́сныкъ* — доска, укрѣпленная около стѣны, въ которой двери изъ хаты въ сѣни; на мыснику ставятся въ рядъ *черепялыя* (глиняныя) *мыски* и кладутся деревянныя ложки. 7) *По́льця* — доска, укрѣпленная около стѣны, въ которой окна передпичное и покутное, поближе къ потолку. На полыцѣ кладется хлѣбъ печеный, ставятся обороченные вверхъ дномъ горшки и стоитъ *салялка* — деревянная маленькая лоханка, въ которой толчется сало для борща. 8) На стѣна́хъ въ избѣ висятъ: *сыто*, *подсы́токъ* и *пидришитки*. Первымъ просѣвается мелкая пшеничная мука, вторымъ крупная мука, послѣдними мука еще болѣе крупная. 9) Въ углу около печки стоятъ всѣ ея принадлежности, именно: *кочергá*, которою таскаютъ въ печь топливо и выгребаютъ золу; *хвáтки*, — коими ставятъ въ печку горшки, и вынимаютъ ихъ оттуда; *лопáта*, на которой сажаютъ въ печку хлѣбъ, и *помылó*, которымъ чистятъ печку и обмокнувши въ воду тушатъ въ ней огонь; оно состоитъ изъ старыхъ тряпокъ, привязанныхъ къ концу палки. 10) *Ночвы*, въ которыя сѣютъ муку. 11) *Диэжа*, гдѣ тѣсто вскисаетъ. 12) *Помыйныця*, — грязная кадушка, въ которую цѣлый день сливается въ избѣ всякая-всячина для корма свиней; она стоитъ въ

углу около дверей. 13) *Рубель и качалка* — орудія, коими катается мытое бѣлье. Наконецъ, 14) самое главное — въ углу, противъ двери, стоятъ образа̀. Вся эта утварь непремѣнно находится въ хатѣ; но и другія два отдѣленія — сѣни и хижа — также содержатъ нѣкоторыя вещи, необходимыя для Малоросса. Въ сѣняхъ стоитъ въ углу *дожка* — кадушка съ водою, для питья; *два ведра* деревянныхъ и *кордмысло* для ношенія на плечахъ воды изъ колодца; *жлукто* — кадушка безъ дна, въ которой золится бѣлье, пересыпанное золою и наливаемое кипяткомъ *коса*, которою косятъ; *грабли*; *вилы*; *рожень* — коимъ носятъ солому обмолоченнаго хлѣба; и *ципъ*, которымъ молотятъ хлѣбъ.

Въ хижѣ стоитъ *шаплыкъ* — ушатъ въ полбочку, необходимый во многихъ случаяхъ; *кишъ* — ящикъ, плетеный изъ вербовой лозы, обмазанный внутри и снаружи глиной и содержащій въ себѣ зерновый хлѣбъ; *засичокъ* — небольшая часть хижи, перегороженная досками, и раздѣленная на нѣсколько частей, для разнаго рода зерноваго хлѣба или муки — ржаной, гречневой и пшеничной; тутъ же въ хижѣ помѣщается нѣсколько бочекъ, висятъ гдѣ-нибудь мѣшки и *рядна* — мужеское и женское платье.

Вотъ вся домашняя утварь Малоросса, живущаго ни бѣдно, ни богато. Разумѣется, всѣ описанныя выше хозяйственныя орудія и вещи можно находить въ большемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по числу душъ въ семействѣ; можно находить много и другихъ орудій и инструментовъ, смотря по тому, какимъ ремесломъ занимается хозяинъ. Объ этихъ орудіяхъ и инструментахъ надлежитъ сказать въ особой статьѣ о любимыхъ занятіяхъ Малоросса; но описывая внутреннее устройство хаты и домашнюю утварь земледѣльца, нельзя ничего прибавить къ сказанному.

в. ВНѢШНІЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ХАТЫ.

Около хаты Малоросса устроены слѣдующія принадлежности ея: 1) *комира* — небольшой сарай, обмазанный глиной или пометомъ скота, или обставленный тростникомъ, съ *загономъ*. Въ коширѣ содержатся овцы, днемъ въ загонѣ, а ночью въ сараѣ, который запирается дверью, сплетенною изъ вербовой лозы.

2) *Загорода* — сарай вдвое больше кошары, обмазанный съ трехъ сторонъ пометомъ рогатаго скота, или обставленный тростникомъ, также съ *загономъ*. Въ загородѣ содержится крупный и мелкій скотъ, а у кого есть — и лошади. 3) *Хливъ* — сарай, въ которомъ сберегаются отъ непогоды *визъ*, *саны*, *борона*, *плугъ* и многія другія хозяйственныя принадлежности. 4) *Погрибныкъ* — крыша, утвержденная на землѣ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ выкопанъ погребъ. Въ погребѣ стоитъ въ зимнее время бочка съ бураками, кадушка съ шинкованной капустой, кадушка съ рубленой (сѣченой) капустой, и маленькая кадушка съ огурцами. Въ погребѣ сберегаются также картофель, рѣдька, хрѣнъ, морковь, свѣжіе красные бураки и нѣсколько корешковъ свѣжей капусты для сѣмянъ. 5) *Свынынець* — маленькій сарайчикъ, въ который круглой годъ загоняютъ свиней. Онъ плетется изъ лозы и обмазывается глиной или пометомъ. 6) *Сажъ* — небольшой сарайчикъ, четвероугольный, на высокихъ подставкахъ по угламъ и срубленный изъ дерева, съ маленькою дверью, въ которую втаскиваютъ свиней для откармливанія; наконецъ 7) *курныкъ* — сарайчикъ, въ который загоняютъ гусей, утокъ, индѣекъ, и садятся на перекладинахъ на ночлегъ куры.

2. ОДЕЖДА МАЛОРОССІЯНЪ.

А. ОДЕЖДА МУЖСКАЯ.

Малороссъ носитъ: 1. *Сорочку* — рубаху изъ холста, приготовленнаго дома. Сорочка шьется длиною въ 1 аршинъ, съ рукавами довольно широкими и воротникомъ въ ½ вершка ширины; холста идетъ на сорочку 7 аршинъ. 2. *Штаны* — брюки, также холстяные, которые обвязываются около поясницы узкимъ ремешкомъ, *учкуромъ*, съ пряжкой; ремешокъ этотъ протянутъ въ верхней части брюкъ. Холста толстаго, а также и сукна идетъ на штаны 6 аршинъ. 3. *Юпку*, которая шьется изъ домашняго сукна, чернаго или сѣраго цвѣта, съ узкимъ воротникомъ въ одинъ вершокъ ширины и длиною до колѣнъ. Сукна идетъ на юпку 7 аршинъ. Поверхъ юпки надѣвается иногда 4. *Свыта*, изъ простаго чернаго или сѣраго сукна, съ воротникомъ въ одинъ вершокъ ширины, и длиною ниже ко-

дыхъ; сукна идетъ на свиту 8 аршинъ. 5. *Кобиняк*—замѣняетъ шинель; шьется изъ сѣраго простаго сукна съ узкимъ воротникомъ, за спиной съ *кобкой*—суконной *торбшикой*, которая во время дождя накрываетъ шапку на головѣ, ибо одною своею стороною кобка прикрѣплена къ воротнику. Кобинякъ шьется длиною до земли, и сукна на него идетъ 10 аршинъ. 6. *Кожухъ* шьется изъ овчинъ съ молодыхъ овецъ—*лентвиривъ*, съ воротникомъ въ 2 вершка ширины и длиною ниже колѣнъ. Кожухъ подпоясывается около чреселъ шерстянымъ поясомъ, приготовленнымъ дома или купленнымъ. «Лентвиривъ» на кожухъ идетъ 5 штукъ. 7. *Тулубъ* шьется изъ овчинъ съ старыхъ овецъ, длиною до земли, и съ воротникомъ въ $1/4$ аршина ширины. На кожухъ идетъ 10 старыхъ овчинъ. 8. *Шапка* шьется изъ *смуха* съ маленькаго ягненка, чернаго либо сѣраго, съ смушевымъ околышемъ и верхомъ изъ чернаго либо синяго сукна, либо вся смушевая. 9. *Поясъ*, или дома вытканный шерстяной, или купленный. 10. *Рукавицы* хозяинъ самъ вяжетъ изъ пряденой шерсти. 11. *Накоржни* покупаются у разнощиковъ, и надѣваются поверхъ рукавицъ. 12. *Чоботы*—сапоги, шьются изъ простой кожи, съ голенищами до колѣнъ, и подбиваются желѣзными узкими подковками, которыя укрѣпляютъ подпятокъ сапога помощію трехъ гвоздей и 13. *Постолы*—похожія на древнія восточныя сандаліи, приготовляются изъ сыромятной кожи и повязываются поверхъ обвертокъ ноги, кругомъ ея до колѣна, тонкими ремешками или плетеными пеньковыми сворками; постолы очень похожи также и на русскія лапти.

в. Женская одежда.

Женская одежда замѣтно отличается отъ одежды мужчинъ. Ее составляютъ: 1. *Сорочка*—рубаха долгая до пятъ, съ широкими рукавами и узенькимъ воротникомъ; холста идетъ на женскую рубаху 9 аршинъ. 2. Двѣ *запаски—задныця* и *попередныця* надѣваются поверхъ рубахи, и укрѣпляются около поясницы широкимъ шерстянымъ поясомъ—окрайкою. Запаски приготовляются дома изъ шерсти домашнихъ овецъ, окрашиваются въ черный либо темносиній цвѣтъ краскою каліею и стоятъ 1 р. серебромъ. 3. *Юпка*—фуфайка; она шьется изъ демикото-

ка, пестряди, мебельнаго ситца и сукна; пестряди и демикотона идетъ на юпку 8 аршинъ, а мебельнаго ситца и сукна—5 аршинъ. 4. *Кожушанка*—полушубокъ женскій, шьется изъ овчинъ съ молодыхъ овецъ и покрывается сверху пестрядью или тикомъ, либо полудемикотономъ. Овчинъ идетъ на нее 10, а пестряди и демикотону 12 аршинъ; тику 6 аршинъ. Кожушанка шьется съ узкимъ воротникомъ въ 1 вершокъ ширины и длиною бываетъ ниже колѣна. 5. *Кожухъ*—женская шуба, шьется изъ овчинъ съ старыхъ овецъ, длиною до земли, и съ двумя воротниками: стоячимъ въ 1 вершокъ ширины и другимъ воротникомъ полукруглой формы, лежащимъ на плечахъ и пришитымъ къ узкому воротнику. На лежачій воротникъ идетъ три смухи, а на кожухъ 9 или 10 овчинъ съ старыхъ овецъ. 10. *Плахта*—женская щегольская одежда, которая надѣвается поверхъ рубахи вмѣсто запасокъ. Плахта ткется мастерицею Малороссіянкою изъ разноцвѣтной крашеной шерсти клѣтками, и стоитъ 2 или 3 р. сер. 7. *Чаботы* — сапоги женскіе, отличаются отъ мужскихъ формою и широкими желѣзными подковами въ 1 вершокъ ширины. 8. *Намысто*—кораллы, либо рѣзное, граненое и цвѣтное стекло. Намысто носятъ на шеѣ; оно состоитъ изъ 5-ти, 10-ти, а иногда и изъ 15-ти нитокъ ралловъ или бусъ въ одной связкѣ. 9. *Очипокъ*—носится женщинами на головѣ, и бываетъ ситцевый, либо парчевой, либо холстинный и обвазывается на головѣ простою лентою. 10. *Платокъ*—бываетъ разнаго рода: кашемировый, бумажный и шелковый; голову женщины завязываютъ поверхъ очипка такъ, что послѣдняго совсѣмъ невидно, а дѣвушки обвязываютъ имъ голову такъ, что видны верхушка головы и коса. По этому убору сторонній человѣкъ и различаетъ дѣвушку отъ женщины. 11. *Перстни* — кольца, носятъ на пальцахъ женщины, а больше дѣвушки, по два, по три и по четыре перстня. 12. *Серьги*—украшеніе женское и дѣвичье; онѣ бываютъ и мѣдныя и серебряныя; и 13. *Ленты*. Дѣвушки вплетаютъ по нѣскольку лентъ въ косу и концы опускаютъ до земли.

в. Лѣтняя одежда.

Лѣтомъ Малороссіяне одѣваются весьма легко, ибо всѣ работы они исправляютъ подъ открытымъ небомъ и подъ сол-

нечнымъ жаромъ. Поэтому лѣтняя одежда мужчинъ состоитъ въ одной холстяной рубахѣ и въ холстяныхъ штанахъ, а женщинъ — въ рубахѣ и запаскахъ. Какъ мужчины, такъ и женщины лѣтомъ большею частію ходятъ безъ сапогъ; мужчины на работѣ даже рѣдко надѣваютъ на голову шапку. Но какъ посреди ясныхъ, жаркихъ и даже душныхъ дней лѣта бываетъ и осенній холодъ съ ливнемъ, градомъ и бурями, то въ такую ненастную погоду мужчины надѣваютъ сверхъ рубахи суконную свиту до колѣнъ, а женщины суконныя юпки. Да и въ ясные и жаркіе дни лѣта, выходя на работу за часъ, а иногда и ранѣе, до восхода солнца, когда еще сыро и холодно, мужчины надѣваютъ свиты, а женщины юпки. Но говоря вообще, Малороссъ круглое лѣто работаетъ въ сорочкѣ и штанахъ, а Малороссіянки — въ сорочкѣ и запаскахъ, съ повязанною платкомъ головою.

Въ храмъ Божій на молитву мужчины приходятъ лѣтомъ въ свитахъ, а женщины въ суконныхъ юпкахъ и въ сапогахъ; но обыкновенно большая часть женщинъ и дѣтей идутъ въ церковь босыя.

г. зимняя одежда.

Зимой Малороссы одѣваются тепло. Мужчина сверхъ холстяныхъ штановъ надѣваетъ суконные, которые стягиваются на поясницѣ учкуромъ — узкимъ ремешкомъ съ пряжкой; сверхъ рубахи — суконную свиту, длиною до колѣнъ, а поверхъ свиты кожухъ; сверхъ-того, въ большіе морозы, поверхъ кожуха онъ надѣваетъ еще тулубъ, а въ мятели кобинякъ. На ноги Малороссіянинъ обвертываетъ по аршину простаго сукна и надѣваетъ зимніе сапоги, которые гораздо больше лѣтнихъ, а на руки либо простыя рукавицы, либо накоржни. Въ такой одеждѣ Малороссъ проводитъ цѣлую зиму и даже можетъ безъ вреда проспать цѣлую ночь подъ открытымъ небомъ.

Женщины зимой также одѣваются теплѣе, нежели лѣтомъ. Сверхъ сорочки онѣ надѣваютъ суконную юпку до колѣнъ, на юпку — кожушинку, сверхъ кожушинки — кожухъ женскій, а въ мятели и мужской кобинякъ; на ноги обуваютъ сапоги больше лѣтнихъ, а на руки надѣваютъ рукавицы.

Д. ОБЫКНОВЕННАЯ ИЛИ БУДНИЧНАЯ ОДЕЖДА.

Въ рабочіе дни Малороссы, и лѣтомъ, и зимою, и осенью, и весною, исправляютъ всѣ свои работы въ избѣ въ однѣхъ рубахахъ, а выходя изъ избы на открытый воздухъ одѣваются смотря по времени года и по погодѣ. При этомъ они носятъ описанное выше платье, только старое, со многими заплатками, а въ праздники (въ которые работы не прекращаются) одѣваются тоже въ будничное платье, только новое.

Е. НАГЛЯДНАЯ ИЛИ ПРАЗДНИЧНАЯ ОДЕЖДА.

Въ праздники Господскіе, Богородичные и многихъ Святыхъ, Малороссы и дома ходятъ, и въ гостяхъ бываютъ, и приходятъ въ храмъ Божій на молитву въ одеждахъ новыхъ, мужчины въ свитахъ сѣрыхъ, либо черныхъ, новыхъ, изъ простаго, поярковаго сукна, подпоясанные новыми кумачными кушаками, въ сапогахъ, тоже новыхъ, изъ простой кожи, либо юхты, а нѣкоторые въ сафьянныхъ желтыхъ сапогахъ и въ шапкахъ изъ хорошаго сѣраго или чернаго сукна; въ зимнее же время — въ новыхъ кожухахъ поверхъ свитъ или въ кобинякахъ изъ сѣраго или чернаго сукна. Также и женщины въ праздники наряжаются иначе, чѣмъ въ рабочіе дни; вмѣсто старыхъ суконныхъ юпокъ, онѣ надѣваютъ новыя поярковыя или изъ мебельнаго ситца или демикотонныя или пестрядныя; на головы надѣваютъ вмѣсто простыхъ холстинныхъ или ситцевыхъ очипковъ — парчевые и повязываютъ ихъ новыми платками; запаски надѣваютъ новыя; а богатыя Малороссіянки надѣваютъ новыя плахты, и на ноги сапоги изъ краснаго, либо желтаго сафьяна. Въ зимнее время вмѣсто лѣтнихъ юпокъ онѣ носятъ кожушанки изъ овчинъ, покрытыхъ пестрядью, демикотономъ, либо тикомъ, непремѣнно полосатыми, а въ большіе морозы поверхъ кожушанокъ надѣваютъ новые женскіе кожухи.

На шею надѣваютъ намысто, состоящее иногда изъ 25-ти нитокъ въ одной связкѣ (бунтѣ); въ уши вдѣваютъ серьги, а на пальцы надѣваютъ кольцы.

3. Пища Малороссіянъ.

Малороссіяне употребляютъ пищу самую простую и по крѣпкому тѣлосложенію ихъ самую здоровую.

А. Пища ежедневная.

Главная и повседневная пища Малороссіянина есть хлѣбъ ржаной, а иногда ячменный или гречневый, или же изъ ржаной муки, смѣшанной съ ячменною, или наконецъ изъ ячменной муки, смѣшанной съ гречневою. Всякій хлѣбъ ѣдятъ непремѣнно съ солью и запиваютъ водой. Такъ Малороссіяне завтракаютъ, полудничаютъ, а часто и обѣдаютъ и ужинаютъ; хлѣбъ, соль и вода — обыкновенная, ежедневная пища. Къ обѣду варятъ борщъ изъ кислыхъ красныхъ бураковъ съ капустой, приготовляемыхъ осенью и сберегаемыхъ зимою въ погребахъ, и кашу, круто сваренную изъ пшена. Къ ужину варятъ или жидкую кашицу изъ просѣяннаго пшена, или галушки изъ гречневой муки, изрѣдка изъ муки пшеничной.

Б. Пища праздничная скоромная.

По праздникамъ и воскреснымъ днямъ Малороссіяне употребляютъ пищу болѣе разнообразную, чѣмъ въ рабочіе и постные дни, а именно: 1. *Борщъ* съ свинымъ мясомъ приготовляютъ преимущественно въ Рождество Христово, Новый годъ, въ Богоявленіе и по воскреснымъ днямъ. Зимою Малороссіяне откармливаютъ свиней, и почти всѣ, кромѣ бѣдныхъ, долго употребляютъ на борщъ свиное мясо; въ борщъ съ мясомъ всегда кладутъ толченое свиное сало. Осенью варятъ борщъ съ бараниной, очень часто съ поросятиной, иногда съ цыплятами. Но съ какимъ бы мясомъ ни варился малороссійскій борщъ, всегда кладется въ него свиное толченое сало. 2. Къ борщу готовится *каша* пшенная, круто сваренная, либо жидкая, съ коровьимъ молокомъ. 3. *Мясо жаркое*, какое случится у хозяина. 4. *Вареники* съ сыромъ коровьимъ или овечьимъ. 5. *Пироги* съ такимъже сыромъ. 6. *Холодное* — холодецъ — большею частію приготовляется изъ свиныхъ ногъ съ чеснокомъ. 7. *Локшина* — супъ, приготовляе-

мый такимъ образомъ: изъ прѣснаго тѣста, которое мѣсится съ куриными яицами, дѣлаютъ большіе *коржи* и намелко изрѣзываютъ ихъ ножемъ; эти обрѣзки, называемые локшиной, сушатся и кладутся въ отваръ изъ свинаго или бараньяго мяса, или изъ поросятины, гуся или курицы. 8. *Картофель* жарится съ коровьимъ масломъ. 9. *Гарбузъ*—тыква; изрѣзавъ ее въ мелкіе куски, наливаютъ коровьимъ молокомъ и варятъ; потомъ кладутъ туда просяное пшено и свиное сало. *Кутья* варится изъ ячменя, обтолченнаго въ ступѣ; круто свареную кутью ѣдятъ и просто съ борщемъ и съ коровьимъ молокомъ и съ коровьимъ масломъ и съ гусинымъ жиромъ. 11. *Лемишка* варится изъ гречневой муки съ водою и употребляется съ коровьимъ молокомъ, съ коровьимъ масломъ и съ гусинымъ жиромъ.

При этомъ не лишнимъ считаю упомянуть, что у Малоросса рѣдко бываетъ за обѣдомъ три кушанья, развѣ на свадьбѣ, на крестинахъ или на похоронахъ; обыкновенноже обѣдъ состоитъ изъ двухъ только блюдъ: борща и каши, или борща и холодца, или борща и вареника, борща и гарбуза или картофеля, борща и лымишки.

в. пища постная всегдашняя.

Постная пища Малороссіянъ по праздникамъ и рабочимъ днямъ одна и таже, съ тѣмъ только различіемъ, что въ праздники готовятъ три блюда, а въ рабочіе дни не болѣе двухъ, именно: 1. *Борщъ постный* съ рыбой, свѣжей и вяленой, заправляется пшеничной мукой съ конопляным масломъ; эта заправка называется засмажкой; кладутъ также въ постный борщъ фасолю и картофелю. Весною и лѣтомъ постный борщъ состоитъ обыкновенно изъ хлѣбнаго кваса — сиривцю, въ который кладутъ мелко изрѣзанную крапиву, или лебеду, или свеклу изъ красныхъ бураковъ; осенью же и зимою постный борщъ приготовляется изъ кислыхъ красныхъ бураковъ и кислой капусты, хранимыхъ въ одной посудѣ. 2. Къ постному борщу варится *каша* изъ пшена, рѣдко изъ крупъ. Въ праздникъ подливаютъ иногда къ кашѣ, подавая ее на столъ, конопляпаго или льнянаго масла. 3. *Капуста*, мелко изрубленая и сберегаемая цѣлую зиму въ кадушкѣ, въ погребѣ, варится во вре-

мя́ [носта съ небольшимъ количествомъ пшена и къ столу, въ праздники и въ рабочіе дни, поливается конопляннымъ, либо льнянымъ масломъ. 4. *Горохъ*, разваренный въ водѣ и потомъ растертый, такъ же поливается къ столу конопляннымъ, либо льнянымъ масломъ; бѣдные же ѣдятъ горохъ вареный въ водѣ, но не растертый, а только посоленый солью. 5. *Кисель* приготовляется изъ овсяной муки и подается, у богатыхъ, съ разведеннымъ водою медомъ, бѣдные же ѣдятъ его съ конопляннымъ масломъ, а часто и безъ всякой приправы. 6. *Кваша* — кислосладкая жидкость, приготовляемая изъ гречневой и ржаной муки и подаваемая на столъ иногда съ медомъ, обыкновенно же безъ меду. 7. *Шулыки*, кушанье постное, приготовляемое въ Малороссіи такъ: пекутъ изъ прѣснаго пшеничнаго теста коржи, въ палецъ толщины; потомъ, изломавъ коржъ на мелкіе куски, поливаютъ ихъ медомъ съ мятымъ макомъ. 8. *Балабухи или панпухи* приготовляются двоякимъ образомъ: онѣ или пекутся изъ кислаго пшеничнаго тѣста въ видѣ просвиръ, или изъ кислаго гречневаго тѣста и варятся въ кипяткѣ. Балабухи и панпухи поливаются къ столу конопляннымъ масломъ съ толченымъ чеснокомъ. 9. *Вареники* съ шинкованной капустой, поджареной на сковородкѣ, съ олеею. 10. *Вареники* съ вишнями, шелковицами, ожинами, паленикой. Вареники съ ягодами поливаются иногда медомъ, обыкновенно же подаются безъ меду. 11. *Вареники съ урдой*, приготовляемой изъ шикухи—выжимокъ, остающихся въ маслобойнѣ отъ конопляннаго масла; шикуху мочатъ въ водѣ сутки, потомъ выжимаютъ, выжатый сокъ варятъ съ пшеномъ, и изъ огустѣвшей урды варятъ вареники съ урдой. 12. *Юшка* — супъ изъ картофеля съ водой, лукомъ, иногда съ вяленой рыбой. 13. *Киртофиль* — рѣпа свареная въ водѣ; въ Малороссіи это блюдо считается постнымъ. 14. *Галушки* Малороссы приготовляютъ изъ прѣснаго пшеничнаго, либо гречневаго тѣста, которое они бросаютъ небольшими кусками въ посоленый солью кипятокъ. Гречневыя или пшеничныя галушки составляютъ въ Малороссіи непремѣнную принадлежность ужина. 15. *Соленые огурцы*. Ими часто завтракаютъ съ шинкованной капустой, а иногда и одними. 16. Кислая капуста, мелко изрубленая или изрѣзаная въ нити и шинкованная; и та и другая поливаются олеей. 17. *Зеленый лукъ* составляетъ завтракъ. 18. *Молодой и старый чеснокъ*. Имъ часто

завтракають и полудничають, соля мелкою солью. 19. *Салата*, изрѣзанная въ куски и налитая квасомъ сирвицемъ съ солью, а такъ же 20. огурцы свѣжіе съ зеленымъ лукомъ, съ чеснокомъ, налитые сирвицемъ, составляютъ, въ извѣстное время любимое постное кушанье Малороссіянъ.

Само собою разумѣется, можно было бы насчитать болѣе кушаньевъ, извѣстныхъ въ Малороссіи; но опущенныя здѣсь не находятся у Малороссіянъ во всеобщемъ употребленіи; такъ напримѣръ въ Великій постъ ѣдятъ сырой бураковый квасъ съ хрѣномъ, рѣдьку зимнюю съ солью и олеей, и т. п.

4. ОБЫЧАИ, СОБЛЮДАЕМЫЕ ПРИ РОЖДЕНІИ ДѢТЕЙ.

Когда родится младенецъ, отецъ его приглашаетъ воспріемниковъ, которые, пришедши къ нему въ домъ съ ржанымъ хлѣбомъ, кладутъ хлѣбъ на столъ. Потомъ повивальная бабка, отрѣзавъ кусокъ хлѣба, принесеннаго кумомъ-воспріемникомъ, завязываетъ этотъ кусокъ въ чистую рубаху, принадлежащую отцу новорожденнаго и завернувъ въ эту же рубашку младенца, кладетъ его на шубу и подаетъ куму-воспріемнику, съ словами: «нáте вамъ, куме, нихрыщене, ни молытьвяне, а мини пренесíть и хрыщене и молытьвяне». Кумъ, взявши у бабы дитя, отдаетъ его кумѣ. Послѣ того бабка кладетъ передъ порогомъ избы сокиру, (топоръ), черезъ которую воспріемники, выходя изъ избы, должны переступить, для того, чтобъ никто не сглазилъ младенца, какъ желѣза никто не можетъ сглазить.

Во всей Малороссіи воспріемники носятъ крестить младенцевъ къ приходскому священнику на домъ, и при этомъ приносятъ съ собой въ гостинецъ три ржаныхъ хлѣба: одинъ отъ бабки, другой отъ кума, третій отъ кумы; также приносятъ они и ¼ кварты водки; въ нѣкоторыхъ приходахъ приносятъ священникамъ, при крещеніи, и куръ.

По совершеніи Таинства Св. Крещенія, воспріемники приносятъ младенца въ домъ и опять отдаютъ повивальной бабкѣ, съ словами: «нá тоби, бабо, дитя! мы въ тебе взялы ни хрыщене ни молытьвяне, а тоби отдаемъ и хрыщене и молытьвяне!» На это баба отвѣчаетъ: «Спасыби батюшка и матушка и вамъ добри люды, що потрудылысь». Послѣ этого обряда

идетъ угощеніе, а за тѣмъ повивальная бабка потчуетъ всѣхъ гостей варенухой, либо простой водкой, а гости награждаютъ ее мѣдными деньгами, неменьше гроша.

На третій день послѣ крестинъ, повивальная бабка сливаетъ на руки родильницы (родили) воду, для того, чтобы у ней было обильное, какъ вода, молоко для новорожденнаго. Этотъ обрядъ происходитъ такимъ образомъ: родильница три раза проситъ прощенія у повивальной бабки за то, что надѣлала ей хлопотъ и труда своими болѣзнями; въ это время повивальная бабка три раза льетъ воду родильницѣ на правую руку, такъ, чтобы вода текла до локтя, а родильница подхватываетъ съ него воду лѣвою рукою и пьетъ ее три раза. Такимъ же образомъ бабка льетъ три раза воду и на лѣвую руку родильницы, которая съ локтя лѣвой руки подхватываетъ воду правой рукой и тоже пьетъ три раза; при этомъ обрядѣ правая босая нога родильницы стоитъ въ ночвахъ, т. е. въ корытѣ, на топорѣ и на вѣникѣ, которые лежатъ вмѣстѣ. По окончаніи возливанія, повивальная бабка три раза черпаетъ воду рукой изъ ночвъ и мажетъ ею грудь и спину родильницы. Послѣ этого обряда, по общему мнѣнію Малороссовъ, у родильницы появляется обильное молоко для младенца; безъ этаго же обряда она неможетъ кормить своего дѣтища.

Наконецъ, черезъ годъ, родители младенца выкупаютъ его у воспріемниковъ. Для этого родная мать младенца идетъ къ куму и къ кумѣ съ тремя ржаными хлѣбами, новымъ карманнымъ платочкомъ и водкой. Все это оставляетъ она у кума и у кумы въ подарокъ, что и означаетъ выкупъ младенца отъ воспріемниковъ. Мать младенца вездѣ этимъ хвалится, говоря: «я уже выкупила свое дитя.»

Другихъ обрядовъ при рожденіи и крещеніи дѣтей въ Малороссіи нѣтъ.

5. Обряды при свадьбѣ.

А. Обряды при сватовствѣ.

Женихъ идетъ къ невѣстѣ съ двумя почетными старикамистаростами и при этомъ приноситъ съ собою ржаной хлѣбъ. Пришедши въ домъ, они кладутъ хлѣбъ на столъ

и просятъ показать имъ невѣсту. Родители невѣсты, получивъ ея согласіе на замужство, велятъ ей отыскать подарки, которыми она должна дарить двухъ старостъ и жениха—молодого. Невѣста, отыскавъ подарки и положивъ ихъ на столъ, кланяется до земли сперва три раза своему родному отцу, потомъ столько же разъ родной матери; эти троекратные поклоны называются у Малороссовъ благословеніемъ: родители благословляютъ дочь выдти замужъ. Надобно замѣтить, что когда невѣста кланяется отцу или матери, то они, держа обѣими руками ржаной хлѣбъ, дотрогиваются имъ до головы дочери. Послѣ поклоновъ, невѣста перевязываетъ старостъ холстяными утиральниками, съ праваго плеча на лѣвый бокъ, а жениху перевязываетъ правую руку полотенцомъ—хусткой, и потчуетъ старостъ и жениха водкой. Наконецъ старосты, поблагодаривъ хозяина, оставляютъ ему ржаной хлѣбъ, который принесли съ собой, а у хозяина берутъ другой. Это называется мѣньбою хлѣба; «мы,—говорятъ старосты,—абминылы хлибъ.» Этотъ-то вымѣненный хлѣбъ старосты несутъ въ домъ къ жениху, и отдавая родителямъ, говорятъ: «кланяется вамъ сватъ, и сваха, и молода сымъ чеснымъ и величнымъ хлибомъ». На эти слова отецъ жениха отвѣчаетъ старостамъ: «спасыби сватови, сваси и молодый и всимъ, добри люды, що потрудылысь». Потомъ отецъ жениха потчуетъ старостъ, и всѣ пьютъ за здоровье будущей четы, за здоровье ихъ родителей и всѣхъ родныхъ и гостей.

Этимъ угощеніемъ, которое повторяется и въ домѣ невѣсты, оканчиваются всѣ обряды, соблюдаемые при сватовствѣ.

Б. ОБРЯДЫ ПРИ СВАДЬБѢ.

Свадьба назначается обыкновенно черезъ недѣлю послѣ сватовства и обрядовъ при ней несравненно болѣе, чѣмъ при послѣднемъ. Въ субботу, женщины, собравшись у жениха и невѣсты, пекутъ изъ кислаго пшеничнаго тѣста хлѣбъ, называемый короваемъ и два большихъ калача, называемыхъ лежнями; эти лежни кладутся на двухъ концахъ стола, а между ними одна большая шышка, съ вырѣзками; сверхъ того, женщины пекутъ много небольшихъ круглыхъ шишекъ, которыя женихъ и невѣ-

ста разносятъ по домамъ, когда ходятъ просить, на завтра, на свадьбу. Печенье коровая сопровождается угощеніемъ женщинъ, которыя его изготовляютъ и которыя, во время печенья его, поютъ разныя свадебныя пѣсни, смотря по дѣйствію, происходящему при печеніи коровая.

Разрѣзывая на куски тѣсто, онѣ поютъ слѣдующую пѣсню:

Ой зашумила заговорила яра (яровая) пшеныця въ стόзи:
«Та́ неподόбоньки мини въ стόзи стояты,
Та́ подόбоньки зъ мене коровай бгаты:
Хорόшии коровайныци,
Хорошенько коровай бгають,
Сырцемь прысыпають,
Въ маслычко вмечають».

Изготовивъ коровай, женщины заставляютъ мущину вымѣсти вѣникомъ печь и сажать коровай, а сами поютъ:

Кучерявый пичъ выгрибае,
Кучерява въ пичъ заглядае:
«Печы печы, наша пече,
Спычы намъ коровай гречый!»

Посадивши коровай въ печку, мужикъ поднимаетъ правую ногу и бьетъ сапогомъ три раза въ край печки, вѣроятно для того, чтобы она хорошо испекла коровай; женщины въ это время подхватываютъ дижу и поднимаютъ къ потолку, припѣвая:

Ой пичъ стоитъ на сохахъ,
А дижу нόсятъ на рукахъ;
Печы печы, наша пече!
Спычы намъ коровай гречый!

Мужика, который сажалъ коровай, повязываютъ утиральникомъ и сажаютъ на покутье, чтобы коровай неразошелся и былъ достоинъ сѣсть на покутьи.

Въ субботу вечеромъ, женихъ и невѣста ходятъ по домамъ родныхъ и знакомыхъ и просятъ ихъ на свадьбу, словами: «Прохавъ батько и маты и я прошу на хлибъ на силь и на висилья: хлопцивъ у бояры, дивчить у дружкы», кланяются очень низко и даютъ небольшую шышку. Женихъ ходитъ

просить на свадьбу съ однимъ старшимъ бояриномъ, а невѣста набираетъ съ собою до десяти и болѣе подругъ-дѣвушекъ, и когда невѣста съ старшею дружкою входитъ въ избы просить на свадьбу, онѣ поютъ слѣдующія свадебныя пѣсни:

1.

Лытять галочки въ двае рядочки,
А зозуля по переду;
Вси галочки на лугахъ силы,
А зозуля на калыни;
Вси галочки защебеталы,
А зозуля закувала;
«Та чогò ты куешъ, чогò жалуешъ:
Чы жаль же тоби темного лугу, чы чырвоной калыны?»
—Ой жаль же мини ранняго куванья и пизняго литанья,
Щò я рано встаю и ранèнько кую. —
Ишла Марушка все улычками, съ своими дружечками,
А за нею йшовъ молодый Семенко, съ своимы боярами.
Та вси дружечки по лавахъ силы,
А Марушка на посади;
Ой уси дружечки заспивалы,
А Марушка заплакала.
«Ой чогожъ ты плачешъ, чогò рыдаешъ, молода Марушко?
Чы жаль же тоби батенька свогò,
Чы подвирьичка его?»
—Не жаль же мини ни батенька свогò
Ни подвирьячка егò
А жаль же мини русои косы
И дивоцькои красы;
Щò дивки гуляють,
Кискамы мають,
Менè непрыймають;
А хоть же прыймуть и прыгорнуть,
Такъ правды нескажуть!
Ой пиды, пиды, ты заручена,
Ты одъ насъ отлучена;
Ой пиды, пиды, ты повинчана,
Тыжъ одъ насъ отмичена.—

2.

Плевè утинка зъ утынятами на море нучуваты,
А за нею сызый селезень съ сызымы косыцями.

«Ой пожды, пожды, сира утинко, щось тоби за звисть скажу:
Що бувъ же я въ ставку,
Чувъ же я словку:
Що плытуть же сиıты
На твои диты
И на тебе, сирая утинко.»
— Нехай же плытуть, нехай же вяжуть, я того небоюся;
А мои диты подырвуть сиıты, я сиренька перелечу. —
«Ой пожды, пожды, молода Маруцю!
Щось тоби за звисть скажу:
Що бувъ же я въ мисти,
Ти чувъ дви звисти;
Кроять кытайчку,
Сшыють кыбалочку,
На твою головочку.»
— Та нехай же кроять, нехай же шыють,
Я того небоюся;
У недиленьку въ вечери у нени прыбыруся,
И отцю й неньци нызенько поклонюся;
И отцю й неньци, и всій родыненьци
И вирный дружыноньци. —

3.

Ой лугомъ, лугомъ вода иде,
А по пидъ лугомъ стежечка;
Тудыжъ молода Марушка ходыла
И изъ луговою водою говорыла:
«Ой водо, водо луговая!
Якъ була я у батеньки молодая,
Та я тебе вицеречкомъ набирала,
Та все свое биле лычко вымывала,
Шытымъ билымъ рушнычкомъ вытрырала,
Шытый билый рушнычокъ покаляла,
Такы я того та Семенка сподабала.»

* * *

Лугомъ, лугомъ вода иде;
По пидъ лугомъ стяжечка;
Ой туды ихавъ староста;
Изъ далека коныченьки зъупыняе (останавливаетъ),
Изъ пидъ бока шабеленьку (саблю) вытягае,
Та на тую калыноньку замиряе.
Стала тая калыпонька къ ему промовляты:
«Ой стой, старосто, нерубай!
Не для тебе ся калыноньки сажена,
За для тебе сынечки вряжено.»

Лу́гомъ, лу́гомъ вода̀ йдѐ,
По пидъ лугомъ сте́жечка;
Туда̀ ихавъ молодый Семе́нко,
Изъ дале́ка коны́ченьки зъупыня́е,
Изъ пидъ бо́ки шабе́леньку вытяга̀е,
Та ни ту́ю калы́ноньку зашири́е.
Ста́ла къ ему̀ калы́нонька промовля́ты:
«Ой сто́й, Семе́нку, неруба́й!
Не для те́бе ся калы́нонька са́жена,
За для те́бе Мару́сенька зря́жена.»

Въ субботу вечеру, послѣ приглашенія на свадьбу, женихъ идетъ къ невѣстѣ съ старшимъ бояриномъ и двумя старостами, въ сопровожденіи музыки. Старшій бояринъ несетъ гылце— вѣтвь вишневаго дерева. Пришедши во дворъ невѣсты, все собраніе останавливается у дверей избы; а въ избѣ невѣсты въ это время уже собраны ея дружки-подруги дѣвушки, родные, знакомые и два старосты съ ея стороны.

Старосты жениха, вступивши въ сѣнцы невѣстиной избы, говорятъ ея старостамъ: «Старосты пане пидстаросты?» Изъ избы отвѣчаютъ:—«Рады слухать!»—Первые опять кричатъ: «Благословыть молодого въ хату въвысты?» Изъ избы отвѣтъ:—«Богъ благословыть!»—Первые говорятъ: «Въ другый разъ?» Изъ избы отвѣтъ:—«Богъ благословыть!»—«Въ третій разъ?» Изъ избы отвѣтъ: «Богъ благословыть!»—

Послѣ этихъ переговоровъ, все свадебное собраніе входитъ въ избу и старосты жениха опять говорятъ старостамъ невѣсты:

«Старосты, пане пидстаросты?»—«Рады слухать!»—«Благословить молодого за стылъ завысты?»—«Богъ благословыть!»—«Въ другый разъ?»—«Богъ благословыть!»—«Въ третій разъ?»—«Богъ благословыть!»—

Садятся за столъ въ слѣдующемъ порядкѣ: на главномъ мѣстѣ, въ углу, сидитъ женихъ; за нимъ, по лѣвую руку, невѣста; за невѣстою—старшія дружки и прочія дружки дѣвушки; а за женихомъ садится старшій бояринъ и прочіе за нимъ бояры—холостые.

Когда всѣ усядутся за столъ, старшіе дружки испрашиваютъ благословенія у всѣхъ четырехъ старостъ:

«Старосты пане пидстаросты?»—«Рады слухать!»—«Благословыть гильце звыть?»—«Богъ благословыть!»—«Въ другой разъ и въ третій разъ?»—«Богъ благословыть! Богъ благословыть!»—

И начинають вить гильце — вѣтвь вишневаго дерева, воткнутую въ ржаной хлѣбъ, который лежитъ на столѣ. Сперва женихъ и невѣста привязываютъ по одной вѣтви калины съ ржаными колосьями, а потомъ тоже дѣлаютъ и всѣ дѣвицы, причемъ поютъ:

1.

Благословы, Бо́же, се́ гильце звыть
И домъ сей звысылыть!

2.

Гильце вьють и горилку пьють,
А на̀мъ педа̀ють.

3.

Де́жъ буль̀ гиле́чко? у бору̀;
Та прывезлы̀жъ ёго̀ до дво́ру,
Та поста́выли на столи̇,
На гильчастымъ беребо́рчастымъ скатерти̇.

4.

Такы мы Мару̀си гильце звылы!
Всѝ лугы̀, берегы̀ сходы̀лы,
Зеле́ный барвинокъ вытопталы,
Черво́ну калыну выламалы
Такы мы Мару̀си гильце звылы!

Свивши гильце, ужинаютъ. Во время ужина дѣвицы-дружки опять поютъ:

Суббо́тонька, недиленька та́къ якъ одынъ дѐнь;
Сушува́ла (грустила) Мару̀сенька сей увѐсь тыждень.
«Ой якъ мини̇ тыхъ дру̀жечокъ позбира́ты!
Ой де́ мини̇ йхъ зъ высока посажа́ты!
Позбира́ю тыхъ дру̀жечокъ по надвирью,
Посажаю йхъ зъ высока по застылью,
А сама̀ ся̀ду, молода̀я, щò найвыще всихъ,
Схылю̀, склоню̀ голо́воньку ныжче всихъ,
Та запла́чу, молода̀я, ду̀жще бдъ усихъ!»

Послѣ ужина старосты жениха говорятъ старостамъ невѣсты:

«Старосты пани пидстаросты?» —«Рады слухать!»—«Благословить молодогу изъ-за столу вывысты?» — «Богъ благословыть!» — «Въ другый разъ и въ третій разъ?» — «Богъ благословыть! Богъ благословыть!» —

Вставъ изъ-за стола, старшій бояринъ беретъ «свитое гильце» и отправляется съ женихомъ къ нему въ домъ, а другіе свадебные гости расходятся.

На другой день, въ воскресенье, поутру, невѣста идетъ съ своею дружкою къ жениху и кланяется три раза до земли его отцу, матери и всѣмъ его родственникамъ, а потомъ женихъ и невѣста вмѣстѣ идутъ въ домъ ея родителей и кланяются также по три раза ея отцу, матери и всѣмъ ея родственникамъ.

Эти троекратные поклоны также называются въ Малороссіи **благословеніемъ**. Сперва кланяются мущинамъ, а потомъ женщинамъ; при всякомъ поклонѣ, то лицо, которому кланяются женихъ или невѣста, дотрогивается до головы кланяющагося ржанымъ хлѣбомъ съ солью.

Изъ дома невѣсты, женихъ и невѣста отправляются въ церковь; по дорогѣ заходятъ къ родственникамъ и знакомымъ кланяться; дорогою также низко кланяются всякому прохожему.

Послѣ вѣнчанья, женихъ и невѣста идутъ въ домъ къ жениху и тамъ обѣдаютъ. Послѣ обѣда, женихъ остается съ гостями дома; а невѣста съ старшей дружкой отправляется въ домъ своихъ родителей. Затѣмъ женихъ съ гостями также собирается къ невѣстѣ, что называется *ипы съ поиздомъ*. Невѣста съ дружками - дѣвицами садится у себя въ избѣ за столъ и угощаетъ приходящихъ гостей водкой, черпая ее ложкой изъ миски, въ знакъ обилія и веселія на свадьбѣ. Дружки въ это время поютъ свадебныя пѣсни:

1.

Ой иде́ Мару́сенька на поса́ду,
Зострича́е ій Го́сподь са́мъ
Ой и зъ до́лею щастли́вою,
И зъ до́брою годы́ною.

2.

Въ чыстомъ поли крыньıченька одна,
Тамъ холодная вода;
Ой тамъ Марусенька лыгко мыла и зъ батенькомъ говорыла:
«Ой батеньку мій, рожевый цвите,
Мій окрашенный свите!
Кудыжъ я пиду, забарюся,
До дому иду, небоюся.

* * *

Въ чыстомъ поли крыныченька одна,
Тамъ холодная вода;
Ой тамъ Марусенька рученьки мыла,
И зъ ненькою (матерью) говорыла:
«Ой ненько моя, мій рожевый цвите,
Мій окрашенный свите!
Та кудыжъ я пиду, забарюся,
До дому иду, пебоюся.»

* * *

Въ чыстомъ поли крыныченька одна,
Тамъ холодная вода;
Ой тамъ Марусенька ныженькы мыла,
И съ Семенкомъ говорыла:
«Семенку мій, мій рожевый цвите,
Мій завязаный свите!
Та кудыжъ я пиду, небарюся,
До дому иду, тай боюся.»

3.

Летивъ, летивъ соколонько черезъ вешнивъ садъ,
Та вдарывся крылычкамы объ садъ виноградъ.
Тай пытае: «чы тутъ моя галочка, чы ныма́е?
Чы зъ иншымы соколами та литае?»
Маложъ сего, соколоньку, та буває,
Шо зъ ыншимы сколамы та литае.

* * *

Ихавъ, йхавъ Семенко черезъ тестивъ двирь,
Та вдарывся кинь ѣ копытомъ объ тестивъ поригъ.
Та вдарывся кинь копытомъ, тай пытае:
«Чы тутъ моя Марусенька, чы нымае?
Чы зъ ыншымы молодцями пье гуляе?»
Маложъ сего, Семенку, та бувае,
Шо зъ ыншымы молодцямы пье гуляе.

4.

Если невѣста сирота, ей поютъ:

Ой ходыла Марусенька по крутый гори,
Забачыла селезныка на тыхій води.
«Плевы, плевы, селезныку, по тыхій води!
Пребудь, пребудь, мій батеньку, тепери къ мины!
Та дай мини порыдонку, бидный сыроти.»
—Ой радъ жебъ я, дытя мое, пребуть и къ тоби;
Насыпано сырой земли на рукы мои,
Склыпылыся кари очи и устонькы мои,
Немогу я, дытя мое, промовыть словця и къ тоби,
Поклоныся, дытя мое, чужій чужыни,
Нехай тоби дасть пораду бидный сироти!—
«Кланялась же, мій батеньку, разовъ ины тры,
Нихто недасть порадонькы такои якъ ты;
Що чужая радынонька непосмила,
А родная радынонька несхотила.»

5.

Ой говорыла куна съ куною,
Сыдячы въкупи надъ водою:
«Чы добре тоби, моя куночко, сыдячы надъ водою?
—Покыжъ и добре, покы и гориздъ, покы дащ'ивъ нымае;
Дощикы пидуть, берложкы стануть, мене сженуть.—
Ой говорыли сестра съ сестрою, сыдячы за скамною:
«Ой чы добре тоби, моя сестрочько, сыдячи за скамною?»
—Покыжъ и добре, покы й гориздъ, покы боярь немае,
Бояре найдуть, дружечокъ розженуть, мене саму заставлють.—

Выше было сказано, что женихъ, собравшись съ поѣздомъ, отправляется къ невѣстѣ; пришедши ко двору, все собраніе останавливается предъ воротами избы, гдѣ и остается до тѣхъ поръ, пока старосты жениха несходятъ съ шишкой три раза въ избу, испрашивая позволенія войти съ женихомъ; при всякомъ входѣ они перемѣняютъ шишку и подаютъ ее отцу невѣсты, говоря: «кланяется вамъ сватъ и сваха и молодый сымъ чеснымъ и вылычнымъ хлибомъ.» Возвратившись изъ избы къ жениху съ другой шишкой, говорятъ: «кланяется вамъ сватъ и сваха и молода сымъ чеснымъ и вылычнымъ хлибомъ.» Послѣ третьяго входа и выхода изъ избы, все свадебное собраніе или *поиздъ* входитъ во дворъ и останавливается передъ порогомъ той избы, гдѣ ставится столъ. Къ столу мать невѣсты

выноситъ подарки и раздаетъ мужчинамъ утиральники, а женщинамъ полотенцы—хустки. Получая подарки, всякій благодаритъ такъ: «спасыби сватови, сваги и молодый, що раненько вставали и хорошенько пряли». Раздавши подарки, мать невѣсты выходитъ накрытая шубой шерстью вверхъ и держитъ въ рукахъ небольшой глиняный кувшинчикъ съ водой, либо квасомъ; этотъ выходъ матери символически означаетъ, что теща пугаетъ зятя. Вышедши въ такомъ видѣ, мать невѣсты подаетъ кувшинчикъ жениху, который, взявъ его, пьетъ изъ него и отдаетъ своему старшему боярину—шаферу; шаферъ же обноситъ этотъ кувшинчикъ три раза около поясницы жениха и перебрасываетъ его либо черезъ избу, либо въ глазахъ всѣхъ бросаетъ на землю и разбиваетъ.

Послѣ этого обряда, мать невѣсты выноситъ овесъ, смѣшанный съ орѣхами и сыплетъ на жениха три раза; посыпаніе жениха овсомъ съ орѣхами дѣлается для того, чтобы женихъ былъ здоровъ и богатъ, какъ здоровъ зерномъ орѣхъ и какъ богатъ зерномъ овесъ. Присутствующіе при этомъ обрядѣ поютъ:

1.

Ой сыпъ ма́тинко овесе́ць!
Щобъ нàшъ овесèць рясèнъ бу́въ,
Щобъ нàшъ Семе́нко красèнъ бу́въ.

2.

Ой сыпъ ма́тинку пшенѝчку!
Щобъ на́ша пшенѝчка рясна̀ була̀,
Щобъ на́ша Мару́шка красна́ була̀.

Потомъ все собраніе входитъ въ избу, съ женихомъ, причемъ старосты, иначе называемые дружками, какъ начальники, идутъ впереди. Въ это время дѣвушки, сидя за столомъ, поютъ:

Ой ты ду́шенько на́ша, Мару́шко!
Съ пидъ похылои вышни,
Два̀ друженькы выйшлы;
Не вми́лы говоры́ты,
Ни ша́почкы зня́ты,
Ни ру̀ченькы да́ты:
Ша́почкы прышы́ты,
Ру̀ченькы прыбы́ты;
Да́йже ймъ сыри йсты,
Що́бъ уми́лы у нàсъ систы;

Дай же йимъ пыва пыты,
Щобъ умилы говорыты,

Когда пропоютъ эту пѣсню, дружкамъ-мущинамъ подаютъ воду мыть руки и даютъ ѣсть сыръ и пить квасъ. Въ это время дѣвушки поютъ:

Мылы друженькы ручки,
Глянулы ни килочкы:
Чы ны высять рушнычкы,
Щобъ потерты ручкы.

Когда дружки вытираютъ руки, поютъ опять:

Та спасыби тоби, моя ненько!
Що будыла мене раненько;
Та я слухала вставала,
Старости рушнычокъ напряла.

Когда дружки ѣдятъ сыръ и пьютъ квасъ, дѣвушки поютъ:

1.

Поглядае дружко скоса,
Чы нымае на пичи проса;
Колыбъ швыдче втыкты,
Щобъ незаставылы товкты.

2.

Забарныи гости,
Забарылыся въ хати;
На двори коня взято,
За Дунай завдато,
За мёдъ, за горилку,
За Марушку дивку.

Когда дружки покушаютъ сыра и напьются квасу, дѣвушка, начальница въ свадьбѣ, называемая свитылкою, — сестра невѣсты, — пришиваетъ къ шапкѣ жениха бантъ изъ красной ленты, — квитку и поетъ:

1.

Ой дай, маты, голку
И ныточку й шовку,
Прышыты квиточку
Къ зятнему шлычку.

2.

Я съ кынвы шва́чки,
Я й та́мъ негуля́ла,
Квиткы́ пришива̀ла,
По та́ляру бра̀ла.

За эту работу женихъ долженъ платить свитылкѣ; для этого она надѣваетъ шапку жениха съ квиткою себѣ на голову и неотдаетъ ее до тѣхъ поръ, пока не получитъ плату, причемъ поетъ:

1.

Ой глянь, зяте́пьку, на ме́не!
Ме́ньшая свистонька отъ те́бе!
Щы не сѡромъ тобѝ, зя́теньку,
Що въ по́ле иде́шъ безъ пл...чка,
А въ те́стя стоѝшъ безъ лучка̀,
Безъ сестрынóго винóчка?

2.

Ой зя́тю, зя́тю, хорѡшый,
Та недàмъ ша́почкы бе́зъ грѡшый;
Якъ ты̀ минѝ шесты̀ грывень неполóжышъ,
Ты менѐ съ поѝздомъ невпрóсышъ,
Я тебѐ на ворóтахъ перейму̀,
Съ пидъ те́бе коныченьки отниму̀,
И ста́ршому боя́рину подару́ю. —

Если мало даютъ денегъ, свитылка поетъ:

3.

Ой каза̀лы лю́ды зя́ть бога̀тый;
Ой каза̀лы лю́ды грóшей мѝхъ:
Кладѐ копійку я́къ на смѝхъ

Получивши плату, свитылка отдаетъ шляпу жениху, а старосты, т. е. дружки, спрашиваютъ у невѣстиныхъ старостъ позволенія заводить молодую за столъ:

«Старосты пани пидстаросты?» — «Рады слухать» — «Благословить молодого за стылъ завысты?» — «Богъ благословыть!» — «Въ другый разъ» — «Богъ благословыть!» — «Въ третій разъ?» — «Богъ благословыть!» —

Но когда женихъ подходитъ къ столу, чтобы сѣсть, въ углу уже стоитъ братъ невѣстинъ съ палкой и непускаетъ его, а дѣвушки между тѣмъ поютъ, пока женихъ не заплатитъ ему за мѣсто:

Не стый, зятю, за плычыми,
Не свиты очыми;
Треба, зятю, треба зятю, симь день молотыты,
Щобъ шурына, щобъ шурына, съ покуття скупыты.

Когда всѣ усядутся за столъ, начинается угощеніе и свадебный пріемъ всѣмъ гостямъ; а дѣвушки въ это время поютъ разнымъ лицамъ разныя пѣсни.

Боярамъ онѣ поютъ:

1.

Сдвынулыся стины,
Якъ бояры силы;
Ще й не такъ сдвынуться,
Якъ пыва напьються.

2.

Ой у саду соловейко гниздо вье.
Чы всимъ боярамъ мисто е?
Старшому тилько нымае,
Ныхай на прыпичку сидае.

Старшей дружкѣ поютъ:

Старшая дружка красна,
На ній юпочка рясна;

Однѣ другимъ поютъ:

Сванечки голубочки!
Заспивайте хоть одный,
Пріизжои писеньки.
Дружечкы наши голубочкы!
Не вміемо не сміемо:
Се чужа сторона,
Доведе сорома,
Просемо васъ.

Дружки опять поютъ боярамъ (а угощеніе между тѣмъ все продолжается):

Ой вы бояре, мищане, городяне!
Десь вы, бояре, коныкивъ добувалы,
Десь вы, бояре, жупанывъ позычалы,
Що такъ нерано до насъ преихалы?

Дружкамъ на это поютъ:

Ой вы дру́жечкы на́ши голу́бочкы!
У насъ ко́ныкы по стинка̀хъ сто́ялы,
У на̀съ жупа̀ны позби́раны лежа̀лы,
Забары́въ же на̀съ семе́нкивъ ба́тенько,
Напувавъ же на̀съ солодкымы меда̀мы,
Годува̀въ же на̀съ би́лымы калача̀мы,
Выряжа̀въ же на̀съ съ скры́пкамы съ цынба́ламы.
«Ой иды́, Семе́нку, въ чужу́ю сторону́,
Та, беры́, сыну, чужу́ю дыты́ночку.»
—Ой, ныта̀къ, ма́ты, чужѐ дытя̀ взя́ты,
А тре́ба, ма́ты, въ порога постояты,
Треба, ма́ты, вся́кому коры́тыся,
И малѐнькому тре́ба поклоны́тыся.—

Новобрачнымъ поютъ:

Де́жъ бу́въ селезѐнь, дежъ була̀ у́тинка?
Селезѐнь на ставку́, у́тинка на плавку́;
Идять воны́ ря́сочку зъ однаго̀ ставо̀чку,
Пьють воны́ воды́цю зъ одны́и крыны́ци.
Де́жъ бу́въ Семе́нко, де́жъ була̀ Мару́шка?
Семе́нко у ба́теньки, Мару́шка у своѓа,
Тепе́ръ воны́ обоѐ вку́пци,
Идя́ть воны́ калачи́ зъ я́рои пшены́ци,
Пьютъ воны́ воды́цю зъ одны́и скляны́ци.

Всѣ этѣ пѣсни дѣвицы успѣваютъ пропѣть пока продолжается угощеніе свадебнымъ гостямъ. Когда же оно окончится, дѣвушкамъ напоминаютъ пѣснею, что имъ пора уже убираться. Пѣсня поется такъ:

Пре́дъ поро́гомъ могыла,
А въ тый мо́гыли калына;
Спусты́ли ги́лечку до до́лу,
Ча̀съ ва̀мъ, дру́жечкы, до до́му.

На это дружки отвѣчаютъ:

Ще́ жъ не ча̀съ, ще жъ не пора̀,
Ще́ зи́рочка вечи́рня незійшла̀.

Въ это время родной братъ невѣсты черезъ столъ расплетаетъ ей косу и ее переодѣваютъ изъ дѣвичьяго наряда въ женскій, для чего приносятъ платокъ или сѣтку, которою обвиваютъ невестѣ голову. Дружки поютъ:

Ой ты душенько наша Марущко!
Ой глянь ни поригъ, диво!
Несуть твоè дило,
Якъ биль билèсенькe,
Якъ папиръ тонèсенькe;
Биле билуванья,
Вичне покрываньа.

Женщины, покрывши невѣсту, бьютъ въ ладони и припѣваютъ:

Ой такъ мы зробылы,
Якъ самы схотилы;
Съ кныши въ поляныцю,
Съ дивкы молодыцю.

А дѣвушки оспориваютъ, припѣвая:

Якъ быжъ мы схотилы,
Тобъ мы й развертилы;
Повылы бъ до дружкы,
Заплылыбъ въ дрибушкы;
Повылыбъ у свитлоньку,
Заплылыбъ у кисоньку.

Когда братъ развиваетъ косу, поютъ:

Братъ косу росплити,
Дè винъ ти шпилькы подиви;
Понисъ на торжокъ непродавъ,
Меньшій сестрыцы дурно давъ.
«Оцèжъ тоби, сестрыце, за тое,
Не плеты кисонькы у трое!
Заплиты кисоньку въ дрибушкы,
Вжèжъ тоби neходыть у дружкы.»
—Ой косо, косо кохана
Симъ литъ я тебè кохала,
Щò субботонькы чесала,
Щò недиленькы вбирала,
За дынъ вèчеръ я тебè збросала.—

Потомъ дружко или староста начинаетъ рѣзать коровай, разумѣется послѣ обыкновенной просьбы «благословить дилыть коровай». Дѣвушки въ это время поютъ:

1.

Дружко коровай крас,
Семеро дитей мае;
Та вси съ кошелямы,
Увесь коровай забралы.

2.

Чы бачыжъ ты, дружку!
Що бояре коровай крадуть,
То въ михъ, то въ кешелю,
Батькови на вечерю;
То въ михъ, то въ рукавицю,
Дивкамъ на вечерныци.

Когда дружко раздастъ всѣмъ гостямъ коровай, молодежъ удаляется со свадьбы, а холостые бояры ведутъ въ домъ старшую дружку, припѣвая:

1.

Неметена улычка, неметена,
Старшая дружечка неведена;
Мыжъ сію улычку прометемъ;
Мыжъ сію дружечку проведемъ.

2.

Та до дружкы бояре, до дружкы!
Та ни сыряныи на масляныи пирожкы!

3.

Свиты, маты, свичку?
Выдуть твою дочку,
Съ скрыпкамы, съ цынбаламы,
Съ хорошымы боярамы.

Когда молодежъ разойдется, вмѣсто ея садятся за столъ женщины и поютъ:

Зажурылась перепелочка:
«Бидная моя та головочка,
Що я рано изъ вырію вылытила!
Нигды мини гнизда звыты,
Нигде мини дитокъ накладыты!
Що по горамъ снигы лежать,
По долынамъ воды бижать!»
Озовется соловейчико;
— Нежурыся, перепелочко!

Есть у мéне тры́ сады́ зелѐны:
Що въ пéрвому ти звиздо̀ зовьéшъ,
А въ другòму дитòкъ наведѐшъ,
А въ трéтьему дитòкъ погадýешъ.—

* * *

Зажуры́лась молода̀ Марýшка:
«Бидна моя̀ ти голо̀вочка!
Що̀ я молода̀ зàмижъ пошла̀!
Невмію свéкрови годы́ты,
Невмію ранéнько вставáты,
Невмію пизнéнько лигàты!»
Озовéтся молоды́й Семѐнко:
— Нежуры́ся молода̀ Марýшко!
Есть у мéне тры́ нагàечкы;
Пѐрвая бýде пизнѐнько лигáты,
А другàя ранéнько вставàты,
А трéтя бýде свéкрови годы́ты.—

2.

Засвичу̀ я свичу̀ восковýю,
Такы пидý при́чкы,
Тéмнои нычкы,
На всю̀ нычъ:
И сви́чечка негоры́ть,
И бàтенько не спы́ть,
Такы́ пидý при́чъ.

* * *

Засвичу̀ я свичу̀ восковýю,
Такы́ пидý при́чкы
Тéмнои ны́чкы
На всю̀ ны́чь:
И сви́чечка негоры́ть,
И мàтинка не спы́ть,
Такы́ пиду при́чъ.

Наконецъ дружко, поднявшись изъ-за стола, провозглашаетъ: «Старосты пани пидстаросты?» — «Рады слухать!» — «Благословить молодыхъ изъ-за стола вывысты?» — «Богъ благословыть!» — «Въ другой разъ?» — «Богъ благословыть!» — «Въ третій разъ?» — «Богъ благословыть!» —

Тогда дружко выводитъ молодыхъ изъ избы за порогъ, гдѣ стоитъ дижа—кадушка, въ которой вскисаетъ тесто для хлѣба, покрытая полотенцомъ и на которой лежитъ въ это время ржаной хлѣбъ съ солью. Дружко обходитъ новобрачныхъ около дижы три раза, а женщины при этомъ обрядѣ бьютъ въ ладоши и поютъ:

Божѐ дай, Божѐ дай,
Що дѐнь, той пыдиля!
Щобъ наша невисточка робыты невмила!,
Щобъ вона прядива немьяла,
Щобъ ій головонька пыломъ не прыпала!
Старый диду!
Старый диду!
Старый оселедьку,
Не стоитъ за рѣдьку;
Невспивъ пожыпыться,
Стала жинка быцця!

Потомъ дружко вводитъ новобрачныхъ въ сѣнцы, гдѣ сидятъ на скамейкѣ родители жениха. Новобрачные кланяются имъ по три раза—сперва отцу, а потомъ матери.

Послѣднимъ обрядомъ и оканчиваются всѣ свадебные обычаи въ воскресенье.

Въ понедѣльникъ утромъ, новобрачные приходятъ въ церковь, а изъ церкви ходятъ по домамъ съ визитомъ, «съ добрымъ днемъ», и кланяются хозяевамъ, а женщины, собравшись, провожаютъ новобрачныхъ и поютъ:

1.

Темного лугу калына,
Доброго батьки дытына!
Така вона дрѐнька,
Якъ рожа повнѐнька.
Ничого дывуваты,
Така була іи й маты;
Запысàть ій въ лысты,
Щобъ булы ій таки й сѐстры;
Запысàть ій въ квиты,
Щобъ булы таки ій й диты.

2.

Была Марушку маты,
Червонымъ дубцѐмъ съ хаты;

Вона того побоялась,
Въ комирочку заховалась,
Съ комирочкы въ огорожу,
Та въ червону рожу.

3.

Знаты Марушку, знаты,
Въ которій вона хати;
Чепчыкомъ обсыпана,
Калыною обтыкана;
И лавкы и прылавкы,
Съ червонои кытайкы.

4.

Ой, ты душенько
Наша Марушко!
Калыно малыно!
На тебе дывытыся мыло;
Семенко повна рожа,
На него дывытыся гожо.

Когда обходятъ всѣ дома родственниковъ и гулявшихъ на свадьбѣ, идутъ въ домъ къ жениху, раздѣляютъ жениховъ коровай, и потомъ новобрачные потчуютъ всѣхъ гостей водкой; а гости дарятъ молодыхъ, богатые — овцами и рогатою скотиною, а бѣдные — мѣдными деньгами.

в. Обряды при закалачинахъ.

При закалачинахъ никакихъ особенныхъ обрядовъ не бываетъ. Только въ домѣ жениха, въ субботу, послѣ свадьбы, пекутъ изъ пшеничнаго теста столько калачей, чтобы ихъ стало на всю родню и знакомыхъ, пировавшихъ на свадьбѣ. Новобрачные, безъ всякихъ особенныхъ обрядовъ, приносятъ эти калачи въ домъ и отдаютъ хозяевамъ, говоря: «Кланяется вамъ «батько й маты и прислалы калачъ». Получившій калачъ отвѣчаетъ: «Спасыби батькови й матери и вамъ добра диты, що «потрудылысь». Само собою разумѣется, что во всякомъ домѣ, въ который молодые приносятъ калачъ, ихъ угощаютъ и отдаютъ тотъ подарокъ, которымъ ихъ подарили на свадьбѣ.

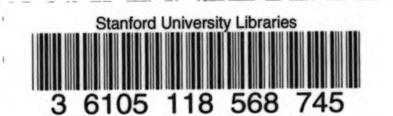
Закалачины завершаютъ собою всѣ обряды, соблюдаемые при малороссійской свадьбѣ.

6. ОБРЯДЫ ПРИ ПОХОРОНАХЪ.

Обрядовъ при похоронахъ весьма мало, а именно: когда покойника выносятъ изъ избы на кладбище, родня его старается какъ можно поскорѣе затворить двери избы и невпускаетъ въ нее никого, пока не отнесутъ умершаго подалѣе.

Когда возвратятся съ кладбища и помянутъ покойнаго обѣдомъ, то съ вечера того дня, когда были похороны, до слѣдующаго утра, нѣсколько старыхъ бабъ стараются не спать въ избѣ всю ночь, чтобъ караулить душу покойнаго. Для этого онѣ разводятъ водою медъ, ставятъ его въ мискѣ на столъ, и думаютъ, что душа покойнаго представится имъ мухой, сядетъ на миску и будетъ пить медъ.

Этимъ краткимъ описаніемъ малороссійскихъ обрядовъ при похоронахъ, я оканчиваю на первый разъ описаніе малороссійскаго быта.

OCT 1 3 2005
NOV 0 4 2005

